

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт философии и права

М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
МОЛОДЕЖИ СЕВЕРА
К УСЛОВИЯМ СОВРЕМЕННЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

(на материалах исследований в Республике Саха (Якутия))

Новосибирск
2011

УДК 316.4 → 316.7
ББК 60.524.125
А 161

Рекомендовано к печати
Ученым советом
Института философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Рецензенты:
доктор социологических наук Г.С. Солодова
доктор философских наук Н.В. Наливайко
доктор исторических наук С.С. Букин

Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.

А 161 Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций (на материалах исследований в Республике Саха (Якутия)). - Новосибирск: Нонпарель, 2011. – 331 с.

ISBN 978-5-93089-040-2

В монографии на основе комплексных междисциплинарных социологических, социально-психологических и психологических исследований молодежи Республики Саха (Якутия) анализируется процесс адаптации и выявляется степень социокультурной адаптированности юношей и девушек различных этнических групп – русских, саха, коренных малочисленных народов Севера к современным российским трансформациям в социальной, экономической, политической, культурной сферах жизни. Выявлены основные социокультурные модели аккультурации молодежи и исследована их эффективность, а также изучено влияние таких основных социальных институтов, как СМИ, образование, семья, на адаптацию индивидов. По результатам исследования сформулированы практические предложения органам власти.

Книга рассчитана на социологов, философов, культурологов, педагогов.

ISBN 978-5-93089-040-2

© Институт философии и права
СО РАН, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Социокультурная адаптация: понятие, методика исследования	8
§ 1.1. Адаптация как междисциплинарное понятие	8
§ 1.2. Социокультурная адаптация: сущность, факторы, критерии, модели	16
§ 1.3. Взаимосвязь психологической и социокультурной адаптаций	37
§ 1.4. Объект, предмет, цель и задачи исследования	49
§ 1.5. Методика междисциплинарного исследования адаптации.	54
Глава 2. Предпосылки социально-политической адаптации молодежи Севера	62
§ 2.1. Молодежь в условиях трансформации России.	62
§ 2.2. Особенности молодежной политики на Севере России	69
§ 2.3. Республика Саха (Якутия): зона культурного и цивилизационного «разлома»?	76
§ 2.4. Молодежь и власть: отношение молодежи к политике, государству, реформам	82
Глава 3. Социально-экономическая адаптация молодежи к современным трансформациям	92
§ 3.1. Молодежь и рыночные реформы в России	92
§ 3.2. Адаптация молодежи к мезосреде: сравнение по типам поселений	99
§ 3.3. Миграционные намерения как показатель адаптированности	117
§ 3.4. Влияние отношения к труду и профессии на процесс адаптации индивида.	124
§ 3.5. Отношение к материальным ценностям и адаптация	136
Глава 4. Этнокультурная адаптация молодежи Севера	150
§ 4.1. Этнокультурная адаптация как процесс: исследование и подходы	150
§ 4.2. Исторические предпосылки формирования этнического самосознания молодежи Якутии.	171
§ 4.3. Этническое самосознание, самоидентификация и адаптация	193
§ 4.4. Адаптивные механизмы инкультурации: традиции, религия, язык	203
§ 4.5. Модели этнокультурной адаптации	223
Глава 5. Влияние социальных институтов на социокультурную адаптацию молодежи	237
§ 5.1. Информационная среда социализации и инкультурации личности	237

§ 5.2. Образование как институт социокультурной адаптации личности	255
§ 5.3. Семья как фактор социокультурной адаптации молодежи	270
Заключение	310
Список использованных источников	314

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография является обобщением теоретических и эмпирических исследований, проведенных в Республике Саха (Якутия) в 2006 – 2010 гг. по исследовательским проектам «Молодежь коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия) в условиях современного промышленного города: проблемы социокультурной адаптации» (РГНФ № 07-06-18025е, руководитель докт. пед. наук М.А. Абрамова); «Модели этнокультурной адаптации молодежи в условиях интенсификации промышленного освоения Севера (на примере Республики Саха (Якутия))» (РГНФ № 08-06-00613а, руководитель М.А. Абрамова); «Социокультурная адаптация учащейся молодежи в Республике Саха (Якутия) в условиях современных трансформаций (на примере г. Якутска)» (руководитель М.А. Абрамова); «Мультикультурность как свойство картины мира современной молодежи Севера: репрезентация в графических образах (на примере Республики Саха (Якутия))» (грант Президента РФ МД-3562.2007.6); «Исследование отражения этнического самосознания личности в графических образах» (грант имени М.А. Лаврентьева для молодых ученых 2006 г. № 152, М.А. Абрамова); «Дифференциация ценностных ориентаций молодежи у народов Республики Саха: этносоциальный и гендерный аспекты» (РГНФ № 05-03-03164а, руководитель докт. филос. наук Ю.В. Попков). Они являются составными частями мегапроекта «Этносоциальные процессы в Сибири и на сопредельных территориях Внутренней Евразии» (руководитель – докт. филос. наук Ю.В. Попков), реализуемого сотрудниками сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН совместно с коллегами ряда научных и вузовских учреждений Сибири, Калмыкии, Казахстана, Монголии.

Трансформация российского сообщества в последние десятилетия привела к интенсивной деградации нравственности, изменениям стилей жизнеустройства, формированию различных субкультур. Ломка прежних идеологических схем и духовных установок привела к распространению состояния культурной дезориентации и неопределенности, разрушению целостности и сбалансированности общественной системы; произошло нарушение ее социальной и культурной стратификации.

Актуальность исследования социокультурных аспектов адаптации молодежи в современных условиях трансформации российского общества обусловлена рядом тенденций:

- усилением миграционных процессов, изменяющих этническую картину регионов;
- усложнением межэтнических отношений, повышением влияния конфессиональных и этносоциальных представлений на развитие навыков межкультурной коммуникации, актуализацией формирования модели толерантного поведения индивидов как основы гармоничного общежития в поликультурном регионе;
- усилением влияния на социокультурную городскую среду унификации этнических моделей поведения и в то же время формированием феномена неотрадиционализма, этническим обособлением, повышением роли этнической идентификации как способа статусного продвижения;
- изменением социальной структуры регионов, увеличением количества и значения высшей городской экономической группы на фоне дальнейшего обнищания значительной массы населения;

- ростом потребности в постоянном повышении образовательного уровня для трудоустроенных лиц, уже имеющих среднее профессиональное и высшее образование.

Таким образом, формирующийся человек оказывается в точке пересечения нескольких идентификационных полей: традиционной культуры и современной, этнической и поликультурной, патриархальной и феминистской, профессиональной и семейно-бытовой и т. д.

Социокультурная адаптация как составная часть этносоциальных процессов, характеризующая устойчивость этих процессов, определяется ими и детерминирует их. Выбор в качестве объекта исследования учащейся молодежи – школьников старших классов, учащихся средних специальных учебных заведений, студентов вузов – мотивирован важной ролью в современных российских трансформациях данной социальной группы, от адаптированности которой к новым реалиям жизни зависит успех преобразований и социальное самочувствие общества. Локализация объекта исследования на севере Сибири – в Республике Саха (Якутия) – определяется важной ролью данного региона в обеспечении экономической, геополитической, социальной и культурной устойчивости России как евразийской цивилизации, синтезирующей славянские, тюркские и арктические социокультурные составляющие. Именно в Якутии этот синтез представлен наиболее полно.

Хотя термин «социокультурный (ая)» используется во многих публикациях, он не отрефлексирован в достаточной мере методологически и теоретически. На основе критического анализа теоретических изысканий в области «социокультурности» (Л.Л. Шпак, Л.В. Корель, Н.И. Лапин и др.) авторы монографии предлагают свое видение данного явления, опираясь на подходы Питирима Сорокина, и рассматривают социокультурную адаптацию как интегральное единство демографической, экономической, этнокультурной, политической и психологической ее составных частей, что является основной целью проведенного исследования. Более конкретные цели и задачи исследования изложены в главе 1.

Исследование носит теоретико-эмпирический характер. Это потребовало разработки междисциплинарной – этносоциологической, социально-психологической и психологической – эмпирической экспликации философско-социологических понятий в виде показателей и индикаторов для массовых конкретных обследований. Инструментариями обследования были выбраны социологическая анкета, социально-психологическая методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца и психологическая методика изучения индивидуально-типологических особенностей личности Л.Н. Собчик. Каждый из респондентов опрашивался, как правило, по всем трем методикам. Всего опрошено 3843 человека. В соответствии с целями исследования опрос проведен в городах Якутск, Мирный, Нерюнгри, а также в сельской местности Республики Саха (Якутия). Всего в выборке представлены жители 34 улусов республики и городских центров. Якутск – столица республики, ее культурный и политический центр. Мирный и Нерюнгри – центры основных индустриальных регионов, молодые города.

Опросы проведены в 26 средних общеобразовательных учреждениях, 16 учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также колледжах и 13 высших учебных заведениях и их филиалах. В опросах принимали участие А.Г. Попова, сотрудник Института проблем малочисленных народов Севера

(г. Якутск) и С.А. Мадюкова (Иванова), сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

При компьютерной обработке материалов массового опроса интегрированы показатели всех методик. Разработчик модели интеграции базы данных по социологическим и психологическим методикам – Г.С. Гончарова, сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Кодировка массива анкет к компьютерной обработке проведена В.Н. Гришаевой и Г.Л. Гончаровой.

Социологический инструментарий исследования позволяет наряду с изучением собственно социокультурной адаптации изучать и иные социальные явления – неорационализм в семейно-брачных отношениях (С.А. Мадюкова), евразийские ценности и константы (Ю.В. Попков).

Наряду с новизной теоретического подхода, методических разработок и полученной на их основе социальной информации, проведенное исследование имеет определенную практическую значимость для оптимизации молодежной политики на Севере.

Исследование не могло бы состояться без активного участия коллег из Института проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра СО РАН и без содействия Министерства по молодежной политике и спорту Республики Саха (Якутия), Министерства науки и профессионального образования РС (Я), Министерства образования РС (Я), администрации учебных заведений республики. И, безусловно, без финансовой поддержки Российского гуманитарного научного фонда, фонда поддержки молодых исследователей Президента РФ, Академии наук РФ и Президиума СО РАН. Всем мы выражаем искреннюю благодарность за сотрудничество и помощь в проведении опросов.

Авторы признательны докт. социол. наук Г.С. Солодовой, докт. истор. наук С.С. Букину, докт. филос. наук Н.В. Наливайко за внимательное прочтение рукописи монографии и за ценные замечания, позволившие уточнить определенные выводы и сохранить логическую стройность изложения материалов исследования.

Концепция исследования и структура монографии разработаны М.А. Абрамовой. Текст монографии написан: М.А. Абрамовой (главы 1–5; заключение), Г.С. Гончаровой (глава 1, § 1.4; глава 3, § 3.3; глава 4, § 4.3, 4.5; глава 5, § 5.3), В.Г. Костюком (предисловие, глава 1 § 1.1, 1.2, 1.4; глава 2 § 2.2, 2.4; глава 3; глава 4, § 4.3, 4.4).

Авторы надеются, что данная публикация встретит заинтересованный и критический отклик у читателей – специалистов в данной области, в смежных областях науки или просто у тех, кого интересует проблема адаптации молодежи в этот трудный переходный период в истории России.

ГЛАВА 1

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1.1. Адаптация как междисциплинарное понятие

Адаптация (от латинского *adaptio* – приспособление) является междисциплинарным понятием и используется как в социальных, так и в естественных науках. Хотя различия в предметных областях определяют различия в содержании данного понятия и методах исследования феномена адаптации каждой наукой, имеется, тем не менее, совпадение по его существенным характеристикам, относящимся к взаимодействиям систем со средой. «Адаптация... – процесс, в ходе которого устанавливается или поддерживается приспособленность системы (т. е. поддержание ее основных параметров) при изменении условий внешней и внутренней среды...»¹. Анализируя теоретические модели исследования механизмов общественных изменений, Э. Гидденс² выделяет социальный эволюционизм – подход, пытающийся установить связь между биологическими и социальными изменениями. Отмечая ограниченность однолинейного подхода, развитого представителями социального эволюционизма в XIX в., Э. Гидденс акцентирует внимание на мультилинейных теориях³, созданных в XX в., которые предполагают, что возможно существование различных путей развития, ведущих от одного типа общества к другому. Сторонники теорий мультилинейной эволюции также считают, что усиление адаптации к окружающей среде является основным механизмом изменений. Современные теории эволюции природных и социальных систем исходят из того положения, что эволюция есть адаптивный процесс, состоящий в развитии элементов системы, соответствующих среде ее функционирования.

В науках об адаптациях несоциального профиля (физика, геология, кибернетика, биология, медицина и пр.), как и в социальных науках, важную роль играют принцип системности, информационный подход к изучению закономерностей адаптации, принцип взаимодействия и принцип обратной связи (Г. Селье (H. Selye), П.К. Анохин, Р.М. Баевский, В.Ю. Верещагин, А.Б. Георгиевский, Ф.З. Меерсон, В.П. Казначеев, С.В. Казначеев, В.И. Медведев, А.Д. Слоним, А.Ж. Юревиц). Общим для всех наук, изучающих адаптацию, является понимание ее как процесса и как результата (состояния) приспособления к новой среде; как взаимодействия системы со средой; как процесса динамического равновесия «система – среда». Каждая из наук исследует также условия, способы, механизмы, модели адаптации в соответствии со спецификой своей предметной области. Впрочем, границы этих предметных областей постоянно расширяются в условиях интеграции наук, развития междисциплинарных исследований. Как отмечает Г.И. Царегородцев: «Понятие “адаптация”, возникшее первоначально в биологии, может быть отнесено к таким общенаучным понятиям, которые, возникают на “стыках”, “точках соприкосновения” наук или даже в отдельных областях знания

¹ Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. М., 2003. С. 16.

² См.: Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 595.

³ См.: Sahlins M., Service E. Evolution and Culture. University of Michigan Press, 1960; Lenski G., Lenski J. Human Societies. N. Y., 1982.

и экстраполируются в дальнейшем на многие сферы естественных и социальных наук»⁴. «Понятие “адаптация”, как общенаучное понятие, содействует синтезу, объединению знаний различных (природных, социальных, технических) систем. Наряду с философскими категориями, общенаучные понятия способствуют объединению исследуемых объектов различных наук в целостные теоретические построения»⁵. В этой связи вполне обоснованной представляется точка зрения Ф.Б. Березина, который рассматривает адаптационную концепцию как «один из перспективных подходов к комплексному изучению человека»⁶. Необходимо отметить, что «адаптация» в естественных науках как понятие имеет очень точный смысл. Так, например, в биологии термин относится к способу, при помощи которого случайно проявившиеся характеристики некоторых организмов содействуют их выживанию и влияют на гены, передаваемые от одного поколения к другому⁷. В случае социального эволюционизма подобного четко выраженного смысла не существует.

Социальная среда, качественная особенность которой заключается в наличии наделенных сознанием и волей людей, человеческих общностей различного вида, социальных институтов, добавляет новое содержание в процессы адаптации. Так, появляется целесообразность в адаптивном процессе («выжить», «достичь благосостояния» и т. п.), которая обуславливает в дальнейшем появление проблемы соответствия между целями, ресурсами адаптанта и результатами адаптации; проблемы соотношения адаптаций индивида и вида и т. д.

Более детальный анализ связи между биологической и социокультурной эволюцией обусловил поиск таксономических социокультурных единиц, сопоставимых с концептами популяции, вида, подвида. Благодаря этому становится возможным на специально выделенных целостностях проследить основные источники локальных изменений и многообразия культурной жизни. Такими целостностями сегодня являются человечество в целом, этносы, социокультурные группы. Работа с ними открывает концептуальные возможности определить закономерности отношений между человеческими объединениями и их окружением через изучение фундаментальных связей между наблюдаемыми биологическими и культурными изменениями. Этим единицам соответствуют концепции панкультуры (культуры человечества в целом), локальных, региональных (этнических) культур, субкультур (групповых культур). Обобщенно их принято обозначать «экосоциокультурная система», или «культурная единица»⁸. Сторонники культурной антропологии разделяли системный взгляд на взаимодействие популяции с природным окружением. Однако впервые последовательно понятие экосистемы здесь начал применять К. Гиртц⁹. С этого времени терминология из общей теории систем распространилась на неэволюционизм, что было

⁴ *Философские проблемы теории адаптации* / Под ред. Г.И. Царегородцева. М., 1975. С.19.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ См.: *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988. С. 258; *Яницкий М.С.* Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики: Учеб. пособие. Кемерово, 1999.

⁷ См.: *Alland A.* *Adaptation in Cultural Evolution.* N. Y. 1970.

⁸ *Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология: Учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 307.

⁹ *Gieertz C.* *Agricultural Involution: The Process of Ecological Change in Indonesia.* Berkeley, 1963. Цит. по: *Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология: Учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 307.

характерно в 1960-х гг. для всех социальных наук. Э.А. Орлова отмечает также, что при исследовании существования популяций в среде уже в 60-х гг. XX в. принималось во внимание не только «чисто» природное окружение, но и те его элементы, которые модифицировались под влиянием антропогенных воздействий. Подчеркивается, что «в процессе адаптации культура трансформирует ландшафт и соответственно люди вынуждены приспосабливаться уже к тем постоянным изменениям окружения, которым сами положили начало»¹⁰. Была также признана необходимость включить в понятие «окружение» социокультурные параметры, то есть другие популяции, находящиеся в контакте с изучаемой. На этом, в частности, настаивают Дж. Стюарт и М. Салинс¹¹, которые полагают, что функции приспособления к конкретной среде являются источником порождения и поддержания особенностей каждой отдельной культуры. Стюарт также связывает специфические характеристики культур с особенностями адаптации членов данного общества, с конкретной средой их существования, принимая во внимание сходство ситуаций в сходных географических условиях¹². Эти процессы составляют закономерности так называемой специфичной эволюции, развития отдельных культур. В результате межкультурных взаимодействий и обменов происходит отбор широко распространяющихся адаптационных культурных черт, на базе которых складывается глобальный процесс так называемой общей эволюции¹³. Свои рассуждения Стюарт базирует на выделении двух фундаментальных компонентов биологической эволюции. Во-первых, это филогенез, заключающийся в адаптивных изменениях и возникновении различных биологических форм в результате приспособления организмов к конкретным условиям окружения. Во-вторых, общая эволюция, состоящая в переходе от более низкого к более высокому уровню организации жизни вообще и не совпадающая ни с одной из линий филогенеза. Культурная эволюция рассматривается как процесс, продолжающий развитие видов другими средствами: разработка образцов совместного существования и воздействия на среду, знаковых систем, моделей социализации и пр.¹⁴ Поскольку эти средства не являются врожденными и обусловлены неодинаковостью жизненных условий и прошлого опыта популяций, культуры приобретают специфические черты. Эту идею поддерживает Р. Инглехарт, теоретически обобщивший в книге «Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе» причины происходящих в разных обществах изменений, а также дифференциации их проявлений: «...каждая культура представляет стратегию адаптации ее народа. В долгосрочной перспективе такие стратегии, как правило, являются реакцией на преобразования экономического, технического и политического характера и как таковые не могут долго оставаться неизменными. При этом, хотя перемены в сфере культуры являются реакцией на развитие социаль-

¹⁰ Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М., 2004. С. 307.

¹¹ Sahlins M. Culture and environment: The study of cultural ecology // Horizons of Anthropology / Tax S. (ed.). L.; Chicago, 1965. P. 133. Цит. по: Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология: Учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 308.

¹² См.: Steward J. Theory of Cultural Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955.

¹³ См.: Sahlins M. Evolution: specific and general // Theory in anthropology / Manners R., Paplan D. (eds.). Chicago, 1968.

¹⁴ См.: Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М., 2004.

но-экономической, политической и технической среды, они сами, в свою очередь, формируют эту последнюю»¹⁵.

Соглашаясь с точкой зрения Р. Инглехарта, мы хотели бы отметить, что, несмотря на сложность исследования изменений, происходящих в культуре, в обществе, многие методологические, содержательные проблемы изучения социального поля, в том числе и процесса адаптации личности к данным изменениям, можно сгруппировать по трем основным направлениям, по меткому выражению Ю. Левады, по «трем осям “человеческих координат”: *идентификации* (“кто мы такие?”), *ориентации* (“куда мы идем?”), *адаптации* (“к чему мы можем приспособиться?”)»¹⁶. В структуре социального пространства адаптации базовыми осями являются оппозиции “система – внешняя среда” и “субъект – объект адаптации”, т. е. оппозиции “кто приспосабливается – к чему приспосабливается”.

Анализ современных концепций адаптации позволяет выделить несколько основных направлений структурирования адаптации:

1. Субъект-объектное направление (И.И. Ляхов, И.А. Милославова), в рамках которого в качестве структурных компонентов адаптации предлагается рассматривать адаптивную ситуацию и адаптивную потребность. Подобное модельное представление адаптации указывает на субъект-объектные отношения, которые характерны для процесса адаптации.

2. Субъектное направление (Л.Г. Дикая, С.А. Шапкин, Л.Л. Шпак): по мнению его представителей, адаптивная ситуация содержит в себе предпосылку возникновения адаптивной потребности; она порождает источник адаптивного взаимодействия, но не собственно адаптацию. Адаптационная ситуация – это состояние жизненных реалий, отражением которых являются те или иные противоречия адаптации.

3. Комплексное направление (П.С. Кузнецов) основывается на использовании системного подхода как единственно верного. В этой связи адаптация рассматривается как целостный процесс, который не сводится к выделению отдельных видов адаптации¹⁷.

Рассмотрение адаптации в социальных системах в общенаучном контексте, как показала Л.В. Корель в своих работах, поистине энциклопедических по охвату сторон и глубине анализа социальной адаптации, позволяет не только представить этот процесс как сложную, многофакторную, многоуровневую динамическую систему, но и выявить новые «точки роста» теории социологии адаптации.¹⁸ В проведенном нами исследовании социокультурной адаптации молодежи Севера к условиям современных российских трансформаций мы опирались на основные положения ее работ. В частности, на разработанную Л.В. Корель структуру адаптологии (системы наук об адаптациях), особенно социальную адаптологию, на ее классификацию типов, видов, моделей адаптации на основе оппозиций «субъект – объект» и «система – среда».

¹⁵ Инглехарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Инземцева. М., 1999. С. 249 – 260.

¹⁶ Левада Ю. Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1. С. 7 – 15.

¹⁷ См.: Журавлева С.И. Социокультурная адаптация современной российской молодежи: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2005.

¹⁸ См.: Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005; Она же. Социология адаптации: Этюды апологии. Новосибирск, 1997.

При всей условности языков разных наук и традиции ограничения предметов и основных понятий, которыми оперирует та или иная наука, различиях в представлениях о содержании понятий «система», «среда», «субъект», принимая во внимание взаимодействие систем со средой и взаимопереходы в адаптивном процессе активной стороны (адаптанта) от «субъекта» к «объекту», на базе этих двух оппозиций, как показала Л.В. Корель, возможно построить основной понятийный аппарат социологии адаптаций.

Исходным в теоретическом анализе феномена адаптации является рассмотрение характеристик внешней среды (объекта адаптации) – совокупности условий (природных, социальных, экономических, культурных, политических и иных), в которых протекает жизнедеятельность субъекта (личностей, групп, общностей и т. д.) и с которыми он вынужден считаться, приспосабливаться к их изменениям, изменять их в соответствии со своими ресурсами, пополнять наличные ресурсы из среды, взаимодействовать с другими субъектами в данной среде. Отношение системы (субъекта) к среде всегда есть взаимодействие, в результате которого изменяются, хотя не всегда эквивалентно, характеристики как системы, так и среды.

Рассмотрение той или иной внешней среды в качестве объекта адаптации коррелирует с целями исследования и характеристиками субъекта адаптации (индивида, группы, общества и т. п.). В количественном (пространственном) отношении можно выделить микро-, мезо- и макросреды. Микросреда – это ближайшее окружение адаптанта, с которым он вступает в непосредственное взаимодействие. Например, для субъекта адаптации – индивида это могут быть семья, учебный или трудовой коллектив, друзья и др. Мезосреда – это более обширное в пространственном в социальном плане окружение субъекта. Для индивида это может быть регион проживания, этническая общность с ее культурными характеристиками, система образования, в которую он включен, и др. Макросредой может рассматриваться цивилизация, государственная общность с ее институтами, ценностями, нормами, социальными, политическими, культурными, правовыми и т. п. отношениями.

Субъект адаптации (индивид, группа, общность) включен во взаимодействие как с микро-, так и с мезо- и макросредой, адаптируясь своеобразно с каждой. Интенсивность и результативность адаптации зависят от характеристик как субъекта, так и сред.

Внешняя среда, даже в микромасштабе, – это многоуровневое образование, и процессы адаптации на разных ее уровнях могут протекать по-разному. Например, индивид, адаптируясь к учебной группе, может принять общие ценности отношения к учебе и не принять разделяемые группой представления о гендерных взаимоотношениях. На макроуровне индивид может адаптироваться к экономическим переменам в обществе, не принимая политические. В этой связи необходимо отметить, что изменения, которые происходят на разных уровнях социального поля, можно подразделить на два типа: изменения локальных условий существования и изменения панкультурного процесса (Дж. Стюарт и М. Салине), или глобальные изменения (этот термин более распространен в российских исследованиях). В связи с этим для субъекта первый тип изменений будет связан с адаптацией к изменениям локальных усло-

вий существования, обусловленной культурной эволюцией, второй – с адаптацией к глобальным изменениям, происходящим в мире¹⁹.

По отношению к субъекту адаптации внешняя среда может быть благоприятной, нейтральной и враждебной, эволюционной или бифуркационной (непредсказуемой, нелинейной).

Рассматривая виды адаптаций по характеристикам субъекта адаптации, Л.В. Корель в качестве теоретических индикаторов (осей дифференциации) выделяет содержание, субъектность, тип, уровень, целесообразность.²⁰

Под содержанием понимается конкретный аспект исследования: экономический, социальный, культурологический, психологический, этнический и др. Аспект определяется и от субъекта, и от среды. Для целей нашего исследования особый интерес в данной классификационной системе адаптаций представляют два момента:

1) среди выделенных по индикатору «содержание» – 12 видов адаптаций нет социокультурной, но есть этническая;

2) среди выделенных по индикатору «субъектность» – 10 видов есть адаптации личности, толп, групп, общностей, институциональные, цивилизационные, но нет этнических. Таким образом, мы понимаем, что этническая адаптация рассматривается именно в контексте адаптации к среде. Л.В. Корель отмечает, что под «этническими адаптациями» она имеет в виду два круга явлений: 1) адаптации этносов к изменениям среды (этнической, экономической, политической, экологической и т. п.); 2) «адаптации субъекта любой природы (экономической, демографической и пр.) к иной этнической культуре, этническому сообществу, этнической среде»²¹. На наш взгляд, логично было бы отнести «этнические адаптации» в разряд классификации по индикатору «субъектность», так как этнос – социокультурная общность того же типа, что и цивилизация. Тем более, что цивилизационные адаптации определяются Л.В. Корель аналогично этническим – как «процесс и результат приспособления цивилизации к изменениям внешней среды, в частности природной, технотронной, информационной, а также к другим цивилизациям. Свидетельством последнего является, например, факт существования евразийской цивилизации»²². Мы также солидарны с Л.В. Корель в признании факта существования евразийской цивилизации, подтвержденного нами другим способом.²³

Что касается социокультурной адаптации как особого вида, то мы полагаем, что его целесообразно включить в общую классификационную систему как интегральный вид, объединяющий такие характеристики субъекта адаптации как «содержание» и «субъектность», а также, возможно, тип и уровень адаптации. Об этом подробно будет сказано в дальнейшем.

В процессуальном аспекте адаптации важной категорией является модель адаптации – тип характеристических черт и свойств стратегии адаптации: общего плана действий адаптанта по приспособлению к изменяющимся условиям среды. Модели различают адекватные и неадекватные; идеальные, нормативные, модальные; популяционные.

¹⁹ См.: *Sahlins M.* Evolution: specific and general. Theory in Anthropology.

²⁰ См.: *Корель Л.В.* Социология адаптаций. ... 2005. С. 117.

²¹ Там же. С. 175.

²² Там же. С. 202.

²³ См.: *Россия как цивилизация: сибирский ракурс.* Новосибирск, 2008.

Рассматривая структуру личностных средств – регуляторов в механизме социальной адаптации, Л.В. Корель фактически предлагает²⁴, мы полагаем, схему социокультурной, а не социальной (в узком смысле) адаптации, и эта схема применима не только на индивидуальном, но и на групповом уровне, о чем будет сказано в специальном параграфе.

Все науки, изучающие адаптацию, придерживаются определенной позиции о критериях адаптированности (мере успешности, эффективности процесса адаптации). Эти критерии тесно связаны с представлением о развитии, прогрессе. Развитие есть усложнение системы. Прогресс – форма социального развития, оцениваемого социальным субъектом с тех или иных ценностно-мировоззренческих позиций. Если рассматривать адаптацию с позиций гомеостаза (поддержания динамического равновесия относительно постоянных условий внешней среды), то мерой адаптированности может служить степень сохранения функциональных констант системы (субъекта), гармонизация взаимоотношений системы со средой. С позиций же гомеорезиса (динамического равновесия в изменяющихся условиях среды, создающих возможность развития системы) мерой адаптированности будет степень развития элементов системы, соответствующих параметрам изменяющейся среды.

Критерии адаптированности изменяются в зависимости от вида исследуемой адаптации. Так, задачами психической адаптации являются поддержание психического гомеостаза и сохранение психического здоровья, социально-психологической – организация адекватного микросоциального взаимодействия, психофизиологической адаптации – оптимальное формирование психофизиологических соотношений и сохранение физического здоровья²⁵. Исследование показателей психической адаптации поэтому предполагает комплексный подход и одновременную оценку соответственно актуального психического состояния, особенностей микросоциального взаимодействия, церебральной активности и вегетативного регулирования²⁶.

В качестве критериев адаптации студентов к учебной деятельности чаще всего используются две группы показателей: объективные (успеваемость, показатели общественной и научной активности, показатели общей и профессиональной направленности, стабилизация свойств внимания, памяти, мышления) и субъективные (отношение к учебным предметам, к выбранной профессии, к получаемым знаниям, к психологическому климату в коллективе). Комплексный подход к оценке качества адаптационного процесса более рационален, поскольку позволяет определить эффективность психической адаптации с учетом ее психофизиологической и социально-психологической стоимости, которая определяется, по мнению Р.М. Баевского, энергетическими и информационными затратами. Под ценой или платой адаптационного процесса обычно понимается степень напряжения регуляторных систем, которая необходима для обеспечения адаптационной деятельности человека²⁷.

²⁴ См.: Корель Л.В. Социология адаптаций... 2005. С. 276 – 277.

²⁵ См.: Яницкий М.С. Адаптационный процесс... 1999. С. 8.

²⁶ См.: Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека ... С. 255 – 256.

²⁷ См.: Зинченко В.П., Мунипов В.М. Введение в эргономику. М., 1979. С. 23 – 25; Комплексная оценка функциональных резервов организма / Айдаралиев А.А., Баевский Р.М., Берсенева А.П. и др. Фрунзе, 1988. С. 24 – 25.

В то же время, как считает Ф.Б. Березин, эффективность адаптации на том или ином уровне самой функциональной системы может быть достигнута за счет ее нарушения на другом уровне²⁸. «Вероятно, более низкие уровни регуляции являются базовыми для более высоких, ценой нормального функционирования которых является состояние напряженной адаптации на предыдущих уровнях регуляции. Соответственно, показатели адаптации на более низком уровне», как отмечает М.С. Яницкий, «по отношению к рассматриваемому можно оценивать как затратные, а показатели вышестоящего уровня – как результат адаптационного процесса на данном уровне функциональной системы адаптации»²⁹.

В социальном пространстве для разных субъектов могут быть разные меры адаптированности в зависимости от субъективного восприятия характера изменений в среде. Например, для политической элиты России – инициатора и организатора «шоковой терапии» начала 1990-х годов, мерой адаптированности к бифуркационной экономической и политической среде была степень встроенности в возникающие в ходе реформ новые финансово-экономические и политические структуры. Для основной же массы населения России в тот период мерой адаптированности была степень сохранения гомеостаза, по крайней мере в своей микросреде (семья, первичный трудовой коллектив). Первые исходили из «революционно-реформаторского», вторые – из эволюционно-«обывательского» понимания сути происходящих перемен.

Все же и для тех, и для других мерой социальной адаптированности может служить, как показали исследования социологов ИЭОПП СО РАН, система индикаторов социального самочувствия. Правда, лишь 6 % населения Сибири имели в начале 1990-х гг. хорошее социальное самочувствие и «без задержек» адаптировались к рынку.³⁰ Сегодня же практически все социологи сомневаются в прогрессивности «шоковых» реформ в России и, соответственно, в результате вынужденной социальной адаптации к этим реформам, социальная полезность которых весьма сомнительна.

В общем, вопрос о критериях, мере адаптации, оценке ее механизмов и результата – далеко не тривиальный и в социальных науках неотделим от мировоззренческо-методологической позиции исследователей.

Проведенный нами краткий экскурс в адаптологию (науку о видах адаптаций в естествознании и обществознании) и социологию адаптаций («науку о социологических законах адаптации социальных систем разного уровня к внутренним и внешним переменам»)³¹ необходим для выявления общих понятий теории адаптации, видов адаптации и, в конечном счете, выявления места социокультурной адаптации в системе их классификаций в рамках социологического дискурса.

Как было отмечено выше, в классификационной системе, предложенной Л.В. Корель, социокультурной адаптации как особого вида не оказалось при выделении ни по характеристикам субъекта, ни при выделении по иным осям дифференциации³². Между тем имеется обширная литература по изучению социокультурной адаптации

²⁸ См.: Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека...

²⁹ Яницкий М.С. Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики. ... С. 10.

³⁰ См.: Корель Л.В. Социология адаптаций... 2005. С. 43.

³¹ Там же. С. 59.

³² Там же. С. 114 – 117. Таблица 1.

индивидов, групп, общностей. Как соотносятся между собой социальная, социокультурная, культурологическая, психологическая и иные виды адаптаций? Что такое адаптация социокультурная?

§ 1.2. Социокультурная адаптация: сущность, факторы, критерии, модели

Прежде чем анализировать различные трактовки сущности и содержания социокультурной адаптации, необходимо провести такой анализ в отношении социальной адаптации. Данное понятие в нашей стране начало широко использоваться с середины 1960-х годов, однако при этом сам термин понимался различными авторами неодинаково. Основные элементы социальной адаптации представлены К.К. Платоновым³³, который определяет адаптацию как пластичное приспособление. По мнению П.С. Кузнецова, адаптация обуславливает «зоны ближайшего развития»³⁴. С точки зрения С.Д. Артемова³⁵, О.И. Карпухина³⁶, И.Н. Никитиной³⁷, Н.А. Ощурковой³⁸, адаптация представляет собой активный процесс усвоения личностью социального опыта, овладения навыками общения, социальными ролями. Такое определение, по мнению М.С. Яницкого, не учитывает специфических особенностей социального взаимодействия, в котором обе стороны (социальная среда и человек) обоюдно активны³⁹. Ссылаясь на работу Ж. Пиаже (J. Piaget), М.С. Яницкий подчеркивает, что процесс социальной адаптации выступает как единство процессов аккомодации (усвоение правил среды, «уподобление» ей) и ассимиляции («уподобление» себе, преобразование среды), т. е. как двусторонний процесс и результат встречной активности субъекта и социальной среды⁴⁰. Этой же точки зрения придерживается Э.С. Маркарян: «...адаптация – это способ универсального адаптивно-адаптирующего воздействия на среду»⁴¹. При этом автор подчеркивает адаптивно-адаптирующий характер самой системы, поскольку человеческая деятельность имеет преобразовательный характер⁴². Д.В. Ольшанский и А.А. Логинов понимают под социальной адаптацией любые действия, где «человек выступает как объект адаптации и как субъект, организующий адаптацию»⁴³. Т.Н. Вершинина отмечает, что, в зависимости от активности или пассивности социаль-

³³ См.: Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.

³⁴ См.: Кузнецов П.С. Адаптация как функция развития личности. Саратов, 1991.

³⁵ См.: Артемов С.Д. Социальные проблемы адаптации молодого рабочего на промышленном предприятии // Молодежь и труд. М., 1970. С. 135 – 136.

³⁶ См.: Карпухин О.И. Молодежь России: Особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 125.

³⁷ См.: Никитина И.Н. К вопросу о понятии социальной адаптации // Вопр. теории и методов социологических исследований (по материалам науч.-теорет. конф.). Вып. 3. М., 1980. С. 57.

³⁸ См.: Ощуркова Н.А. Динамика социально-психологической адаптации: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995. С. 68.

³⁹ См.: Яницкий М.С. Адаптационный процесс ... С. 4.

⁴⁰ См.: Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. Пер. с англ. М., 1967.

⁴¹ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 81.

⁴² См.: Философские проблемы теории адаптации... С. 233; Маркарян Э.С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972. С. 42.

⁴³ Ольшанский Д.В. Адаптация социальная // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 815.

ной среды по отношению к субъекту, в адаптации может превалировать приспособление или, наоборот, активная деятельность субъекта⁴⁴. И.А. Милославова, также выявляя объективно-субъективный характер адаптации (приспособление и приспособлявание), сводит по сути понятие «адаптации» к термину «социализация», указывая, что благодаря социальной адаптации человек усваивает необходимые для жизнедеятельности стандарты, стереотипы, с помощью которых активно приспособляется к повторяющимся обстоятельствам жизни⁴⁵.

Не останавливаясь детально на вопросе соотношения понятий социальной адаптации и социализации, отметим, что многими авторами подчеркивалась их тесная связь. Так, по И.С. Кону, социализация представляет собой процесс усвоения индивидом социального опыта, определенной системы знаний, норм, ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества⁴⁶. Т.К. Кончанин придерживается мнения, что адаптация является одним из этапов социализации личности⁴⁷. По мнению Б.Д. Парыгина, адаптация – часть социализации, которую он рассматривает как многогранный процесс очеловечивания человека, включающий в себя как биологические предпосылки, так и непосредственно само вхождение индивида в социальную среду⁴⁸. Г. Крайг и Д. Бокум считают, что адаптация является существенной частью социализации, поскольку человеку постоянно в течение жизни приходится адаптироваться к разного рода изменениям: «На всем ее протяжении Я-концепция индивида, находясь в постоянном изменении, выступает в качестве фильтра для смягчения воздействия окружающей среды»⁴⁹. Д.А. Андреева рассматривает адаптацию и социализацию как единый процесс взаимодействия личности и общества. При этом адаптация выражает приспособление человека к новой для него предметной деятельности, являясь условием социализации, понимаемой как процесс становления личности⁵⁰. В работе О.И. Зотовой и И.К. Кряжевой, напротив, делается вывод, что социализация личности, обусловленная в основном влиянием со стороны социальной среды, является необходимым условием адаптации индивида в обществе и в конкретном коллективе⁵¹. Н.А. Ермоленко справедливо отмечает в этой связи, что социальная адаптация может рассматриваться отдельным моментом, специфической формой социализации в конкретных условиях... В разных отношениях социальная адапта-

⁴⁴ См.: *Вершинина Т.Н.* Производственная адаптация рабочих кадров // Социально-экономические проблемы труда на промышленном предприятии. Новосибирск, 1979. С. 238 – 263.

⁴⁵ См.: *Милославова И.А.* Роль социальной адаптации в условиях современной НТР // *Философия и социальная психология: Науч. докл. Л., 1979.* С. 132 – 136.

⁴⁶ См.: *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967. – С. 22; *Он же:* Социализация // БСЭ. 3-е изд., Т. 24. С. 221.

⁴⁷ См.: *Кончанин Т.К.* К вопросу о социальной адаптации молодежи // *Коммунистическое воспитание студенчества (материалы конф.). Ч. 2. Тарту, 1971.* С. 78.

⁴⁸ См.: *Педагогика высшей школы / Под ред. Ю.К. Бабанского.* Ростов н /Д., 1972. С. 164 – 165.

⁴⁹ *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. 9-е изд. СПб., 2005. С. 48.

⁵⁰ См.: *Андреева Д.А.* О понятии адаптации. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // *Человек и общество. Вып. XI–XII. М., 1973.* С. 36.

⁵¹ См.: *Зотова О.И., Кряжева И.К.* Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // *Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979.* С. 220.

ция может рассматриваться и уже, и шире социализации⁵². Анализируя приведенные подходы, М.С. Яницкий приходит к выводу, что разные авторы употребляют термин социальная адаптация с различными смысловыми оттенками. Поэтому можно согласиться с В.Г. Асеевым, который считает, что в настоящее время нет такого четкого и однозначного определения социальной адаптации, которое бы учитывало всю сложность и противоречивость этого процесса, в связи с чем проблема определения понятия «социальная адаптация» продолжает оставаться весьма актуальной и требующей своего научного и всестороннего разрешения⁵³.

Если полагать, что некий консенсус, квинтэссенция точек зрения по данному вопросу содержится в энциклопедиях и словарях, то в «Социологической энциклопедии», например, дается следующее определение А.И. Ковалевой: «Адаптация социальная – процесс приспособления индивида (группы) к социальной среде, предполагающий взаимодействие и постоянное согласование ожиданий обеих сторон. Адаптация социальная имеет целью обеспечение устойчивости, традиционности, повторяемости социального опыта, а также его изменения на основе инновационного обобщения... В зависимости от сферы жизнедеятельности различают экономическую, политическую, трудовую, профессиональную, социально-психологическую и другие адаптации».⁵⁴ При этом в качестве использованной литературы дается ссылка на цитируемые нами работы Л.В. Корель, статьи М.А. Шабановой и Н.А. Свиридова.

Как видим, несмотря на то, что практически все определения социальной адаптации так или иначе связывали данный процесс с усвоением индивидом социально одобренной модели поведения (социализацией и инкультурацией личности), среди перечисленных сфер жизнедеятельности как составных частей социальной сферы нет сферы культурной и, соответственно, нет культурной (или социокультурной) адаптации. К тому же в классификации нет единой логики выделения сфер жизнедеятельности. Например, профессиональная и трудовая сферы разграничиваются, а ведь профессиональная среда является составной частью трудовой, а социально-психологический компонент присутствует во всех сферах и не аналогичен по содержанию экономическому, политическому, трудовому. Важным в данном определении является понимание экономического и политического как составных частей социального и, соответственно, экономической и политической адаптаций как составных частей (подвидов) адаптации социальной.

Л.В. Корель, наоборот, в своей классификации адаптаций по критерию «содержание» перечисляет демографические, культурологические, политические, экономические, правовые *наряду с социальными* (выделено нами). Правда, в этом же ряду оказались и психологические, и этнические, и технотронные, и экологические. То есть логика классификации тоже не соблюдена – то ли по наукам (демография, экономика, социология, культурология, этнография и т. д.), то ли еще по каким-то иным

⁵² Ермоленко Н.А. Социальная адаптация молодых советских рабочих в социалистическом производственном коллективе: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н /Д., 1975. С. 10.

⁵³ См.: Асеев В.Г. Теоретические аспекты проблемы адаптации // Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности. Иркутск, 1986. С. 16 – 17.; Цит по: Яницкий М.С. Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики. С. 4.

⁵⁴ Социологическая энциклопедия. Т.1. С. 17 – 18.

основаниям (технотронные, танатологические адаптации).⁵⁵ «По содержанию, в зависимости от конкретного аспекта исследования, адаптации подразделяются: 1) на демографические, 2) культурологические...», – отмечает исследователь, добавляя, что «перечисленные разновидности адаптаций принадлежат предметным полям других наук – демографии, культурологии, политологии, социальной психологии, этнографии, экономики, экологии и т. д. Однако социология адаптаций также имеет свои стратегические интересы на этих проблемных полях».⁵⁶ Деление адаптаций по данному критерию возможно по двум основаниям: 1) природа адаптанта (экономический, политический, этнический и т. п. субъекты); 2) характерологические признаки среды адаптации («экономическая, политическая, демографическая, религиозная, этническая или какая-либо иная социальная среда»)⁵⁷ Судя по последнему выражению, «социальное» здесь понимается в широком смысле как имеющее экономические, демографические и т. п. аспекты (или подсистемы). Среди перечисленных видов адаптантов и признаков среды явно не отмечены культурные (или культурологические). Тем не менее, Л.В. Корель кратко анализирует содержание культурологических, по ее терминологии, адаптаций, отмечая, что «они имеют отношение к культуре, причем как к материальной, так и к нематериальной. Оба названных вида культуры являются как результатом, так и способом адаптации человека к материальной, природной и социальной среде, т. е. по сути, могут быть названы “адаптацией”»⁵⁸. Если при этом под материальной культурой понимаются «все материальные объекты, созданные руками человека», а под нематериальной – «прежде всего социальные институты, относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь», к тому же вся культура есть и результат, и способ адаптации и может быть названа «адаптацией» по сути, то непонятно, что является содержанием культурологической адаптации и какой смысл рассматривать иные виды адаптаций (если вся она сведена к культурологической). Ниже Л.В. Корель солидаризуется со взглядами У. Огборна и Г. Дарендорфа о том, что «скорость, темп и ритм социальных изменений неодинаковы в разных областях социальной жизни, причем сфера нематериальной культуры наиболее инерционна...»⁵⁹, т. е. последняя понимается как составная часть (сфера, область) социальной жизни (социума). Казалось бы, логично, по аналогии с экономическими, политическими, демографическими и другими видами адаптаций, вычленимыми в том числе по сферам социальной жизни, тем же способом определять и культурологическую (адаптацию в сфере культуры). Не ясным остается при этом и соотношение последней с социальной адаптацией.

В свою очередь, не вполне ясно и содержание анализируемых ею вслед за культурологическими социальными адаптациями. «Социальные адаптации, – отмечает Л.В. Корель, – включают в себя широкий спектр адаптаций, имеющих отношение к базовым социологическим феноменам – власти, престижу, статусу, насилию, свободе, принуждению, ценностям, нормам, аномии, бедности, богатству, образованию, социаль-

⁵⁵ Корель Л.В. Социология адаптаций... 2005. С. 117.

⁵⁶ Там же. С. 174.

⁵⁷ Там же. С. 175.

⁵⁸ Там же. С. 182.

⁵⁹ Там же. С. 184.

ным патологиям разного вида и т. д.»⁶⁰. Судя по множественному числу, имеется в виду некая совокупность социальных адаптаций, каждая из которых может быть выделена по перечисленным феноменам. Но эти феномены являются базовыми в разных сферах социальной жизни: власть – в политике; свобода, принуждение – в праве; ценности, нормы – в культуре и т. д., по которым в предложенной ею схеме выделялись как рядоположенные политические, правовые, экономические адаптации наряду с социальными. Можно предположить, что перечисленные социологические феномены в основном касаются «социального» как сферы социальных связей, структур и отношений, т. е. «социального» в узком смысле слова. Но тогда почему не понятие «социальная адаптация», а «адаптации»?

Л.В.Корель дает и много вариантов определения понятия «социальная адаптация» – своих и других авторов, рассматривая в целом множественность определений как благо, расширяющее представления о сущности и содержании данного феномена. Так, она отмечает, что в 1970-е годы определение было таким: «Адаптация социальная – приведение индивидуального и группового поведения в соответствие с господствующей в данном обществе, классе, социальной группе системой норм и ценностей. Осуществляется в процессе социализации, а также с помощью механизмов социального контроля, включающего меры общественного и государственного принуждения».⁶¹ Критерием адаптированности, как видим, здесь выступает соответствие норм и ценностей, однако отсутствует акцент на взаимодействии субъекта со средой, рассматриваемой статично. Социальное здесь понимается в узком смысле как социальная структура.

Сама Л.В. Корель определяет данный феномен так: «...социальная адаптация есть состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы (личности, социальной группы, организации, общности, института, общества, цивилизаций и т. д.) к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций».⁶² Данное определение основано на принципах взаимодействия субъекта и внешней среды, активности субъекта, более широком описании способов адаптации. Можно полагать, что оно является родовым понятием, включающим в себя все другие виды адаптаций в социуме. Социальное здесь понимается в широком смысле, тождественно общественному.

В таком же смысле трактуется Л.В. Корель понятие «социальное» и в предлагаемых девяти определениях социологии адаптаций как области научного знания. Наиболее четко это видно из следующего: «Социология адаптаций – это изучение сложных приспособительных процессов, происходящих между людьми и обществом...»⁶³.

Л.В. Корель при описании культурологических адаптаций оперирует терминами «социокультурная система общества», «социокультурная среда», «социокультурный процесс», «социокультурный кризис общества», «социокультурные разрывы», не придавая им статус понятий и используя для объяснения отдельных сторон адаптации. Так, она отмечает: «социокультурная система общества трансформирует, пе-

⁶⁰ Корель Л.В. Социология адаптаций... 2005. С. 186.

⁶¹ Большая советская энциклопедия. Т. 24. М., 1976. С. 712.

⁶² Корель Л.В. Социология адаптаций. ... С. 39.

⁶³ Там же. С. 59.

рерабатывает как природно-географические, так и социальные импульсы “внешней” среды, причем для каждой социокультурной системы набор приспособительных реакций (ответов на вызов среды) будет схожим, особенным, специфическим. Господствующие в социуме нормы, правила, образцы поведения определяют в конечном счете тот или иной социальный ответ на вызов среды, ту или иную приспособительную реакцию». ⁶⁴ То есть, нормы, правила, образцы поведения – составляющие феномена «социокультурная система общества». Ею также используются термин «социокультурный репертуар» в описании популяционной модели адаптации, модели на стыке биологии и социологии: «социокультурный репертуар популяции – это набор выработанных в коде ее истории *социокультурных образцов* (выделено Л.К.), в границах которых эта популяция самостоятельно (или тот, кто ею управляет, – глава государства, политический лидер, президент компании, менеджер и т. д.) осуществляет как тактический (ситуационный), так и стратегический выбор... *Адаптация представляет собой социокультурный процесс* (выделено нами), спровоцированный качественными изменениями состояния внешней среды, а механизм ее реализации обусловлен расширением социокультурного репертуара популяции (организационной, профессиональной, этнической и т. д.) в связи с освоением новых экологических ниш». ⁶⁵ Хотя популяционная модель накладывает некоторые ограничения на виды социума (относительную изолированность, длительность существования во времени и пространстве, самовоспроизводство и некоторые другие характерологические признаки «популяции»), она, на наш взгляд, в целом может быть применима ко всем относительно крупным социумам. Поэтому имеет смысл рассматривать процесс приспособления к среде как социокультурную адаптацию, а не как адаптацию социальную, содержание которой не вполне определено.

Важно отметить, что социокультурный подход к изучению трансформационных процессов становится в XX в. одним из важнейших методологических ориентиров не только в поиске выхода из кризисного состояния, но и в определении перспектив развития российского общества. Этим объясняется обращение многих исследователей к концепции социокультурной динамики П.А. Сорокина, к «четырёхкомпонентной парадигме» Т. Парсонса, к теориям коммуникативного действия, жизненного и системного миров Ю. Хабермаса, к феноменологической социологии А. Шюца. В монографиях В.Ю. Верещагина, Л.Г. Дикой, П.С. Кузнецова, А.А. Логинова, Э.С. Маркаряна, Д.В. Ольшанского, Л.Л. Шпак апробируется целостный подход к изучению социальной адаптации, к рассмотрению ее взаимосвязи с социокультурной реальностью. Теоретико-методологические аспекты социокультурного анализа получили развитие в работах Н.И. Лапина, А.С. Ахизера, Л.Г. Ионина, Ю.М. Резника и др.

Философско-социологические аспекты социокультурного подхода к анализу российского общества наиболее подробно разработаны в исследованиях Н.И. Лапина. ⁶⁶

⁶⁴ Там же. С. 183.

⁶⁵ Там же. С. 358

⁶⁶ См.: *Лапин Н.И.* Кризис отчужденного бытия и проблемы социокультурной реформации // Вопросы философии, 1992. № 12. С. 29 – 41; *Он же.* Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Там же. 1996. № 5. С. 21– 31; *Он же.* Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 3 – 47; *Он же.* Проблемы со-

Рассмотрим сущность этого подхода и те наиболее важные его аспекты, которые могут иметь теоретико-методологическое значение для изучения явления адаптации.

Происходящие ныне в России преобразования Н.И. Лапин вначале характеризовал как «социокультурную реформацию», затем расширил их понимание до «социокультурных трансформаций», солидаризируясь с Т.И. Заславской в том, что, в отличие от реформации, социальная трансформация – это «радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социетального типа общества», имеющее несколько слоев, наиболее «глубинным и в то же время наиболее надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества, служит генеральное направление социокультурных сдвигов»⁶⁷. В работах по исследованию социокультурных трансформаций сущность социокультурного подхода им определена следующим образом: «... понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых деятельностью человека. Под культурой понимается совокупность способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных – идеи, ценности, нормы, образцы и др.), а под социальностью – совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами – экономических, социальных, идеологических, политических отношений, формируемых в процессах деятельности. Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (тип соотношения человека и общества, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей»⁶⁸.

Конкретизируя социокультурный подход в виде пяти принципов – человека активного; взаимопроникновения культуры и социальности; антропосоциетального соответствия; социокультурного баланса; симметрии и взаимообратимости социетальных процессов – Н.И. Лапин отмечает, что эти принципы позволяют представить общество как целостную, самодостаточную, развивающуюся социокультурную систему. «Тип общества характеризуется типом антропосоциетального соответствия, а структура и динамика – параметрами социокультурного баланса, преобладанием воспроизводящих (традиционных) или изменяющих (инновационных) процессов»⁶⁹. Определяя принцип антропосоциетального соответствия как «совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как члена данного общества и социальных характеристик этого общества (как единства культуры и социальности)», он на основе этого принципа выделяет «два типа обществ»: «традиционалистское» и «либеральное», отмечая, что в первом, к числу которых он относит Россию, «характеристики человека должны соответствовать сложившимся социальным структурам, социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3 – 17; *Он же*. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования, 2000. № 7. С. 3 – 12; *Он же*. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

⁶⁷ *Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская. Новосибирск, 1999. С. 149 – 151.*

⁶⁸ *Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России... С. 5.*

⁶⁹ Там же. С. 6.

которые ограничивают или закрывают пространство для нарушающих традиции инициатив индивида (принцип закрытости)»⁷⁰.

Анализируя преимущества и ограничения социокультурного подхода, С.Г. Кирдина отмечает, что с одной стороны, «он позволяет определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в каждом обществе, его социетальную природу, которые обуславливают сопротивление или принятие тех или иных культурных образцов. При социокультурном подходе в центре внимания находится взаимодействие типа – личности и типа – общества... С другой стороны, разделение общественных ценностей на “позитивные либеральные” и “негативные традиционные” создает в данном подходе замкнутый логический круг и предопределяет результаты исследования социальных изменений... Таким образом, роль социокультурного подхода в развитии позитивной социологии заключается в том, что с его помощью выделяются постоянные, устойчивые основания культуры, обуславливающие развитие конкретного типа общества. Они фиксируются как данность, к которой можно приспосабливаться (выделено нами), но вряд ли перспективно бороться».⁷¹

Последнее имеет прямое отношение к процессам социокультурной адаптации, хотя ни Н.И. Лапин, ни С.Г. Кирдина непосредственно их не рассматривают. Понятно, что в трансформации как социальном процессе обязательно наличествует момент (сторона) адаптации, если понимать, как А. Тоффлер, адаптацию как саму жизнь. В любом виде трансформации социальный субъект вынужден приспосабливаться к переменам в социокультурной среде, а перемены и есть сущность трансформации.

Рассматривая взаимосвязь российского модернизационного проекта и адаптации в категориях адаптивного потенциала и адаптационного капитала, Л.В. Корель отмечает, что социетальный (общественный) капитал имеет экономическую, социальную, культурную, политическую, человеческую составляющие (виды) и производную от них – адаптивную составляющую. То есть социетальность есть интегративное единство, и в этом плане оно синонимично социокультурности «по Сорокину». В приводимой ею таблице по всем видам социетального капитала выделены ресурсы, тип приращения (прибыли) в «адаптивном капитале». Если, например, культурный капитал приводит к совершенствованию поведенческих образцов, развитию системы ценностей, а его вклад в адаптацию – это обогащение адаптивного репертуара (способов, средств и инструментов адаптации), то человеческий капитал, имея генетические, психофизиологические, интеллектуальные, аксиологические и другие ресурсы, расширяет возможности контроля над средой доступа к благам и, в конечном счете, обогащает и расширяет адаптивный репертуар личности в ходе созидательной деятельности. Все эти процессы взаимосвязаны и взаимозависимы, и прирост социетального капитала в целом обеспечивает приращение всех его видов в отдельности⁷².

⁷⁰ Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3 – 12.

⁷¹ Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России [Электрон. ресурс.] Режим доступа: <http://kirдина.ru/public/socis2002n/index.html>.

⁷² См.: Корель Л.В. Российский модернизационный проект и адаптация // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибир. эконом.-социолог. школы. Новосибирск, 2008. С.134–135.

В то же время современный российский модернизационный проект, реализуемый с 1990-х гг. в условиях низких экономического, социального, культурного, политического, человеческого капиталов, не мог привести к конвертации этих капиталов в адаптивный, что и привело к адаптивному кризису, который, по мнению Л.В. Корель, лишь начиная с 2005 г. начинает преодолеваться. «Однако о кардинальных переменах в жизни общества – устойчивых во времени, существенных и позитивных, – отмечает исследователь, – говорить еще рано. Россия XXI в. живет в ожидании эры стабильности, прогнозируемости внешних и внутренних вызовов, актуализации социального и творческого капитала народов, ее населяющих, созидания и процветания»⁷³.

Следует отметить, что экономический, культурный, человеческий и другие виды капитала характеризуются заметной дифференциацией по регионам России. Тем более важно исследование их влияния на адаптацию населения в полиэтничном и экономически важном регионе – Севере.

Другая важная для целей нашего исследования теоретическая разработка Л.В. Корель – это рассмотрение адаптации в транзитивном обществе, переходящем от традиционного к модернизационному типу. Вопрос этот мало исследован как теоретически, так и эмпирически, а «прирост любого научного знания... имеет и большое практическое значение для принятия оптимальных управленческих решений по снижению дезадаптивности больших групп населения»⁷⁴. На основе теоретических подходов М. Вебера, Э. Гидденса, К. Уилберта она анализирует взаимосвязь традиционного, ценностно-рационального и целерационального типов адаптивного поведения, отмечая, что как на индивидуальном, так и на групповом уровнях в современной России проявляются все типы адаптаций. «Сегментарность ментальных миров» и структур сознания россиян «уже предопределяет, и будет предопределять в перспективе, не только разнообразие реализуемых типов адаптивных моделей..., механизмов, стратегий и результатов, имеющих отношение к модернизационным преобразованиям, но и градус адаптивного напряжения в обществе, продуцируемого межличностными, межгрупповыми конфликтами и рассогласованиями...»⁷⁵.

Традиционные общества, к коим и ныне в значительной мере принадлежат не только коренные малочисленные народы Севера, но и значительная часть русского населения, народа саха, в условиях «шоковых» российских реформ испытывают значительное психологическое напряжение из-за противоречия рефлексивности (осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения) и традиционности (стереотипов адаптивного поведения, передающихся из поколения в поколение в значительной мере путем подражания). В этом противоречии определенное место занимают и религиозные верования. На Севере важны в первую очередь православное, шаманистское и мусульманское сознание части населения, а также так называемые «социальные религии» (по М. Веберу) – коммунизм, капитализм.

В условиях перемены мировоззрения, обусловленной рефлексией, происходят перемены в ценностных ориентациях, а пространство возможного дрейфа ценностей в секуляризованном обществе «очерчивается, по большому счету, границами аксиологической дихотомии – коммунитарное редистрибутивное идеократическое общест-

⁷³ Корель Л.В. Адаптация в меняющемся мире: от традиции к рациональности// Там же. С. 142–143.

⁷⁴ Там же. С. 143–144.

⁷⁵ Там же. С. 165–166.

во, базирующееся на традиционной системе ценностей (коллективизм, этатизм и государственный патернализм, родственные узы, межличностное доверительное общение, аффективность, открытость, особое понимание и приоритет духовности и др.), и современное субсидиарное рыночное западное общество, опирающееся на синтез либерально-консервативных ценностей (индивидуализм, рационализм, богатство, успех, социальный престиж и др.)»⁷⁶.

В ценностных ориентациях народов Сибири, как показали проводимые нами этносоциологические исследования⁷⁷, присутствуют обе составляющие данной дихотомии, с преобладанием коммунитарности, и это, как мы предположили, не может не влиять на социокультурную адаптацию молодежи к современным трансформациям.

Взаимосвязь процессов трансформации и адаптации не является непосредственной целью нашего исследования. Краткий экскурс в проблему социокультурной трансформации необходим для прояснения формирующегося в российской социологии социокультурного подхода к анализу социальных процессов, имеющего теоретико-методологическое значение, в том числе для изучения адаптаций.

Конкретизируя социокультурный подход через понимание общества как единства культуры и социальности, Н.И. Лапин соответственно рассматривает социетально-функциональные структуры и процессы, характерные для современного общества как социокультурной системы. В предлагаемой им типологии данных структур и процессов адаптация отнесена к типу воспроизводящих духовно-интегрирующую социетально-функциональную структуру общества – культуру; воспроизводство структуры обеспечивается процессами поддержания традиций, а изменение – инновационными процессами.⁷⁸ Под социетальностью понимается «рассмотрение общества, во-первых, как целого, и, во-вторых, на макроуровне».⁷⁹ Рассмотренную выше методологическую процедуру он мотивирует как «потребность в разработке социетального подхода как более широкой методологической ориентации, включающей социокультурный подход».⁸⁰ В последующем эта ориентация им еще более расширилась и приобрела вид антропосоциетального (социетально-деятельностного) подхода, как «понимание общества и человека как паритетных взаимопроникающих компонентов целостного социума, порождаемого действиями и взаимодействиями людей».⁸¹ И хотя человек здесь декларируется как многомерный био-социо-культурный феномен, находящийся в когерентной связи с обществом, настоящего паритета с обществом в содержании данного подхода он пока не получил: как и в предшествующих публикациях Н.И. Лапина по социокультурному, социетальному подходу, основное внимание здесь уделено социетальности – обществу как целостности, рассмотренному на макроуровне. То есть развитие идей П.А. Сорокина относительно

⁷⁶ Там же. С. 167.

⁷⁷ См.: *Россия как цивилизация: сибирский ракурс*. Новосибирск, – 2008.

⁷⁸ См.: *Лапин Н.И.* Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // *Вопросы философии*, 1996. № 5. С. 11.

⁷⁹ *Кирдина С.Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России...

⁸⁰ *Лапин Н.И.* Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // *Вопросы философии*, 2005. № 5. С. 28. Примечание.

⁸¹ *Лапин Н.И.* Антропосоциетальный подход. ... С. 17.

взаимосвязи триады «личность – культура – общество» в исследованиях как Н.И. Лапина, так и других происходит в основном по оси «культура – общество», что, конечно, не бесполезно, но пока недостаточно для достижения адекватного представления о роли личностей в микро- и макросоциальных процессах.

Развитие идей Н.И. Лапина, А.С. Ахиезера получило в последние годы свое продолжение во многих исследованиях, в которых апробируется целостный подход к изучению адаптации, в ее взаимосвязи с социокультурной реальностью (В.Ю. Верещагин, С.М. Бурьков, Н.И. Сафанеева, В.Н. Стегний, В.Н. Судаков, В.Б. Устьянцев, В.Н. Ярская). Так, В.П. Щербаков представляет мир человека как социокультурную реальность, в которой природа «перекодирована» знаками социума и предстает как место труда, познания и общения, а также как объект индивидуального восприятия⁸². Актуальность использования социокультурного подхода особенно подчеркивается им: «Представление о человеке как наиболее совершенном и приспособленном к окружающей среде животном не поддерживается в настоящее время даже в биологической антропологии. В то же время и представления о биологической “ущербности” и “недостаточности” также нуждаются в коррекции, опровергаемые самим фактом доминирования человека в природе. ... Сознание не сводится к рефлексии, которая традиционно считается “сущностным основанием” человека, а рассматривается как результат длительного социокультурного процесса возникновения и закрепления человеческих способностей к самоконтролю, сдержанности и предусмотрительности. ... Такое понимание предъявляет человека как исторически изменчивую форму, которая является не только биологической и онтологической реальностью, но и социокультурной конструкцией, реализуемой в повседневных практиках жизни. В силу этого исследование человека с необходимостью предполагает обращение к социокультурным механизмам его становления, которые осуществляются как эволюция социальной организации, повседневных практик и технологий воспитания»⁸³. В целом можно отметить, что хотя социокультурный подход в той или иной интерпретации предлагается как теоретико-методологическая основа исследований социальных процессов, в том числе адаптации, но его возможности до конца не раскрыты.

Одной из первых к понятию социокультурной адаптации обратилась Л.Л. Шпак⁸⁴. Социокультурную адаптацию она понимает как разновидность социальной адаптации, дифференцируемой по сферам жизни. Специфика ее по сравнению с иными видами социальной адаптации раскрывается через категорию «культура» и заключается в преобладании духовно-практической деятельности субъекта адаптации в адаптационном процессе, имеющей ценностно-ориентационный и познавательно-преобразующий характер. «Социокультурная адаптация, – определяет Л.Л. Шпак, – это взаимодействие личностей, социальных общностей, любых социально-организованных субъектов с конкретно-историческим типом многоуровневой социально-культурной среды, направленное на взаимоприспособление и взаимопривыкание к условиям и образу жизни

⁸² См.: Щербаков В.П. Социокультурные механизмы становления человека. Автореф. дисс. ... докт. философ. наук. СПб., 2008. С. 4.

⁸³ Там же. С. 16.

⁸⁴ См.: Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск. 1991; Она же. Социокультурная адаптация: сущность, проблемы, направления: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Кемерово, 1991.

взаимодействующих сторон, совместимость друг с другом и взаимопреобразование в соответствии с идеалами, потребностями, усвоенной системой норм и жизненных ценностей на основе взаимоприемлемого обмена духовно-практической деятельности вспомогательно-инструментального характера».⁸⁵ Культура понимается как качественная сторона всей общественной жизни⁸⁶, а социально-культурная среда – как единство предметно-вещных (материальных) (объекты, учреждения и т. д.) и «невещных» (нематериальных) ее элементов (ценности культуры; система культурного обслуживания; образ жизни людей в данной среде; нормативно-регулятивные средства для поддержания, пополнения и контроля уровня культурных ценностей (благ) среды.⁸⁷ Основное внимание в этом конкретном исследовании уделено социокультурной адаптации в поселенческой среде и в трудовых коллективах, а также роли клубных и библиотечных учреждений в данном процессе.

Социокультурная и социально-культурная адаптации определяются Л.Л.Шпак как тождественные⁸⁸, но в основной части текстов преобладает первое понятие. Критерии (признаки) адаптации: 1) субъективные (удовлетворенность адаптантов в социально-культурной среде; сознательное поддержание норм и традиций среды; готовность обогащать содержание, формы и способы социокультурного взаимодействия с данной средой); 2) объективные (рост активности адаптантов в социально-культурных процессах; освоение достижений культурного прогресса; овладение передовым социокультурным опытом данной среды; стабильность адаптанта в данной среде; возрастание возможностей для удовлетворения культурных потребностей)⁸⁹.

То есть, по Л.Л. Шпак, социокультурная адаптация – это адаптация социального субъекта в социально-культурной среде. Последняя отличается от среды «чисто» культурной аспектом социальности: социальными различиями среды и адаптантов (поселенческие, по месту работы и др.). Можно полагать, что в исследованиях Л.Л. Шпак намечены некоторые важные элементы того подхода к явлению адаптации, который в последующие два десятилетия получил название «социокультурный».

Л.В. Корель, вслед за Л.Л. Шпак, употребляет термин «социокультурное» при анализе средств (регуляторов) адаптации. Они выделяют три группы средств: институциональные, нормативно-регулятивные (социокультурные) и личностные (популяционные). «Нормативно-регулятивные средства адаптации, – отмечает Л.В. Корель, – это нормы культуры, традиции, обычаи, ритуалы, официальные предписания, с помощью которых задается направление адаптивной деятельности, определяются ее границы, осуществляется социальный контроль за ходом адаптивного взаимодействия сторон».⁹⁰ С этими средствами тесно связан феномен адаптивной культуры (субкультуры) – интегратора всего адаптивного опыта субъекта адаптации. Как видим, «центр тяжести» в таком понимании «социокультурного» смещен фактически в сторону культуры.

⁸⁵ Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. ... С. 57.

⁸⁶ Там же. С. 55.

⁸⁷ Там же. С. 97–100.

⁸⁸ Там же. С. 44–45.

⁸⁹ Там же. С. 70–71.

⁹⁰ Корель Л.В. Социология адаптаций... 2005. С. 280.

Как было уже сказано выше, предлагая схему социальной адаптации личности⁹¹, Л.В. Корель фактически рассматривает социокультурную адаптацию, так как в схеме присутствуют и институциональные, и нормативно-регулятивные, и личностные регуляторы механизма адаптации, однако понятие «социокультурная адаптация» в исследованиях автора не используется.

В последние годы появился ряд работ по конкретным проблемам социокультурной адаптации, выполненных в области социальной философии, социологии, педагогики⁹². Проведем краткий анализ того, как понимается сущность и содержание данного феномена авторами. Так, М.А. Южанин полагает, что социокультурная адаптация является разновидностью социальной, эта категория синонимична с категориями «межкультурная» или «кросс-культурная адаптация» и ее «можно определить как процесс и результат активного приспособления этнических групп (и отдельных индивидов – их представителей) к условиям другой социокультурной среды».⁹³ Выделяются три базовых измерения социокультурной адаптации: 1) социально-культурологическое (психологическое); 2) этнокультурное; 3) социально-экономическое. Первое касается внутренних процессов, состояний и последствий вхождения в иную среду (степень выраженности этнокультурной идентичности, психологическое самочувствие, удовлетворенность жизнью в новой среде); второе – внешних поведенческих следствий связи с новым окружением (способность решать повседневные социально-культурные проблемы в семейной, бытовой и др. сферах); третье – наличием или отсутствием работы, профессии, уровнем благосостояния в новой культуре.⁹⁴ Социокультурный подход как методологический принцип в данной работе явно не представлен, социокультурная среда теоретически не интерпретирована.

В диссертационной работе С.И. Журавлевой, выполненной в рамках социологии культуры, обосновывается необходимость введения в социологию понятия «социокультурная адаптация» на основе актуальности комплексности (связи с психологической, социальной, культурной адаптациями). «Социокультурная адаптация – это целостный, динамический, непрерывный, относительно устойчивый социокультурный процесс установления соответствия между уровнем актуальных потребностей личности в рамках *культурной среды* (выделено нами) и уровнем их удовлетворения, обеспечивающего развитие личности. Специфика социокультурной адаптации заключается в том, что она раскрывает свою сущность через культуру и реализуется во взаимодействии субъектов с *социокультурной средой*» (выделено нами), – отмечает С.И. Журавлева⁹⁵. То есть «культурная среда» и «социокультурная среда» – тождественны. Важный момент в работе С.И. Журавлевой – акцент на развитии личности как критерии социокультурной адаптации. Ее исследование содержит ряд интересных положений

⁹¹ Там же. С. 276–277.

⁹² См., например: Журавлева С.И. Социокультурная адаптация современной российской молодежи: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2005; Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77; Бережная М.С. Педагогическая система социокультурной адаптации молодежи в процессе художественно-творческой деятельности: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. М., 2008.

⁹³ Южанин М.А. О социокультурной адаптации... С. 70–71.

⁹⁴ Там же. С. 72.

⁹⁵ Журавлева С.И. Социокультурная адаптация современной российской молодежи... С.10–11.

о структуре адаптации и конкретно-социологических выводов об эклектичности содержания жизненных позиций (ценностей, норм) современной российской молодежи, затрудняющих успешность ее адаптации к новым социокультурным реалиям.

Поскольку во всех видах адаптации сущностным является процесс приспособления субъекта к той или иной внешней среде, а внешняя среда может быть представлена множеством способов, то исследователи выделяют много аспектов и того вида адаптации, который они определяют как социокультурный. При этом исследования данного рода можно подразделить на две основные группы по предмету исследования: 1) социокультурная адаптация к той или иной среде⁹⁶; 2) адаптация (социальная, психологическая, социально-психологическая, этнопсихологическая) к социокультурной среде (социокультурным условиям).⁹⁷

В первой группе чаще всего представлены работы социологического плана, во второй – психологического и педагогического. Теоретико-методологические аспекты социокультурной адаптации более полно освещаются в исследованиях социологов, по-видимому, потому, что сама специфика социологии требует целостного понимания общества и социокультурности. Однако пока такая целостность не достигнута: в социологических исследованиях, как правило, мало внимания уделяется личностным аспектам социокультурной адаптации, при доминировании социальных.

В работах же психологов и педагогов при акцентировании тех или иных аспектов адаптации личности социокультурность используется скорее как термин, а не понятие, занимающее определенное место в теоретическом представлении феномена социокультурной адаптации (об этом подробнее в следующем параграфе). Одним из примеров попытки достичь целостности в исследовании адаптации как социокультурного процесса является теория Берри⁹⁸, в которой под адаптацией понимаются стратегии приспособления индивида в процессе аккультурации. Классическое определение аккультурации было дано культурными антропологами Р. Редфилдом, Р. Линтоном и М. Херсковичем в 1936 г. По их мнению, аккультурация проявляется тогда, когда группы представителей разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения в моделях оригинальных культур одной или обеих групп. Редфилд, Линтон и Херскович выделили адаптацию в качестве одного из трех основных типов реакции группы-реципиента на ситуа-

⁹⁶ См., например: *Журавлева С.И.* Социокультурная адаптация современной российской молодежи: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2005; *Южанин М.А.* О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5; *Мокин К.С.* Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Саратов, 2007; *Повод Н.А.* Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

⁹⁷ См., например: *Мнацаканян И.А.* Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях: Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. Ярославль, 2004; *Будалина Е.Е.* Психологическая адаптация к иной социокультурной среде: Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. Ижевск, 2004; *Гриценко В.В.* Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности / группы в новой социо- и этнокультурной среде // Проблемы социальной психологии личности. 2005. № 2; *Райкина Т.А.* Оптимизация социокультурной среды как фактор формирования гуманистических ценностей студенческой молодежи: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2007.

⁹⁸ См.: *Berry J.W.* Human Ecology and Cognitive Style: Comparative Studies in Cultural and Psychological Adaptation. London: Sage, 1976.

цию культурного контакта, которая приводит в результате к частичному изменению традиционного паттерна под влиянием культуры донорской группы⁹⁹. Поскольку два других типа реакции: полное замещение старого культурного паттерна новым, почерпнутым у донорской группы, и полное отторжение культурных паттернов «донорской группы» усиленными попытками сохранить традиционные паттерны в неизменном состоянии, – приводят скорее к негативным последствиям взаимодействия с иной культурной средой, то впоследствии термин «адаптация» стали иногда употреблять в качестве синонима термина «аккультурация», подчеркивая тем самым позитивный результат взаимодействия представителей разных культур.

В последние годы наметился позитивный сдвиг в отношении целостности понимания социокультурности в исследованиях как социологов, так и педагогов, психологов, культурологов.

Так, М.С. Бережная, используя социокультурный подход в интерпретации П.А. Сорокина, предлагает педагогическую систему социокультурной адаптации молодежи средствами художественно-творческой деятельности в вузе нехудожественного профиля, реализуя комплексную программу данной адаптации, включающую различные формы артпедагогтики, художественную самодеятельность, творческие мастерские, беседы с деятелями культуры и т. д., систему тренингов, спецкурсов и т. п., направленную на развитие у студентов таких социальных и культурных качеств, как терпимость, уверенность в себе, активность, доверие к себе и окружающим и др. Тем самым обеспечивается единство процессов личностного развития, инкультурации и социализации – практическая реализация «представления о социокультурной адаптации как процессе, направленном на обретение человеком своей целостности (выделено нами) путем интеграции личностной, социальной и культурной сфер его жизнедеятельности».¹⁰⁰ Хотя в исследовании основной акцент делается на культуру, все же важно отметить междисциплинарный его характер, разработку критериев измерения динамики социокультурной адаптации и структуры социокультурной адаптации личности.

Т.И. Яковчук, исследуя явления неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи Белоруссии, не затрагивая непосредственно проблем адаптации, обращает, тем не менее, внимание на такие особенности транзитивных (переходных) обществ (в их числе Россия), как деструкция нормативности (распад культурных и этических социальных норм как общепринятых правил поведения), ослабление функций социального контроля, расшатывание роли традиционных институциональных механизмов (семья, образование, государство) и т. п.¹⁰¹, что важно для понимания социокультурной адаптации в условиях транзитивности как неустойчивого динамического процесса, где неопределенность – атрибут личности, и общества, и культуры.

В рамках социологических исследований социокультурной адаптации актуальность приобретает анализ аксиологических аспектов личностного становления. Проблема переоценки ценностей как одного из проявлений социокультурной транс-

⁹⁹ См.: Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38, N. 1. P. 149–152.

¹⁰⁰ Бережная М.С. Педагогическая система социокультурной адаптации молодежи в процессе художественно-творческой деятельности: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. М., 2008. С. 17.

¹⁰¹ См.: Яковчук Т.И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. М., 2006.

формации российского общества¹⁰² нашла отражение в работах Е.М. Авраамовой¹⁰³, Л.А. Беляевой¹⁰⁴, З.Т. Голенковой¹⁰⁵, М.К. Горшкова¹⁰⁶, Т.И. Заславской¹⁰⁷, Н.И. Лапина,¹⁰⁸ Н.П. Медведева¹⁰⁹, П. Штомпки¹¹⁰ и др. В исследованиях Ю.Г. Волкова, И.П. Савченко, В.А. Шаповалова¹¹¹ используется системный подход к исследованию состояния и перспектив ценностных ориентаций молодежи. Влияние социальной аномии на процессы адаптации российской молодежи рассмотрено Ж.В. Камботовой на материалах исследования в Кабардино-Балкарии.¹¹²

То есть можно отметить тенденцию расширения проблемного поля исследований социокультурной адаптации как в плане целостности явления, так и в понимании относительного характера этой целостности в переходных обществах, особенно в такой «переходной» социальной группе, как молодежь.

Безусловно, круг публикаций, в которых рассматриваются те или иные стороны социокультурной адаптации, намного шире, чем предложенный выше. Однако, как мы полагаем, основные подходы и тенденции их развития нами проанализированы. И хотя большинство авторов в той или иной мере соотносит свое понимание социокультурности с пониманием этого феномена П.А. Сорокиным, далеко не всегда они совпадают. Поэтому обратимся к «первоисточнику» – трудам Питирима Сорокина, так как в них содержится еще далеко не реализованный эвристический потенциал понимания как социокультурности в целом, так и социокультурной адаптации в частности.

В работе «Общество, культура и личность», анализируя родовую (общую для всех) структуру социокультурных явлений, П.А. Сорокин формулирует базовые методологические принципы своей общей социологии: «общая социология – это не теория о простейших социальных явлениях, а теория о родовых свойствах, отношениях и закономерностях социальных явлений. Самой родовой моделью любого социокультурного феномена является значимое взаимодействие двух или более индивидов»¹¹³. «Значимое» – когда оно имеет значение или ценность для сознания другого индивида. Трехкомпонентная структура социокультурных явлений включает: «1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействий; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодей-

¹⁰² См.: *Гончарова Ю.А.* Ценностный мир современной российской студенческой молодежи: Дисс ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2008.

¹⁰³ См.: *Аврамова Е.М.* Адаптация как фактор дифференциации трансформирующегося общества // Проблемы социально-психологической адаптации населения в период трансформации общества. М., 1999.

¹⁰⁴ См.: *Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.

¹⁰⁵ См.: *Голенкова З.Т.* Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества. М., 1995.

¹⁰⁶ См.: *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.

¹⁰⁷ См.: *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри. М., 1997.

¹⁰⁸ См.: *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

¹⁰⁹ См.: *Медведев Н.П.* Переоценка ценностей как социальный феномен. Ставрополь, 1995.

¹¹⁰ См.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996.

¹¹¹ См.: *Социология молодежи: Учебное пособие* / Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Ростов-н/Д., 2001; *Волков Ю.Г., Добренев В.И., Кадария Ф.Д.* и др. Социология молодежи. Ростов-н/Д., 2002.

¹¹² См.: *Камботова Ж.В.* Динамика жизненных позиций молодежи в контексте социокультурной адаптации: региональный аспект: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2008.

¹¹³ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 191.

ствуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются или социализируются нематериальные значения, ценности и нормы.»¹¹⁴ Субъекты взаимодействия – индивиды или группы людей. Как отмечает П.А. Сорокин, «значения, ценности и нормы являются универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений».¹¹⁵

Резюме П.А. Сорокина по анализу структуры социокультурного взаимодействия заключено в формуле «личность, общество и культура как неразрывная триада». Его вывод: «...неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир. Из дидактических соображений их можно изучать по отдельности; но когда анализ каждого члена триады завершен, этот элемент должен быть соотнесен с тройственным разнообразием, или матрицей, в которой он существует».¹¹⁶ Социология, по П.А.Сорокину, есть «генерализирующая (выделено П.С.) наука, рассматривающая социокультурную систему как целое». Общество и культура не могут рассматриваться вне связи друг с другом. «Единственно возможные различия, – отмечает он, – связаны с тем, что термин “социальный” означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как “культурный” означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)».¹¹⁷

В четырехтомной «Социальной и культурной динамике» П.А. Сорокин вновь обращается к различию «культурного» и «социального», подчеркивая: «Различие между категориями “культурное” и “социальное” весьма условно и относительно: любая культура создана определенной социальной группой, объективацией которой она является; а любая социальная группа имеет свою определенную культуру. Тем не менее, чисто технически эти категории можно изучать раздельно и в интересах научного анализа изолировать друг от друга как разные *аспекты* (выделено нами) единого и неразделимого “социокультурного мира”. Под “социальным миром”, “социальными явлениями” понимаются межличностные и межгрупповые отношения, из которых состоит та или иная социальная система, организация или институт и которые образуют их “ткань” и “структуру»».¹¹⁸ Отмечается двойственная природа «социального мира» как категории социокультурных явлений: «объективно» существующая система социальных отношений – с одной стороны и зависимость характера этих отношений и их оценки от сознания участвующих в них или оценивающих (наблюдатели, исследователи), – с другой. Поэтому «все социальные отношения имеют два аспекта – психологический и логико-смысловой (включая “причинно-функциональные” элементы). Любое социальное отношение нужно изучать с обеих точек зрения».¹¹⁹ Это замечание весьма важно, в том числе для изучения социокультурной адаптации.

¹¹⁴ Там же. С. 193.

¹¹⁵ Там же. С. 205.

¹¹⁶ Там же. С. 218–220.

¹¹⁷ Там же. С. 220.

¹¹⁸ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 503.

¹¹⁹ Там же. С. 503–504.

Содержание социальных отношений (в узком смысле, как аспекта социокультурных явлений) П.А. Сорокин явно не определяет, однако из структуры раздела, в котором рассматривается социальная динамика (вслед за динамикой культурной), следует, что, выделяя основные типы социальных отношений – семейственный, договорной и принудительный, – он включает сюда отношения в семье, социально-политические в том числе (межнациональные и межгосударственные), демографические, экономические, отношения между группами внутри государства (социально-групповые). Последний тип (социально-групповой) он детализирует, выделяя такие «особые социальные группы, как семья, территориальная (соседская) община, государство; нация, политическая партия, религиозная группа, профессиональная, экономическая, расовая, половая, возрастные группы, научное сообщество, группировки по предпочтительному типу отдыха и увлечений, класс, каста»¹²⁰.

Еще один важный методологический принцип в концепции социокультурной динамики П.А. Сорокина – принцип имманентного изменения и цикличности (трехфазности) ритма интегрированных суперсистем культуры – идеациональной, идеалистической и чувственной. Собственно говоря, он и составляет сущность его макросоциологии как интегральной науки, особенно ее раздела о социокультурных флуктуациях (трансформациях). Ее детальный анализ выходит далеко за рамки целей нашего исследования, но сказанное выше имеет непосредственное отношение к пониманию социокультурности, в том числе явлений адаптации. В частности, замечание П.А. Сорокина об ограниченности типов социокультурных процессов, к числу которых он относит адаптацию. «Какую бы ни принять классификацию, – отмечает он, – число их основных типов невелико: изоляция – контакт; ассимиляция – конфликт – адаптация; подражание – противодействие – адаптация; кооперирование – антагонизм ...»¹²¹

Принцип интегральной целостности личности, общества и культуры П.А. Сорокин в анализе социальной и культурной динамики доводит до анализа (совместно с И.В. Болдыревым) соотношения между типами культуры и типами личности и поведения. Здесь важны его выводы о том, «что господствующий тип культуры формирует тип сознания людей, которые родились и живут в рамках этой культуры», – за малым исключением тех индивидов и групп, «которые, живя физически в рамках данной культуры, не являются ее частью или же не имеют с ней психосоциального контакта»; что «сознание любого человека является микрокосмом, отражающим микрокосм окружающей его социальной среды».¹²² Важна также необходимость различать соотношения между доминантной культурой общества и ментальностью – с одной стороны и доминантной культурой и поведением индивидов. Ментальность (идеи, убеждения, верования, мнения, вкусы, нравственные и эстетические установки и т. д.) более тесно связана с культурой, чем поведение индивида, но хотя последняя связь «носит, по-видимому, более расплывчатый характер и часто даже неуловима», она существует.¹²³ Интерес представляют и эмпирический анализ типа личностей исторических фигур Греции, Рима и Западной Европы за 2800 лет (950 г. до н.э. – 1850 г.), включенных в энциклопедию «Британика», на основе индикаторов типа лич-

¹²⁰ Там же. С. 762.

¹²¹ Там же. С. 763.

¹²² Там же. С. 701.

¹²³ Там же. С. 702.

ности по типу культуры (чувственной, идеациональной, смешанной), и теоретическое обобщение этого анализа с выводом: «...в интегрированных культурах и поведение, и ментальность становятся частями единой интегрированной системы. Может быть, интеграция не абсолютна, но она вполне ощутима».¹²⁴

На основе проведенного обзора теоретико-методологических подходов к пониманию категории «социокультурное» и «социокультурная адаптация» и их применения в конкретных исследованиях можно сформулировать **наше представление о сущности социокультурной адаптации, ее критериях, факторах, моделях.**

Наиболее адекватно реальности, на наш взгляд, понимание **сущности** социокультурной адаптации как типа социокультурных процессов взаимодействия социальных субъектов (индивидов, групп, общностей) в их социокультурной целостности (неразрывной триаде «личность – общество – культура») с теми или иными социокультурными системами (обществом в целом или его подсистемами как «средой»), в результате которого достигается состояние относительного приспособления (соответствия) их элементов (характеристик). Общество или его подсистемы, выделенные по какому-либо существенному для целей изучения принципу – территориальному, этническому, социальному (в узком смысле) и т. п., – также являются социокультурными целостностями, открытыми развивающимися системами.

Критерии адаптации (дезадаптации) отражают меру соответствия (несоответствия) характеристик сопоставления субъекта и «среды» адаптации. Поскольку социокультурные системы всех видов, включая личность, – развивающиеся, а субъект и «среда» адаптации постоянно взаимодействуют и изменяются, то соответствие между ними никогда не бывает абсолютным, а лишь относительным. Поэтому градации меры соответствия (степени) адаптированности возможны в качественном выражении по шкале: очень высокая, высокая, средняя, низкая, очень низкая. По-видимому, об абсолютном несоответствии в условиях взаимодействия говорить невозможно.

В этом плане используемое в литературе понятие «гармоничные отношения адаптанта со средой» как мера степени адаптации носит качественный характер и зависит от того, как понимается гармоничность исследователем, научным сообществом, обществом.

Система критериев адаптации по элементам возможна по двум основаниям: от субъекта или от среды, раздельно или совместно. Если, например, субъект адаптации – личность, то важными элементами ее социокультурной целостности, соотносимыми с аналогичными элементами общества как среды адаптации, выступают базовые ценности, составляющие основу менталитета, а также социальное самочувствие, выраженное в удовлетворенности разными сторонами жизни, социальном оптимизме (пессимизме), т. е. когнитивные и эмоциональные составляющие сознания, ибо социокультурная адаптация имеет психологическую составляющую.

В связи со сложной структурой общества (среды), выделяемой по разным основаниям при определении подсистем (культура, политика и т. п.), система критериев будет специфичной для рассмотрения адаптации с каждой подсистемой, однако она должна отражать требования социокультурной целостности, т. е. в ней должны учитываться во взаимосвязи характеристики общества (подсистемы), личности и культу-

¹²⁴ Там же. С. 707–718.

ры. Последнее требование далеко не всегда учитывается как в теоретических, так и в прикладных исследованиях.

Как уже отмечалось нами, адаптация субъектов в различных подсистемах общества как вид социокультурной может протекать по-разному: с различной интенсивностью, результативностью, с различным характером. Например, в современном российском обществе, как указывают исследователи, степень адаптированности людей к экономическим переменам выше, чем к политическим. Поэтому и набор индикаторов для критериев адаптации в каждом виде социокультурной адаптации может быть специфическим. Интегральным критерием степени адаптации может служить состояние массового и индивидуального сознания (удовлетворенность, настроение и т. п.).

Аналогично обстоит дело и при выделении **факторов** социокультурной адаптации. Под фактором в социологии обычно понимается условие или явление, оказывающее активное влияние на тот или иной процесс. При взаимодействии субъекта со средой в принципе все характеристики и субъекта, и среды прямо или косвенно влияют на процесс взаимодействия, поэтому рационально в конкретных исследованиях выделять наиболее значимые факторы с позиции целей исследования.

При изучении социокультурных явлений, в том числе адаптации, важно, чтобы набор этих факторов отражал основное содержание социокультурных ценностей как субъекта, так и среды адаптации. Со стороны субъекта – это основные, значимые для целей исследования социальные, культурные и личностно-психологические характеристики; со стороны среды выбор факторов связан с типом среды (природно-географическая, социальная), объемом (макро-, мезо-, микросреда), характером ее институциональности (демографическая, экономическая, политическая и т. д.).

При любом выборе среды адаптации социокультурный подход требует соблюдения требований социокультурной целостности в той или иной мере, в зависимости от целей, характера и ресурсов исследования.

В рамках подхода к исследованию адаптации на основе анализа группы факторов можно выделить следующие классификации: внешние и внутренние; субъективные и объективные; ведущие и временные; индивидуальные и групповые; глобальные (социально-экономическое и политическое устройство общества) и региональные (природно-климатические, степень развития социально-бытовой инфраструктуры, степень напряженности баланса трудовых ресурсов); личностные, производственные и факторы, лежащие за пределами производства. Как отмечает В.В. Гриценко, «...содержательный анализ выделенных факторов показал, что традиционный подход к адаптации предопределил их значимость в адаптационном процессе. Изучались преимущественно внешние факторы. Такой подход был обусловлен традиционным пониманием адаптации как акта приспособления к воздействиям извне, как результата действия сторонних сил, а не собственных потенций человека».¹²⁵ Тем не менее, ученые не могли проигнорировать важность внутренних факторов, поскольку одни и те же внешние воздействия по-разному преломляются через внутренний мир личности. Анализ группы внутренних факторов, как правило, велся с точки зрения выделенных

¹²⁵ Гриценко В.В. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности/группы в новой социо- и этнокультурной среде // Проблемы социальной психологии личности. 2005. № 2 // <http://psyjournals.ru/articles/d8485.shtml>

особенностей, присущих конкретному субъекту, и попыток типологизации индивидуальных различий.

Один из подходов к классификации факторов адаптации связан с выделением факторов-комплексов. Так, П.С. Кузнецов выделяет семь таких комплексных факторов, влияющих на успешность адаптации: экономический (материальный), самосохранения, регулятивный, воспроизводственный, коммуникативный, когнитивный и самореализации¹²⁶. Каждый комплексный фактор включает в себя ряд частных факторов. Данная классификация очень тесно переплетается с теорией мотивации А. Маслоу, подчеркивая при этом важность, сложность и комплексность такого фактора адаптации, как самореализация.

В эмпирических исследованиях выбор факторов адаптации определяется с учетом гипотез, ассимилирующих наличный теоретический и эмпирический материал по теме исследования.

Модели социокультурной адаптации, т. е. типы стратегий, выбираемых адаптантом для приспособления к изменившимся (меняющимся) условиям среды, так же разнообразны, как и модели иных видов адаптаций, однако для анализа моделей социокультурной адаптации должен соблюдаться принцип целостности, в смысле единства рассмотрения личностных, социальных и культурных аспектов адаптационного процесса. Что же касается результата этого процесса, то здесь возможны различные соотношения сторон отмеченной триады «личность – общество – культура» как со стороны адаптанта, так и среды в зависимости от целей адаптанта, его адаптационных ресурсов, репертуара (набора средств) адаптации и др.¹²⁷

Если, например, адаптант изначально выбирает генерализованную стратегию максимально приспособиться к происходящим в обществе трансформациям, то он выберет так называемую нормативную модель, отвечающую требованиям адаптивной нормы – «общезначимого правила адаптивного поведения, за которым стоит санкция: одобрение или порицание»¹²⁸. При этом «находясь в формате данной модели, адаптант более или менее полно, адекватно, экономично и оптимально отвечает на «вызов» среды, достигая тем самым адаптивной цели».¹²⁹ Если же он выбирает промежуточный вариант – найти «социальную нишу», «переждать» адаптивную угрозу, – то возможна иная модель.

Рассматривая критерии выбора модели адаптивного поведения, Л.В. Корель отмечает, что при выборе субъекты руководствуются различными принципами. Обобщая, автор выделяет четыре принципа, которые характеризуют основные стратегии поведения адаптирующейся личности: 1) затратный – минимизация социальных, материальных, психофизиологических, моральных и т. д. издержек адаптанта; 2) временный – минимизация затрат времени на достижение целей адаптации; 3) минимизация адаптивного риска, т. е. оценки угроз для жизни, социального статуса, духовного капитала; 4) достижительный (максимизация адаптивного успеха). Часто адаптант комбинирует эти модели в зависимости от целей адаптации в разных сферах жизнедеятельности.

¹²⁶ См.: Кузнецов П.С. Концепция социальной адаптации. Саратов, 2000.

¹²⁷ См.: Корель Л.В. Социология адаптаций. ...2005; Она же. Социология адаптаций: Этюды апологии. Новосибирск, 1997.

¹²⁸ Корель Л.В. Социология адаптаций... 2005. С. 124.

¹²⁹ Там же. С. 400.

тельности.¹³⁰ Эта классификация критериев по типам принципов выбора подходит, как мы полагаем, для рассмотрения и социокультурной адаптации при соблюдении основополагающего принципа социокультурного единства (целостности). Например, при исследовании социокультурной адаптации мигрантов в иноэтничной среде возможны их различные стратегии (мотивы) адаптации: минимизация времени и затрат, адаптивного риска и в то же время сохранения своей этнокультурной и этноконфессиональной идентичности (т. е. минимизация достижительности в этой среде).

Определив социокультурную адаптацию как тип на основе социокультурности в интерпретации общества П. А. Сорокиным как триединой целостности, неразрывной триады «личность – общество – культура», следует еще раз отметить, что, даже разделяя подход П.А. Сорокина, исследователи по-разному понимают содержание каждой из составляющих этой триады. Отчасти мы отметили это при анализе работ Н.И. Лапина, С.И. Журавлевой, М.С. Бережной. Наименее проработана здесь проблема места личности в социокультурной адаптации. Личность рассматривается чаще всего в ее социальной и (или) культурной ипостасях и меньше (или вообще не) учитываются ее биопсихические характеристики.

Возможно, выделение социального аспекта при исследовании социокультурной адаптации личности обусловлено традициями социологии, включая и вклад в эти традиции П.А. Сорокина, который, отмечая роль сознания в социальных отношениях, решительно заявлял, что биологические и психические характеристики личности – это предмет специальных наук (биологии, психологии).

В социологии «личность есть мера сознательного присвоения и индивидуального проявления человеком в процессе деятельности, познания и общения в конкретных социально-исторических условиях своей социальной сущности, т. е. всей совокупности общественных отношений»¹³¹. Однако общественные отношения имеют помимо когнитивных также эмоционально-волевые составляющие, и последние часто играют немаловажную роль не только в характере, но и в сущности отношений. Тем более это типично для межличностных отношений.

Если полагать, что личность есть ставший в процессе присвоения социальной реальности индивид, то даже в этой формуле не избежать «психологизации» индивида (личности), так как и процесс, и результат присвоения во многом зависят от психических черт индивида. Как бы то ни было, но биологические и психологические аспекты социокультурных явлений (в том числе адаптации) менее всего изучены, что, по нашему мнению, обедняет понимание этих явлений и методику их изучения.

§ 1.3. Взаимосвязь психологической и социокультурной адаптаций

Человеческий индивид есть био-психо-социальная система, в которой можно выделить и попарные, и интегральное (тройственное) взаимодействия. Поэтому взаимосвязь психического и социального – имманентная характеристика индивидуального сознания и поведения. В современной психологии адаптационные процессы интенсивно исследуются в связи с проблемами межэтнического и межкультурного взаимодействия, миграции и социальных трансформаций: Г.М. Андреева, Р.М. Баевский, Ф.В. Бассин, Ф.Б. Березин, Дж. Бэрри, Ф.Е. Василюк, В.В. Гриценко, Л.Н. Гумилев,

¹³⁰ См.: Там же. С. 296–301.

¹³¹ *Социологическая энциклопедия*. Т. 1. С. 567.

Ю.М. Десятникова, Н.М. Лебедева, А.Б. Мулдашева, А.А. Налчаджян, Б.Д. Парыгин, М. Салазар, В.А. Смирнов, Т.Г. Стефаненко, А.Н. Татарко, Г. Триандис и др.

Анализ литературы по проблеме адаптации показал, что практически все основные психологические школы внесли свою лепту в исследование этого феномена. Сущность, функции адаптации специфически рассматривались в рамках психоаналитического направления (Г. Гартманн, А. Фрейд, А. Адлер), необихевиоризма (Г. Айзенк, Р. Хэнки), интеракционизма (Л. Филипс), когнитивной психологии (Ж. Пиаже), гештальтпсихологии (Ф. Перлс) и др. Социальная адаптация выступает как процесс активного приспособления человека к условиям социальной среды, в результате которого происходит принятие целей, норм группы, социальных ролей и других характеристик социальной среды. Согласно интеракционистской концепции адаптации, которую развивал, в частности, Л. Филипс, все разновидности адаптации обусловлены как внутриспсихическими, так и средовыми факторами¹³².

В психологии разработка проблемы адаптации связана с именами А.Н. Леонтьева, А.А. Налчаджяна, А.В. Петровского, В.А. Петровского, Ж. Пиаже. Особенностью психологической трактовки процесса социальной адаптации является рассмотрение ее в контексте индивидуальных проблем личности, ее взаимоотношений в группе.¹³³ А.Н. Леонтьев выделял как минимум три основных параметра характеристик личности: широту связей человека с миром, степень их иерархизированности и общую их структуру, которые необходимы для исследования деятельности личности в социальном контексте. Конечно, может возникнуть опасение, которое высказывал сам же А.Н. Леонтьев в работе «Деятельность. Сознание. Личность»: «Не произойдет ли, однако, при этом подмена психологии социологией, не утратится ли “психологическое” в личности?»¹³⁴. И у социологов также возникают вопросы: «...А не подменяют ли социологию психологией, когда исследуются изменения поведения личности в результате трансформации социальной среды? Использование междисциплинарного подхода, ведет ли оно к размыванию границ социологии и психологии или к усилению методической и методологической базы для изучения явлений, процессов, находящихся в междисциплинарном поле?» А.Н. Леонтьев видел в междисциплинарности характера преимущество нового подхода, который «...отличается от привычного в психологии личности антропологизма (или культур – антропологизма), рассматривающего личность как индивида, обладающего психофизиологическими и психологическими особенностями, измененными в процессе его адаптации к социальной среде»¹³⁵. Данный подход, напротив, «...требует рассматривать личность как новое качество, порождаемое движением системы объективных общественных отношений, в которое вовлекается его деятельность. Личность, таким образом, перестает казаться результатом прямого наслаивания внешних влияний; она выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь»¹³⁶. С середины XX века начинается оформляться направление в понимании адаптации, представители которого

¹³² Philips L. Human adaptation and his failures. N.Y.&London, 1968; Цит. по Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М., 2010. С. 14.

¹³³ См.: Журавлева С.И. Социокультурная адаптация современной российской молодежи... С. 4.

¹³⁴ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 156.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

исходят из методологических положений о единстве личности и общества, активном характере этого взаимодействия. Реализованные в концепциях отечественных ученых – Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, Б.Ф. Ломова, А.В. Петровского, Е.В. Шороховой и других, – эти положения позволяют раскрыть сущность процесса адаптации как выражение единства взаимодействующих сторон – человека и социальной среды, где в основе единства лежат активность социальной среды и активность личности, ориентированной на познание окружающего мира и выработку четких принципов и определенных способов взаимодействия, дающих возможность и приспособиться к изменившимся социальным условиям, и преобразовать их по мере необходимости¹³⁷.

Эффективность использования результатов социально-психологических и собственно психологических исследований, не теряя из вида специфики социологического, в том числе социокультурного, подхода, подчеркивает и Н.И. Лапин, обращая внимание на возможности экспериментального исследования универсального «механизма» мышления субъекта (анализа через синтез) в процессе диалогического решения задач. Результаты, полученные А.В. Брушлинским и В.А. Поликарповым, обосновывают невозможность познания объекта субъектом без общения с другими субъектами. «Аналитико-синтетическая деятельность субъекта переплетена с его коммуникативной деятельностью»¹³⁸. Иными словами, действие индивида осуществляется сразу по двум осям: «по оси мыслительной рефлексии (анализ – синтез) и по оси коммуникации (взаимодействие)»¹³⁹.

Таким образом, использование междисциплинарного подхода в исследовании проблем адаптации личности позволяет устранить одностороннее рассмотрение личности как объекта внешних воздействий социальной среды, культуры и, выделяя субъект-субъектный характер взаимодействия общества и человека, культуры и человека, исследовать закономерности их развития в диалектическом единстве. В данной работе мы для обеспечения целостности рассмотрения социокультурной адаптации в рамках концепции П.А. Сорокина не ограничились исследованием взаимосвязи социального и культурного аспектов адаптации. Воспроизводя триаду, нам необходимо обратить исследовательское внимание и на рассмотрение психической и психологической адаптации личности.

«Адаптация психическая, – отмечает «Социологическая энциклопедия» – психическое явление, выражающееся в перестройке динамического стереотипа личности в соответствии с новыми требованиями окружающей среды»¹⁴⁰.

Ф.Б. Березин раскрывает данное определение: «Психическую адаптацию можно определить как процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, который позволяет индивидууму удовлетворять актуальные потребности и реализовывать связанные с ними значимые цели (при сохранении физического и психического здоровья), обеспечивая в то же время соответствие психической деятельности человека,

¹³⁷ См.: Константинов В.В. К вопросу о понятии «адаптация» // Проблемы социальной психологии личности 2005. № 2. <http://psyjournals.ru/articles/d8489.shtml>

¹³⁸ См.: Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. М., 1999.

¹³⁹ Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России. ... С. 6.

¹⁴⁰ Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 16.

его поведения требованиям среды»¹⁴¹. В результате он, вслед за К.К. Платоновым,¹⁴² выделяет три аспекта психической адаптации: психический, социально-психологический и психофизиологический. Социально-психологический аспект адаптации обеспечивает адекватное построение микросоциального взаимодействия, в том числе – профессионального, достижение социально значимых целей. Он является связующим звеном между адаптацией индивидуума и популяции, способен выступать в качестве уровня регулирования адаптационного напряжения¹⁴³.

В.М. Воробьев выделяет в качестве примера психической адаптации психическую регуляцию в состоянии стресса, в проблемной психической ситуации, признаки которой включают: а) наличие потребности в разрешении глобального конфликта; б) принципиальную неразрешимость глобального конфликта привычными средствами; в) связанную с этим высокую степень психической напряженности¹⁴⁴.

По определению Ц.П. Короленко¹⁴⁵, под «психической адаптацией» понимается адаптация на уровне психических функций, в их интегральной связи, являющаяся тем самым наиболее высоким уровнем адаптации. Психофизиологическая же адаптация отражает адаптацию на уровне не только психической сферы, но и связанных с ней физиологических функций, причем это разделение в значительной мере условно¹⁴⁶. Аналогичные представления высказываются А.П. Коцюбинским, Н.С. Шейниной¹⁴⁷, с точки зрения которых психическая адаптация состоит из трех блоков: биологического, психологического и социального, соответствующих принятым представлениям о трех уровнях психической регуляции – биологическом, индивидуально-личностном и личностно-средовом. При этом каждый из компонентов психической адаптации имеет собственную сложную структуру. Так, собственно психическая адаптация включает в себя познавательные, эмоционально-волевые, мотивационные и практические аспекты. При этом, очевидно, эффективность психической адаптации зависит от того, насколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные связи, поскольку, как отмечает М.Е. Сандомирский, искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушениям адаптации¹⁴⁸.

Этой же точки зрения придерживаются и В.В. Романов, рассматривающий адаптацию как процесс и результат вхождения человека в новую социокультурную среду, которые зависят от целей и ценностных ориентаций человека, от возможностей их достижения в соответствующей социальной среде и от принятия личностью социаль-

¹⁴¹ Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988. С. 5.

¹⁴² См.: Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.

¹⁴³ См.: Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001.

¹⁴⁴ См.: Воробьев В.М., Коновалова Н.Л. О профилактике и терапии нарушений психической адаптации // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1993. № 1. С. 71–72; Воробьев В.М. Психическая адаптация как проблема медицинской психологии и психиатрии // Там же. 1993. № 2. С.33 – 39.

¹⁴⁵ См.: Короленко Ц.П. Психофизиология человека в экстремальных условиях. Л., 1978.

¹⁴⁶ См.: Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса ... 2001.

¹⁴⁷ См.: Коцюбинский А.П., Шейнина Н.С. Об адаптации психически больных // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1996. № 1 – 2. С. 203 – 212.

¹⁴⁸ См.: Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса... 2001.

ной роли¹⁴⁹, и Н.А. Ощуркова, представляющая адаптацию как активный процесс усвоения личностью социального опыта, овладения навыками общения, социальными ролями¹⁵⁰.

Такой спектр мнений свидетельствует о сложности исследования процесса адаптации и необходимости комплексного ее рассмотрения. Также важно отметить, что принципиальным отличием функциональной деятельности системы психической адаптации человека от всех других самоуправляемых систем, как указывает Ю.А. Александровский¹⁵¹, является наличие механизмов сознательного саморегулирования, в основе которых лежит субъективная индивидуально-личностная оценка природных и социальных воздействий на человека. Соответственно адаптация человека проявляется возникновением приспособительных форм. Таким образом, мы можем сказать, что особенности самовосприятия личности влияют на процессы и социальной, и социально-психологической, и психологической адаптации личности.

Определимся с последним понятием «психологическая адаптация». В использовании терминов «психическая адаптация» и «психологическая адаптация» иногда наблюдается путаница, которая, по всей вероятности, связана с англоязычной традицией употребления термина «psychological adaptation» как синонима отечественного термина «психическая адаптация», так как требует для своего изучения учета как психологических, так и физиологических параметров¹⁵². В традиции же российской науки «адаптация психологическая» рассматривается как «процесс психологического приспособления индивида или группы к изменяющимся условиям среды обитания или труда с целью выработки модели поведения, способствующей интеграции личности с новой для нее средой или условиями труда».¹⁵³ Такое понимание психологической адаптации близко к пониманию термина «социально-психологическая адаптация» К.К. Платонова.

Как видим из этих определений, сущностное различие адаптаций психической и психологической состоит в том, что психологическая адаптация направлена на выработку модели поведения личности (выделено нами), а не только на перестройку динамического стереотипа как внутриспсихического механизма такой модели. Психологические явления, рассматриваемые в социальном аспекте на уровне социальной группы, определяются как социально-психологические. Личность в этих явлениях не исключается, но понимается в своей социально-групповой ипостаси. Соответственно, социально-психологическая адаптация определяется как «оптимизация взаимоотношений личности и социальной группы, сближение целей их деятельности, ценностных ориентаций, усвоение личностью норм и традиций группы, вхождение в ее ролевую структуру».¹⁵⁴

¹⁴⁹ См.: Романов В.В. Юридическая психология. М., 1999.

¹⁵⁰ См.: Ощуркова Н.А. Динамика социально-психологической адаптации. М., 1995. С. 68.

¹⁵¹ См.: Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. Ростов – н/Д, 1997.

¹⁵² См.: Morgan D.W., Edwards A.C., Faulkner L.R. The adaptation to prison by individuals with schizophrenia // Bull. Am. Acad. Psychiatry Law. 1993. V. 21, N 4. P. 427–433; Castro V.S. Acculturation and Psychological Adaptation (International Contributions in Psychology). Kindle Edition, 2003; Цит. по Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса... 2001.

¹⁵³ Социологическая энциклопедия. Т. 1. С.16.

¹⁵⁴ Там же.

В этой связи психологическая адаптация обусловлена двумя взаимосвязанными процессами: социализацией и индивидуализацией личности. Социализация – процесс усвоения человеком опыта той общественной жизни и тех общественных отношений, в которые он попал при рождении и в которых растет и взрослеет (Б.Г. Ананьев, Е.А. Аркин, А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, И.С. Кон, М.И. Лисина, Ю. М. Орлов, А.А. Реан, Я. Л. Коломинский, Д.И. Фельдштейн и др.) (о соотношении социализации и социальной адаптации мы упоминали в § 1.2). Социальная среда создает ту психологическую основу, в которой личность посредством механизма интериоризации «шлифует» собственные качества, свойства, моральные нормы. Поэтому усвоение социального опыта имеет субъективный, личностный характер. Социальные нормы входят в индивидуальное пространство личности и там или укрепляются, или преобразуются в соответствии с собственными устремлениями, представлениями, предпочтениями, личностными смыслами и осознанными возможностями самого человека¹⁵⁵. Социализацию не следует рассматривать как противоположность индивидуализации; процесс социализации по своей сути не ведет к нивелированию личности, индивидуальности человека. Скорее наоборот, процесс социализации взаимодействует с процессом индивидуализации, отражающим личностный аспект психологической адаптации. Это означает, что человек адаптируется к жизни в обществе в соответствии не только с требованиями этого общества, но и со своими представлениями, позициями, переживаниями, с собственным видением происходящего в окружающем мире и себя в нем¹⁵⁶. Все это имеет непосредственное отношение к личностному самоопределению (А.Ф. Малышевский, В.А. Петровский, С.Т. Посохова, А.А. Реан, Т.В. Снегирева, Е.В. Филиппова, В.И. Лубовский и др.). Процесс социализации не прекращается и в зрелом возрасте, он продолжается непрерывно на протяжении всего жизненного пути. А значит, как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, социализация не только никогда не завершается, но и «никогда не бывает полной»¹⁵⁷.

Согласно А.В. Петровскому, вхождение ребенка как социального существа в жизнь той или иной общности предполагает прохождение трех фаз: адаптации к действующим в этой общности нормам, формам взаимодействия, деятельности; индивидуализации как удовлетворения «потребности индивида в максимальной персонализации» и интеграции личности в этой общности¹⁵⁸. Если индивидуализация характеризуется «поиском средств и способов для обозначения своей индивидуальности», с тем чтобы снять противоречие между этим стремлением и результатом адаптации («стал такой же, как все в общности»), то интеграция «детерминируется противоречиями между сложившимся на предыдущей фазе стремлением субъекта быть идеально представленным своими особенностями и значимыми для него отличиями в общности и потребностью общности принять, одобрить и культивировать лишь те демонстрируемые им

¹⁵⁵ См.: Дубровин Д.Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.; Цит. по Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. М., 2002, С. 165.

¹⁵⁸ См.: Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. М., 1984.

индивидуальные особенности, которые ей импонируют, соответствуют ее ценностям, способствуют успеху совместной деятельности и т. д.»¹⁵⁹

А.А. Реан отмечает, что адаптация, индивидуализация, интеграция (по А.В. Петровскому) выступают как механизмы взаимодействия человека и общности, механизмы его социализации и личностного развития, которое происходит в процессе разрешения возникающих в этом взаимодействии противоречий. Личностное развитие человека соотносится с формированием его самосознания, образа «Я» («Я»-концепции, «Я»-системы), с изменением сферы потребностей и мотиваций, направленности как системы отношений, с развитием личностной рефлексии, механизма самооценки¹⁶⁰. Этой же точки зрения придерживается и С.Л. Рубинштейн, который обосновал положение о том, что внешние причины всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия¹⁶¹. Внутренним условием становления и развития личности являются субъективные переживания детьми тех проблем, которые существуют и возникают в окружающей их действительности. На основании этих переживаний возникают определенные интересы, предпочтения, ценностные ориентации, которые, постепенно укрепляясь и интегрируя, начинают составлять устойчивую совокупность ценностных отношений личности. Индивидуализация – это и есть процесс осознания растущим человеком своей самости, собственных потребностей, мотивов, интересов, чувств, своего отличия от других¹⁶². Раскрывая взаимосвязь социализации и индивидуализации, Д.И. Фельдштейн отмечает: «Если социализация предусматривает присвоение ребенком социального, вхождение в социальный мир в качестве его непосредственной части, то индивидуализация предполагает вычленение своего Я из социального при новом состоянии формирующихся мотивов, широком выборе в отношениях, поведении и поэтому возможности реального проявления своей самости, оптимально реализуемой в социально значимой деятельности»¹⁶³. По А. В. Петровскому, личностное развитие человека, проходящего состояния адаптации, индивидуализации и интеграции как макро- и микрофаз этого процесса, определяет всю ситуацию социального развития¹⁶⁴.

Приведенная трактовка развития личности, разрабатываемая прежде всего отечественной психологией (А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, А.В. Петровский, Л.С. Выготский), находится в русле концепции, согласно которой, по Л.С. Выготскому, «развитие есть непрерывный процесс самодвижения, характеризующийся в первую очередь непрерывным возникновением и образованием нового, не бывшего на прежних ступенях... единством общественного и личного при восхождении ребенка по ступеням развития»¹⁶⁵. Развивая данный тезис, Д.Н. Дубровин приходит к выводу, что результатом социализации личности является ее социальная адаптация, результатом индивидуализации

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ См.: Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. М., 2002. С. 76.

¹⁶¹ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989; *Он же*. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1976.

¹⁶² См.: Дубровин Д.Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения...

¹⁶³ Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности // Д. И. Фельдштейн. Избр. труды. М., 1999. С. 249.

¹⁶⁴ Цит. по Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. М., 2002. С.79.

¹⁶⁵ Выготский Л.С. Полн. собр. сочинений: В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 248.

зации – личностная адаптация. И только гармоничная интеграция процессов социализации – индивидуализации приводит к психологической адаптации, которая становится фактором личностного самоопределения¹⁶⁶. Данный тезис подкрепляется анализом тенденций современного развития психологии, которая рассматривает адаптацию не как пассивное приспособление к условиям жизни, а как активное взаимодействие человека с окружающей средой, обеспечивающее ему возможность самосохранения и саморазвития (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Е.К. Завьялова, А.А. Реан, Е.О. Лазебная, Д.И. Фельдштейн и др.).

Данный подход, претендуя на целостность, тем не менее, не выделяет культурный контекст либо подразумевает культурную специфику как характеристику социальной среды. С нашей точки зрения, наибольшая полнота целостности подхода может быть достигнута при условии изначальной методологической установки на интегральное единство и взаимообусловленность психического–социального–культурного как в субъекте, так и в объекте адаптации, что и означало бы по существу процесс социокультурной адаптации.

В нашем представлении психологическая адаптация есть аспект (сторона) единой в сущности социокультурной адаптации, другими сторонами которой являются социализация и аккультурация (инкультурация). Индивидуализация личности соотносится в том числе с процессом этнической самоидентификации; выстраивание взаимодействия сложно без интеграции, в том числе в культурный контекст. Различают понятия инкультурации и аккультурации, понимая под первой процесс усвоения «своей» для адаптанта культуры, а под второй – процесс усвоения иной (чаще всего иноэтничной) культуры либо вынужденную социокультурную трансформацию индивидов под влиянием изменения первоначального культурного контекста¹⁶⁷. То есть это различие по объекту (культурной среде) адаптации. Но поскольку в реальности среды чаще всего полиэтничны и поликультурны, а в условиях глобализации поликультурность все более нарастает как в пространственном, так и в информационном плане, то целесообразно оперировать при изучении социокультурной адаптации понятием «аккультурация».

Аккультурация – процесс усвоения и воспроизводства социального опыта в ценностно-нормативном плане (ценности, нормы культуры, обычаи, традиции, верования, образцы деятельности и т. п.). Каждая из этих сторон социокультурной адаптации обусловлена как внутренне (своей структурой и генезисом), так и «внешне» (другими сторонами). В связи с этим, показатели адаптированности¹⁶⁸ также принято подразделять на две большие группы: объективные и субъективные (или внешние и внутренние) (Безносиков, Жмыриков, Георгиева, Cohen).

В рамках конкретных исследований, которые декларируют использование целостного подхода к рассмотрению процесса социокультурной адаптации личности, к со-

¹⁶⁶ См.: Дубровин Д.Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения // Мир психологии. 2007. № 4. С. 74.

¹⁶⁷ См.: Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 108 – 114.

¹⁶⁸ См.: Георгиева И.А. Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе: Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. Л., 1985; Кряжева И.К. Социально-психологические факторы адаптированности рабочего на производстве // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. С. 203 – 213.

жалению, не всегда удается выдержать его. Чаще всего взаимосвязь адаптаций психологической и социокультурной изучается психологами и педагогами. Если представители педагогической науки оперируют при этом понятием «социокультурная адаптация», по-разному интерпретируя его¹⁶⁹, то в психологии чаще всего говорят о социокультурной среде (новой, иной, изменяющейся).

Так, Е.Е. Будадиной «психологическая адаптация к иной социокультурной среде понимается как процесс включения в иное ценностно-смысловое поле и интериоризация этих ценностей и смыслов». Социокультурная среда и есть ценностно-смысловое поле иной культуры. Психологическая адаптация в этом контексте – одна из областей исследования процессов аккультурации. Механизм данной адаптации включает соотнесение образов «Я» и «Другой» в аспекте культуры (ценности, стереотипы, модели поведения), интериоризацию символов и ценностей новой культуры, проявляющиеся в толерантности к новой социокультурной среде, самоопределение в этой среде. Она эмпирически исследует динамику и структуру психологической адаптации, выраженность индивидуально-психологических свойств этнических индивидов в зависимости от уровня развития их адаптивных способностей, межэтническое восприятие и даже связь адаптивных способностей с нейродинамическими и психодинамическими свойствами индивидуальности¹⁷⁰. Социальность здесь явно не включена в понятийный аппарат, само понятие «социокультурная адаптация» не рассматривается, а социокультурная среда есть фактически культурная среда.

В.В. Гриценко, напротив, оперирует понятием «социокультурная адаптация» и в связи с социально-психологической отмечает: «...под социально-психологической адаптацией личности в новой социокультурной среде мы будем понимать сложный и многомерный процесс взаимодействия представителей разных культур, в результате которого происходит формирование новой позитивной социальной идентичности, адекватной изменившимся социокультурным условиям; процесс развития личностного потенциала индивида по мере его активного включения в различные виды деятельности (и, прежде всего, профессиональную деятельность), систему межличностных отношений, социокультурную и социально-политическую жизнь общества; нахождение условий для реализации потребностей в самоуважении и самоактуализации личности».¹⁷¹ То есть важнейшие критерии адаптированности (как результата адаптации) на личностном уровне: позитивная социальная идентичность, развитие личностного потенциала, толерантность, самоуважение и самоактуализация. Далее он делает вывод: «В едином процессе социально-психологической адаптации нам представляется целесообразным выделить *социокультурную адаптацию* (или *аккультурацию*) как процесс, в результате которого происходит изменение *внешних поведенческих стратегий* индивида в ответ на требования новой социокультурной среды, и *психологическую адаптацию* как процесс, в результате которого достигается *внутреннее равновесие*,

¹⁶⁹ См., например: *Бережная М.С.* Педагогическая система социокультурной адаптации молодежи ... С. 47; *Райкина Т.А.* Оптимизация социокультурной среды... С. 46.

¹⁷⁰ См.: *Будадина Е.Е.* Психологическая адаптация к иной социокультурной среде (на материале исследования удмуртского и коми-пермяцкого этносов: Дисс. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2004.

¹⁷¹ *Гриценко В.В.* Теоретические основы использования социально-психологической адаптации личности / группы в новой социо- и этнокультурной среды // Проблемы социальной психологии личности: Сб. науч. ст. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. Вып. 2 // http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30303_full.shtml

психологическая удовлетворенность в новом социокультурном контексте»¹⁷² (выделено нами). Он разделяет мнение ряда исследователей о синонимичности понятий социокультурной (межкультурной) адаптации и аккультурации, а также, вслед за Дж. Берри, понимание аккультурации как результата взаимодействия культурных и **психических** процессов. То есть, во-первых, различие социально-психологической и психологической адаптации проводится по оси «внешнее–внутреннее» относительно психики личности; во-вторых, социокультурность сведена к связке «культура–психика». Как и в работе Е.Е. Будапиной, социальность сведена лишь к некоему фону, **который обуславливает психологические (психические) изменения.**

Проблема «социальное–культурное–психическое» остается пока недостаточно теоретически раскрытой в интегральном плане во всех науках – социологии, культурологии, психологии, педагогике, – хотя парные связки «социальное–культурное», «социальное–психическое», «культурное–психическое» отчасти исследованы.

Кроме того, если и изучаются личностно-психологические моменты в процессе адаптации, то редко соблюдается баланс психического (внутреннего) и психологического (внешнего) в личности, а социокультурность рассматривается как среда (внешнее по отношению к адаптанту (личности, группе)). Все же, на наш взгляд, в работах психологов и педагогов, где присутствуют личность и ее психика (психология), более адекватно отражается целостность социокультурного подхода, выраженного в концепции П.А. Сорокина, чем в работах философов и социологов.

Во многих исследованиях именно психологические показатели рассматриваются как интегральные характеристики адаптации – и как результата (адаптированности), и как процесса. Здесь мы поддерживаем разведение, которое осуществляет Г. Гартманн и другие психоаналитики, адаптации как процесса и адаптированности – как результата этого процесса¹⁷³. Хорошо адаптированным психоаналитики считают человека, у которого продуктивность, способность наслаждаться жизнью и психическое равновесие не нарушены. В процессе адаптации активно изменяется как личность, так и среда, в результате чего между ними устанавливаются отношения адаптированности. Явно под влиянием эволюционной биологии Г. Гартманн считает, что человек обладает преформированными средствами адаптации, которые развиваются, созревают и затем используются в процессах адаптации. Адаптивный процесс регулируется со стороны Я.

Согласно Л. Филипсу, адаптированность выражается двумя типами ответов на воздействие среды:

а) принятие и эффективный ответ на те социальные ожидания, с которыми каждый встречается в соответствии со своим возрастом и полом. Данный вид адаптированности Л. Филипс считает выражением конформности к тем требованиям (нормам), которые общество предъявляет к поведению личности;

б) гибкость и эффективность при встрече с новыми и потенциально опасными условиями, а также способность придавать событиям желательное для себя направление¹⁷⁴. В этом смысле адаптация означает, что человек успешно пользуется созданными усло-

¹⁷² Там же.

¹⁷³ См.: *Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation.* N.Y., 1958. P. 24; Цит. по *Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии ...* С. 15.

¹⁷⁴ См.: *Philips L. Human adaptation and his failures...*

виями для осуществления своих целей, ценностей и стремлений. Подобная адаптированность может наблюдаться в любой области деятельности. Адаптивное поведение характеризуется успешным принятием решений, проявлением инициативы и ясным определением собственного будущего¹⁷⁵. Однако успех в жизни и адаптированность являются разными социально-психологическими явлениями, поскольку критерии успеха могут быть совершенно разными в различных обществах и социальных средах¹⁷⁶.

Таким образом, адаптированность можно определить как такое состояние субъекта, которое позволяет ему чувствовать себя свободно и раскованно в социально-культурной среде, включаться в основную деятельность, чувствовать изменения в привычном социально-культурном окружении, углубляться во внутриличностные духовные проблемы, обогащать собственный мир путем более совершенных форм и способов социокультурного взаимодействия¹⁷⁷. При этом психологические показатели могут быть разными, в зависимости от того, какой аспект психики выбран в качестве ведущего: когнитивный, эмоциональный или поведенческо-волевой. Л.Л. Шпак к субъективным признакам социокультурной адаптированности относит удовлетворенность адаптантом своим положением в социально-культурной среде; сознательное поддержание норм и традиций данной социально-культурной среды; стремление и готовность обогатить содержание, формы и способы социокультурного взаимодействия с данной средой. К основным объективным признакам адаптированности, по мнению Л.Л. Шпак, относятся рост творческой активности в социально-культурных процессах данной среды и всего общества; обогащение содержания и характера культурной деятельности в условиях данной социально-культурной среды, динамическое энергичное, интенсивное по глубине, быстрое по темпам, внутренне подвижное освоение достижений культурного прогресса, научно-технических новшеств, нововведений в труде, политической и духовной сферах жизни; стабильность субъекта адаптации в данной социокультурной среде¹⁷⁸.

Как отмечает В.В.Гриценко, огромное количество критериев отражает объективную сложность и неоднозначность исследования явления адаптации, затрагивающей целостную личность во всем богатстве ее связей с социальным окружением. Это является причиной методических затруднений в прикладных исследованиях на этапе определения показателей адаптированности. Одним из способов преодоления указанных трудностей является выделение ведущих показателей адаптированности по сравнению с другими¹⁷⁹.

Например, И.К. Кряжева считает, что ведущими социально-психологическими показателями адаптированности личности на производстве являются ее «диспозиционные характеристики, ценностно-ориентационная направленность, а также социально-психологический климат производственного коллектива»¹⁸⁰.

Р.М. Шамионов отмечает, что субъективное благополучие личности может считаться критерием адаптированности; с другой стороны, субъективное неблагополучие при позитивной направленности адаптанта в восприятии жизненных обстоя-

¹⁷⁵ См.: *Налчаджян А.А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии ... С. 14–15.

¹⁷⁶ См.: например: *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 7.

¹⁷⁷ См.: *Шпак Л.Л.* Социокультурная адаптация...

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ См.: *Гриценко В.В.* Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности...

¹⁸⁰ *Кряжева И.К.* Социально-психологические факторы адаптированности ... С. 206.

тельств может стать условием (фактором) активной адаптации.¹⁸¹ Он полагает, что наиболее корректно использовать в исследованиях как эмоциональный, так и когнитивный аспекты (составляющие) личностного благополучия («переживания счастья»). В обеих составляющих важную роль играет удовлетворенность в различных сферах жизнедеятельности.

Я.Н. Крупец в исследовании социально-экономической адаптации населения Самарской области к условиям российских трансформаций в 2001–2002 гг. интегральным показателем адаптированности к реформам выбрал социальное самочувствие, состоящее из: 1) внутреннего состояния (настроение, чувство счастья, оптимизма); 2) оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране); 3) восприятие собственного положения в новых условиях. Соответственно, показателями социального самочувствия являлись: 1) удовлетворенность жизнью в целом; 2) оценка своего нынешнего положения 3) представление о своем будущем.¹⁸² Был сделан вывод, что самочувствие большинства успешных адаптантов «очень хорошее» или «скорее хорошее», а неуспешных – «скорее плохое» или «очень плохое».

Ф.Б. Березин эмпирически выявил связь адаптированности с характером психосоциальных особенностей личности, показав, что к факторам дезадаптации относятся «высокий уровень нереализованных побуждений, возрастание соотнесенной фрустрационной напряженности и фрустрационной интолерантности, повышенный уровень лабильности, выраженная склонность длительно фиксировать внимание на фрустрирующих ситуациях и относить свои затруднения на счет недостатков и неправомерных действий окружающих (экстернальный локус контроля)»¹⁸³.

Т. Миллон выделяет в качестве важнейшей адаптивной характеристики личности – способность гибко взаимодействовать с окружающими¹⁸⁴. С ним солидарен Ю.А. Александровский, утверждающий, что психическая адаптация индивида в группе неизбежно требует умения и готовности психологически «подстраиваться» к окружающим, проявляя при необходимости взаимопонимание и уступчивость, сдерживая эмоциональные порывы, совершая те или иные поступки вопреки собственным эгоистическим тенденциям, что в конечном итоге является важнейшим фактором, обеспечивающим человеку состояние здоровья¹⁸⁵. Это согласуется с психоаналитическим подходом к исследованию адаптации Г. Гартманна, который считает процесс адаптации многослойным, причем представление об уровне адаптации лежит в основе концепции здоровья человека¹⁸⁶.

Различные теоретические подходы к изучению психологической адаптации в русле кросс-культурной психологии детально проанализированы Е.Е. Будадиной.¹⁸⁷ Важнейшими категориями во всех этих концепциях являются: позитивная социаль-

¹⁸¹ См.: Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: этнопсихологический аспект // Проблемы социальной психологии личности. Саратов, 2005. С. 297–302.

¹⁸² См.: Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–144.

¹⁸³ Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988. С. 152.

¹⁸⁴ Цит. по: Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара, 1998. С. 312

¹⁸⁵ См.: Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства...

¹⁸⁶ См.: Hartmann H. Ego psychology and the Problem of adaptation... P. 32.

¹⁸⁷ См.: Будадина Е.Е. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде...

ная идентичность; толерантность; ценности; удовлетворенность; активность, эмоциональная стабильность, локус контроля (интернальный или экстернальный).

В нашем исследовании в качестве интегрального показателя социокультурной адаптированности используется критерий социального самочувствия, определяемый путем интеграции двух показателей: удовлетворенность жизнью и оптимизм. При этом мы согласны с Р.М. Шамионовым, уточняющим, что субъективная оценка социального благополучия – это не переживание абсолютного счастья или удовлетворенности всего и всем. Это состояние динамического равновесия, которое достигается разнонаправленными по валентности переживаниями удовлетворенности в различных сферах жизнедеятельности, когда на уровне состояния неудовлетворенность в одной сфере компенсируется удовлетворенностью в другой, а на уровне внутренней динамики неудовлетворенность создает определенную зону напряжения, которая становится движущей силой развития, а удовлетворенность – зону разрешения. Очевидно, в русском (российском) менталитете компенсация примата страдания оптимизмом (по Джидарьян¹⁸⁸) и является не чем иным, как удовлетворенностью в иллюзорном мире субъективной картины будущего (представляемом будущим)¹⁸⁹. При всей взаимосвязи показателя социального самочувствия с культурологическим и социальными аспектами и взаимосвязи всех аспектов социокультурной адаптации именно он обуславливает уровень психологической адаптации.

В сочетании с характеристиками локуса контроля, отсутствием или наличием потребности в позитивной самореализации этот показатель может характеризовать выбираемую индивидом модель социокультурной адаптации. В связи с чем, как мы полагаем, может быть интегральным для теоретических и эмпирических исследований социокультурной адаптации, наиболее адекватно отражающих социокультурную реальность.

§ 1.4. Объект, предмет, цель и задачи исследования

Данное исследование является частью крупномасштабного исследовательского проекта «Народы Евразии в условиях цивилизационных взаимодействий», реализуемого сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН по руководством докт. филос. наук Ю.В. Попкова и направленного на решение нескольких взаимосвязанных задач: выявления общих черт и этнической специфики ценностных ориентаций у народов Евразии в условиях взаимодействия и современных трансформаций, изучение различных видов адаптации населения, в том числе молодежи, к этим трансформациям, исследование взаимосвязи этносоциальных и цивилизационных процессов в евразийском цивилизационном пространстве и др. Эти задачи составляли основное содержание частных исследовательских проектов, среди которых были проект «Модели этнокультурной адаптации молодежи в условиях интенсификации промышленного освоения Севера (на примере Республики Саха (Якутия))» (грант РГНФ № 08-06-00613а), интеграционный проект РАН 6.26 «Социокультурная адаптация студенческой молодежи к условиям современных трансформаций (на примере г. Якутска)» и экспедиционный проект «Мо-

¹⁸⁸ См.: Джидарьян И.А. Проблема счастья в русском менталитете // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 34–48.

¹⁸⁹ См.: Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности... С. 297–302.

лодежь коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия) в условиях современного промышленного города: проблемы социокультурной адаптации» (РГНФ № 07-06-18025е), реализованные группой исследователей под руководством докт. пед. наук, ведущего научного сотрудника сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН М.А. Абрамовой.

Объектом исследования, основные результаты которого изложены в данной монографии, является молодежь Севера России (в основном учащаяся – старшеклассники, учащиеся средних специальных учебных заведений, студенты высших учебных заведений).

Предмет исследования – явление социокультурной адаптации молодежи к трансформациям в современном российском обществе, обусловленным политическими и экономическими реформами.

Выбор Республики Саха (Якутия) в качестве основного репрезентанта Севера России связан с рядом факторов объективного и субъективного плана. Это типично северный регион, с характерными для Севера суровыми природно-климатическими условиями, низкой плотностью населения, большими запасами полезных ископаемых, интенсивным промышленным освоением, слабо развитой социально-бытовой инфраструктурой и транспортной сетью.

Это территория совместного проживания и этнокультурного взаимодействия тюркских (саха и другие), славянских (русские, украинские и другие), палеоазиатских (коренные малочисленные народы Севера – эвенки, эвены, юкагиры и другие) народов, а в постсоветский период – и представителей народов Северного Кавказа, Средней Азии, иммигрантов из российских регионов, ближнего зарубежья.

В отличие от других северных регионов республика имеет примерно равные доли русских и саха в населении, более развитую сеть среднего, среднеспециального и высшего образования. Эти факторы должны оказывать специфическое влияние на характер социальных (и этносоциальных) процессов, в том числе на адаптацию молодежи.

Республика Саха (Якутия) – значимый для России регион – по ресурсным, экономическим, культурным, политическим, геополитическим, цивилизационным параметрам как в настоящем, так и в будущем.

Руководитель данного исследования хорошо знакома с условиями жизни в Республике, так как здесь училась, занималась научной и педагогической работой и сейчас поддерживает тесные связи с научными учреждениями и вузами, что немаловажно для адекватности содержания эмпирических исследований.

Выбор молодежи Севера в качестве объекта исследования адаптационных процессов обусловлен тем, что данная социально-демографическая группа играет важнейшую роль в воспроизводстве социальных процессов и структур и в условиях социальных трансформаций – радикальных перемен в экономической, социальной, культурной, политической жизни общества – испытывает наибольшие, по сравнению с другими группами, «перегрузки» в социальном и психологическом плане. Не имея достаточного опыта для решения жизненных проблем и, соответственно, устойчивых, проверенных опытом моделей поведения, она не может обрести эти модели и на основе подражания поведению старшего поколения, так как в период бифуркационных перемен зачастую расходится с ним в ценностно-нормативном плане. Данная си-

туация иллюстрирует теорию М. Мид об устойчивости постфигуративной культуры¹⁹⁰, для которой характерны неосознанность и медлительность изменений, чувство неизменной преемственности, обусловленное непосредственным контактом по крайней мере трех поколений. В условиях интенсификации промышленного освоения Севера происходит разрушение постфигуративной культуры и формирование кофигуративной, в которой моделью поведения для людей, принадлежащих данному обществу, становится поведение их современников. Постфигуративные элементы, придающие обществу устойчивость, присутствуют и в этом типе культуры в виде некритически воспринятых убеждений и ценностей и автоматически усвоенных поведенческих реакций, однако их роль в адаптационном процессе значительно ослабевает в силу размытости традиционных моделей поведения.

Безусловно, исследование социальных процессов в среде более старшего поколения также важно, но все же будущее общества определяет молодежь, которая в нашем исследовании представлена в основном тремя группами учащихся: 1) старшеклассники; 2) учащиеся средних специальных учебных заведений; 3) студенты вузов, а также – для сравнения, более взрослой группой работающей молодежи, продолжающей учебу в вузах в форме вечернего и заочного обучения. Различия между ними – по уровню социализации.

Характеристика выборочного массива. Учащаяся молодежь – юноши и девушки в возрасте до 29 лет – 3483 чел., из них работают и учатся – 1306 чел. В выборке, построенной по квотному принципу, представлены основные этнические группы населения республики – русские, саха (якуты), коренные малочисленные народы Севера, а также группа «другие народы» (аварцы, адыгейцы, азербайджанцы, армяне, башкиры, белорусы, буряты, гагаузы, греки, грузины, даргинцы, евреи, ингуши, казахи, киргизы, китайцы, корейцы, латыши, лезгины, литовцы, марийцы, молдаване, мордвины, немцы, ногайцы, осетины, поляки, румыны, татары, таджики, тувинцы, турки, удмурты, узбеки, украинцы, хакасы, чеченцы, чувашаи, шорцы, цыгане, эстонцы).

Всего опрошено по различным методикам 3843 чел. и в том числе в возрасте 14–18 лет – 2235 чел.; 19–29 лет – 1251 чел., старше 29 лет – 191 чел., не указавших конкретный возраст – 166 чел.

По национальности, чел.: русские – 1208, саха – 1943, коренные малочисленные народы Севера – 319, «другие народы» – 335, не указавших национальность – 38.

В соответствии с целями исследования опрос проведен в городах – Якутск, Мирный, Нерюнгри, а также в сельской местности Республики Саха (Якутия). Всего в выборке представлены жители 34 улусов республики и городских центров. Якутск – столица республики, ее культурный и политический центр. Мирный и Нерюнгри – центры основных индустриальных регионов, молодые города.

Опросы проведены в 26 средних общеобразовательных учреждениях, 16 учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также колледжах и 13 высших учебных заведениях и их филиалах.

Чтобы в выборку попали дети из разных по социальному положению семей, опрос проводился в разных районах городов и в разных школах, классах. Соответственно, в выборке учащихся средних специальных и высших учебных заведений представлены

¹⁹⁰ См.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

различные специальности – гуманитарные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, экономические, юридические и т. д., пропорционально их численности в профессиональной структуре данных учебных заведений.

Социальная проблемная ситуация. Северные регионы страны, где находятся ее основные энергетические и сырьевые ресурсы, испытывают острый дефицит в специалистах разного профиля. Этот дефицит обостряется из-за малочисленности проживающего здесь населения и тенденций уменьшения естественного прироста, оттока части населения в другие регионы страны по мотивам материальным, состояния здоровья и т. п. Он не может быть в достаточной мере компенсирован иммиграцией из других регионов России и ближнего зарубежья из-за неразвитости жилищно-бытовой инфраструктуры, физического и квалификационного качества иммигрантов, устремляющихся пока, как показывает опыт, на временные заработки, в основном в сфере легального и нелегального бизнеса. Поэтому наиболее надежный источник пополнения кадров в экономике и в целом роста численности населения на Севере – местная молодежь. От ее здоровья, социального самочувствия, способности адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни современной России, в первую очередь к условиям в регионе, городе, селе, зависит во многом успешность решения данной проблемы. Однако и на Севере молодежь живет в нынешнем глобализирующемся, информационном обществе, формирующем, наряду с реалиями рыночных трансформаций, ее ценностные ориентации, идеалы, жизненные цели и планы, которые не всегда совпадают с целями регионального развития или даже целями развития страны.

В контексте начала реализации последних государственных программ по промышленному освоению Севера (в частности строительства трубопровода, окончания строительства Байкало-Амурской железной дороги) проблемы адаптации молодежи к условиям техногенной среды получили новое развитие. В Южной и Западной Якутии сформировались крупные горно-добывающие центры – Алдан, Мирный и Нерюнгри. Основой этнического состава населения указанных городов являются приезжие люди, представители некоренных национальностей. Лица из числа коренных малочисленных народов, занятых в промышленности, по данным Госкомстата 1999 г., составляли 5,8 % от общего числа занятых в этой отрасли, что в 2,5 раза меньше, чем в 1990 г. Количество занятых в строительстве, транспорте также имеет отрицательную динамику¹⁹¹. Интенсивное промышленное освоение и индустриализация жизненной среды создают сложные проблемы в выборе профессий, трудоустройстве и занятости молодежи народов, особенно ведущих традиционный образ жизни, усложняют проблемы адаптации к городской среде, межэтнические отношения.

Сформированные этнокультурой и культурой советского периода адаптационные механизмы не всегда справляются с новыми задачами. В результате разрушение традиционной этнокультурной модели поведения, слабая психоэмоциональная способность к социокультурной адаптации молодежи, безработица привели к усилению негативных тенденций: ухудшению криминогенной ситуации, алкоголизации населения, участвующимся случаям суицидов, обострению межэтнических взаимоотношений.

¹⁹¹ См.: *Донской Ф.С., Роббек В.А., Донской Р.И.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в первой четверти XXI века: проблемы и перспективы. Якутск, 2001. С. 9.

Исследовательская проблемная ситуация есть противоречие между знанием о потребностях развития Севера, страны, выраженным в отмеченной выше социальной проблемной ситуации, и дефицитом конкретного знания о механизме социокультурной адаптации молодежи Севера, которое способствовало бы решению социальной проблемы.

Под механизмом социокультурной адаптации, как уже было отмечено, понимается симбиоз условий, факторов, моделей, направленных на гармонизацию отношений (достижения относительного равновесия) адаптанта (личности, группы) с социальной средой (регионом, страной), выражающуюся в формировании целостности психологического, социального и культурного развития личности, молодежи, общества в целом. Именно этой целостности личностно-психологического, социального и культурологического аспектов не хватает в исследовании проблем адаптации молодежи к реалиям российских трансформаций.

Целью данного исследования, носящего теоретико-эмпирический междисциплинарный характер, являлось выявление состояния социокультурной адаптации молодежи Севера (на примере Республики Саха (Якутия)) к современным трансформациям российского общества как результата адаптационного механизма, обусловленного личностными, социальными и культурными факторами, взятыми в их интегральной целостности.

Соответственно для достижения этой цели были решены следующие задачи:

1) на основе анализа имеющихся теоретических концепций адаптации, социокультурных подходов к исследованию социума и специфики социокультурной адаптации, обобщения материалов конкретных исследований социокультурной адаптации молодежи предложена теоретическая интерпретация социокультурной адаптации как адаптации интегрального типа, целостного единства ее личностно-психологической, социальной и культурной сторон, единства процессов психологической адаптации, социализации и аккультурации;

2) разработана система показателей и индикаторов адаптации, отражающая принцип целостности и специфику адаптации молодежи в различных сферах жизнедеятельности;

3) построена выборка и проведена в 2006 – 2009 гг. серия конкретных междисциплинарных (социологических и социально-психологических) обследований молодежи в Республике Саха (Якутия) с использованием разработанных социологических методик, методики социально-психологического исследования Ш. Шварца, методики исследования индивидуально-типологических особенностей личности Л.Н. Собчик и адаптированных методик других авторов.

В рамках представленной монографии нам предстоит решить следующие задачи:

4) на основе анализа материалов обследований выявить состояние социокультурной адаптации молодежи Севера и ее различных групп (этнических, возрастных, демографических, образовательных и др.);

5) выявить систему факторов объективного и субъективного характера, определяющих состояние адаптации, проанализировать модели адаптационного поведения молодежи в целом и ее групп в современных условиях российских трансформаций;

6) сформировать предложения органам социального управления по оптимальному регулированию процессов социокультурной адаптации молодежи Севера.

§ 1.5. Методика междисциплинарного исследования адаптации

В конкретном исследовании, в соответствии с изложенным выше подходом к социокультурной адаптации как интегральном единстве личностного, социального и культурного аспектов, применялись психологические, социально-психологические и социологические методы.

Большинство респондентов одновременно опрашивалось по социологической анкете и тестировались с использованием психологических методик Л.Н. Собчик («Индивидуально-типологические особенности личности») и Ш. Шварца («Ценностные ориентации»), что позволило зарегистрировать в единстве психологические, социальные и культурные особенности состояния их сознания.

Инструментарием психологической методики служил индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик в двух вариантах: для детей (ИТДО) и для взрослых (ИТО).¹⁹²

Методику Ш. Шварца мы скорее можем отнести к примеру реализации социального-психологического подхода в социологических исследованиях.

Социологическая методика включала сбор статистической информации о молодежи и ее различных группах (этнических, образовательных и др.), о системе общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, о миграции молодежи, трудоустройстве и т. д., проведение социологических опросов. Инструментарием опросов служили анкеты этносоциологического исследования «Современная молодежь: семья, образование, национальная культура» и «Роль СМИ в формировании психосемантического пространства молодежи» для изучения детских предпочтений в литературе, анимации и кинематографе и анализа характера восприятия информационных материалов (печатная продукция, компьютер (Интернет), телевидение) в настоящее время, а также роли СМИ в формировании семантического пространства респондента в процессе его социализации и аккультурации.

Основные показатели и индикаторы адаптации. Обобщенным критерием определения уровня адаптированности как результата адаптации служило социальное самочувствие (мы рассматриваем данный термин в его социально-психологической интерпретации), определенное путем интеграции двух показателей: удовлетворенность жизнью и оптимизм, при этом оценивалась позитивность восприятия:

- себя (в том числе своей социальной и этнической идентичности), своей жизненной ситуации и своего будущего;
- ближнего окружения;
- будущего этноса и страны.

Субъективная оценка удовлетворенности жизнью фиксировалась по четырем позициям: да; скорее да, чем нет; скорее нет, чем да; нет. Представление о своем будущем определялось по пяти уровням: очень оптимистичное; оптимистичное; среднее; пессимистичное; очень пессимистичное.

Респонденты, одновременно отметившие удовлетворенность жизнью как «да» и «скорее да, чем нет» и степень оптимизма как «очень оптимистичное», характеризовались как «хорошо адаптированные»; выбравшие эти же ответы по удовлетворен-

¹⁹² См.: Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. СПб., 2003.

ности жизнью, но имеющие представление о своем будущем как «хорошее», что свидетельствует о снижении уровня оптимизма респондентов, были объединены нами в группу «средне адаптированных», все остальные комбинации вариантов ответов – пессимистично воспринимающие свое будущее, независимо от того удовлетворены или нет они своей жизнью в настоящем, – определялись как «плохо адаптированные».

Основные показатели процесса социокультурной адаптации: социальный оптимизм, сформированная социальная и культурная идентичность, позитивная «Я-концепция», ценности, толерантность, стремление к интеграционной аккультурационной модели, потенциальная миграция. В совокупности с анализом социального самочувствия эти показатели дают, как мы полагаем, целостное представление о процессе и состоянии социокультурной адаптации как личностей, так и групп.

Набор индикаторов для определения показателей специфичен для той конкретной среды, к которой адаптируется социальный субъект (личность, группа, этнос). Как отмечалось выше, в нашем исследовании рассматриваются разные типы сред.

Самая масштабная в пространственном, социальном, культурном плане макросреда – трансформирующееся российское общество. Поскольку сущность трансформации заключается в политических и экономических реформах, то показателем адаптации на ментальном уровне сознания может служить степень принятия рыночной реальности как ценности, а индикаторами этой ценности – отношение адаптантов к основным феноменам этих реформ – частной собственности, предпринимательству, индивидуальной свободе, приоритету личного над общим, приоритету новаций над традициями, самоидентификация с новым типом личности «успешного человека» в современных экономических и политических условиях и т. п.

Следует учесть при этом, что в силу переходного характера российского общества сознание как индивидов, так и групп носит эклектичный характер и отношение к разным феноменам реформ может различаться, поэтому оценка степени адаптированности молодежи как группы будет носить модальный характер. Для оценки степени адаптированности к макросреде важны и остальные показатели из указанных выше.

Для адаптации к мезосреде (регион, город) также применима вся совокупность отмеченных показателей, из которых к числу наиболее значимых можно отнести стремление к интеграционной аккультурационной модели, потенциальную миграцию и социальную и этнокультурную идентичность. Индикаторами потенциальной миграции выступили планы респондентов по переезду, направлениям и мотивам миграции. Индикаторы социальной и этнокультурной идентичности – этническая, гражданская, конфессиональная идентичности. Указанные индикаторы в свою очередь определяют выбор аккультурационной стратегии индивида.

В адаптации к микросреде особенно важны, помимо остальных, показатели толерантности и позитивной «Я-концепции» личности. Толерантность фиксировалась индикаторами сравнения «Я» и «Другой» в отношениях к различным жизненным проявлениям, установками в межэтнических отношениях, по характеру психологического типа (конфликтность–лабильность психики). Определение типа избираемой аккультурационной стратегии происходило и на микроуровне, поскольку мы считаем, что характер выстраиваемого межличностного взаимодействия связан с доминирующей моделью поведения индивида и обусловлен особенностями «Я-концепции», а также стремлением к выстраиванию гармоничных отношений с окружающими его людьми.

В адаптации в макро- и мезосредах в качестве подвидов социокультурной адаптации нами выделялись социально-экономическая (адаптация в социально-экономической среде), социально-политическая и этнокультурная адаптация. В общей совокупности показателей и индикаторов, указанных выше, к ним добавлялись специфические, связанные с экономикой, политикой и этнической культурой: отношение к труду и занятости, к материальным ценностям – для социально-экономической адаптации; ценность родного и других языков, отношение к традициям, к религии, отношение к представителям других этнических групп – для адаптации этнокультурной; к власти, программам реформ в стране и регионе – для социально-политической адаптации.

В качестве важнейших факторов социокультурной адаптации молодежи, особенно учащейся, выступают социальные институты – семья, система образования, информационная среда. Для каждого социального института характерны специфические индикаторы, входящие в качестве элементов в те или иные показатели.

Например, для социального самочувствия или для культурной идентичности личности важен такой индикатор, как тип родительской семьи – этнически-однородная или этнически-смешанная, а также индикатор «взаимоотношения поколений в родительской семье». Для показателей «потенциальная миграция» может иметь значение индикатор «специальность» в системе образования и т. д.

В соответствии с этой многоуровневой системой показателей и индикаторов, определяемой целью и задачами исследования, конструировались инструментарии и методики опросов и тестирования. Так, анкета этносоциологического исследования «Современная молодежь: семья, образование, национальная культура» состояла из 10 блоков вопросов: 1) общие сведения о респонденте; 2) сведения о языке; 3) сведения о семье, отношение к браку; 4) жизненные приоритеты; 5) материальное положение и отношение к деньгам; 6) труд и профессия; 7) образование (отношение к образованию вообще, профессиональный выбор, предпочтение вуза и места обучения); 8) межэтнические отношения, отношение к месту проживания, знание национальной культуры; 9) отношение к религии; 10) отношение к настоящему и будущему своему и своего народа. Всего в анкете 93 вопроса – открытых, полузакрытых, сформированных ясным, как мы полагаем, языком, доступным для респондентов всех возрастных групп.

Как уже отмечалось, данная анкета носила многоцелевой характер и служила источником информации в исследовании как адаптации, так и других феноменов – социокультурного неотрадиционализма, ценностных ориентаций и др., – анализируемых в том числе и другими сотрудниками сектора этносоциальных исследований.

Анкета «Роль СМИ в формировании семантического пространства молодежи» по изучению информационной среды личности, которая обусловила процесс ее социализации и инкультурации с детства, включала в себя четыре блока вопросов: 1) детские предпочтения в литературе, анимации, кинематографе; 2) отношение к телевидению (объем времени, затрачиваемый на просмотр телевизора, выбор телепрограмм и каналов, характер предпочитаемых передач, фильмов); 3) отношение к компьютеру (объем времени, затрачиваемый на работу с компьютером, выбор программ, отношение к реальному общению с людьми и виртуальному, при помощи Интернета, частота обращения к компьютеру как средству профессиональной деятельности); 4) отношение к литературе (объем времени, затрачиваемый на чтение; выбор жанров чтения;

приоритеты художественной литературы, журналов или газет). Всего в анкете 30 вопросов – как открытых, так и полузакрытых.

Методика исследования ценностных ориентаций Ш. Шварца является одной из последних разработок в области исследования ценностных ориентаций. Преимущество диагностической модели Ш. Шварца состоит в использовании метода структурно-логической типологизации, т. е. изучения синдромов (сочетание ценностных выборов). Использование данного метода позволяет предположить наличие связи между ценностным выбором и социальными ресурсами, индикаторами которых могут служить социально-демографические характеристики. Автор считает, что наиболее содержательный аспект, лежащий в основе различий между ценностями, – это тип мотивационных целей, которые они выражают¹⁹³. Кросс-культурное ценностное пространство, по теории Шварца, определяется тремя осями: автономия–включенность, равенство–иерархия и достижения–гармония¹⁹⁴. При этом культура рассматривается как широкий комплекс значений, смыслов, убеждений, повседневной практики поведения, символов, норм и ценностей, доминирующих среди людей в обществе. Ценности же выражают культурные идеалы людей.

1. Автономия–включенность. Эта ось измерения характеризует психологическую природу границ между индивидом и группой. В какой мере люди автономны или, наоборот, включены в их группы? В автономных культурах люди рассматриваются как самостоятельные существа (сущности), имеющие свои психологические границы. Они должны выражать свои собственные предпочтения, чувства, идеи, проявлять личные способности и находить смысл в собственной уникальности.

Выделяются два типа автономии. Интеллектуальная автономия поощряет индивидов самостоятельно следовать собственным идеям и интеллектуальным устремлениям. Примерами важных ценностей в таких культурах являются открытость к новым идеям, любознательность и креативность.

Аффективная автономия поощряет индивидов стремиться к переживанию эмоционально позитивных чувств. Важные ценности включают удовольствие, увлекательную и разнообразную жизнь¹⁹⁵.

В культурах, акцентирующих такую ценность, как включенность, люди рассматриваются как существа (сущности), включенные в коллективную жизнь. Смысл жизни им придают, прежде всего, социальные отношения, идентификация с группой, участие в общей жизни и стремление к общим целям. Такие культуры стремятся к поддержанию статус-кво и ограничивают действия, которые могут разрушить групповую солидарность или традиционный порядок. Важные ценности в таких культурах – социальный порядок, уважение к традициям, безопасность, подчинение и мудрость. В традиционных культурах включенность подкрепляется ценностями коллективизма, традициями, ритуалами, которые обуславливают включенное поведение человека, что

¹⁹³ См.: *Schwartz S.H., Sagiv L.* Identifying culture specifics in the content and structure of values // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1995. Vol. 26(1). P. 92–116; *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25.

¹⁹⁴ См.: *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.

¹⁹⁵ См.: *Schwartz S.H., Sagiv L.* Identifying culture specifics...; *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values...

заранее регламентирует его действия. Конфликтность, которая ведет к дезадаптации в группе, является неприемлемым качеством индивида. В автономных же культурах выбор делает сам человек. Общество, провозглашая самоценность индивида, возлагает на него ответственность за выстраивание гармоничных отношений с окружающим миром. Поведение человека не регламентируется традициями и ритуалами, но их функции может выполнять кодекс работника, принимаемый в крупных корпорациях.

2. Равенство–иерархия. Важнейшая проблема общества – обеспечить ответственное социальное поведение, побуждать людей учитывать благополучие других и координировать с ними свои действия, понимать их неизбежную взаимозависимость друг от друга. Ценность *равенство* полагает, что люди должны рассматривать других в качестве человеческих существ, морально равных и имеющих такие же базовые потребности. Социальный характер людей проявляется в том, что они должны ответственно сотрудничать друг с другом и проявлять заботу о благополучии каждого. Важные ценности в таких культурах – равенство, социальная справедливость, честность, склонность к помощи, ответственность, лояльность.

Противоположный полюс данной оси измерения – иерархия – полагается на иерархические системы предписанных ролей, которые обеспечивают ответственное поведение. Считается, что неравное распределение власти, ролей и ресурсов логично и разумно. В процессе социализации люди принимают иерархическое распределение ролей как само собой разумеющееся и соглашаются с обязанностями и правилами, которые они налагают на человека. При этом подчеркивается ответственность людей за выполнение предписанных им ролей в иерархической системе. Важные ценности – социальная власть, авторитет, подчинение и благосостояние. Как мы полагаем, стремление к данным ценностям ведет к формированию авторитарной личности и может обуславливать ее дезадаптацию.

3. Гармония–достижения. Третья социальная проблема – как люди регулируют свои отношения с миром природы и социальным миром.

В восточной культуре, например в Китае, существовал принцип «у-вэй», который призывал созерцать жизнь и пытаться найти гармонию с окружающим миром, адаптироваться, а не навязывать свою волю. В отличие от этого европейская культура абсолютизировала возможности человека как активного творца, в результате чего была сформирована агрессивная культура технического вмешательства человека в природу, породившая одну из острейших проблем современной цивилизации – экологическую¹⁹⁶. Становится «техники много, а духа нет...» (Б. Пастернак).

Названные культурные парадигмы обуславливают и особое понимание человеческой деятельности: с позиций западноевропейской культуры деятельность человека направлена вовне, на преобразование предметов, а не на самого человека. В восточной культуре доминирует стремление к самосовершенствованию человека, что проявлялось и в технических изобретениях, и в системе образования. Ценность гармонии подчеркивает необходимость быть в ладу с другими людьми и физическим окружением, ценить мир и гармонию в обществе и природе, стараться понять и принять мир (а не изменять его, не управлять, не эксплуатировать). Важные ценности – мир в мире, мир красоты, единство с природой, защита окружающей среды.

¹⁹⁶ См.: *Россия как цивилизация: сибирский ракурс*. ... С. 213.

Достижения – противоположный взгляд общества на данную проблему. В соответствии с этой ценностью поощряется активное самоутверждение, направленное на овладение и изменение природного и социального окружения для того, чтобы достичь групповых или личных целей. Особенно важные ценности – честолюбие, успех, мужество, компетентность. Если определенная ценностная ориентация культуры проявляется в крайней степени, она обнаруживает свою темную сторону. Проблемы в обществе возникают из-за отсутствия противоположной ценности. Например, крайне сильный акцент на включенность стирает индивидуальность, а крайне сильный акцент на автономию разрывает жизненно важные социальные связи¹⁹⁷.

Преимущество методики Шварца состоит в том, что она позволяет не только оценить представления человека о той или иной ценности, но и проанализировать выбор индивидом поведенческой модели, которая мотивируется множеством социальных установок, в том числе и его ценностными ориентациями.

Опросник состоит из двух частей. Первая часть опросника содержит 57 ценностей, которые разделены на две группы: «терминальные» и «инструментальные», важность, которых нужно ценить респонденту по 9-балльной шкале от минус 1 до 7. Чем выше балл в диапазоне минус 1, 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, тем более важной представляется ему эта ценность. Вторая часть бланка представляет собой 40 ситуаций, которые описывают поведение человека. Задача респондента – сопоставить свое поведение с поведением описанного индивида и ответить, насколько он «похож»: «очень похож», «похож», «в некоторой степени похож», «немного похож», «не похож на меня», «совсем не похож на меня». Соотнесение информации о представлениях респондента с реально осуществляемыми им действиями позволяет получить более точные сведения о декларируемой индивидом иерархии ценностей. А мы в свою очередь получили возможность исследовать декларируемые иерархии ценностей хорошо и плохо адаптированных индивидов и сопоставить данные иерархии с приоритетными ценностями, которые они реально воплощают в своих действиях. Обработка результатов проводится путем соотнесения ответов испытуемого со специальным ключом, содержащимся в методике Шварца.

При сопоставлении доминирующих ценностей у хорошо и плохо адаптированных индивидов с материалами социологической анкеты мы имеем возможность рассмотреть, как те или иные установки личности влияют на выбор ею определенной поведенческой модели. Необходимо отметить, что данная методика также позволяет исследовать ценностные ориентации как отдельного человека, так и больших социальных групп.

Методика исследования индивидуально-типологических свойств личности Л.Н. Собчик представляет собой результат обобщения и формализации опыта многих поколений психологов. Отличительная черта психодиагностической методики – ее измерительная способность, квантификация тех или иных психологических свойств, разработанная путем статистических процедур. Л.Н. Собчик предложила психологам воспользоваться **теорией ведущих тенденций**, которая рассматривает личность с позиций индивидуально-личностной типологии, созданной на базе многолетних авторских исследований. Теория ведущих тенденций основывается на том, что каждый человек из широчайшего спектра впечатлений об окружающем мире выбирает и осваивает

¹⁹⁷ *Schwartz S. H. Mapping and interpreting cultural differences around the world // Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective / H. Vinken, J. Soeters, & P Ester (Eds.). Leiden, the Netherlands, 2003 (Перевод В.Н. Карандашева).*

определенную информацию. Этот выбор происходит с помощью присущего именно этому человеку индивидуального способа восприятия, поэтому человек акцентирует свое внимание на одних явлениях и пренебрегает другими. Индивидуальная избирательность по отношению к явлениям окружающего мира создает базу для формирования разных, по-своему неповторимых личностей при одинаковых средовых условиях. В основе индивидуально очерченного стиля каждого конкретного человека лежит та ведущая тенденция, которая пронизывает все уровни личности: и биологические, и психологические, и наиболее высокие («вершинные», по Выготскому). К последним относятся социальная направленность и иерархия ценностей человека. Как считает Л.Н. Собчик, **«ведущая тенденция»** – более емкое и динамичное понятие, чем понятия «черта», «свойство», «состояние». Ведущая тенденция объединяет эти понятия и определяет направления их трансформации в разные периоды жизни человека и на разных уровнях самосознания. Ведущая тенденция включает в себя и условия формирования определенного личностного свойства, и само свойство, и predisposition к тому поведению, которое может проявиться под влиянием средовых воздействий как продолжение данного свойства. В результате мы получаем возможность исследовать когнитивные, мотивационные особенности личности, предопределяющие выбор ею той или иной модели межличностного поведения. Опросник для взрослого содержит 91 утверждение, на которые респонденту нужно ответить: «верно» (да, похоже на него) или «не верно» (не похоже на него). Бланк для детей содержит 61 утверждение с теми же вариантами ответов.

Базисные типологические свойства, трансформирующиеся в процессе развития в психологические особенности личности, в методике Л.Н. Собчик представлены ортогональным противопоставлением следующих полярных индивидуально-личностных свойств¹⁹⁸.

1. Интроверсия–экстраверсия.

Интроверсия обозначает набор таких индивидуально-типологических черт, как обращенность в мир субъективных переживаний и фантазий, застенчивость, отгороженность, социальная пассивность. Заострение этой тенденции проявляется как замкнутость, неумение общаться со сверстниками, уход от реальности.

В противовес этому свойству экстраверсия – это общительность, обращенность в мир реально существующих ценностей, социальная активность; заостренная форма проявления этого качества – избыточное, неразборчивое, поверхностное общение, в котором нет глубоких привязанностей, неконструктивная (временами даже разрушительная) активность.

2. Тревожность–агрессивность.

Типологическое свойство тревожность, которое в рамках гармоничной личности выглядит как осторожность в принятии решений, ответственность в отношениях с окружающими, социальная созвучность среде, при заострении проявляется неуверенностью в себе, мнительностью, боязливостью, склонностью к иррациональным страхам.

Агрессивность (стенничность) соответствует тенденции к самоутверждению и активной самореализации, а при усилении (акцентуации, заострении) это свойство

¹⁹⁸ См.: Собчик Л.Н. На основе ведущих тенденций // Школьный психолог. 2001. № 7, 9 // <http://psy.1september.ru/2001/07/7.htm>; <http://psy.1september.ru/2001/09/4.htm>.; Она же. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений....

проявляется обнаженным эгоцентризмом и склонностью к агрессивной манере самоутверждения, вплоть до явно агрессивных высказываний или криминальных действий.

3. Сензитивность–спонтанность.

Сензитивность проявляется повышенной чувствительностью к воздействиям окружающей среды, ориентацией на авторитет сильной личности, чертами зависимости. Заострение этого качества выглядит как выраженная пассивность, склонность к грусти, неуверенность при принятии решений. У школьников, например, это проявляется страхом отвечать у доски перед всем классом. В ситуации стресса такой человек легко впадает в депрессивное состояние, испытывает повышенное чувство собственной вины.

Спонтанность – это раскованное самоутверждение, наступательность, предприимчивость и стремление к независимости, но при заострении этого качества поведение подростка отличается выраженной импульсивностью, хулиганскими наклонностями, расторможенной сексуальностью и алкоголизацией.

4. Лабильность–ригидность.

Эмоциональная лабильность выглядит как выраженная неустойчивость и изменчивость эмоционального настроения с бурными проявлениями как радости, так и огорчений, постоянная потребность быть в центре внимания, нравиться окружающим. Акцентуация этого качества проявляется истерическими эксцессами, значительно затрудняющими процесс обучения.

Ригидность – это такое свойство личности, которое способствует «застреванию» и трудной раскочке, независимо от того, находится ли индивид в состоянии покоя или активности. В спокойном состоянии его трудно сдвинуть с места, а в активном – трудно остановить. Такие люди накапливают негативные эмоции, а затем у них происходит неожиданный взрыв. Они чрезвычайно упрямы, вспыльчивы, злопамятны, обстоятельны, прагматичны, любят командовать другими.

Методика представляет собой достаточно лаконичный и простой по содержанию опросник, который обрабатывается с помощью специального ключа, после чего определяются количественные оценки степени выраженности каждой индивидуально-типологической особенности и их сочетаний. Графическое изображение соотношений этих свойств позволяет также понять степень компенсированности выплывших за границу нормы тенденций, трансформировавшихся в дезадаптивные проявления в виде клинических симптомов. Опросник отличается наличием шкал достоверности (объективность восприятия себя и «ложь»), позволяющих судить о надежности полученных результатов¹⁹⁹.

Как правило, респонденты опрашивались по всем методикам. Это позволило получить разностороннюю информацию о психологических, социологических и культурологических составляющих мировоззрения личностей, их взаимосвязи в интересующем нас проявлении социокультурной адаптации, выявить их взаимозависимость и взаимообусловленность.

В последующих главах рассмотрим основные результаты проведенного конкретного междисциплинарного исследования.

¹⁹⁹ См.: Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений...

ГЛАВА 2

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРА

§ 2.1. Молодежь в условиях трансформации России

Современная трансформация в России началась с политической сферы, а затем охватила всю ее социокультурную систему, поэтому целесообразно первоначально рассмотреть социально-политическую адаптацию молодежи в контексте социокультурной трансформации общества.

Одними из первых, кто попытался подвести теоретическую базу под анализ динамики трансформационных процессов в российском обществе постсоветского периода, были сотрудники группы Н.И. Лапина, созданной на базе Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) при Институте философии РАН в 1989 г. Они охарактеризовали процессы, происходящие в конце XX века в России, как **социокультурную трансформацию** – преобразование типа антропосоциетального соответствия, или конкретно-исторической его формы. «Этот комплексный процесс, который охватывает все основные структуры общества, не сводится к реформам “сверху”, а зависит от действий массовых социальных групп, что обуславливает незаданность его исхода. Он совершается многими поколениями и длится десятилетиями»²⁰⁰. Трансформация современного российского общества характеризуется возникновением новой социальной (в широком смысле) дифференциации, изменяющей мотивацию деятельности и возможности благосостояния различных категорий населения и, в свою очередь, меняющейся под воздействием изменений этих субъектов. Это комплексный процесс, включающий как собственно социальные, так и экономические, политические и культурные компоненты. Он служит одним из проявлений глобальной тенденции, заключающейся в нарастании активного взаимодействия между безличными структурами и лично окрашенными действующими субъектами – индивидами и группами²⁰¹. При этом Лапин Н.И. отмечает, что есть «два основных типа социокультурных трансформаций:

1) *традиционализация* – возникновение и институционализация традиций и других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями инновационных их действий;

2) *либерализация (модернизации)* – расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов – в соответствии с усложнением личности, повышением ее потребностей и способностей. Понятие «либерализация» используется здесь по отношению к обществу в целом, а не только к его политической организа-

²⁰⁰ Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III, № 3. С. 32–39.

²⁰¹ См.: Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 14–24.

ции. Оно включает ценность свободы и сопряжено с веберовской рационализацией исторического процесса»²⁰².

В этой связи мы можем наблюдать, с одной стороны, усиление этноцентрических настроений, что способствует возрождению народной культуры, формированию неотредиционализма²⁰³, а с другой стороны – размывание представлений о норме и морали в поиске способов самовыражения индивида как попытке самоидентификации посредством индивидуализации, что для многих служит маркером обеспечения прав и свободы. В результате трансформации российского общества, происходящей в последние двадцать лет, изменились социокультурные условия жизни людей и в первую очередь преобразовались институциональная и социально-групповая структуры. Сформировались новые политические и экономические институты, углубилось социальное неравенство, появились такие социальные группы, как предприниматели, менеджеры, свободные профессионалы, безработные и другие. Значительно дифференцировались ценностные ориентации людей, их представления о нормах²⁰⁴. Данная ситуация обусловила усиление влияния теории стратификаций в анализе российского общества. Одними из первых отечественных ученых, использовавших стратификационный подход для анализа условий трансформации современного российского общества, стали Ю.В. Арутюнян²⁰⁵, З.Т. Голенкова²⁰⁶, Т.И. Заславская²⁰⁷, В.В. Радаев²⁰⁸, Р.В. Рывкина²⁰⁹, Ф.Р. Филиппов²¹⁰, О.И. Шкаратан²¹¹. Всех их объединяет констатация сложившегося в России социального неравенства в виде глубочайшей поляризации, при этом на верхних этажах социальной структуры расположились крайне малочисленные элитные и субэлитные группы, а основная масса населения заполняет низшие слои²¹². В этой связи усиливается интерес исследователей к проблеме формирования в России гражданского общества. Предложенный З.Т. Го-

²⁰² См. *Лапин Н.И.* Социокультурная трансформация России ... С. 32–39.

²⁰³ См.: *Мадюкова С.А.* Социокультурный неотредиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): Автореф. дисс... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.

²⁰⁴ См.: *Осмачко Н.В.* Жизненные стратегии студенческой молодежи в социокультурном пространстве России: Социологический анализ: Дисс. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2005.

²⁰⁵ См.: *Арутюнян Ю.В., Дробизжева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология: Учебник для вузов. М., 1999.

²⁰⁶ См.: *Голенкова З.Т.* Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 2000.

²⁰⁷ См.: *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М., 2002.

²⁰⁸ См.: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1995.

²⁰⁹ См.: *Рывкина Р.В.* Формирование новых экономических классов в России // Социологический журнал. 1994. № 4; *Рывкина Р.В.* Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. Учеб. пособие для вузов. М., 1994; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. М., 1991.

²¹⁰ См.: *Филиппов Ф.Р.* От поколения к поколению. М., 1989.

²¹¹ См.: *Шкаратан О.И.* Российский порядок: вектор перемен. М., 2004; *Социальная стратификация постсоциалистических обществ.* Хрестоматия / Сост. Шкаратан О.И., Ильин В.И.. М., 2004.; *Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России* / О.И. Шкаратан, В.А. Бондаренко, Ю.М. Крельберг, Н.В. Сергеев. М., 2003.

²¹² См.: *Дудник О.В.* Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2002.

ленковой, Е.Д. Игитханяном²¹³, М.Ф. Чернышом²¹⁴ и др. макросоциологический подход к анализу трансформации постсоветского общества воплощен в идеально-типической дихотомии «тоталитарное государство–гражданское общество». Динамика массового сознания россиян под воздействием трансформационных процессов детально проанализирована М.К. Горшковым на основе социологического мониторинга 1992–2000 гг.²¹⁵

Особым направлением, сочетающим феноменологические и интеракционистские аспекты, является предложенная Л.Г.Иониным²¹⁶ культурологическая концепция анализа постсоветского общества, базирующаяся на культурно-аналитическом подходе. При понимании социокультурной трансформации он возвращается к известной теореме У. Томаса: «...если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям». О.В. Дудник отмечает, что наиболее важным концептуальным положением культурной социологии является репрезентативная культура, интегрирующая в себя все социальные факты, жизненные стили, стереотипы поведения и символы, актуальные для индивидов, и подчеркивает «высокоэвристичность анализа социальной трансформации как культурной реорганизации моностилистичной советской культуры в полистилистичную постсоветскую»²¹⁷. С этим выводом совпадает и подход в рассмотрении причин трансформации общества, делающий акцент на кризисе субъектности, переживаемом российским обществом. Причины данного кризиса различны. Это и процесс «запаздывающей», или «догоняющей», модернизации 1990-х годов. В результате неорганичности процессов модернизации внутренний социально-культурный конфликт между группами, ориентированными на идеологию догоняющей модернизации, и группами, предпочитающими традиционалистские ценности, на каком-то этапе стал доминировать над осознанием исторической общности.²¹⁸ Это привело к разрушению старых, советских, и возникновению новых, постсоветских, типов солидарностей и идентификаций (В.А. Ядов, Ю.А. Левада, Б.И. Максимов, Т.З. Козлова, А.В. Мытиль, О.Н. Дудченко, Е.В. Первышева, Е.Н. Данилова, Т.С. Баранова, С.Г. Климова и другие). Фиксируемый и другими исследователями феномен массовой деидентификации в постсоветском обществе является основной точкой теоретизирования.

Данная ситуация, как отмечает Л.Г. Бызов, приводит к отсутствию или недостаточности мотивации для исторического цивилизационного творчества, предполага-

²¹³ См.: *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // *Социология в России*. М., 1998. С. 104–129; *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Голиусова Ю.В., Орехова И.М.* Социально-профессиональный портрет российского среднего класса // *Мониторинг общественного мнения*, 2007. № 3 (83). С. 13–27.

²¹⁴ См.: *Черныш М.Ф.* Новая социальная группа – «информационные» работники // *Социологические исследования*. 2002. № 11. С. 61–68; *Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007; *Черныш М.Ф., Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа // *Социологические исследования*. 2008. № 8. С. 147–150.

²¹⁵ См.: *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2000 гг. М., 2003.

²¹⁶ См.: *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000.

²¹⁷ *Дудник О.В.* Жизненные стратегии северян... С. 14.

²¹⁸ См.: *Бызов Л.Г.* Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // *Мир России*. 2002. № 1. С. 117–152.

ющей идентичность с глобальной общностью (этнос, суперэтнос) и мобилизационный компонент (жертвование текущими интересами ради стратегических). «Наблюдается этническая усталость, потеря энергии, неспособность ни выдвинуть адекватных политических лидеров, ни консолидироваться вокруг значимых общественных целей. Современное российское общество напоминает рассыпающийся песок, из которого не удастся создать устойчивые социальные конструкции, а сами элементы общества, попадая сейчас или в перспективе в зону притяжения иных цивилизационных ядер, неизбежно теряют собственную идентичность».²¹⁹ Единственное, что может помочь индивиду сохранить созидательную силу своей идентичности, – самосознание, причем А.Г. Здравомыслов выделяет в первую очередь моральное сознание: «В нынешней российской ситуации ведущим звеном рационализации действительности оказывается моральное сознание, сопряженное с чувством ответственности каждого за положение дел в стране, ибо маятник индивидуализации личной ответственности достиг опасного предела».²²⁰ Как отмечает Ю. Левада, «...поиск идентичности начинается с осознания своей связи со своим ближним кругом, с локальным сообществом, то есть в определенном смысле идентифицируются скорее с локальной, чем с социетальной общностью».²²¹ Пересмотр «Я-концепции» индивидом сопряжен с пересмотром системы ценностей, норм, привычных моделей поведения. Ряд исследователей характеризуют данную ситуацию как хаотическую или как неожиданно подарившую множество возможностей (не обязательно альтернативных), или «точек бифуркации», для реализации которых достаточно слабого воздействия случайных факторов. Не заранее известные колебания маятника, а спонтанные переходы с орбиты одного цикла на орбиту другого – вот основная характеристика происходящих социальных преобразований (Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов).²²²

Ряд социологов и психологов видят в сложившейся ситуации не столько позитивные возможности для развития личности, сколько скорее угрозу для ее адаптации, поскольку люди могут вести себя адаптивно в ситуациях, допускающих только ограниченное число вариантов поведения.²²³ При неограниченном выборе вариантов поведения выбор оптимального становится невозможным, в результате чего наступает состояние дезадаптированности.²²⁴ Эта позиция в рассмотрении трансформации российского общества обусловила развитие социально-психологической концепции, определяющей социокультурную ситуацию многих социальных групп населения постсоветской России как «жизненную трудность», включающую в себя следующие компоненты: 1) давление внешних обстоятельств, не поддающихся индивидуальному контролю, нарушающих привычный жизненный уклад индивида; 2) множественные потери, ставящие под угрозу социальное и экономическое благополучие индивида; 3) сильные негативные переживания, ухудшающие социальное самочувствие индивида. Общая направленность данной концепции

²¹⁹ Там же. С. 118.

²²⁰ См.: *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. М., 1999. С. 66.

²²¹ *Левада Ю.* От мнений к пониманию. М., 2000. С. 422.

²²² См.: *Лапин Н.И., Беляева Л.А., Наумова Н.Ф., Здравомыслов А.Г.* Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996. С. 9.

²²³ См.: *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981. С. 194.

²²⁴ *Налчаджян А.А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М., 2010. С. 53.

заключается в изучении реального поведения индивидов как стратегий преодоления сложных жизненных ситуаций, кризисов и т. д.²²⁵.

В этой связи особую значимость приобретает вопрос, какую в ситуации трансформации российского общества стратегию выберет для себя молодое поколение людей, перед которыми стоит комплексная проблема жизненного самоопределения. От того, каким образом решит эту задачу российская молодежь, зависит настоящее и, в большей степени, будущее нашего общества. Особенности и типологии жизненных стратегий в трансформирующемся российском обществе рассматриваются Н.Ф. Наумовой, Т.И. Заславской, Е.С. Балабановой, М.А. Шабановой, Е.Н. Даниловой, Л.А. Беляевой, И.В. Мостовой, Л.В. Корель, А.М. Демидовым. Отдельные компоненты стратегий жизни изучаются В.А. Ядовым, Н.И. Лапиным, Л.Г. Иониным, В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз, Ю.М. Плюсниным²²⁶ и другими. Студенческая молодежь является объектом, наиболее активно исследуемым отечественными социологами (В.Н. Шубкиным, Ю.Р. Вишневым, Д.Л. Константиновским, В.Т. Лисовским, Л.Л. Рубиной, В.Т. Шапко, В.И. Чупровым, Ю.А. Зубком, Л.И. Бойко, О.И. Карпухиной, Т.В. Ковалевой, А.Г. Эфендиевым, В.А. Сибиревым, А.В. Юпитовым, В.А. Меренковым, С.В. Скутневой и другими).

Молодежь как носитель определенных психологических и социальных черт представлена в работах таких зарубежных авторов как Дж. Колеман, Ф. Райс, С. Холл, Х. Шельски, Э. Эриксон.

Научное рассмотрение феномена «молодежь» способствовало развитию особого научно-исследовательского направления – социологии молодежи с широким спектром исследовательских подходов. Ведущая позиция принадлежит структурному функционализму, сыгравшему важную роль в создании теорий межпоколенного взаимодействия, «сексуальной революции» (В. Райх, Г. Маркузе), «конфликта поколений» (Д. Белл, Э. Фромм, Р. Мертон, Ш. Эйзенштадт).

Молодежь в советской социологии длительное время не рассматривалась как самостоятельная социальная группа, поскольку выделение такой группы не укладывалось в существующее представление о классовом устройстве общества.

Как отмечает О.Н. Безрукова²²⁷, одно из первых социологических определений понятия «молодежь» в конце 1960-х годов было сформулировано основателем ленинградской школы исследований молодежных проблем социологом В.Т. Лисовским: «Молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих (а в более зрелом возрасте уже усвоивших) образовательные, профессиональные и культурные функции и подготавливаемых (подготовленных) обществом к усвоению и выполнению социальных ролей. В зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет»²²⁸. Позднее более полное определение дал И.С. Кон: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного

²²⁵ См.: Дудник О.В. Жизненные стратегии северян...

²²⁶ См.: Плюснин Ю.М. Личность на перекрестке культур: модели социализации в условиях межкультурного взаимодействия. Новосибирск, 1994. С. 18–20.

²²⁷ См.: Безрукова О.Н. Социология молодежи: Учебно-методическое пособие. СПб., 2004.

²²⁸ Социология молодежи: Учебник / Отв. ред. проф. В.Т. Лисовский. СПб., 1996. С. 6.

цикла, биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации».²²⁹

Таким образом, молодежь как особая демографическая группа обладает следующими характеристиками:

- 1) возрастные границы;
- 2) специфика социального статуса;
- 3) ролевые функции и особенности поведения;
- 4) характеристики социально-демографической группы;
- 5) социально-психологические характеристики;
- 6) процесс социализации в конкретный исторический период;
- 7) самоидентификация и самоопределение молодежи как социальной группы²³⁰.

Выделенные характеристики обуславливают необходимость анализа жизненных стратегий молодежи как специфической группы (С.П. Парамонова²³¹, В.С. Магун²³², К. Муздыбаев²³³, Н.Д. Сорокина²³⁴, Н.Е. Тихонова²³⁵). Значительно реже жизненные стратегии молодежи, в том числе студенческой²³⁶, анализируются в контексте происходящей в России трансформации (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс²³⁷). В то же время именно научный анализ происходящих изменений в адаптационных моделях молодежи в рамках трансформационной динамики современного российского общества необходим для исследования механизмов конструирования новой социальной реальности, прогнозирования результатов социокультурных изменений и обнаружения внутренних источников развития, которые станут органичными для российской модернизации. Социальные трансформации, интенсивно влияющие на различные подсистемы общества, одновременно являются источником существенного воздействия на жизненный мир россиян²³⁸, в том числе и на молодежь. Сегодня молодежь РФ – это около 40 миллионов молодых граждан – 27 % от общей численности

²²⁹ См.: Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.; *Он же*. Психология старшеклассников. М., 1982; *Социология молодежи: Учебник / Отв. ред. В.Т. Лисовский*. СПб., 1996.

²³⁰ См.: Безрукова О.Н. Социология молодежи... С. 6.

²³¹ См.: Парамонова С.П. Динамика морального сознания. Пермь, 1997.

²³² См.: Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983.

²³³ См.: Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // ЖССА. 1998. Т. 1, № 2. С. 100–111; Муздыбаев К. Экономическая депривация, стратегия ее преодоления и поиск социальной поддержки. СПб., 1997.

²³⁴ Сорокина Н.Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 55–60.; *Она же*. Образование в современном мире: социологический анализ. М., 2004.

²³⁵ См.: Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.

²³⁶ См.: Осмачко Н.В. Жизненные стратегии студенческой молодежи в социокультурном пространстве России: Социологический анализ: Дисс. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2005.; Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960 гг. – начало 2000 гг.). М., 2008.

²³⁷ См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2003.

²³⁸ См.: Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук.. Ставрополь, 2008.

населения страны. В соответствии со стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 1760-р, к категории молодежи в России относятся граждане России от 14 до 30 лет.

Проблема анализа социокультурной адаптации молодежи становится особенно актуальной в контексте комплексного изучения социального самочувствия, жизненных стратегий, социальных установок, целей и ценностей, выступающих характеристиками социальных и духовно-культурных изменений.

По результатам проведенного в 2007 г. Институтом социологии РАН совместно с фондом имени Фридриха Эберта комплексного исследования в Российской Федерации²³⁹, современную молодежь отличает определенный оптимизм в оценке современной ситуации в стране. Так, почти две трети (64 %) представителей молодого и меньше половины (45 %) старшего поколения высказали мнение, что им нравится сегодняшняя жизнь. «При этом если еще 10 лет назад российская молодежь делилась на две одинаковые по величине части: тех, кому нравилась (или скорее нравилась) и не нравилась (или скорее не нравилась) жизнь в тот период, то сейчас молодые люди более чем в два раза чаще заявляют о том, что сегодняшняя жизнь в России им нравится (скорее нравится)»²⁴⁰. Исследовательский коллектив во главе с М.К. Горшковым приходит к выводу, что причиной оптимизма стало последовательное улучшение с начала 2000 гг. экономической ситуации в стране, что повлияло на доходы населения.

Повысилось доверие к проводимым в стране реформам. Если в 1997 г. одобрили реформы более 11 % молодых россиян, то к 2007 г. эта цифра увеличилась примерно в 2,5 раза (28,5 % опрошенных юношей и девушек).²⁴¹ «Свыше 70 % молодых россиян убеждены, что, по крайней мере, при жизни нынешнего поколения (а это не менее полувека) никакого распада страны, о котором так часто говорили в 90-е годы, не произойдет».²⁴² В то же время необходимо отметить, что молодежь сейчас более ориентирована на собственные силы в решении проблем. Связано ли это с утратой веры во власть? Данный вопрос авторы доклада не освещают, но упоминается, что практически каждый десятый молодой россиянин (11 %) не исключает возможности иммиграции из России в случае, если дела в стране пойдут совсем плохо.

Этот вывод подтверждается и более поздними исследованиями. В частности, М.В. Грядунов также отмечает, что «современные трансформации российского общества не могли не произвести существенную перестановку в структуре общественных и личных ценностей. Изменяется само восприятие таких базовых человеческих ценностей, как здоровье, семья, любовь. Общей тенденцией является усиление значимости личностных ценностей в соотношении с общественными, что представляет логический результат отчуждения граждан от управления государством и лишения их возможности влиять на общественные процессы»²⁴³. На основании сопоставления данных о снижении политической активности молодежи, которую исследователи

²³⁹ *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад.* М., 2007.

²⁴⁰ Там же. С. 6.

²⁴¹ Там же. С. 43.

²⁴² Там же. С. 44.

²⁴³ *Грядунов М.В.* Социокультурная регуляция морально-нравственных ценностей студенческой молодежи в современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. ... М., 2009. С. 17.

чаще всего объясняют возрастными особенностями группы, с выводом о том, что «независимо от возраста в каждой группе доминируют те, кто коллективным формам социального протеста предпочитает индивидуальную адаптацию к возможному ухудшению условий жизни»²⁴⁴, мы можем предположить, что проблема адаптации молодежи к условиям современных трансформаций недостаточно эффективно решается на государственном уровне. Стратегии адаптации каждый индивид разрабатывает сам, в согласии с имеющимся у него «человеческим капиталом»²⁴⁵, формирование которого происходит под влиянием многих факторов, а среди них значимым является место жительства молодого человека.

§ 2.2. Особенности молодежной политики на Севере России

Как мы уже рассмотрели выше, молодежь России является «интернальной страной»²⁴⁶, особенно нуждающейся в активной социальной политике государства и общества по отношению к себе. Социальная практика работы с молодежью в транзитивном обществе выявляет наличие таких социальных проблем, как демографический кризис, необходимость пополнения трудовых ресурсов, проблемы формирования чувства патриотизма, «кризис идентичности»²⁴⁷, «стратификационная революция»²⁴⁸, «революция притязаний».²⁴⁹

В отношении понятия «молодежная политика» мы придерживаемся подхода, сформулированного М.Г. Антоновым, который считает, что молодежная политика является составной частью социальной политики.²⁵⁰ Под социальной политикой мы понимаем планомерную деятельность правительства и его органов в отношении граждан своей страны. В академическом смысле социальная политика учитывает и экономические, и социальные, и политические аспекты жизнедеятельности граждан. Таким образом, мы можем рассматривать молодежную политику как систему «комплексной и систематической деятельности государства в отношении молодежи, направленную на поддержку населения в возрасте от 14 до 30 лет».²⁵¹ В условиях социальной адаптации подрастающего поколения молодежная политика призвана обеспечить гарантии и содействовать социальному становлению, развитию и усовершенствованию, как отдельного молодого человека, так и в целом всего молодого поколения. Как показывают результаты исследования Института социальных и национальных проблем и Института социологии РАН, в сотрудничестве с Представительством

²⁴⁴ *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты...* С. 53.

²⁴⁵ Там же. С.92 – 93

²⁴⁶ См.: *Лукс Г.А.* Социальное инновационное проектирование в региональной молодежной политике. Самара, 2003. С. 21.

²⁴⁷ *Ионин Л.П.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–14.

²⁴⁸ См.: *Антитип П.В.* Четыре типа адаптации к рынку труда и перспективы социального расслоения в России // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 218–226; *Римашевская Н.* Социальная стратификация и проблемы бедности // Человек и труд. 1994. № 10. С. 55–58.

²⁴⁹ *Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 гг.* / Под ред. В.С.Магуна. М., 1998.

²⁵⁰ См.: *Антонов М.Г.* Молодежная политика в России как часть социальной политики. М., 1994; *Он же.* Молодежная политика в России. М., 1994.

²⁵¹ *Лукс Г.А.* Социальное инновационное проектирование в региональной молодежной политике... С. 27.

Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации в 2007 г., при условии слабого развития самоорганизации молодежи велика роль попечительской функции государства. Поэтому, естественно, что большинство юношей и девушек ожидают решения многих своих проблем от государства. Молодежная политика государства становится в глазах молодежи приоритетной, и она относится к этой политике с повышенным вниманием. Нынешнюю молодежную политику государства однозначно положительно оценивают 15,3 % молодежи, т. е. 5,7 млн человек. Это невысокий показатель, но он больше, чем был 10 лет назад – 5,4 %. Большинство – 41,7 % – придерживаются мнения, что в России в интересах молодежи «что-то делается, но это мало заметно». Не довольны результатами нынешней молодежной политики российской власти 32 % молодежи (11,8 млн человек), еще 11 % затрудняются оценить эффективность такой политики. Доля лиц, оценивающих нынешнюю молодежную политику власти как эффективную, составляет среди юношей – 15,3 %, среди девушек – 15,4 %; как неэффективную – соответственно 37,2 % и 26,8 %.²⁵²

При этом большинство (67,8 %) молодежи считают, что у нее нет возможности влиять сегодня на политику государства. Эта позиция, по всей видимости, не в малой степени обусловлена неразвитостью автономных гражданских организаций молодежи. Также большинство (56,5 %) считает, что у них сегодня нет возможности доносить свои интересы до власти и отстаивать их, а по мнению 46,1 % опрошенных нет возможности диалога с властью по проблемам молодежи.²⁵³ Вероятно, оценка молодежной политики и возможностей молодежи участвовать в ее формировании все же в рамках регионального подхода будет отличаться, поскольку сама ситуация по регионам России довольно не однозначна.

Российский Север имеет свои особенности и специфику, которая проявляется в природно-климатических, экономических, социально-демографических, межэтнических процессах, существенно отличающихся от тех процессов, которые происходят в российских регионах с умеренными климатическими условиями, приближенных к центру. Кроме этого, российский Север принадлежит к тем регионам страны, где особенно заметна сложность процесса принятия политических, экономических решений – как в силу определенной «обнаженности» внутренних структурных, системных связей, так и в силу жесткого переплетения острейших взаимосвязанных традиционных и современных проблем. Первые обусловлены природно-географической средой, историей освоения и спецификой формирования населения Севера, потребительской, ведомственной политикой прежних государственных структур.

Вхождение российского Севера в рыночные отношения не только усугубило существовавшие проблемы, но и породило новые: падение жизненного уровня северян, возникновение и рост безработицы, отток квалифицированных кадров и другие. Причем северяне во многих отношениях оказались более ущемленными, чем жители других регионов России, по целому ряду жизненно важных показателей: жилищно-коммунальные и бытовые условия, медицинское обслуживание, условия работы, материальное положение, снабжение продовольственными и промышленными товарами, возможности проведения отпуска, культурного досуга, обеспеченность детскими учреждениями и т. д. Влияние общего кризиса выразилось в том, что степень неудов-

²⁵² Гориков М.К., Шереги Ф.Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 1. (95). 2010. С. 29.

²⁵³ Там же. С.34.

летворенности условиями жизни у северян в целом весьма высока,²⁵⁴ что проявилось в массовом оттоке населения с северных территорий. В результате в 1990-х–начале 2000 гг., центр Европейской России стал зоной положительного миграционного прироста, а наибольшую миграционную убыль населения имели регионы севера Сибири и Дальнего Востока, за исключением Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.²⁵⁵ Для российских «северов», как с некоторых пор стало принято говорить про Север, Сибирь и Дальний Восток, теперь понятия «миграция» и «внутрироссийская миграция» стали синонимами. Для дальневосточников внутренняя миграция – это больше 95 % всей миграции.²⁵⁶ Так, например, по Дальнему Востоку численность населения достигла максимума в начале 1991 г. – 8057 тыс. чел. Вместе с тем с этого же года начался процесс постепенной его убыли. «К началу 2002 г. численность населения на Дальнем Востоке уменьшилась более чем на 1 млн человек и составила 7038,1 тыс. чел., или менее 5 % населения страны».²⁵⁷ В частности, численность населения Республики Саха (Якутия) в 1991 г. составила 1119 тыс. чел., а в 2006 году – 949 тыс. чел.²⁵⁸, т. е. уменьшилась на 170 тыс. чел., или более чем на 15 %. В 1991 г. (пик миграции) из РС(Я) выбыло 71863 чел., что составило 6,4 % населения региона. В целом из Якутии в страны СНГ и Балтии за 1990 – 2003 гг. выехало 109,1 тыс. чел., а в регионы России – более 301 тыс. чел.²⁵⁹ Миграция, обусловленная социально-экономическими и этнополитическими причинами, приняла такие масштабы, что получила широкий общественный резонанс как нежелательная, с точки зрения государственных интересов. Как пишет Л.Л. Рыбаковский, «в современных условиях, с одной стороны, усилился процесс пополнения старообжитых территорий квалифицированными кадрами, выбывающими из слабозаселенных районов, а с другой – происходит обвальное разрушение демографического и трудового потенциала, в связи с выездом населения из районов Севера, Дальнего Востока и др. Это население формировалось многие десятилетия, оно прошло длительную адаптацию в экстремальной среде. К тому же безвозвратно теряются инвестиции, вложенные в привлечение, подготовку и стабилизацию кадров в заселяемых местностях»²⁶⁰.

Кроме потери трудового потенциала данными регионами, одним из важнейших последствий миграции является изменение этнической картины народонаселения северных территорий, поскольку самый высокий, по сравнению с другими регионами России, миграционный отток славянского населения был зарегистрирован именно с территории Дальнего Востока²⁶¹. К 2002 г. данная тенденция усилилась (см. табл. 2.1).

²⁵⁴ Зайдфудим П.Х. Социальная реабилитация населения в районах российского Севера // Социологические исследования. 1994. № 7. С. 19–28.

²⁵⁵ См.: Социальный атлас российских регионов / Тематические обзоры/ Результаты переписи/ Динамика численности и старение населения регионов // <http://atlas.socpol.ru/overviews/demography/index.shtml#migration>

²⁵⁶ См.: Карачурина Л.В. Внутрироссийские миграции: региональный аспект // Региональные исследования. 2004. № 2 (4). С. 18.

²⁵⁷ Проблемы населения Дальнего Востока. Владивосток, 2004. С. 42.

²⁵⁸ См.: Демографический ежегодник РС(Я). Якутск, 2006. С. 9.

²⁵⁹ Информационно-аналитическая записка «Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия) за 1990–2002 годы. Якутск, 2003. С. 13.

²⁶⁰ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М., 2001. С. 50.

²⁶¹ См.: Проблемы населения Дальнего Востока... С. 42.

Таблица 2.1

Национальный состав населения Республики Саха (Якутия), %²⁶²

Национальность	Годы			
	1970	1979	1989	2002
Саха (якуты)	43,0	36,9	33,4	45,5
Русские	47,3	50,4	50,3	41,2
Украинцы	3,1	5,4	7,1	3,7
Белорусы	0,6	0,8	0,9	0,4
Эвенки	1,4	1,4	1,3	1,9
Эвены	1,0	0,7	0,8	1,2
Другие	3,6	4,4	6,2	6,1
Все население	100	100	100	100

Кризис промышленной сферы Республики Саха (Якутия) привел к росту напряженности на внутреннем рынке труда, поскольку большая часть занятых в данной сфере была представлена славянским населением, доля которого в этнической структуре республики сократилась с 50,3 % в 1989 г. до 41,2 % в 2002 г. и продолжает сокращаться. Так, в этнической структуре внешней для региона миграции в 2005 г. доля славян составила 73,5 % от миграционной убыли населения.²⁶³

Отрицательный миграционный прирост со всеми федеральными округами, кроме Дальневосточного, имеет Сибирский округ. Он в 2002 г. потерял столько же, сколько Дальний Восток. В то же время в данном округе отмечено наличие промывного – с востока на запад – режима миграции на Урале и в Сибири. Например, Уральский ФО принимает мигрантов с востока – Сибири и Дальневосточного округа, но отдает мигрантов западным округам, включая Приволжский. И это происходит, несмотря на отнесение к Уральскому округу таких «магнитов», как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.²⁶⁴

Данные факты заставляют задуматься не только о решении экономических вопросов адаптации молодежи на Севере, но и об актуальности сохранения этнокультурной идентификации личности в сочетании с повышением уровня толерантности, поскольку Север также находится и под влиянием процессов глобализации.

В последние годы темпы роста миграции замедлились: желавшие выехать (в основном русскоязычное население промышленных районов) уже покинули регион, число приезжающих (в большинстве случаев трудовые мигранты) оставалось неизменным на протяжении нескольких лет. Наиболее важными факторами снижения миграции остаются экономический и демографический. В начале реформ инфляция «съела» сбережения северян и отток пенсионеров уменьшился, что привело к заметному росту доли населения старше трудоспособного возраста (в Ямало-Ненецком АО – с 2 до 6,5 %, в Ханты-Мансийском и Чукотском – с 3 до 8 % за 1990–2006 гг.).

²⁶² См.: *Демографический ежегодник РС (Я)*. Якутск, 2006. Табл. 1.10.

²⁶³ См.: *Миграция населения по РС (Я) 2005 г.* Якутск, 2006. С. 40.

²⁶⁴ См.: *Карачурина Л.В.* Внутророссийские миграции: региональный аспект... С. 19.

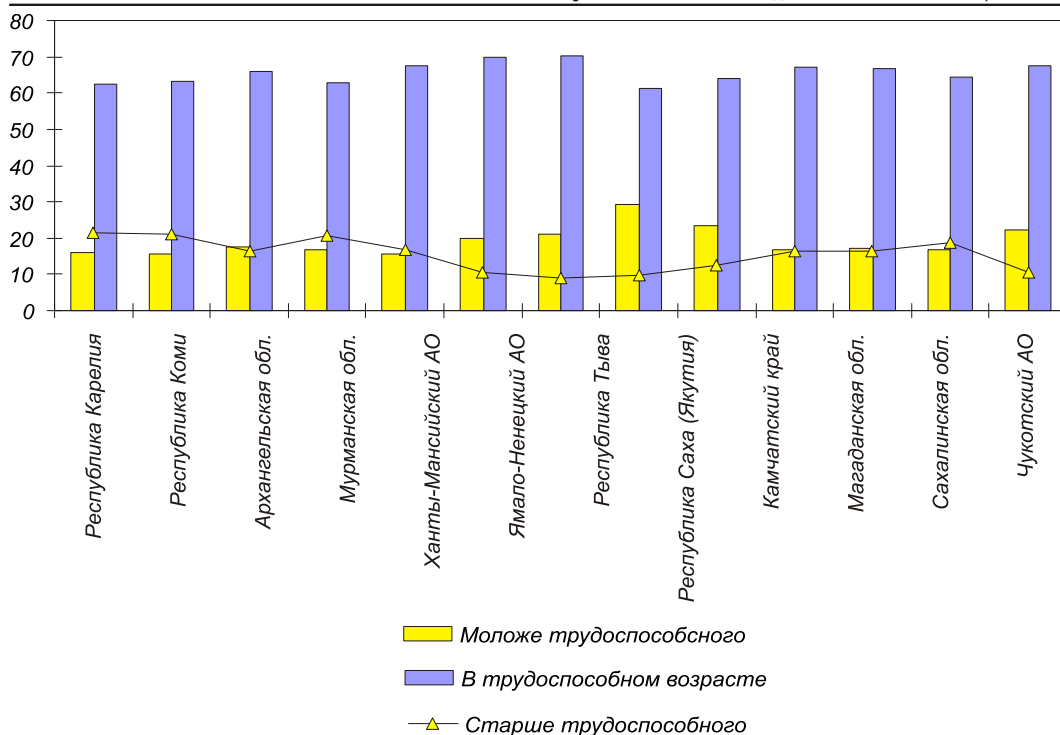

Рис. 2.1. Распределение численности населения северных территорий России на 1 января 2010 г., % от общей численности населения.

Источник: Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. М., 2010. С. 51.

Второй из причин снижения миграционного потенциала многих дальневосточных регионов, как указывает Л.В. Карачурина, стало сокращение численности населения. Только за 1997–2002 гг. округ потерял почти 280 тыс. чел., что соответствует, например, населению всей Магаданской области. Чукотский автономный округ лишился 67 % населения, Магаданская область – 54 %, вклад миграции в этой убыли огромен. Ощутимы потери регионов Восточной Сибири и европейского Севера. Потери «северов» во внутренних миграциях в середине–конце 1990-х годов частично (на 9–25 % в разные годы) возмещались мигрантами из стран СНГ и Балтии. Начиная с 1999 г. эти регионы имеют отрицательный миграционный баланс в обмене и с этими странами.²⁶⁵ Таким образом, сочетание этих двух факторов привело к тому, что минимальная доля пожилых в районах Крайнего Севера по-прежнему сохраняется,²⁶⁶ что, в свою очередь, способствовало сохранению более высокого удельного веса молодежи по сравнению с другими регионами (см. рис. 2.1).

Так Л.А. Попова отмечает, что развитие депопуляционных процессов на Севере и меньшая их глубина, сохранение положительного прироста населения на ряде северных территорий обусловлены несколькими причинами: более молодой возрастной структурой населения, повышенным уровнем рождаемости у большинства коренных

²⁶⁵ См.: Карачурина Л.В. Региональные особенности российской демографической ситуации // Отечественные записки. 2006. № 4 // <http://demoscope.ru/weekly/2007/0273/analit05.php>

²⁶⁶ См.: Социальный атлас российских регионов / Тематические обзоры/ Миграция...

северных этносов, «вывозом смертности» с Севера в южные районы²⁶⁷. Последняя причина скорее связана с формированием определенного «жизненного сценария» на уровне регионального сознания. Психологические аспекты рассматриваемой проблемы на региональном уровне впервые были озвучены В.П. Серкиным²⁶⁸, использовавшим методологию «сценарного подхода» Э. Берна.²⁶⁹ Жизненный сценарий северян, как существующий у мигрантов, так и формирующийся у молодого поколения, рожденного на Колыме, в результате «родительского программирования» приводит к возникновению феномена «сценария отложенной жизни», концепция которого претендует на целостную картину регионального образа жизни.²⁷⁰ Такой подход в дальнейшем использовал целый ряд исследователей, изучавших жизненные перспективы как коренных народов Севера²⁷¹, так и некоренного населения²⁷².

Как утверждает Н.В. Осмачко, важным элементом концепции жизненных стратегий являются индивидуальные притязания индивидов. Термин «притязания» подчеркивает, что речь идет о целях, самостоятельно устанавливаемых человеком, в отличие от тех целей, которые он вынужден принимать и преследовать под давлением обстоятельств. Этот аспект раскрывает творческий потенциал биографического проектирования. Социальные притязания определяют пространственно-временной уровень и границы проектирования и реализации жизненной стратегии²⁷³. Но пока сохраняется на уровне регионального сознания, как идеальный, – сценарий благополучной старости в более комфортных по климату областях России, отток населения с Севера будет сохраняться. И хотя в целом это, как мы уже увидели выше, не влияет на изменение доли трудоспособной части населения северных территорий, тем не менее на формирование психологии временщика такой жизненный сценарий влиять будет.

На фоне сохранения некоторой позитивности демографической ситуации на Севере необходимо отметить, что уже давно не только разрушены механизмы привлечения молодежи на Север, но и не разработаны механизмы по сохранению еще проживающей там. В этой связи М.Е. Николаев, зам. председателя Совета Федерации и экс-президент Республики Саха (Якутия), отмечает, что «нужен принципиально новый социально-экономический механизм привлечения молодежи во вновь осваиваемые районы Севера и Арктики и закрепления ее там. Необходимо найти точки соприкосновения для согласования интересов государства, общества, семьи и личности.

²⁶⁷ См.: *Попова Л.А.* Демографическая политика в северных регионах России: особенности и приоритеты // Регион: экономика и социология. 2010, № 3. С. 136–153.

²⁶⁸ См.: *Серкин В.П.* Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997, № 4. С. 20–23.

²⁶⁹ См.: *Берн Э.* Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. / Общ. ред. М.С. Мацковского; послесл. Л.Г. Ионина и М.С. Мацковского. М., 1988.

²⁷⁰ См.: *Серкин В.П.* К концепции регионального образа жизни // Магадан: годы, события, люди: Тез. докл. научн.-практ. конф., посвящ. 60-летию г. Магадана, Магадан, 15–16 июля 1999 г. / Гл. ред. Н.Б. Карпенко, отв. ред. В.И. Гончаров, Е.М. Кокорев. Магадан, 1999.

²⁷¹ См.: *Выскочил А.А., Кузнецова С.А.* Жизненные перспективы представителей коренных народов Севера // Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения: Расш. тезисы докл. регион. науч. конф. «Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее». Магадан, 31 марта – 2 апреля 1998 г.: В 2 т. / Отв. ред. В.И. Гончаров. Магадан, 1998.

²⁷² См.: *Кузнецов И.Ю.* Территориальные аспекты самоопределения жителей Северо-Востока России // Там же.

²⁷³ См.: *Осмачко Н.В.* Жизненные стратегии студенческой молодежи...

Для привлечения населения, в первую очередь молодежи, в районы Севера и Арктики и закрепления ее необходимо предложить комплекс экономических стимулов и социальных гарантий, позволяющих сделать Север России привлекательным и конкурентоспособным»²⁷⁴. Вместе с тем он также отмечает, что в северных регионах страны существует серьезная база для формирования экономики знаний. Здесь действует значительное число научных организаций, в том числе восемь центров РАН (в их числе крупные центры академической науки – Якутский научный центр Сибирского отделения РАН, Коми научный центр, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН, Кольский научный центр РАН). В состав научных центров входят 46 научно-исследовательских институтов. На Севере расположены также 74 отраслевые научно-исследовательские организации. Сегодня в Республике Коми, Мурманской области, Республике Саха (Якутия) подготовлены условия для создания собственных инновационных центров, в которых можно было бы быстрее доводить научные разработки до стадии коммерчески реализуемого продукта. Раньше академические учреждения не имели права создавать подобные предприятия. С 2009 г. деятельность по созданию бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях внедрения результатов интеллектуальной деятельности разрешена федеральным законом.

Развитие инновационной деятельности непосредственно связано с развитием образования. В районах Севера и приравненных к ним местностях функционирует более 200 государственных и муниципальных высших учебных заведений; в них обучается около 1 млн студентов, что составляет примерно 9 % от всего количества студентов в России. Более того, в контексте формирования единого интеллектуального пространства Арктики и Севера образованы федеральные университеты: в Республике Саха (Якутия) – Северо-Восточный федеральный университет; в Архангельской области – Северный (Арктический) федеральный университет. И, как отмечает М.Е. Николаев, решение о создании федеральных университетов – ценная инвестиция федерального центра в экономическое развитие российского Севера и Арктики в целом.

В то же время эта мера не решает в целом проблемы подготовки кадров, поскольку нужно не только повышать эффективность системы образования, но и обеспечить условия для закрепления кадрового потенциала в северных регионах. А это невозможно без решения социальных вопросов: предоставления жилья, повышения доступности услуг образования и здравоохранения, развития и удешевления услуг транспорта, обеспечения доступности поездок в южные и центральные регионы страны.

При наличии общих рекомендаций по повышению качества жизни и адаптации населения к условиям трансформации в северных регионах процесс разработки молодежной политики требует более пристального изучения особенностей каждой из территорий. В рамках нашего исследования мы остановимся на анализе ситуации в Республике Саха (Якутия) – территории, где происходят процессы, характерные и для России в целом, и для ее северных регионов. Актуальность выбора данного региона обусловлена и его этнокультурной спецификой, нашедшей свое проявление во всех социальных институтах, в том числе и институте власти, что повлияло на формирование сложных адаптационных условий молодежи в последние двадцать лет

²⁷⁴ Николаев М.Е. Российский Север – регион нового развития

//<http://www.1sakhapresident.ru/index.php/ru/2008-11-21-09-00-12/667-2010-06-15-23-46-36>

и спровоцировало массовый отток населения из республики. В то же время, несмотря на тяжелые климатические условия, транспортную изолированность, регион обладает хорошими социально-экономическими ресурсами для своего развития.

§ 2.3. Республика Саха (Якутия): зона культурного и цивилизационного «разлома»?

Сложность адаптации населения Севера к новой реальности обусловила повышение интереса исследователей к изучению различных аспектов социокультурной адаптации молодежи. Особенно актуальны эти исследования для регионов России с так называемыми культурными и цивилизационными «разломами» – зонами взаимодействия достаточно сильно различающихся этнических культур и цивилизаций. К числу этих регионов принадлежит и Республика Саха (Якутия), интенсивное промышленное развитие которой в советский и постсоветский периоды привело к осложнениям во взаимоотношениях традиционной северной и современной индустриальной техногенной цивилизаций, еще более усилившимися в результате рыночных реформ и сопутствующих им экономических и социальных кризисов. Если в советский период ускоренная индустриализация кардинально трансформировала традиционный сельский уклад жизни коренного населения – саха и привела к массовому его переселению в города, где ранее проживали преимущественно русские, то постсоветские реформы привели к деградации традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера, их миграции из кочевий в села и городские поселения. В свою очередь, в крупные города республики хлынули мигранты из республик Северного Кавказа, Средней Азии, еще более усложнив этническую и цивилизационную картину Якутии, процессы социализации и инкультурации.²⁷⁵ Учитывая, что Якутия занимает огромную территорию на Северо-Востоке Сибири, сравнимую по площади с Индией или Западной Европой, но исключительно малонаселенную, данный факт не может не вызывать опасения с государственных и геополитических позиций.

В экономико-географическом положении Республики Саха (Якутия) существует специфика, которая позволяет говорить об особом месте Якутии в ряду бывших республик и автономий СССР, отмечает А.М. Иванов: «...это, прежде всего, наличие на ее территории богатейших запасов алмазов, золота, полиметаллических руд, угля, а также лесных ресурсов, которые имеют особое стратегическое значение. Вопрос о ресурсах в значительной степени определил позицию правительства Республики Саха (Якутия) в попытке достижения большей степени автономии от федерального центра, а также перспективы развития этнического возрождения якутов».²⁷⁶

Существенной особенностью политической ситуации в Республике Саха (Якутия) является сила вертикальных структур власти, которую возглавляет президент Республики. Реальной оппозиции президентской власти практически не существует.

²⁷⁵ См.: *Абрамова М.А., Костюк В.Г.* Роль традиций в процессе социокультурной адаптации молодежи в современном обществе // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации: Матер. междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск 15–27 марта 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 925–932.

²⁷⁶ *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1994. № 61. С. 3.

В 1990-х гг., как отмечал А.М. Иванов, в основе концепции государственной власти в республике лежали «следующие основные стратегические компоненты:

- всестороннее укрепление суверенитета, выработка гибкой политики по отношению к федеральному центру, основанной на постепенном и осторожном увеличении экономической и политической самостоятельности. При этом принимаются в расчет некоторые особенности геополитического положения Якутии и наследство тяжелых проблем, доставшихся от бывшего СССР, в частности, сырьевой характер экономики, неразвитая транспортная инфраструктура и до сих пор сохраняющаяся неэффективность общей системы хозяйства;
- строительство специфической, характерной для северных территорий, общественно-политической структуры общества, выработка новой идеологии, приемлемой для большинства населения Севера и органически сочетающей рыночные принципы, экологический характер и национальную уникальность;
- самостоятельное освоение ресурсов с привлечением иностранных инвестиций, при безусловном сохранении контроля со стороны государства над деятельностью компаний со смешанным капиталом, жесткий контроль экспорта сырья и вообще – вывоза товаров за пределы республики».²⁷⁷

Осуществление данной стратегии привело в 1990-х гг., как пишет А.М. Иванов, к так называемому «феномену этнического возрождения» и росту национального сепаратизма, проблеме использования этничности как средства коллективной борьбы за обладание материальными преимуществами на социально-политической арене. Необходимость этнической консолидации мотивировалась в основном социально-экономическими факторами и оказывающими сильное влияние на население конструкциями из социальных мифов. «Начиная с 27 сентября 1990 года, когда Республикой Саха был провозглашен суверенитет, особое значение для местного политического и экономического истеблишмента приобрела выработка политики консолидации якутской нации».²⁷⁸

Закон 1991 года «О государственном статусе Якутской-Саха Советской Социалистической Республики»²⁷⁹ определил право на гражданство республики, на создание собственной правовой системы, на собственное определение отношений республики с Россией, СССР и иностранными государствами. По закону республика могла самостоятельно выбирать общественный и государственный строй и государственный язык, а вмешиваться во внутренние дела республики стало невозможным без соглашения с Верховным Советом Якутии

4 апреля 1992 г. Якутия приняла собственную конституцию, определяющую республику «суверенным, демократическим и правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение». В соответствии с конституцией президент республики имел право на формирование собственной армии, государство самостоятельно распоряжалось недрами и ресурсами, расположенными на его территории, а часть территории республики была закрыта для въезда жителей Российской Феде-

²⁷⁷ Там же. С. 7.

²⁷⁸ Там же. С. 10.

²⁷⁹ Закон Якутской-Саха ССР от 26.02.1991 № 386-ХП «О государственном статусе Якутской-Саха Советской Социалистической Республики».

рации. Этот период, без преувеличений, можно назвать расцветом якутской государственности²⁸⁰.

Как отмечает А. Кетчер, через месяц после принятия конституции Верховный Совет Якутии установил особый режим въезда, регистрации и пребывания в 11 (из 34) районах республики. Для въезда в район с особым режимом граждане, не являющиеся жителями республики, должны были иметь на руках пропуск, выданный на основании приглашения жителя Якутии или предприятия, зарегистрированного на территории закрытых районов.²⁸¹

Общая площадь районов с ограниченным для посторонних въездом составила, по данным журналиста Антона Кротова, 1,33 млн км². Закрытыми оказались все северные и юго-восточные регионы Якутии. Нарушение визового режима грозило штрафом в размере 15 минимальных размеров оплаты труда и депортацией.

По данным Кротова, приведенным в книге «Автостопом по России», в 1993 г. республиканский Конституционный суд объявил, что введение визового режима для граждан России является не ограничением права на свободу передвижения, закрепленного в Конституции Российской Федерации, а механизмом реализации этого права.²⁸² А. Кетчер как бы для усиления абсурдности введения ограничения на передвижение для россиян проводит параллель с подписанием 2 декабря 2008 года соглашения между Федеральным агентством по туризму России и Министерством по делам предпринимательства, развития туризма и занятости Республики Саха (Якутия), по которому теперь граждане Китая могут посещать Якутию без визы.

Но вернемся в 1992 год. Продолжением работы над внедрением суверенитета республики стала разработка в Институте языка и литературы (ИЯЛИ СО РАН) – одном из ведущих научных центров Якутии – целевой программы национального возрождения якутского народа, которая должна была стимулировать создание концепции национальной политики в Республике Саха (Якутия). Как считает А.М. Иванов, в этом проявилась трезвость позиции республиканских властей, ищущих опору в объективных результатах изучения этнических процессов и научном понимании сути тех проблем, которые стоят и перед якутским, и перед русским населением республики. Однако некоторые проявления реальной национальной политики республиканских властей вынуждают констатировать тот печальный факт, что национальное возрождение осмысливалось прежде всего как нейтрализация русских влияний путем определенного социально-экономического и культурного сдерживания, что может иметь тяжелые последствия, учитывая демографический состав Республики²⁸³.

Исторически в Республике Саха (Якутия) представлены две крупные этнические группы: саха (якуты) и русские. Этнотерриториальная группа русских складывалась на протяжении трех столетий, начиная с XVII в., когда Якутия вошла в состав Российского государства. Одной из особенностей русской этнотерриториальной группы в Якутии является наличие сформировавшегося на протяжении нескольких столетий

²⁸⁰ См.: Кетчер А. 19 лет суверенитета. Республика Саха (Якутия) отказалась от государственного суверенитета // <http://www.lenta.ru/articles/2009/06/18/saha/>

²⁸¹ Там же.

²⁸² См.: Кротов А. Автостопом по России. М., 2002; Кетчер А. 19 лет суверенитета. Республика Саха (Якутия) отказалась от государственного суверенитета // <http://www.lenta.ru/articles/2009/06/18/saha/>

²⁸³ См.: Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия)... С. 10–11.

сравнительно крупного контингента русского старожильческого населения и их современных потомков.

Именно наличие русской национальной группы, как отмечает А.М. Иванов, определяло в прошлом, определяет и теперь характер межэтнических отношений среди всех народов и этнических групп, проживающих на территории Республики Саха (Якутия).²⁸⁴

Концепция социально-экономического и культурного сдерживания влияния русских отмечается А.М. Ивановым не только в национальной политике, но и в некоторых общеполитических установках. Так, например, категорическое отрицание идеи национально-культурной автономии Якутии в составе Российской Федерации (данные Информационно-аналитического центра при Президенте РС (Я)), увеличение внешнеполитической активности (контакты с комитетом ООН по правам коренных народов) свидетельствуют вкупе с другими данными о том, что в Республике Саха (Якутия) в 1990-х гг. проводился активный поиск новых механизмов самоопределения. «На сегодняшний день еще нельзя говорить о политике отделения от России как основе данной концепции самоопределения, однако проводится изучение путей достижения возможно большей экономической, политической, и культурной самостоятельности. Декларации о приверженности идее интеграции в РФ как единственно возможном пути развития объясняются скорее сохраняющейся серьезной экономической зависимостью от России, особенно в кредитной и дотационной сфере. Во внешней политике приоритет отдается, прежде всего, Азиатско-Тихоокеанскому региону и развитию межтюркских связей»²⁸⁵, – пишет А.М. Иванов.

По результатам социологического опроса, в котором приняли участие эксперты – компетентные люди в сфере политики, экономики, культуры и образования, проведенному в 2001 г. по заказу Общественной академии «Шаг в будущее» Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова, среди позитивных факторов перемен в социально-экономической жизни Якутии 13,6 % экспертов назвали принятие суверенитета. По значимости данный фактор занял лишь пятое место. На первом и втором были указаны экономические – доходы от недр и акционирование «АЛРОСА» (25,4 %), развитие рыночных отношений (22 %).²⁸⁶ Данный факт свидетельствует о противоречивости в восприятии как самого суверенитета, так и его последствий для республики. При наличии в целом положительного отношения экспертов к самому явлению (55,9 %) в то же время 34 % оценили взаимоотношения между республикой и федеральным центром как «скорее отрицательные», 15 % – как «отрицательные», 14 % – как «нейтральные» и 17 % – дали «другой» ответ.²⁸⁷ Скрытых сторонников отделения Республики Саха (Якутия) от России, пускай в неопределенном будущем, оказалось немного (около 10 %)²⁸⁸. Значимость принятия суверенитета для простых граждан даже сами эксперты не видели: «Ничего особенного для народа республики в целом, независимо от национальности, этот суверенитет не дал, может что-то получили чиновники, приближенные к власти имущим»,

²⁸⁴ Там же. С. 9.

²⁸⁵ Там же. С. 11.

²⁸⁶ *О перспективах развития Якутии (социологическое исследование)*. Якутск, 2001. С. 17.

²⁸⁷ Там же. С. 32.

²⁸⁸ Там же. С. 40.

высказали свое мнение лидеры партий, движений и общественных организаций.²⁸⁹ Обращение эксперта к кадровому составу структуры управления не случаен. Как отмечал А.М. Иванов: «Принцип этничности преобладает над соображениями профессионализма в ходе кадровой реорганизации структуры управления. Это проявляется, однако, не в том, что на ключевые должности кандидатуры подбираются исключительно по национальному признаку, но скорее в том, что при подготовке высокопрофессиональных кадров система приоритетов и льгот построена на дискриминационной основе».²⁹⁰ Концепция государственной кадровой политики Республики Саха (Якутия) была утверждена распоряжением президента Якутии от 22 апреля 1993 г. В ее преамбуле говорится: «Стратегической задачей кадровой политики республики должно стать формирование качественно нового состава национальных кадров, нового поколения руководителей, специалистов для успешной работы в условиях суверенитета, в условиях рынка. Кадровая концепция своей конечной целью предусматривает возрождение народов Якутии». В результате провозглашение суверенитета было подкреплено и изменением этнической картины во власти. Так, по данным Госкомстата, в 1990-х гг. представители коренных народов (т. е. якуты) составили 67,6 % состава правительства, а среди глав администраций – 80 %. Учитывая, что к тому времени в государственном промышленном секторе подавляющая часть была представлена именно русским населением, то прогностические оценки его сокращения на 120 тыс. чел. к 1995 г. (раздел 1 Концепции государственной кадровой политики)²⁹¹, конечно, насторожил многих. Распространилась также новая форма государственной поддержки – создание за счет налоговых отчислений фирм, эксплуатирующих ресурсы районов Севера, целевых (так называемых региональных) фондов, которые местная администрация использовала, как пишет А.М. Иванов, для развития прежде всего якутской национальной культуры, в результате чего как в центральных, так и во многих местных музеях практически сложно было найти экспонаты не только по культуре русских старожилов, но и юкагиров, которые являются древнейшим аборигенным населением.

Все это не могло не вызывать недовольства русской части населения Республики Саха (Якутия) и представителей коренных малочисленных народов Севера. Оно выразилось не только в увеличении миграционного оттока из Якутии, но и в активизации достаточно агрессивных настроений части русского населения. Ситуацию спасло только то, что большая часть старожильческого русского населения, которая не собиралась никуда мигрировать, понимала, что, в конечном счете, источником создавшегося положения является не якутский народ в целом, а определенные слои республиканского политического истеблишмента. В качестве выводов опроса экспертов в 2001 г. было отмечено, что в отношении сценариев развития формирования политики суверенитета существуют два варианта: «Или Госсобрание не примет до осени окончательного варианта редакции статьи 1 Конституции РС (Я), или примет без понятия суверенитета республики. Однако второй сценарий маловероятен. Число противников суверенитета особенно велико среди журналистов, общественных и культурных деятелей. Число сторонников

²⁸⁹ Там же. С. 40.

²⁹⁰ Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия)... С. 11.

²⁹¹ Там же.

суверенитета велико среди депутатов Ил Тумэна, госслужащих и деятелей науки и образования. Такой же анализ с теми же выводами можно сделать в национальном разрезе экспертов: русскоязычные больше являются противниками, чем сторонниками суверенитета, и, наоборот, у сахаязычных представителей элиты больше сторонников, чем противников».²⁹²

Несмотря на грустные прогнозы исследователей, второй сценарий не состоялся в 2001 году, но, просуществовав 19 лет, в 2009 г. термин «суверенитет» исчез из конституции Республики Саха (Якутия). О чем это свидетельствует? О централизации власти? Об усилении позитивности восприятия центра? Об изменениях в расстановке влиятельных групп политической элиты в Якутии? Не претендуя на попытку дать ответы на эти вопросы, обратимся к словам Ю. Полякова в статье «Лезгинка на Лобном месте»: «Мы относимся к дружбе народов так же, как и к другим ценностям, доставшимся нам от советской цивилизации: заводам, нефтяным скважинам, газопроводам, ракетам, плотинам... Пользуемся, пока они вдруг не начинают ломаться, взрываться, прорываться... Только тогда спохватываемся: ах, надо было чинить, латать, модернизировать – вкладываться!».²⁹³ Апеллируя к политическому прошлому и результатам внедрения различных концепций на территории РС(Я) за последние 20 лет, можно с уверенностью сказать, что проверку суверенитетом на прочность добрососедские отношения народов, проживающих на территории Якутии, прошли. И на сегодняшний момент, мы, несмотря на различные политические игры, в которых продолжают разыгрывать этнический фактор в качестве веского аргумента, можем констатировать, что традиции добрососедства в отношениях между русскими и якутами сохраняются (в особенности в сельских районах) и оказывают важное стабилизирующее воздействие. Отрадно отметить, что в укреплении данной традиции участвуют в настоящее время и представители власти. Так, на расширенном совещании у постоянного представителя Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации, состоявшемся по итогам 2010 г. и основным задачам на 2011 г., среди важнейших республиканских мероприятий и направлений деятельности в 2011 г. особенно отмечены мероприятия, касающиеся подготовки к Международному спортивному форуму «Россия – спортивная держава» и V Международным спортивным играм «Дети Азии» в 2012 г. Особенный акцент был сделан на организации государственного праздника Ысыах в Коломенском и подготовке к 380-летию вхождения Якутии в состав Российского государства в 2012 г.²⁹⁴

Возможно, события последних лет в политической жизни республики повлияли на стабилизацию социально-политической ситуации в регионе и на рост оптимизма, как в оценке настоящего, так и в отношении своего будущего у молодежи РС (Я), что является одним из важнейших условий для повышения адаптационного потенциала индивида. А возможно, что молодежь настолько аполитична, что эти трансформации концепций в управлении республикой прошли незаметно для данной социально-демографической группы?

²⁹² О перспективах развития Якутии... С. 40–41.

²⁹³ Поляков Ю. Лезгинка на Лобном месте // Литературная газета. 2011. № 4. С. 1.

²⁹⁴ См.: *Постпредство* подвело итоги 2010 года и обозначило планы на 2011-й // <http://sakha.msk.ru/archives/1486>

§ 2.4. Молодежь и власть: отношение молодежи к политике, государству, реформам

Будущее российского общества потенциально зависит не только от тенденций, существующих сегодня в социальной, экономической и политической сферах жизнедеятельности, но и от ценностных ориентаций и менталитета молодых людей. Молодежь является стратегическим ресурсом государства, от мировосприятия ее зависит дальнейшее развитие социально-политических процессов.

По данным Росстата на начало 2010 г., численность постоянного населения Республики Саха (Якутия) составила 949 тыс. чел.²⁹⁵. Динамика роста численности молодежи с 1995 по 2010 гг. отражена на рис. 2.2.

На начало 2010 г. в Республике Саха (Якутия) молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет (включительно) составили 247 тыс. чел., или 29 % от общей численности населения республики. Наиболее многочисленна возрастная группа 20–24-летних – 90,444 тыс. чел. (37 % молодежи), граждан в возрасте 25–29 лет – 79,792 тыс. (32 %), 15–19 лет – 76,594 тыс. чел. (31 % молодежи).²⁹⁶

По типу поселения в каждой возрастной группе молодежи преобладает городское население, причем в группе 25–29-летних его 76 % (см. рис. 2.3).²⁹⁷

В нашей работе обобщенным критерием определения уровня адаптированности как результата адаптации служило социальное самочувствие, определенное путем интеграции двух показателей: удовлетворенность жизнью и оптимизм. Одним из важных факторов, влияющих на позитивность восприятия жизненной ситуации индивида, является его одобрение проводимых в стране, и в регионе в частности, ре-

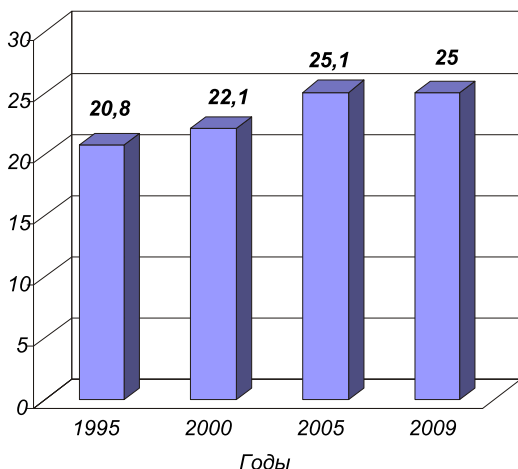

Рис. 2.2. Доля молодежи Республики Саха (Якутия) в возрасте от 15 до 29 лет, % от численности населения.

Источник: Молодежь в России. 2010: Стат. сб. М., 2010. С. 14.

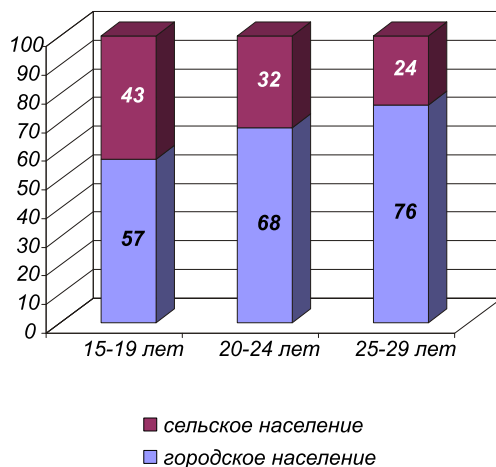

Рис. 2.3. Распределение молодежи Республики Саха (Якутия) по типам поселения на 01.01.2010 г., %.

²⁹⁵ Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. М., 2010. С. 31.

²⁹⁶ Там же. С. 12.

²⁹⁷ Там же.

Таблица 2.2

Оценка молодежью российских реформ, % в группе

Оценка реформ	Этнические группы				В целом
	саха	русские	КМНС	другие народы	
Возрождение страны	45	50	51	44	47
Упадок и разрушение страны	7	6	6	8	6,5
Неизвестно, куда идет страна	48	44	43	48	46,5

форм. Позитивность восприятия реформ в целом определялась по ответам респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете проводимые в стране реформы?».

В целом около половины молодежи всех национальностей положительно оценивает проводимые в стране реформы (табл. 2.2) и лишь 6–7 % полагает, что они ведут к упадку и разрушению страны. В то же время половина – это неопределившиеся в своих оценках, что может оказывать влияние на отношение к различным аспектам реформ.

С увеличением возраста молодежь относится к реформам более критично. Так, если среди старшеклассников 55–56 % считают, что они ведут к возрождению страны, то среди учащихся средних специальных учебных заведений таковых на 10 п.п. меньше, а среди студентов вузов – меньше на 10–12 п.п. При этом доля оценивающих реформы как упадок и разрушение страны остается во всех группах на уровне 6–8 %, но с возрастом увеличивается доля неопределившихся.

Отношение к реформам и степень адаптированности индивида, как мы и предположили, оказались взаимозависимы (табл. 2.3).

Существует прямая зависимость между социальным оптимизмом (положительной оценкой реформ) и степенью психологической адаптации молодежи всех рассматриваемых народов Севера: среди позитивно оценивающих реформы выше, по сравнению с пессимистами или неопределившимися в оценке, доля хорошо адапти-

Таблица 2.3

Влияние степени адаптированности на оценку молодежью реформ, % в группе *

Оценка реформ	Этнические группы								В целом	
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Возрождение страны	49	16	51	17	46	25	52	17	50	17
Упадок и разрушение страны	42	27	33	33	44	22	30	35	38	29
Неизвестно, куда идет страна	32	27	38	26	30	30	39	36	35	28

* Здесь и в следующих таблицах: ХА – хорошо адаптированные; СА – средне адаптированные; ПА – плохо адаптированные; группа СА в данной таблице пропущена.

рованных и существенно ниже (почти вдвое) доля плохо адаптированных. То есть состояние неопределенности и пессимизма в оценке реформ особенно сильно влияет на увеличение числа и доли плохо адаптированных в психологическом плане. Учитывая взаимосвязь когнитивно-ценностного и эмоционально-психологического аспектов социокультурной адаптации, необходимо отметить, что отношение к восприятию последствий реформ, возможно, взаимосвязано с отношением молодежи к политике как ценности. Так, как показали результаты нашего исследования, политические ценности занимают последние места в иерархии жизненных ориентиров молодежи. Юношам и девушкам предлагалось ответить на вопрос: «В какой мере для Вас важны следующие стороны жизни?», где стороны жизни были представлены набором 25 ценностей – семейных, материальных, профессиональных, культурных, коммуникативных, миграционных, политических, – оцениваемых каждая по шкале «очень важно – не очень важно – не важно». Отношение к политике определялось вопросами: «Заниматься политикой, влиять на власть» и «Постоянно получать информацию о политических событиях в стране и за рубежом (из газет, радио, телевидения и т. д.)». Ответил, что очень важно заниматься политикой и влиять на власть, лишь каждый восьмой респондент, при этом особых различий в этническом аспекте не наблюдается: среди саха – 13 % таких ответов, среди КМНС – 15 %, среди русских – 12 %. Русская молодежь чаще, чем другие, полагает, что вообще не важно заниматься политикой – 44 % ответов; менее категоричны мнения представителей саха (31 %) и КМНС – 30 %.

Республиканские аналитики видят среди причин аполитичности молодежи скорее изменения в характере взаимоотношений между федеральными и региональными властями. В аналитическом докладе за 2006 г. читаем: «Действия федеральных властей с позиций “презумпции региональной виновности”, укрепление так называемой вертикали власти, перенос центра тяжести при принятии политических решений в сторону центральной власти гипотетически могли существенно повлиять на снижение интереса молодежи к политике. Вообще интерес молодежи к политике не представляет собой какую-то постоянную величину, а весьма сильно меняется в зависимости от обстановки в стране, грядущих выборов на общероссийском или региональных уровнях и ряда других факторов. Последние законодательские инициативы федеральных властей, практически сводящие ресурсы политического влияния регионов к минимуму, особенно учитывая отдаленность и малочисленность населения республики, привели к определенному пессимизму в политическом сознании молодых якутян».²⁹⁸ Мы предполагаем, что данные выводы могут быть обусловлены ситуацией с пересмотром как концепции суверенитета в Якутии, так и концепции политической власти национальных республик в рамках страны в целом. Но ситуацию снижения к 2007 г. интереса к политике у всей молодежи России зафиксировали и исследователи ИС РАН: «Снижение интереса к политике сопровождается отчетливо выраженной тенденцией деидеологизации как населения в целом, так и молодежи. С 1997 по 2007 г. сократилось число приверженцев всех основных идейно-политических течений современной России – “левых”, “правых”, “центристов”, “национал-патриотов”. В наибольшей степени в глазах молодежи потускнела идеология

²⁹⁸ Государственный доклад «О положении молодежи в Республике Саха (Якутия) 2006 год». С. 134.

“центризма”, претендующая на нахождение некоего синтеза, вбирающая в себя “все хорошее” и отбрасывающая “все плохое” других идеологических доктрин. И, напротив, с 41 до 58 % выросло число тех, кто себя никак идеологически не идентифицирует». ²⁹⁹ Интерес вызывает факт, выявленный исследователями, что «среди молодежи в возрасте 23–24 лет число симпатизирующих национал-патриотической идеологии также сравнительно велико и достигает 18 и 19 %, в то время как в младших группах (17–21 год) доля таких симпатизантов не превышает 7–9 %. То есть предрасположенность некоторой части молодежи к национальной, а в ряде случаев националистической идеологии, действительно имеет место» ³⁰⁰. Возможно, это обусловлено в какой-то мере и этнокультурными особенностями каждой из групп? Так результаты тестирования молодежи Якутии по методике Ш. Шварца (табл. 2.4) показали: половина респондентов всех этнических групп утверждает, что «Власть» как ценностная ориентация является для них незначимой, в то же время в поведении стремится к власти как ценности уже большее количество респондентов. Для лучшего восприятия иерархии системы ценностей мы разбили шкалу на три интервала. Ценности, которые, как показало тестирование, занимают у респондентов 1–3 места, мы определили как очень важные для них («очень важно»), занимающие 8–10 места как менее значимые по сравнению с остальными («не важно»), все остальные были определены в группу «не очень важно».

Наибольшие различия заметны в реализации ценности «Власть» у респондентов саха и КМНС. Это может быть обусловлено потенциальными возможностями участия в политической жизни республики, которые имеет каждая из данных этнических групп. В то же время отношение к ценности «Власть» влияет на адаптированность этнических групп (табл. 2.5). Если для саха стремление к данной ценности обуславливает снижение уровня адаптированности, то для русских респондентов и представителей группы «другие народы» наоборот – увеличение адаптационного потенциала.

Таблица 2.4

**Этническая дифференциация отношения
к ценностной ориентации «Власть»,
% в группе**

Отношение к ценностной ориентации «Власть»		Этнические группы			
		саха	русские	КМНС	другие народы
Декларирование отношения	Очень важно	16	11	12	16
	Не очень важно	31	33	33	37
	Не важно	53	56	55	47
Реализация в поведении	Очень важно	23	18	25	24
	Не очень важно	40	36	35	34
	Не важно	37	45	40	42

²⁹⁹ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. М., 2007. С. 47.

³⁰⁰ Там же. С. 48.

Таблица 2.5

**Этническая дифференциация отношения к ценностной ориентации «Власть»
и уровень адаптированности, % в группе**

Отношение к ценностной ориентации «Власть»		Этнические группы							
		саха		русские		КМНС		другие народы	
		ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Декларирование отношения	Очень важно	38	27	48	24	35	29	42	40
	Не очень важно	43	21	46	24	50	27	50	22
	Не важно	41	22	40	25	35	29	41	28
Реализация в по- ведении	Очень важно	42	25	46	25	44	17	48	26
	Не очень важно	42	23	41	23	42	29	47	27
	Не важно	40	21	43	26	36	34	40	30

Для КМНС ситуация не такая однозначная. При декларировании ценности «Власть» уровень адаптированности снижается, но при реализации ценности в поведении уровень адаптированности повышается.

Интересны также результаты тестирования молодежи и по ценности «Иерархия». При сочетании высокой значимости для респондента ценностных ориентаций «Власть» и «Иерархия» уровень адаптированности заметно снижается. Лучше адаптирована та часть молодежи, которая признает иерархию как фактор стабилизации общества, но не пытается выстраивать отношения с окружающими по данному принципу с демонстрацией волюнтаристских склонностей. В то же время обратная модель поведения ведет к повышению уровня конфликтности. Поэтому умеренное стремление к политической активности в сочетании с уважением принципа иерархизованности общества как отражения вертикали власти обуславливает повышение адаптационного потенциала личности. В какой-то мере такая позиция может быть культурно обусловлена. Отношение к власти и представителям власти в России всегда было неоднозначно: «Подальше от начальства, поближе к кухне», «Без перевясла и веник рассыпался», «Все в старостах будем – некому будет и шапки перед нами сымать», «Господин, что плотник: что захочет, то и вырубит», «Делай свое дело за семерых, а слушайся одного!», «И слепая лошадь везет, коли зрячий на возу сидит», «Лучше за стадом ходить, чем стадо водить». Демонстрация уважения власти, при ощущении абсолютной вседозволенности правителей и, как следствие, – стремление оказаться подальше от сильных мира сего. Таким образом, можно предположить, что исторически политическая активность не является ценностью для большей части молодежи всех этнических групп.

Как отмечается в докладе «О положении молодежи в Республике Саха (Якутия) 2006 год», «включая даже совсем не интересующихся политикой, большинство представителей молодого поколения уверены, что их жизнь от политики зависит: 57 % считают эту зависимость сильной, 24 % – слабой и только 12 % полагают, что их жизнь вообще не зависит от политики. Скорей всего, эта категория чаще и не интере-

Таблица 2.6

**Взаимосвязь политической активности
и степени адаптированности молодежи,
% в группе**

Заниматься политикой, влиять на власть?	Этнические группы								В целом	
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Очень важно	44	24	49	23	39	30	57	30	46	25
Не очень важно	41	20	43	22	42	21	43	26	42	21
Не важно	39	25	44	22	36	32	42	28	41	25

суется политикой. Интересно, что среди тех, кто считает свою жизнь сильно зависящей от политики, интересуются политикой меньше половины (47 %)»³⁰¹.

Мы предположили, что лица, более активные в политическом плане, лучше адаптированы к нынешней социокультурной среде России. В какой мере оправдались наши предположения, можно судить по данным табл. 2.6. Действительно, среди тех, кто полагает, что заниматься политикой очень важно, больше доля хорошо адаптированных, и эта доля уменьшается по мере снижения ценности политической активности для молодежи всех этнических групп. Можно полагать, что и реально хорошо адаптированными являются юноши и девушки, участвующие в той или иной форме политической деятельности, хотя в исследовании аспект их участия в реальной политике не затрагивался.

Характерно также, что подобное отношение к политической активности типично для молодежи всех рассматриваемых уровней образования – общее среднее, среднее специальное, высшее. То есть можно говорить об отчужденности от политики и о политической пассивности большей части молодежи как школьного, так и вузовского возраста, что само по себе является проблемой, выходящей за рамки нашего исследования и требующей как изучения, так и решения, если серьезно говорить о свободе, правах человека, социальном государстве, демократии.

Результаты нашего исследования в какой-то мере перекликаются с данными Всероссийского опроса Фонда «Общественное мнение», проведенного в январе 2004 года: интересуется политикой 37 % молодежи, а почти две трети (62 %) не проявляют никакого интереса к этой сфере.³⁰²

В то же время политики весьма заинтересованы в привлечении молодежи и создании молодежных политических организаций. Именно эти действия дают основания считать, что современная молодежь интересуется политикой активнее. Так, по результатам исследования ИС РАН, в 2007 г. «немного выросла доля молодежи, непосредственно участвующей в политической деятельности (с 1 до 2 %). Примерно на том же уровне, что и 10 лет назад, остается число молодых россиян, активно интересующихся политикой (14 %). Но одновременно почти на 20 п.п. сократилась доля моло-

³⁰¹ Государственный доклад «О положении молодежи в Республике Саха (Якутия) 2006 год». С. 134.

³⁰² См.: Положение молодежи в России. Аналитический доклад. М., 2005. С. 89.

дежи, которая “факультативно” интересуется политикой (“от случая к случаю”), и с трети почти до половины – не интересуется вовсе”.³⁰³ В отчете за 2009 г. уже указывается, что в аспекте гражданской самоорганизации наиболее активна та часть молодежи, которая проявляет повышенный интерес к политике: состоят в молодежных организациях – 12,4 % и ранее состояли – 20,7 %. Среди той части молодежи, которая не интересуется политикой, состоят в молодежных организациях – 4,4 % и ранее состояли 8,9 %.³⁰⁴ Далее М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги отмечают, что относительно неэффективная работа молодежных организаций привела к тому, что среди тех, кто не состоит в них, хотели бы участвовать в их работе всего 13,6 %, т.е 5 млн человек. Таким образом, на сегодня потенциал молодежных организаций России составляет, суммируя участвующих и желающих участвовать в их работе, примерно 20 % от общей численности молодежи, т. е. 7,4 млн человек. Это ядро, которое, в случае активизации работы молодежных организаций и движений, может привлечь в их ряды, по крайней мере, еще такое же количество молодежи. Данный вывод обоснован тем, что явное нежелание участвовать в работе молодежных организаций высказали 51,8 % опрошенных, а 34,6 % – просто не думали об этом.³⁰⁵

Интерес к политике усиливается в связи с расширением социальных связей (институт, армия, работа и т. д.). Но в целом невысокий интерес молодежи к политике объективно обусловлен тем, что спектр жизненных интересов, особенно у подростков и юношества, локализован на проблеме вхождения во взрослую жизнь, а социальный опыт ограничивается пока межличностными и внутрисемейными коммуникациями.

Говоря о политическом и гражданском сознании молодежи, нужно иметь в виду, что его содержание и ориентация находятся на пересечении информационного поля, создаваемого средствами массовой информации, и реального поля событий и процессов, которые непосредственно или опосредованно оказывают воздействие на молодых людей. Одним из косвенных индикаторов политической активности, демонстрирующим скорее интерес к политике как таковой, является внимание к политическим темам в средствах массовой информации и коммуникации. Уровень осведомленности молодежи о социально-политических и социально-экономических событиях, происходящих в республике, является показателем ее социальной «зрелости» и степени ее готовности к социальным переменам. Как отмечают аналитики в Якутии, политическая активность населения обусловлена не только возрастом, но и местом проживания: чем крупнее город, тем включенность выше: «Если среди учащихся в Якутске доля не интересующихся политической информацией – 22,7 %, то в улусах – 40,8 %. В группе взрослых разрыв меньше: в Якутске – 20,8 %, в улусах – 29,7 %. Большой интерес к политике проявляют молодые люди с высшим образованием»³⁰⁶.

По результатам нашего исследования, получение политической информации ценно для всех этнических групп: считают, что это очень важно, 38 % саха, 27 % представителей малочисленных народов, 30 % русских. И 17–26 % по всем группам считают

³⁰³ *Молодежь* новой России: образ жизни и ценностные приоритеты... С. 46.

³⁰⁴ См.: *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // *Мониторинг общественного мнения* № 1(95). 2010. С. 21–22.

³⁰⁵ Там же. С. 25–26.

³⁰⁶ *Государственный доклад «О положении молодежи в Республике Саха (Якутия) 2006 год».* С. 132.

Таблица 2.7

Взаимосвязь интереса к политической информации и степени адаптированности молодежи, % в группе

Получать политическую информацию	Этнические группы								В целом	
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Очень важно	43	20	46	20	41	27	48	27	45	21
Не очень важно	40	21	47	21	40	23	41	28	42	22
Не важно	37	27	38	26	34	32	47	27	38	27

ее неважной. Рассмотрим, как влияет интерес к получению информации о политических событиях на степень адаптированности индивида (табл. 2.7).

Степень интереса к политической информации и адаптированность, как видим, взаимосвязаны: адаптированность выше у тех, кто в большей мере интересуется информацией. Особенно сильно связаны отсутствие интереса к политической информации и низкая адаптированность (среди тех, кто ответил «не важно», плохо адаптированных в 1,3 раза больше, по сравнению с теми, кто ответил «очень важно» по всему массиву респондентов и более чем в 2 раза – по группе студентов вузов).

Как правило, политической информацией в большей степени интересуются те, кто считает очень важным занятие политикой. Но даже среди имеющих иное мнение по вопросу политической активности более высокая степень интереса хотя бы к политической информации (т. е. пассивная форма участия в политике) способствует адаптированности молодежи всех рассматриваемых этнических групп на Севере.

К сожалению, как отмечалось выше, установку на занятие политической деятельностью имеет лишь незначительная часть молодежи, в том числе вузовской.

Политические установки молодежи включают в себя также представления о соотношении роли государства и личной инициативы в их жизни. Предполагалось, что более инициативные лучше адаптированы, чем те, кто уповает на ведущую роль государства, в частности в обеспечении работой и условиями жизни. При ответе на вопрос «Какова роль государства в жизни людей?» респондентам предлагалось сделать выбор из двух вариантов: 1) «Рабочие места и условия жизни должно обеспечивать государство, а человек должен хорошо трудиться»; 2) «Человек должен сам обеспечить себе работу и условия жизни, а государство – его защиту законами и справедливыми налогами». Выбравших первый вариант определили как «патерналисты», второй вариант – как «либералы».

Среди молодежи саха и коренных малочисленных народов Севера «патерналистов» оказалось немного меньше, чем «либералов» (соотношение примерно 48:52), среди русских и представителей группы «другие народы», наоборот, больше «патерналистов» (соотношение 59:41). О степени адаптированности «патерналистов» и «либералов» можно судить по данным табл. 2.8.

**Зависимость степени адаптированности от представлений о роли государства
в жизни людей, % в группе**

Тип представления о роли государства	Этнические группы								В целом	
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
«Патерналисты»	39	22	43	23	41	29	43	30	41	24
«Либералы»	42	22	46	21	38	23	46	25	43	22

В целом по всему массиву молодежи Севера и по всем этническим группам, за исключением малочисленных народов, более адаптированы к современным реалиям жизни «либералы» – лица с установкой на личную инициативу в обеспечении себя работой и условиями жизни. Хотя большинство (57 %) молодежи малочисленных народов Севера отдает предпочтение личной инициативе, патерналистские установки в ее сознании не только существуют, но и поддерживаются государством путем различного рода преференций. Это обоснованно на данный период и в определенной степени сказывается в лучшей адаптированности тех, кто скорее не только надеется на помощь государства в обеспечении себя работой и условиями жизни, нежели на личную инициативу, но и обеспечен им. Однако в группе КМНС выше также доля плохо адаптированных (29 %) по сравнению с группой «либералов», что возможно обусловлено наличием патерналистских настроений, не подкрепленных реальными возможностями получения различного рода преференций, что в результате создает некоторое противоречие политической установки о роли государства в сознании молодежи малочисленных народов и их пассивной моделью поведения, приводящей к плохой адаптированности.

Этнополитические установки молодежи исследовались также по ее отношению к роли представительства людей своей национальности во власти в защите интересов своего народа. Большая часть (57 %) молодежи саха ответила: «Надо, чтобы в органах власти было больше людей моей национальности, так как они могут лучше заботиться о своем народе». Русская молодежь в своем большинстве (56 %) полагает, что «национальность людей в органах власти не имеет особого значения, так как о нашем народе могут лучше заботиться и не мои соплеменники». Мнения молодежи коренных малочисленных народов Севера по данным вариантам разделились ровно пополам, а среди представителей группы «другие народы» явно доминируют (74 %) те, кто не придает особого значения этническому представительству в органах власти. Влияют ли этноцентристские политические установки на степень адаптированности?

Оказалось (табл. 2.9), что в целом по массиву и по всем этническим группам, за исключением русских, немного лучше адаптирована та молодежь, которая нейтрально относится к этническому представительству в органах власти. Специфическое отношение русской молодежи к представительству во власти и более высокая степень адаптированности этноцентристов требует специального изучения, но, возможно, это эффект «опоры на собственные силы» при наличии этноцентристских установок у молодежи «титального» этноса – саха.

Таблица 2.9

**Влияние политических установок на степень адаптированности молодежи,
% в группе**

Политическая установка	Этнические группы								В целом	
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Этноцентризм	38	22	46	21	36	27	42	32	41	23
Этническая индифферентность	43	22	43	22	42	26	45	26	43	23

Итак, можно сделать вывод, что формирование этнополитических установок молодежи обусловлено социально-политической ситуацией в Республике Саха (Якутия). Результаты исследования показали наличие взаимосвязи между этнополитическими установками молодежи разных этнических групп и степенью ее адаптированности. Лучше адаптированы юноши и девушки с установками на интерес к политической информации, к политической активности, личной инициативе в обеспечении условий своей жизни, индифферентные по отношению к этноцентризму в органах власти.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ К СОВРЕМЕННЫМ ТРАНСФОРМАЦИЯМ

§ 3.1. Молодежь и рыночные реформы в России

Основой современных трансформаций российского общества являются социально-экономические реформы рыночного типа, связанные с коренными преобразованиями в отношениях собственности, социально-профессиональной структуре занятости населения, возникновением рынка труда и безработицы, трансформацией ценностных ориентаций в материальной и духовной сферах жизни людей. Последствия реформ освещены во многих изданиях³⁰⁷. Поэтому в целостной системе социокультурной адаптации можно выделить ее подсистему – социально-экономическую адаптацию, как адаптацию к социально-экономической среде. Безусловно, в силу целостности общества как системы и характера социокультурной адаптации как интегрального явления, данная подсистема обусловлена другими – социально-политической, культурной (этнокультурной), социально-демографической подсистемами – и, как все, является единством личностного, социального и культурного аспектов адаптации.

На формирование социально-экономических условий адаптации молодежи на Севере оказывают влияние: недостаточная освоенность территории, климатические особенности, высокий уровень затрат на поддержание и развитие социальной инфраструктуры, слабость перерабатывающей промышленности. Этим, в частности, объясняются высокий уровень оборота кадров и интенсивность миграционных процессов. В структурную перестройку экономики вносят ограничения недостатки в уровне образования населения и профессионально-квалификационном составе работников. Особый отпечаток на процессы занятости накладывает то, что северные регионы являются местом проживания коренных малочисленных народов. Воздействие всех этих факторов на формирование занятости и рынка труда северных регионов в условиях проводимых социально-экономических преобразований нуждается в углубленном научном исследовании³⁰⁸.

Рассмотрим социально-экономическую адаптацию молодежи Севера в первую очередь на уровне макросреды – российского общества в целом, так как именно общероссийские характеристики рыночных трансформаций определяют характеристики мезосреды (республики, отдельных городов).

По результатам опроса ИС РАН в 2007 г., молодежь в возрасте до 26 лет значительно чаще других выражает свое убеждение в том, что в обозримом будущем Россия превратится в экономически процветающую, демократически развитую и пользующуюся

³⁰⁷ См.: *Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад*. М.: ИКСИ РАН, 2004 // <http://www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros700.html>; *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества. М., 2002; *Левада Ю.* Двадцать лет спустя: перестройка в общественном мнении и в общественной жизни. Неюбилейные размышления // *Вестник общественного мнения*. 2005. № 2. С.8–16; *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник*. Вып. 1. М., 2005; *Россия и россияне в новом столетии...*

³⁰⁸ См.: *Васильев Я.Т.* Совершенствование региональной занятости населения в условиях становления рынка труда: Дисс. ... докт. экон. наук. М., 1998.

авторитетом в мире державу. При этом доля оптимистов, придерживающихся такой точки зрения, за 10 лет существенно выросла, и они не только сильно потеснили пессимистов и сомневающихся, но и превратились в большинство. Если в 1997 г. по всем позициям, характеризующим процветание современного государства (положение в экономике, демократия, авторитет в международных делах), более половины молодых респондентов высказывали мнение, что «при нашей жизни это не будет достигнуто», то в 2007 г. сторонников такой точки зрения осталось менее трети.³⁰⁹

Рассмотрим, насколько оптимистичное настроение по поводу проводимых в стране реформ характерно для молодежи Якутии. В рамках нашего исследования различные социально-экономические аспекты реформ оценивались молодежью по ответам на вопросы «Что важнее в жизни?», заданные в форме дихотомий (выбора одного из двух вариантов) и касающиеся форм собственности, отношения к предпринимательству, конкуренции, достатку, новизне (табл. 3.1).

Отношение к базовым феноменам реформ – частной собственности и предпринимательству (бизнесу) весьма противоречиво: доли сторонников и противников здесь

Таблица 3.1

Оценка молодежью РС (Я) социально-экономических аспектов российских реформ, % в группе

Что важнее в жизни?		Этнические группы				В целом
		саха	русские	КМНС	другие народы	
Коллективная–частная собственность	1) Для успешного развития моего народа следует развивать прежде всего коллективную собственность	63	54	72	53	60
	2) Для успешного развития моего народа следует развивать прежде всего частную собственность	37	46	28	47	40
Бизнес	1) Занятия бизнесом формируют людей, заботящихся об интересах народа и сплывающих его	56	49	47	58	54
	2) Занятия бизнесом формируют людей, заботящихся больше о своих интересах и разъединяющих народ	44	51	53	42	46
Соперничество–сотрудничество	1) В жизни важнее всего борьба, соперничество	21	17	14	21	20
	2) В жизни важнее всего единство, сотрудничество	79	83	86	79	80
Устойчивость–новизна	1) В жизни важнее всего стабильность, устойчивость	60	64	60	58	61
	2) В жизни важнее всего перемены, новизна	40	36	40	42	39
Финансовое благополучие – интересная работа	1) Главное в жизни – хороший достаток, а работа может быть разная и не всегда интересная	52	61	48	61	55
	2) Главное в жизни – интересная работа и не обязательно хороший достаток	48	39	52	39	45

³⁰⁹ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты... С. 44.

примерно равны, но приоритет отдан все же коллективной собственности представителями всех национальностей, особенно коренных малочисленных народов Севера. Заметен также приоритет хорошего достатка над интересной работой, т. е. материального над духовным в труде. При этом молодежь всех национальностей отдает предпочтение «нерыночным» аспектам реформ – сотрудничеству и стабильности – над «рыночными» – соперничеству (конкуренции) и переменам (новизне). Налицо некий симбиоз рынка и плановой системы в ценностных ориентациях молодежи.

О степени принятия (непринятия) молодежью социально-экономических аспектов рыночных реформ можно судить также по их месту в блоке ценностей «жизненные ориентиры» в анкете, включающей ценности разного плана. При ответе на вопрос: «В какой мере для Вас важны следующие стороны жизни?» получилась следующая картина (табл. 3.2).

Судя по изложенному выше, нельзя сказать, что на уровне ценностного сознания молодежь приняла рыночные трансформации в России в том объеме их позитивных сторон, которые декларированы властью и идеологами рынка в СМИ, системе образования. Вопреки ожиданиям, рынок не создал ни конкурентной среды, ни стимулов для предпринимательства молодежи, ни конкурентного «духа капитализма». Поэтому по показателю «ценности» можно сделать вывод, что лишь меньше половины молодого поколения северян, родившегося и выросшего в реформируемой России, в той или иной мере адаптировались к рыночным реалиям. То есть доминирующие ныне в социальной жизни нормы социально-экономических отношений интериоризированы молодежью лишь отчасти, а определяют ее ценностные ориентации в экономике в основном социально-культурные нормы, коренящиеся в менталитете (коллективизм, сотрудничество, стабильность и т. п.).

Противоречивость сложившейся ситуации обусловлена особенностью адаптационного процесса современной российской молодежи, который происходит в условиях разрушения сложившейся социокультурной среды. У современных молодых людей должна формироваться иная система ценностей, отличающаяся от старшего поколения. Кроме этого, разрушение традиционной системы агентов адаптации ставит перед молодежью проблему самостоятельной организации своего адаптационного процесса. Хаотичность, стихийность адаптации молодежи сказывается на результатах самой адаптации, на жизненных позициях молодежи. В то же время, как утвер-

Таблица 3.2

Степень важности некоторых социально-экономических сторон жизни для молодежи РС(Я), % ответов «очень важно»

Сторона жизни	Этнические группы				В целом
	саха	русские	КМНС	другие народы	
Много зарабатывать (не важно, где именно)	81	68	82	73	77
Иметь богатую обстановку в доме	60	42	54	48	54
Иметь собственное дело (предприятие, фирму)	51	45	49	57	50
Иметь автомобиль	69	66	66	67	68

ждает С.И. Журавлева, «...молодежь не стремится сформировать у себя те качества, которые объективно необходимы для общества с развитой рыночной экономикой и демократией, например, инициативность, ответственность, предприимчивость. Система ценностей развивающегося предпринимательского слоя, ее ориентиры становятся все более привлекательными для значительной части подрастающего поколения. Доля лиц, сумевших открыть свое дело, колеблется от 2,5 % до 3,5 % от общего количества молодежи, а изъявляют желание заняться бизнесом до 55 % из числа опрошенных. Все в большей степени экономическая активность молодежи реализуется в сфере новых экономических отношений – в торговле, посредничестве, бытовых услугах (16 % от числа опрошенных). В их сознании формируются ценности, характерные для самодостаточного человека, – надежда на себя, свои силы, на свой дом, семью»³¹⁰.

Можно выделить определенные социокультурные типы молодежи в аспекте социально-экономической адаптации. Это возможно сделать, основываясь на анализе ответов «что важнее» при выборе одной из ценностей в каждой из шести позиций (дихотомий): «коллективная собственность – частная собственность»; «бизнес сплачивает – бизнес разъединяет»; «важнее коллективизм – важнее индивидуализм»; «стабильность – перемень»; «соперничество – сотрудничество»; «хороший достаток – интересная работа». В связи с тем, что будет получено 2⁶ (т. е. 64) вариантов разных ответов на эти дихотомии и распределение ответов по всем группам будет неравномерным по объему и не достаточным для надежных выводов, имеет смысл ограничиться сочетанием, например, трех дихотомий, наиболее значимых для нашего анализа.

Рассмотрим комплекс: «бизнес сплачивает – бизнес разъединяет; коллективизм – индивидуализм; стабильность – перемень». Существует 2³ (т. е. 8) вариантов одновременных ответов каждого респондента на эти вопросы. Социологическое исследование среди учащихся ССУЗов и студентов вузов показало, что больше всего молодежи Якутии (24 %) выбрало вариант ответов «бизнес сплачивает – коллективизм – стабильность», затем следует вариант ответов «бизнес разъединяет – коллективизм – стабильность» (21 %) и на предпоследнем, седьмом месте по числу респондентов оказалась группа одновременно ответивших «бизнес сплачивает – индивидуализм – перемень» (6 %). Немногочисленна (9 %) также группа лиц, одновременно ответивших «бизнес сплачивает – индивидуализм – стабильность».

Последние две названные группы по социокультурному типу ценностных ориентаций в сфере экономики можно определить как «рыночники-новаторы» (6 %) и «рыночники-консерваторы» (9 %). Группу «бизнес разъединяет – коллективизм – стабильность» (21 %) определим как «традиционалисты». А наиболее многочисленную группу «бизнес сплачивает – коллективизм – стабильность» определим как «неотрадиционалисты». Характерно, что «неотрадиционалисты» доминируют по численности среди молодежи всех национальностей, за исключением русских, где эта группа сравнима с самой многочисленной группой «традиционалистов».

По распределению этих групп среди молодежи можно сделать вывод, что примерно половина молодежи Севера в той или иной мере адаптировалась к социально-экономическим реалиям рыночных реформ в России.

³¹⁰ Журавлева С.И. Социокультурная адаптация современной российской молодежи...2005. С. 16–17.

Таблица 3.3

**Степень адаптированности разных социокультурных типов молодежи РС(Я),
выделенных по социально-экономическим ценностям, % в группе**

Социокультурный тип молодежи	Этнические группы								В целом	
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
«Рыночники-новаторы»	39	35	36	25	52	33	39	28
«Рыночники-консерваторы»	44	25	53	19	38	21	48	21
«Неотрадиционалисты»	42	29	40	25	60	20	52	25	42	26
«Традиционалисты»	41	25	41	22	43	10	50	25	42	23

Интересно выяснить, есть ли взаимосвязь между ценностными ориентациями выделенных социокультурных типов и их социальным самочувствием. Судя по результатам исследования (табл. 3.3), такая взаимосвязь есть.

По социальному самочувствию хуже всего адаптировались, как ни странно, «рыночники-новаторы»: среди них ниже всех доля хорошо адаптированных и выше всех – плохо адаптированных. Обратная картина – среди «рыночников-консерваторов», отличающихся от «новаторов» только одним параметром в выделенном нами паттерне социокультурных признаков, – стабильность они предпочитают переменам, новизне. По-видимому, в сознании даже молодежи, не говоря уже о более взрослой части населения, сформировался приоритет стабильной жизни над перманентными переменами в форме то «ускорений», то «шоковых терапий». Однако доля «рыночников» обоих типов в составе молодежи Севера не превышает 15 %, поэтому основное влияние на показатели социального самочувствия молодежи в целом и ее этнических групп оказывают «традиционалисты» и «неотрадиционалисты». Оно лучше, чем у «рыночников-новаторов». То есть определенная степень традиционности ценностного сознания способствует адаптации молодежи к социально-экономическим трансформациям в России.

Взаимосвязаны также аспекты адаптации по показателям социального оптимизма (оценка реформ) и психологического типа личности. На основании индивидуально-типологического опросника по методике Л.Н. Собчик был выделен психологический тип, соответствующий, как мы полагаем, деловому человеку. К нему принадлежат респонденты, согласные со следующими утверждениями одновременно: 1) «если будет нужно, я разрушу все преграды на пути к достижению цели»; 2) «я добиваюсь своего упорством и настойчивостью»; 3) «меня любят все мои друзья»; 4) «у меня много близких друзей». То есть это тип оптимистичного, настойчивого, решительного человека.

В нашей выборке таковых оказалось: среди саха – 40 %; среди русских – 30 %; среди коренных малочисленных народов Севера – 43 %; в группе «другие народы» – 37 %.

Лиц противоположного типа, т. е. высказавших несогласие по всем четырем утверждениям, среди КМНС и в группе «другие народы» оказалось крайне мало из-за

того, что их меньше, по сравнению с саха и русскими, в выборке, поэтому дальнейший анализ проведем в основном по группам саха и русских.

Исследование показало взаимосвязь психологических типов личности со степенью адаптированности, фиксируемой по социальному самочувствию (табл. 3.4).

Степень адаптированности лиц оптимистично-настойчивых и решительных намного выше, чем лиц противоположного типа; особенно это заметно по доле плохо адаптированных. Но еще лучше оказался адаптированным психологический тип настойчивого оптимиста, но без агрессивно выраженной решительности, содержащейся в утверждении «если будет нужно, я разрушу все преграды на пути достижения цели». Доля лиц, не согласных с таким утверждением, составляет 28–30 % среди молодежи русской и саха.

Наши выводы подтверждаются и результатами исследования О.В. Дудника, который, обобщая жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества, выделил две «полярные» группы:

1) наиболее успешно продвинувшиеся в адаптации, занимающие верхние страты по социально-экономическому положению (18 %); интернализовавшие и придерживающиеся позитивных, или «конструктивных», ценностных ориентаций, выступающих в роли аттракторов (16,8 %); не планирующие уезжать из региона и стремящиеся жить «здесь и сейчас» (65,9 %); в целом удовлетворенные своим наличным социально-экономическим положением, кроме того, характеризующиеся хорошим социально-психологическим самочувствием (17,6 %), в большинстве своем являющиеся мужчинами, и как правило, интерналами (53,4 %);

2) нижние и наиболее депривированные в социально-экономической иерархии страты (52,5 %); интернализовавшие и исповедующие «пассивные», или «деструктивные», ценностные ориентации (83,2 %); ориентированные на скорую миграцию из региона (13,4 %); в целом не удовлетворенные своим наличным социально-экономическим положением и характеризующиеся социально-психологической неудовлетворенностью (82,4 %), в большинстве своем являющиеся женщинами, и, как правило, экстерналами (29,6 %).³¹¹

Таблица 3.4

**Взаимосвязь психологических типов личности и степени адаптированности,
% в группе**

Психологический тип	Этнические группы					
	саха			русские		
	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА
Оптимист – настойчив – решителен	48	35	17	54	30	16
Оптимист – настойчив – нерешителен	52	32	16	50	35	15
Пессимист – ненастойчив – нерешителен	18	23	59	33	22	45

³¹¹ См.: Дудник О.В. Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2002. С. 19.

Как указывает О.В. Дудник, эффективными стратегиями адаптации северян были: организация собственного дела; инвестиции в свой социальный капитал в виде повышения образовательного уровня; сверхурочная работа на основном месте; работа во внебюджетной сфере (на негосударственных предприятиях); активный поиск новой работы. Неуспешные группы использовали в основном такие стратегии, как: занятие приусадебным хозяйством; заготовка ягод, грибов и морепродуктов; вторичная занятость; работа в бюджетной сфере (на государственных предприятиях).

Пассивные стратегии секвестра потребления, такие как сокращение расходов на покупку вещей; отказ от отпуска; сокращение расходов на питание и другие, использовались практически всеми анализировавшимися группами, что говорит о масштабах социально-экономического кризиса в регионе; однако среди «продвинутых» адаптантов наиболее низкостатусные стратегии (сокращение расходов на питание; сокращение рекреационного пространства и др.) если и использовались, то в общей структуре их значимость (частота использования) была значительно меньше³¹².

В то же время хотелось бы отметить, что использование в основном пассивных стратегий приводит дезадаптированные группы к социально-экономической зависимости от позиции и возможностей государства в оказании им помощи. Ситуация усугубляется и достаточно высокой распространенностью среди северян патерналистских ориентаций, появление которых связано и с активной дотационной политикой, проводившейся государством в советский период. В современных условиях такие настроения скорее становятся тормозом в использовании имеющегося потенциала социально-экономической свободы и формировании институтов полноценного гражданского общества в регионе.

Необходимо учитывать также, что для экономики Якутии характерна сырьевая направленность, а трудности переходного периода в ближайшей перспективе могут усугубиться в связи с исчерпанием месторождений ряда природных ресурсов. Освоение новых территорий вызовет удорожание добычи полезных ископаемых, изменение конъюнктуры на сырьевых рынках. Эти факторы повлияют на процессы занятости населения. Вот почему долгосрочная политика занятости и воспроизводства рабочей силы республики должна учитывать происходящие социальные, экономические и технико-экономические сдвиги в конкретных улусах и городах. Для Якутии важность контроля над бедностью связана с особенностями территориального расселения различных этнических групп. Особую тревогу вызывает население районов Крайнего Севера и в особенности малочисленных народов Севера. Хотя в экстремальных условиях Арктики проживает небольшая часть населения республики, но происходящее истощение богатств Крайнего Севера, хищническая добыча сырья, алкоголизация населения, ухудшение инфраструктуры ведут к негативным последствиям в экономической, социальной и духовной сферах³¹³. Как указывает Я.Т. Васильев, «с теоретической точки зрения отношение к жителям циркумполярного пояса строится на основе двух подходов. Одна концепция предполагает консервацию образа жизни, закрепление малочисленных народов Севера в традиционных отраслях – оленеводстве, охотничьем, рыбном

³¹² Там же.

³¹³ См.: *Донской Ф.В.* Интеграционные процессы в жизни северян: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 96–100.

и морском зверобойном промыслах».³¹⁴ Другая – предлагает отход значительной части малочисленных народов от исконных занятий, перевод на оседлый образ жизни в городах и поселках. Как отмечает С.Г. Анисимова, до рыночных реформ политика строилась в основном на основе второй концепции – перевод жителей на оседлый образ жизни, но, к сожалению, «ускоренное промышленное освоение Севера» не привело к успеху. Попытка консервации образа жизни (опыт США) также не является панацеей от бед³¹⁵.

Региональные аспекты занятости, как отмечает Я.Т. Васильев³¹⁶, долгое время не находились в центре внимания исследователей. Однако сегодня, когда расширены права субъектов Российской Федерации, произошла регионализация социальной политики, потребность в разработке всего комплекса теоретико-методологических и прикладных проблем, касающихся оценки, прогнозирования и регулирования территориальных рынков труда, становится все большей. При этом на первый план выходит задача разработки региональных моделей развития занятости населения, которые, способствуя повышению эффективности занятости и адаптации, позволяли бы предотвращать нарастание социальной напряженности и согласовывать федеральные и региональные интересы.

§ 3.2. Адаптация молодежи к мезосреде: сравнение по типам поселений

Мезосреда в нашем исследовании – это север России, репрезентируемый Республикой Саха (Якутия) и разными типами ее поселений: столицей (г. Якутск), крупными (для республики) городами Мирный и Нерюнгри. А также селами и кочевьями, где проживает большая часть коренных малочисленных народов Севера – эвенков, эвенов, юкагиров, долган.

Как отмечает Э.А. Орлова, исследующая социокультурную реальность в теоретико-методологическом плане с позиции сближения социологических и культурно-антропологических подходов и предлагающая концепцию социокультурного пространства как дифференцированного единства его институциональных, социально-стратификационных и территориальных измерений, распределение социокультурного потенциала по типам поселений вариативно. Столицы и региональные центры отличаются полнотой и сложностью дифференциации социокультурного пространства, подвижностью социальных и культурных механизмов регулирования отношений внутри пространства, динамизмом жизни, высоким уровнем инновационной активности. Социокультурное пространство крупных городов также сложно и динамично, но форма социокультурной динамики в них скорее консервативно-вариативная, а не инновационная. Поэтому люди с ярко выраженными качествами новаторов стремятся переместиться в мегаполисы и столицы. Средние и ма-

³¹⁴ *Васильев Я.Т.* Региональная занятость и рынок труда: Основы теории, функционирования и прогнозирования. Новосибирск, 2000. С. 112.

³¹⁵ См.: *Анисимова С.Г.* Социальная политика в Республике Саха (Якутия) // <http://www.rusrand.ru/Doklad5/Anisimova.pdf>

³¹⁶ *Васильев Я.Т.* Совершенствование региональной занятости населения в условиях становления рынка труда: Дисс. ... докт. экон. наук. М., 1998.

лые города – это, по определению Э.А. Орловой, – «анклавы консервативного социокультурного пространства». Даже самые активные их жители, «мигрируя в крупные города, вынуждены проходить через процессы ресоциализации»³¹⁷ Последнее ее замечание имеет прямое отношение к исследуемым нами процессам социокультурной адаптации молодежи.

Начиная с XVII в. на этническое развитие саха существенное влияние оказывали контакты с русскими. Исторически сложилось так, что Якутия, народ которой до революции в основном занимался охотой, скотоводством, оленеводством, не имела своего рабочего класса. А период ее индустриализации оказался недостаточным и еще предстоит какое-то время формировать свои рабочие кадры. Поэтому для строительства новых поселков при открытии Северного морского пути, освоения месторождений полезных ископаемых, строительства железной дороги в республику привлекалось большое число трудовых ресурсов из других регионов страны. Только за период с 1975 по 1989 г. численность населения республики возросла на треть, причем половину составил миграционный прирост. В 1970-е гг. большой приток мигрантов в республику был вызван формированием трудовых ресурсов для строительства Байкало-Амурской магистрали. Алданский, а в дальнейшем Нерюнгринский районы давали более трети всего механического прироста. Людей привлекали обширная сфера приложения труда, северные надбавки к заработной плате, а позже и такая льгота как «целевые вклады»³¹⁸. Распределение респондентов по типам поселений и по национальности в выборке нашего исследования отражает исторические особенности формирования в республике структуры населения. Самой важной для характеристики современной этнополитической обстановки является та часть русской этнотерриториальной группы, которая образовалась на сравнительно коротком историческом отрезке: 1959–1989 гг., в результате индустриального освоения в основном сырьевого потенциала республики. Демографическим последствием столь интенсивного освоения Севера явилось резкое увеличение доли славянского населения в этническом составе Якутии. С середины 1960-х годов славяне стали составлять большинство населения республики.

К 1990-м годам крупнейшие по численности группы русских в Якутии были размещены следующим образом:

- г. Якутск – 137 тыс. чел. (Кангаласский угледобывающий комплекс, судоремонтная промышленность);
- г. Нерюнгри – 87 тыс. чел. (добыча сырья для черной металлургии, агрохимическая промышленность);
- Алданский район – 49 тыс. чел. (золотодобыча);
- Мирнинский район – 35 тыс. чел. (алмазодобывающая промышленность);
- Ленский район – 38 тыс. чел. (лесозаготавливающая и деревообрабатывающая промышленность).³¹⁹

³¹⁷ Орлова Э.А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX, вып. 3. С. 96–112.

³¹⁸ См.: Железнова Г.А. Миграция в условиях экономических преобразований (на примере Республики Саха) // Социологические исследования. 1994. № 7. С.34–38.

³¹⁹ См.: Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия). М.,1994.

Таким образом, этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия) определялась главным образом динамикой отношений между якутами и русскими, осложняясь проблемой развития и возрождения малочисленных народов Севера – прежде всего юкагиров, эвенов и эвенков³²⁰.

Но уже к 2002 г. этническая картина Якутии изменилась. По данным переписи 2002 г., из общей численности населения Республики Саха (Якутия) 949,280 тыс. чел. русские составляли 390,671 тыс. чел., или 41,2 % (в 1989 г. – 550 тыс. чел., или 50,3 %), якуты – 432,290 тыс. чел., или 45,5 % (в 1989 г. – 365 тыс. чел., или 33,4 %), другие коренные народы (эвены, эвенки, долганы, юкагиры, чукчи, эскимосы) – 32,866 тыс. чел., или 3,4 % (в 1989 г. – 24,681 тыс. чел., или 2,3 %) ³²¹. При этом по сравнению с 1989 г. темпы роста численности к 2002 г. составили у русских 71 %, у якутов 118,4 %, у эвенков – 126,4 %, у эвенов – 134,5 %, у чукчей – 127,3 %, у юкагиров выросли в 1,6 раза, а у долган в 3,1 раза.

Если рассматривать именно молодежную группу, то по результатам переписи 2002 г. распределение по национальному составу представлено следующим образом, %: якуты – 46, русские – 42, КМНС – 4, «другие народы» – 8³²².

Более подробный анализ распределения молодежной группы по этносам и возрасту показывает, что в будущем это пропорциональное соотношение русской и якутской групп населения будет сохраняться или даже численность группы саха будет увеличиваться (табл. 3.5)³²³.

Таблица 3.5

Распределение по численности молодежи РС(Я) в разных возрастных группах

Этническая группа	Возрастная группа, лет				Всего 15–29 лет
	15–17	18–19	20–24	25–29	
Якуты	29676	18177	34676	29233	111762
Русские	22989	12640	32553	33974	102156
Украинцы	1123	590	2080	2939	6732
Эвенки	1383	734	1599	1449	5165
Эвены	826	452	1041	978	3297
Татары	563	310	756	829	2458
Буряты	451	238	610	654	1953
Долганы	103	55	115	99	372
Юкагиры	70	40	93	93	296

³²⁰ Там же.³²¹ См.: *Национальный состав населения, владение языками и гражданство в Дальневосточном федеральном округе. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Статистический сборник. Якутск, 2005. С. 30.*³²² *Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. Книга 1. Статистика России. М., 2004. С. 717–725.*³²³ Там же. С. 717–725.

Таблица 3.6

**Динамика численности населения в РС(Я) по типам поселения
и по городам Мирный, Нерюнгри и Якутск, тыс. чел.³²⁴**

Население		Год				
		1970	1979	1989	2002	2010
Республика Саха (Якутия)		667,0	852,0	1094,0	983,0	949,3
Городское население РС (Я)		376,0	522,0	732,0	634,0	622,1
Сельское население РС (Я)		291,0	330,0	362,0	349,0	327,2
г. Мирный		23,8	30,5	38,8	40,0	36,0
г. Нерюнгри		0,8	22,6	72,5	66,3	62,3
г. Якутск		108,0	152,4	187,7	210,6	268,0
% от всего населения РС (Я)	г. Мирный	3,6	3,6	3,5	4,1	3,8
	г. Нерюнгри	0,1	2,7	6,6	6,7	6,6
	г. Якутск	16,2	17,9	17,2	21,4	28,2
% от городского населения РС (Я)	г. Мирный	6,3	5,8	5,3	6,3	5,8
	г. Нерюнгри	0,2	4,3	9,9	10,5	10,0
	г. Якутск	28,7	29,2	25,6	33,2	43,1

Две трети населения Республики живет в городах (622,160 тыс. чел., или 65,5%). Самые крупные города: Якутск, Мирный и Нерюнгри (табл. 3.6).

Дадим краткую социально-экономическую характеристику мезосреды Республики Саха (Якутия). Мирнинский район образован 12 января 1965 г. в связи с началом разработки алмазных месторождений, расположен в западной части республики. Южная граница начинается с 61° с.ш., а северная заходит за Полярный круг. На западе район граничит с Красноярским краем и Иркутской областью. **Мирный** – это город реализовавшейся мечты геологов, первых алмазников. Открытая в 1955 году знаменитая трубка «Мир» дала жизнь сначала рабочему поселку, а потом и городу. Сегодня его площадь составляет 122,9 тыс. км². Численность населения к 2010 г. сократилась (см. табл. 3.6).

Общая площадь территории Мирнинского района – 165,8 тыс. км². Расстояние от Мирного до Якутска – 1207 км. В административно-территориальном составе – девять населенных пунктов. Административный центр – город Мирный. Мирнинский район – один из наиболее промышленно развитых районов Республики Саха (Якутия). Здесь расположены Мирнинский, Айхало-Удачнинский и Среднеботуобинский горно-промышленные узлы, основными специализациями которых являются добыча алмазов, нефти, природного газа, выработка электроэнергии и производство строи-

³²⁴ См.: Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. М., 2010; Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. М., 2002.

тельных материалов. Добыча алмазов на месторождениях Мирнинского района составляет 14 % всей мировой добычи. В промышленном комплексе сосредоточено более 90 % производственных фондов, занято около половины всех работающих в отраслях материального производства. Основу промышленности составляют цветная металлургия, электроэнергетика, топливная промышленность и пищевая промышленность. Добывающая отрасль включает производства по добыче и обогащению полезных ископаемых, а также по выработке электроэнергии гидроэлектростанциями. Крупнейшими отраслями материального производства по объему выпускаемой продукции и по количеству занятых работников являются промышленность, строительство и транспорт³²⁵.

Ведущая роль в сфере производства принадлежит акционерной компании «АЛРОСА» и ее дочерним предприятиям. Данная компания обеспечивает и функционирование всей социальной сети города. По оценкам геологов, при текущем уровне добычи «АЛРОСА», который составляет почти 100 % всех алмазов, добываемых в России, и приблизительно 20 % мировой добычи, запасов хватит на 50 лет. Такие перспективы, конечно, не способствуют росту оптимизма жителей монопрофильного города.

Сеть общего среднего образования района представлена 19 средними общеобразовательными учреждениями, одним лицеем, одной многопрофильной культурологической школой-гимназией с общим количеством учащихся в них более 14 тыс., вспомогательной школой-интернатом, пятью внешкольными учреждениями, Центром образования, тремя вечерними школами. В системе образовательных учреждений района работает 32 детских сада. Десять школ района защитили свои программы развития, получили статус республиканских экспериментальных площадок. Две школы района – лицей и МОУ СОШ № 12 с углубленным изучением английского языка, имеют статус президентских школ. В г. Мирный на данный момент действуют шесть школ, а также политехнический институт – филиал Якутского госуниверситета, готовящий выпускников по пяти специальностям, несколько филиалов университетов (в том числе) филиалы Томского ТУСУР и НГАСУ, Региональный технический Колледж.

Государственная сеть культурно-досуговых учреждений по Мирнинскому району насчитывает 26 единиц, в состав которых входят: 11 библиотек, два Дома культуры, два сельских дома культуры, четыре детских музыкальных школы, три детских школы искусств, парк культуры и отдыха и др. Город был призером Всероссийских конкурсов «Золотой рубль», прошедших в 2002 и 2004 гг. Ощутимую финансовую помощь в проведении крупных культурных мероприятий города оказывает АК «АЛРОСА», но, учитывая сложности положения данной компании в отношении республиканского и федерального центров, поддержка социальной программы развития монопрофильного города не является на сегодня для нее приоритетной.

Нерюнгри расположен на северных отрогах Станового хребта, близ Амуро-Якутской автомобильной дороги, в 740 км к югу от Якутска. Железнодорожные станции: грузовая – Беркамит, пассажирская – Нерюнгри. Имеется аэропорт. Население города

³²⁵ Более подробную информацию можно посмотреть на сайте Администрации МО «Мирнинский район» РС(Я) // http://www.admmirny.ru/city_region/svedeniya.htm

62,3 тыс. чел. (см. табл. 3.6). Основан он в 1975 г. Этническое доминирование русской группы сохраняется и в настоящее время. По переписи 2002 г. русских было – 92 %, якутов – 5 %, других – 3 %.³²⁶

Основной отраслью в Нерюнгринском районе является угледобыча. На территории Нерюнгринского района добычей угля занимаются восемь предприятий. Общий объем добычи угля составляет порядка 12–13 млн тонн в год. Особую роль в экономической стабильности Нерюнгринского района играет развитие перерабатывающей промышленности, составляющей обогащение коксующихся углей. Электроэнергетическая отрасль представлена Нерюнгринской ГРЭС, которая обеспечивает до 95 % всей потребляемой электроэнергии в районе. Сегодня энергетическое оборудование Нерюнгринской ГРЭС по мощности и по времени используется не более чем на 50 %, поэтому имеются резервы для продажи продукции за пределы региона. Ежегодное уменьшение выработки электроэнергии происходит в результате сокращения потребности Дальнего Востока в поставках электроэнергии Нерюнгринской ГРЭС в связи с вводом в эксплуатацию энергоблоков Бурейской ГЭС.

Объем добычи золота составляет порядка 2,5 т. По сравнению с предыдущими периодами добыча золота уменьшилась на 23,6 %. Промышленной добычей золота занимаются девять предприятий. Имеющиеся разведанные запасы золота будут отработаны в течение 2–3 лет.

На территории действуют два сельскохозяйственных предприятия, два крестьянских хозяйства, 27 родовых общин и одно подсобное хозяйство. Самое крупное сельскохозяйственное предприятие – Нерюнгринская птицефабрика, которая не только способна обеспечить свежим куриным яйцом и мясом Нерюнгринский район и другие районы республики, но и имеет возможности реализовать свою продукцию в Амурскую область и Хабаровский край. Традиционными отраслями в районе являются оленеводство, охотничий промысел и разведение пушного зверя, в частности серебристо-черной лисицы, которым занимается муниципальное унитарное предприятие «Иенгра».

В отличие от г. Мирный у г. Нерюнгри есть ряд преимуществ по расположению в транспортной схеме России. Участок федеральной автомобильной дороги «Лена», общей протяженностью 241 км. проходит по территории района. Аэропорт «Нерюнгри» обслуживает в среднем в год более 20 тыс. пассажиров, 111,1 т грузов, 16,6 т почты. В связи со строительством нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий океан увеличилось количество чартерных рейсов. В настоящее время годовой грузооборот железнодорожного транспорта составляет более 15 млн т. Пассажирские перевозки по станции Нерюнгри-Пассажирская составляют порядка 135 тыс. пассажиров в год. Данные условия способствуют мобильности населения.

В Нерюнгринском районе функционируют 63 образовательных учреждения. В школах района обучается 11 тысяч учеников, в детских дошкольных образовательных учреждениях 4600 воспитанников. Около 70 % выпускников школ района поступают в высшие учебные заведения.

Под эгидой Управления культуры и искусства работают семь культурно-досуговых учреждений, семь детских музыкальных школ и одна школа искусств, Нерюн-

³²⁶ Более подробную информацию можно посмотреть на сайте «Развитие экономики Нерюнгринского района» // <http://www.neruadmin.ru/devel/>

гринская централизованная библиотечная система с 11 филиалами, музей истории освоения Южной Якутии им. И.И. Пьянкова. Воспитанники детской музыкально-хоровой школы «Соловушка» получили международное признание. Народный эвенкийский ансамбль «Юктэ» – неоднократный победитель фестивалей художественного творчества коренных малочисленных народов Севера.

В Нерюнгринском районе развивается до 40 видов спорта, зарегистрировано и действует 17 федераций по видам спорта, восемь спортивных клубов, три спортивные общественные организации, в настоящее время в которых систематически занимается свыше 20 тысяч человек. В распоряжении жителей 213 спортивных сооружений, в том числе спортивно-оздоровительные комплексы, стадионы, крытые хоккейные площадки (одна из которых имеет искусственный лед), спортивные залы, лыжная база «Снеговик» и две горнолыжные базы, плавательные бассейны, стрелковые тиры³²⁷.

Но, несмотря на условия, созданные в этих двух крупных городах, престижность столицы республики, г. Якутск, сохраняется (табл. 3.7).

Якутск – один из старейших городов Сибири. Датой его основания считается 25 сентября 1632 г. Якутск, являясь военно-административным и торговым центром всего Ленского края, с 1708 г. был подчинен Сибирской губернии, в конце 18 века – Иркутской губернии. В 1805 г. – областной город. Долгое время был местом политической ссылки. В течение более двух веков Якутск служил центром и опорной базой для исследования северо-востока Азии. Отсюда отправлялись в путешествия С. Дежнев, В. Атласов, И. Москвитин, Е. Хабаров и др., открывшие пролив между Азией и Америкой, Камчатку, реку Амур, берега Северного Ледовитого и Тихого океанов. Якутск был известен своими ярмарками, на которые свозили товары со всей Якутии³²⁸.

Расширяться и благоустраиваться Якутск начал только после Октябрьской революции. Если в 1917 г. – через 285 лет после своего основания – он насчитывал немногим более 7 тысяч жителей, то в 1980 г. в нем проживали 155 тыс. чел.

Таблица 3.7³²⁹

**Рост численности населения г. Якутск
с прилегающей территорией
и молодежи в его структуре**

Годы	Все население	Молодежь 14–29 лет	Из общей численности молодежи 14–29 лет, %
2001	229812	68207	29,7
2002	232730	70429	30,3
2004	252107	85073	33,7
2005	257120	84786	33,0

³²⁷ См.: Развитие экономики Нерюнгринского района // <http://www.neruadmin.ru/devel/>

³²⁸ См.: Якутск // <http://www.yakutskrsp.ru/yakutsk/>

³²⁹ Государственный доклад «О положении молодежи в Республике Саха (Якутия) 2006 год» С.18.

В настоящее время город Якутск – столица Республики Саха (Якутия), административный, научный, культурный, образовательный центр. Площадь городских земель – 160 км². Город не располагает сколько-нибудь развитой промышленностью. Но, тем не менее, Якутск занимает в экономике и общественной жизни Республики Саха (Якутия) лидирующее положение. Здесь проживает пятая часть населения Республики (225,5 тыс. чел.), из которых 127,7 тыс. чел. работающих. Доля лиц, занятых в материальной сфере, составляет 59,4 %. Наибольший удельный вес имеют: транспорт – 15 %, промышленность – 10 %, строительство – 9 %. Основные отрасли являются поддерживающими жизнедеятельность города. Более половины из них (53,3 %) приходится на продукцию топливно-энергетического комплекса, 17,7 % – на пищевую промышленность, 11,1 % – на алмазографическое производство, 4,3 % – на промышленность строительных материалов, 3,2 % – на продукцию металлообработки³³⁰.

Якутск удачно расположен в транспортной сети. Действует речной порт. Большая часть грузопотока в отсутствие железнодорожного транспорта проходит именно через речной порт. Кроме того, речной пассажирский транспорт связывает город с населенными пунктами Якутии в бассейне Лены: Олекминском, Сангаром, Жиганском. Автомобильным транспортом добраться до Якутска сложно: федеральная трасса М56 «Лена» доходит до поселка Нижний Бестях, расположенного на правом берегу Лены, напротив Якутска. Сообщение с Якутском: летом – грузопассажирский паром, зимой (декабрь–апрель) – по льду реки. Частично действует федеральная автодорога «Колыма» (Якутск–Магадан)³³¹. В 2007 г. автодорога «Виллюй» (Якутск – Виллюйск – Мирный – Ленск–Усть-Кут – Тулун) была включена в список федеральных дорог. Однако фактически такой дороги не существует.³³² Остальные дороги также нуждаются в реконструкции.

Активно ведется строительство Амуро-Якутской железнодорожной магистрали (АЯМ). В 2005 г. по железной дороге осуществлялось пассажирское движение до ст. Томмот (570 км от раз. Бестужево на БАМе), грузовое – до ст. Кюргелях (773 км), рабочее – до ст. Кёрдем (925 км). Прием в постоянную эксплуатацию участка Томмот–Нижний Бестях планировался в 2012–2013 гг. Относительно конечного пункта магистрали принято решение о строительстве совмещенного железнодорожно-автомобильного моста через Лену в районе Табаги и вокзала непосредственно в Якутске³³³. Именно с этими знаменательными событиями связывали якутяне свои опасения и надежды. Для одних это событие, казалось, станет началом массового притока мигрантов и дешевой рабочей силы из союзных республик Кавказа, Узбекистана и Таджикистана. Хотя тревожность у населения вызывает не столько факт возможного роста числа мигрантов, сколько опасения расстаться с комфортным проживанием

³³⁰ Более подробная информации о Якутске на официальном сайте Администрации ГО «Якутск» // http://www.yakutsk-city.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=50&Itemid=66

³³¹ См.: Штыров В. План по строительству автодорог должен быть выполнен // Вестник Якутского-Саха информационного агентства // http://archive.yasia.ru/view.asp?id=050808_27

³³² См.: Улыбина Ю. Приангарье и Якутию объединит дорога // Вестник Якутского-Саха информационного агентства // http://archive.yasia.ru/view.asp?id=210907_05

³³³ См.: Строительство моста начнется через Лену начнется в 2008 г. // <http://il-tumen.sakha.ru/?id=8635&y=2005&m=11>

в социально-изолированной от асоциальных влияний цивилизации со всеми присущими им проявлениями: ростом преступности, наркомании, ростом количества заболеваний, падением нравственности, этнической унификацией. Для других в строительстве железной дороги и моста через Лену скорее видятся возможности увеличения мобильности. Возведение моста планировалось начать в 2010 г. Однако на встрече 21 февраля 2011 г. главы РС(Я) Егора Борисова с вице-премьером правительства, министром финансов РФ Алексеем Кудриным решено, что вопросы финансирования строительства моста еще только будут обсуждаться. Поэтому последствия этого epochального события нам еще предстоит анализировать. Пока же большая часть населения использует возможности авиаперевозок. В городе действуют два аэропорта: «Якутск» (основной; осуществляет внутренние республиканские, российские и международные рейсы) и «Маган» (запасной; расположен в одноименном пригородном поселке).

В нематериальной сфере наибольшее количество занятых приходится на образование, науку и научное обслуживание – 12 %, здравоохранение и физическую культуру и соцобеспечение – 9 %, органы управления – 9 %. На конец 2009 г. в Якутске функционируют 51 детское дошкольное, 60 общеобразовательных учреждений³³⁴. Среди высших учебных заведений лидирующее положение занимают Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутская государственная сельскохозяйственная академия, Якутский государственный инженерно-технический институт, Арктический государственный институт искусств и культуры, Якутский экономико-правовой институт (филиал московской Академии труда и социальных отношений), действуют множество филиалов различных вузов России. Научный потенциал молодежи может реализовываться на базе научно-исследовательских институтов Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

В городе действуют Саха академический театр имени П.А. Ойунского, Государственный академический русский драматический театр им. А.С. Пушкина, Государственный театр оперы и балета Республики Саха (Якутия) им. Д.К. Сивцева-Суюруна Омоллона, Государственный театр эстрады Республики Саха (Якутия), Государственный театр юмора и сатиры Республики Саха (Якутия), Национальный театр танца Республики Саха (Якутия) им. С.А. Зверева-Кыыл Уола, Государственный цирк Республики Саха (Якутия). Экспонаты, раскрывающие историю культуры Якутии и России, хорошо представлены в объединенном музее истории и культуры народов Севера им. Е.М. Ярославского, Национальном художественном музее РС (Я), Музее мамонта, Музее хомуса, посвященном варганной музыке, Нумизматическом музее в государственном университете им. М.К. Аммосова, Литературном музее им. П.А. Ойунского, Доме-музее «История политической ссылки в Якутии», Музее археологии, этнографии и истории высшей школы, Музее истории связи Якутии, Музее музыки и фольклора народов Якутии, Галерее западно-европейского искусства, которая была создана на основе коллекции М.Ф. Габышева, известного художника и коллекционера Якутии. Коллекция зарубежного искусства в собрании Национального художественного музея РС (Я) включает живопись и графику итальянских, французских, голландских, фламандских мастеров

³³⁴ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 354–357.

XVI–XIX в., отдельные работы художников Нидерландов, Испании, Англии, Германии, а также искусство народов Востока, представленное свитками Ци-Бай-Ши, творчеством Хокусая, японскими нецкэ, окимоно, фарфором, мелкой пластикой, росписью по шелку, перегородчатыми эмальями, резьбой по дереву Китая, Тибета, Японии, живописью Монголии³³⁵.

Конечно, возможности получения образования и особенности жизни в городах привлекают молодежь. Как показали результаты проведенного нами опроса, свыше 90 % русской молодежи основную часть своей жизни прожили в городской местности, в то время как среди саха таковых 30 %, а среди коренных малочисленных народов Севера – лишь около 20 %. Наибольший удельный вес молодежи зарегистрирован в городах Якутске и Нерюнгри, а наименьший – в Эвено-Бытантайском улусе. Необходимо отметить устойчивую тенденцию все большей концентрации молодежи в столице республики – г. Якутск, где молодежь составляет 33 % от всего населения³³⁶ и представлена большей частью саха. Среди учащейся молодежи в г. Мирный крайне мало представителей народов Севера, в то время как в г. Нерюнгри находится школа-интернат народов Севера «Арктика», где обучаются наиболее одаренные дети, представители малочисленных народов Севера. Русская учащаяся молодежь распределена по городам приблизительно равномерно.

Однако, как показало исследование, эти особенности социокультурного пространства республики мало влияют на социокультурную адаптацию молодежи, фиксируемую по показателю социального самочувствия (табл. 3.8).

Можно только заметить, что хуже всего адаптирована сельская молодежь, за исключением русской молодежи. Но выделение данной группы обусловлено тем фактом, что большинство из них живут либо в городе у родственников, либо в поселке городского типа, который находится рядом с крупным городом Якутии (табл. 3.9). В целом же особых различий между городами по степени адаптации всей молодежи не отмечено.

Таблица 3.8

**Степень адаптированности молодежи Республики Саха (Якутия)
по типу поселения и национальности, % в группе**

Поселение	Этнические группы								В целом	
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
г. Якутск	41	22	42	22	41	24	46	27	41	22
г. Мирный	50	25	45	22	39	26	46	31	44	24
г. Нерюнгри	44	28	44	26			42	26	43	27
ПГТ и села	37	20	50	11	30	34			39	19

³³⁵ См.: *Галерея западно-европейского искусства* – филиал Национального художественного музея РС(Я) // <http://www.museum.sakha.ru/museum.php?id=84>

³³⁶ См.: *Государственный доклад «О положении молодежи в Республике Саха (Якутия) 2006 год»*. С. 11.

Таблица 3.9

**Степень адаптированности молодежи Республики Саха (Якутия)
в зависимости от «биографии», % в группе**

Поселение	«Биография»	Этнические группы								В целом	
		саха		русские		КМНС		другие народы			
		ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
г. Якутск	Городская	39	21	44	20	50	20	48	28	42	21
	Сельская	40	22	41	26	39	22	33	29	40	23
г. Нерюнгри	Городская	38	31	45	20	45	18	48	35	45	23
	Сельская	60	20	50	25	35	29	44	26
г. Мирный	Городская	48	23	46	24	45	23	46	24
	Сельская	43	32			40	33
ПГТ и села	Городская	40	20	49	10	48	12
	Сельская	37	19			29	34	36	21
Все	Городская	40	22	46	20	52	16	46	29	44	21
	Сельская	40	22	43	25	35	29	40	26	39	23

Существует определенная зависимость степени адаптированности молодежи от того, где прожили юноши и девушки большую часть своей жизни – в городе или селе, т. е. от «биографии» – городской или сельской (см. табл. 3.9.). Степень адаптированности потомственных горожан г. Якутск несколько выше, чем потомственных сельчан, особенно среди молодежи народов Севера и группы «другие народы». Юноши и девушки саха, вне зависимости от «биографии» – городской или сельской, адаптируются к современной социокультурной реальности в равной степени. Но ситуация по адаптации в г. Нерюнгри складывается иначе. Там продемонстрировали лучшую адаптированность саха и русские из числа сельской молодежи. Возможно, это обусловлено тем, что сельская молодежь представлена большей частью теми, кто живет в деревнях рядом с городом и, соответственно, уже с детства адаптирован к городской среде. Для КМНС специфичность складывающейся ситуации связана с тем, что в Нерюнгри как раз находится Экспериментальная школа-интернат «Арктика» для детей КМНС с углубленным изучением предметов гуманитарно-культурологического цикла.

Переезд сельской молодежи в г. Мирный довольно проблематичен, поскольку город представляет собой монопрофильное образование, в котором живут в основном представители рабочих профессий, связанных с алмазодобывающей промышленностью, и те, кто работают в социальной сфере. С некоторых пор в г. Мирный действует филиал Якутского государственного университета, в котором открыто обучение, в том числе и для представителей сельской молодежи. Ставку при наборе делают на представителей титульной национальности для дальнейшего увеличения доли данной этнической группы в промышленности. Поэтому, как мы видим, представителей других этнических групп: русских, КМНС, «другие народы», среди респондентов с «сельской»

биографией оказалось недостаточно для того, чтобы сделать какие-то сравнительные выводы. Возможно, малочисленность данных групп обусловливается и тем, что в филиале представлены большей частью технические специальности, на которые чаще поступают ребята, закончившие Мирнинский политехнический колледж.

Этот вывод подтверждает также анализ зависимости социального самочувствия от длительности проживания в населенном пункте, где проводился опрос: у проживающих в сельской местности с рождения адаптированность, как правило, несколько хуже, чем у тех кто, не живет здесь с рождения («новоселы»). Так, по всему массиву сельчан: среди старожилых хорошо адаптированных – 38 %; среди «новоселов» – 43 %; среди саха – соответственно 36 и 41 %; среди КМНС – 25 и 47 % соответственно. Среди горожан эта зависимость выражена слабо и противоречиво.

То есть для учащейся молодежи социокультурное пространство Республики Саха (Якутия) представляется в целом слабо дифференцированным по социокультурным характеристикам городов, и единственное заметное различие – по различию городской и сельской местности в плане адаптированности. Возможно, эти различия между городами более важны для работающей молодежи и более взрослого населения, однако этот аспект нами не исследовался.

Существенное явление, зафиксированное исследованием, – хорошая адаптированность к городским условиям, особенно в г. Якутск, молодежи коренных малочисленных народов Севера, намного превышающая показатели адаптированности их сельских сверстников. Большинство из них – новоселы в городах как минимум на период учебы, так как являются выходцами из улусов и кочевий, и их городское социокультурное пространство отличается от пространства саха, русских и других народов – коренных горожан в первую очередь отсутствием семейного окружения, новизной городской культуры и многонационального окружения. Подробнее эти вопросы будут рассмотрены нами в главах «Этнокультурная адаптация молодежи Севера» и «Влияние социальных институтов на социокультурную адаптацию». Пока лишь зафиксируем, что, во-первых, социокультурное пространство республики не враждебно молодежи народов Севера, а, во-вторых, эта молодежь имеет достаточный адаптационный потенциал для построения нормальных отношений с другими субъектами адаптации в данном пространстве.

Наименее комфортно чувствует себя молодежь народов Севера в сельской местности районов своего проживания. Полагаем, в первую очередь по причинам социально-экономического плана: деградации среды обитания и традиционных отраслей хозяйства, отмеченной многими исследователями, слабой социальной инфраструктуры, в том числе в образовании, безработицы и т. п.

Исследование показало, что адаптационный потенциал девушек выше, чем адаптационный потенциал юношей, у представителей всех народов и во всех рассмотренных городах и в сельской местности. Так, в целом по республике доля хорошо адаптированных юношей составляет 37 %, плохо адаптированных – 25 %, в то время как среди девушек соответственно 46 и 21 %.

В сельской местности гендерные различия по данному показателю менее заметны, чем в городах, и составляют по доле хорошо адаптированных 6 п.п., при одинаковой (19 %) доле плохо адаптированных. В г. Мирный разница показателей составила 12 п.п. (среди юношей 38 % хорошо адаптированных, а среди девушек – 50 %), к тому же сре-

ди юношей на 8 п.п. больше плохо адаптированных. В г. Нерюнгри аналогичная разница по показателю «хорошо адаптированные» составляет 9 п.п., в г. Якутске – 8 п.п.

Наибольшие различия по данному показателю (доля хорошо адаптированных) – в г. Мирный в группе «другие народы» – 24 п.п. (среди юношей – 31 %, среди девушек – 55 %) и в г. Нерюнгри среди молодежи народов Севера – 29 п.п. (среди юношей – 22 %, среди девушек – 51 %; при 36 % плохо адаптированных среди юношей и 20 % – среди девушек).

У саха также высока разница аналогичных показателей: 8-12 п.п. по группе хорошо адаптированных. У русских – 5–10 п.п., и лишь в г. Якутске она заметнее: 15 п.п. в «пользу» девушек.

Отметим, что гендерные различия по адаптированности зависят от «биографии» респондентов: среди коренных горожан они более заметны. Так, среди девушек-саха – «горожанок» Якутска 44 % хорошо адаптированных, а среди юношей – 33 %, т. е. разница – 11 п.п. Среди девушек саха – «сельчанок», проживающих в Якутске, эта разница вдвое меньше – 6 п.п. (42 % – у девушек и 36 % – у юношей). Разница по показателю «плохо адаптированные» незначительна (1–2 п.п.). В группе русской молодежи и молодежи других национальностей картина аналогичная.

Наиболее четко эта разница видна по результатам опросов в г. Мирный. Так, гендерные различия по показателю «хорошо адаптированные», в группе саха составили 22 п.п. среди хорошо адаптированных (57 % – среди девушек и 35 % – среди юношей); в группе «другие народы» – 29 п.п. (61 и 32 % соответственно). В целом же по молодежи г. Мирный – 14 п.п. для коренных горожан и 6 п.п. – для проживающих в поселках городского типа и селах.

По республике в целом эти различия составляют 10 п.п. для «горожан» и 5 п.п. – для «сельчан». То есть социокультурное пространство усиливает гендерные различия по адаптированности молодежи: девушки-«горожанки» адаптируются лучше, чем юноши и чем их сверстницы, прожившие большую часть жизни в сельской местности.

Чем обусловлены гендерные различия в адаптированности молодежи разных городов республики? Возможно, структурой образования – общего и профессионального; или длительностью проживания – приезжие не всегда живут в семьях родственников, а зачастую в общежитиях или на съемных квартирах, что создает трудности в адаптации. Так, в г. Мирный основная часть студентов вузов и учащихся ССУЗов – приезжие, в то время как аналогичная группа молодежи в г. Якутск представлена хоть и не местными жителями, но имеющими родственников в городе либо переехавшими и живущими в г. Якутск с родителями. И, тем не менее, и в г. Якутск гендерные различия по адаптированности заметны, хотя менее, чем в г. Мирный.

В г. Якутск нет особых различий по социальному самочувствию молодежи саха – студентов вузов и учащихся ССУЗов, но они заметны среди молодежи других национальностей: русских, КМНС, в группе «другие народы». Так, среди русских юношей и девушек – студентов вузов хорошо адаптированных 49 %, плохо адаптированных – 20 %; среди учащихся ССУЗов – соответственно 33 и 31 %.

В г. Мирный по всей молодежи и по всем национальным группам социальное самочувствие студентов вузов лучше, чем учащихся ССУЗов, особенно среди саха (хорошо адаптированных – 47 % против 37 %, а плохо адаптированных – соответственно 24 против 38 %).

Первую причину различий между городами по уровню адаптированности студентов вузов и учащихся ССУЗов предположим в различиях по признаку «коренной житель» или «приезжий». Оказалось, что студенты, обучающиеся в г. Якутск, – коренные жители всех национальностей – лучше адаптированы, чем студенты – приезжие. В других городах картина обратная: немного лучше адаптировались студенты, проживающие здесь не с рождения. Эту ситуацию можно объяснить и этнической картиной городов, поскольку в г. Якутск доля молодежи саха в общей численности молодежи выше, и тем, что миграционные намерения городской молодежи в г. Мирный и г. Нерюнгри высоки. Если в г. Якутск доля хорошо адаптированных учащихся ССУЗов у приезжих выше, чем у их сверстников – коренных жителей, то в других городах заметных различий нет.

То есть, если для столичной молодежи (г. Якутск) поступление в техникумы или колледжи, а не в вузы ухудшает ее социальное самочувствие, то в других городах это не наблюдается. Либо можно предположить, что в техникумы и колледжи в г. Якутск поступают из числа местной молодежи большей частью дети из семей, не очень хорошо адаптированных к современным условиям. Отчасти этот вывод подтверждает и факт того, что среди иногородних учащихся ССУЗов доля лучше адаптированных выше.

Отмеченные выше существенные гендерные различия в адаптации молодежи в г. Мирный связаны с иными причинами, а не с различием «коренной житель» – «новосел – приезжий».

Адаптационный потенциал школьников г. Якутск несколько ниже, чем у школьников г. Мирный и г. Нерюнгри (36 % хорошо адаптированных против 47 и 46 % соответственно), и ниже чем, у студентов вузов и учащихся ССУЗов г. Якутск (в других городах, наоборот, оно лучше).

Причины более низкой адаптированности школьников г. Якутск будут более подробно рассмотрены в последующих разделах. Но можем предположить, что они связаны с их более сильной, чем у старших возрастных групп, эмоциональной зависимостью от характера отношений с родителями, а также с высоким миграционным потенциалом.

Социальное самочувствие школьников, живущих в городе с рождения, в целом несколько лучше, чем школьников – некоренных жителей городов.

Студенты вузов, проживающие большую часть жизни в городе, имеют, как правило, несколько более высокий уровень адаптированности, чем студенты-сельчане (45 и 40 % соответственно хорошо адаптированных по республике в целом). Учащиеся ССУЗов-сельчане адаптированы даже лучше, чем те, кто прожил большую часть жизни в городе (41 против 30 % в г. Якутск, в том числе 42 против 22 % среди саха). Город позитивно влияет и на адаптацию школьников коренных малочисленных народов Севера: если в сельской местности среди них 27 % хорошо и 32 % – плохо адаптированных, то в г. Нерюнгри среди их сверстников, проживающих большую часть жизни в селе, а сейчас живущих в городе, аналогичные показатели равны 36 и 27 % соответственно.

Один из важных индикаторов социокультурного пространства многонациональных городов Республики Саха (Якутия) – состояние межнациональных отношений, могущих влиять на социальное самочувствие молодежи и являющихся одним из факторов ее социокультурной адаптации.

Состояние межнациональных отношений в городах Якутск, Мирный, Нерюнгри и в сельской местности республики оценивалось по трем позициям: 1) стабильное, без напряжения; 2) присутствует скрытое напряжение; 3) чувствуется сильное напряжение.

Более детально результаты опроса будут рассмотрены при анализе этнокультурной адаптации. Пока отметим, что сильное напряжение в межнациональных отношениях зафиксировало крайне мало молодых людей: в Якутск – 8 %, в г. Нерюнгри – 6 %, в г. Мирный – 8 %, в селах – 3 %. Оценили эти отношения как стабильные, без напряжения соответственно 47, 55, 41 и 67 %. То есть наиболее комфортной, по оценкам молодежи, является межнациональная среда в сельской местности республики и в г. Нерюнгри, а скрытое напряжение присутствует больше в городах Мирный и Якутск.

Исследование показало, что существует четкая зависимость адаптированности от оценки состояния межнациональных отношений. Так, в г. Якутск среди молодежи, оценившей отношения как стабильные, 44 % хорошо адаптированы и 20 % – плохо, а среди отметившей сильное напряжение в этих отношениях – соответственно 40 и 29 %, в том числе среди молодежи саха – соответственно 45 и 19 % – при оценке «стабильные»; 32, и 36 % – при оценке «сильное напряжение».

Аналогичная картина имеет место и в других городах, однако существенных различий по городам не выявлено. В г. Нерюнгри наиболее высока доля (48 %) хорошо адаптированных среди тех, кто считает межнациональные отношения стабильными, но и в Мирном аналогичный показатель равен 47 %, в г. Якутск – 44 %. То есть социокультурная среда в плане межнациональных отношений дифференцирована по городам республики слабо, хотя зависимость социального самочувствия от оценки этих отношений налицо.

Степень адаптированности молодежи по показателю «социальное самочувствие» прямо пропорциональна уровню материального положения семьи учащихся и студентов (табл. 3.10).

Таблица 3.10

Зависимость степени адаптированности молодежи городов и сельской местности Республики Саха (Якутия) от уровня материального положения семей, % в группе

Уровень материального положения семей	Города						Села	
	Якутск		Нерюнгри		Мирный			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Ни в чем себе не отказывают	54	16	55	15	57	17	43	25
Могут позволить себе больше, чем необходимое	45	15	46	19	46	22	45	11
Денег хватает только на самое необходимое	37	24	40	33	34	33	36	16
Денег не хватает даже на самое необходимое	31	33	50	25			15	75
Затруднились ответить	41	31	39	36	32	41	36	25

Во всех типах поселений доля хорошо адаптированных уменьшается по мере снижения уровня материального положения семей респондентов. Соответственно растет доля плохо адаптированных, причем более быстрыми темпами, чем снижается в группе хорошо адаптированных. Так, по городам республики среди молодежи с самым высоким уровнем материального положения в 1,4–1,8 раза больше хорошо адаптированных, чем среди молодежи с самым низким уровнем обеспеченности, в то время как среди плохо адаптированных аналогичные различия в 2,2–2,4 раза, а по сельской местности – в 3 раза. Таким образом, материальное положение семей – фактор, имеющий большое влияние на степень адаптированности молодежи.

В сельской местности социальное самочувствие молодежи хуже, чем в городах, во всех группах по уровню материального положения, что видно из сравнения долей как хорошо, так и плохо адаптированных.

Между городами особых различий в этом плане не выявлено. Следует также отметить, что в г. Мирный оказалось крайне мало (единицы) юношей и девушек, ответивших «денег не хватает даже на самое необходимое». В г. Якутск таковых около 6 %, а в селах – около 3 %. Отмеченная выше закономерность наблюдается у всех национальных групп молодежи. Например, среди саха в г. Якутск доля хорошо адаптированных уменьшается по мере снижения уровня материального положения так: 52 – 44 – 40 – 25 % (от тех, кто ни в чем себе не отказывает, до тех, кому не хватает денег даже на самое необходимое), а доля плохо адаптированных растет: 17 – 14 – 21 – 39 %.

Часть молодежи решает проблемы своего материального положения подработками, однако, как показал опрос, существенного влияния на социальное самочувствие они не оказывают. Постоянную работу в г. Якутск имеют 13 %, в г. Нерюнгри – 5 %, г. Мирный – 11 %. Еще около 30 % во всех городах отметили, что иногда подрабатывают, но больше половины указали «нет, не подрабатываю». Основные причины – «приоритет – учеба» и «не хватает времени». Но те, кто имеет подработки, не отличаются по социальному самочувствию от тех, кто только учится.

По всей вероятности, материальное положение учащихся и студентов обеспечивается в основном родителями. В то же время заметна зависимость адаптационного потенциала от материальных запросов молодежи всех национальностей, во всех обследуемых городах и в сельской местности. Об этом подробнее в §3.5 «Отношение молодежи к материальным ценностям и адаптация».

С ростом запросов по уровню желаемой минимальной заработной платы растет доля хорошо адаптированных среди молодежи всех национальностей: в целом по республике – в 1,4 раза, среди молодежи коренных малочисленных народов – в 1,7 раза. Следует отметить, что среди молодежи КМНС оказалось крайне мало юношей и девушек с такими максимальными запросами (свыше 20 тыс. руб./ мес.) по заработной плате, по сравнению с русскими и саха.

С теми или иными вариациями сказанное выше справедливо для городов и сельской местности республики. Особых различий здесь не выявлено.

Что касается взаимообусловленности социально-экономических ценностей и степени адаптированности, то во всех обследуемых городах и в сельской местности республики среди молодежи отмечен приоритет коллективной собственности над частной как фактора успешного развития своего этноса: в г. Якутск это 55 %, в г. Нерюнгри – 60 %, в г. Мирный – 56 %, на селе и в ПГТ – 70 %. Однако сам по себе данный

приоритет слабо влияет на степень адаптированности: хорошо адаптированных среди сторонников коллективной собственности в городах по сравнению с аналогичной группой сторонников частной собственности всего на 1–2 п.п. больше, а в сельской местности даже на 5 п.п. меньше (среди саха – меньше на 6 п.п., среди русских больше на 10 п.п.). То есть социально-экономические различия частной и коллективной собственности учащейся молодежью понимаются слабо, скорее на уровне менталитета, а не сознания. И понятно, что различий в этом плане по городам и сельской местности нет.

Аналогично обстоит дело и с отношением молодежи к предпринимательству, бизнесу. Во всех обследованных городах и в селах республики доля относящихся к ним позитивно превышает долю относящихся негативно: в г. Якутск первых 53 %, в г. Нерюнгри – 55 %, в г. Мирный – 56 %, в селах – 64 %. В мировоззрении учащейся молодежи вполне уживаются приоритеты коллективной собственности и бизнеса. Доля хорошо адаптированных среди позитивно относящихся к предпринимательству немного выше, чем среди относящихся к нему негативно: в Якутске – на 5 п.п. (44 против 39 % соответственно), в г. Нерюнгри и г. Мирный – на 1 п.п., в селах – на 7 п.п. (42 против 35 %). При этом наиболее позитивно относится к предпринимательству молодежь саха и малочисленных народов Севера, особенно в селах.

И в городах, и в селах республики юноши и девушки считают, что в жизни стабильность, устойчивость важнее перемен, новизны: в Якутске – 65 % (против 35%), в Нерюнгри – 58 %, в Мирном – 59 %, в селах – 53 %. Доли хорошо и плохо адаптированных в обеих группах по приоритетам практически одинаковы во всех городах (43–46 % и 23–26 % соответственно), т. е. установка на стабильность или перемены не влияет на адаптированность молодежи.

Существуют, однако, различия по данному индикатору в этническом аспекте. Степень адаптированности молодежи малочисленных народов Севера зависит от отношения к стабильности или к переменам. Среди тех, кто отдает предпочтение стабильности, больше доля хорошо адаптированных и меньше – плохо адаптированных. Например, в г. Якутск соотношение предпочитающих стабильность и перемены у них 65:35, а соотношения долей хорошо адаптированных 49:33 и плохо адаптированных – 21:27 соответственно. Аналогичная тенденция имеет место в других городах и в сельской местности. Среди русской молодежи при отчетливом приоритете стабильности над переменами, отмеченном во всех городах, различий в степени адаптированности не выявлено.

Противоречива картина среди молодежи саха: в г. Якутск различий между группами по этому индикатору нет, в г. Мирный лучше адаптированы предпочитающие стабильность. Хотя во всех городах молодежь саха предпочитают скорее стабильность, нежели перемены (примерно 60:40).

Большинство юношей и девушек (80–86 %) считает, что сотрудничество важнее соперничества. Различия по данной ценности между группами молодежи влияют на степень адаптированности следующим образом: увеличивают долю плохо адаптированных среди предпочитающих соперничество. Так, среди русских и саха по г. Якутск при 42 % хорошо адаптированных как в группе «важнее соперничество», так и в группе «важнее сотрудничество», в первой группе оказалось 27 % плохо адаптированных, во второй – 21 %. У КМНС крайне мало предпочитающих соперни-

чество, поэтому сравнение провести невозможно. То есть установка на соперничество в целом немного ухудшает адаптированность молодежи.

При анализе влияния приоритетов «хороший достаток» или «интересная работа» оказалось, что при некотором (примерно 52:48) предпочтении молодежью городов хорошего достатка интересной работе (на селе обратная картина – 47:53), и в городах, и в селах немного лучше адаптированы отдающие предпочтения интересной работе. Например, в г. Нерюнгри среди лиц, предпочитающих интересную работу, хорошо адаптированных 48 %, а плохо адаптированных – 21 %; в группе среди предпочитающих хороший достаток – соответственно 40 и 28 %. По другим городам соотношение немного различается, но закономерность везде сохраняется.

По оценке российских реформ молодежью разных городов и сел Якутии существенных различий не выявлено: 46–48 % (в селах – 57 %) полагают, что это возрождение страны, 6–7 % – это упадок и разрушение, и 46–48 % в городах и 37 % – в селах дали ответ «неизвестно, куда идет страна». Нет особых различий и в этническом аспекте. То есть социокультурное пространство республики как мезосреда относительно однородно в аспекте отношения к российским реформам как ценности.

Достаточно однородно оно и в плане взаимосвязи оценки реформ и степени адаптированности молодежи городов и сельской местности (табл. 3.11).

Как и по всей республике, в ее крупных городах и селах наблюдается закономерность: по мере снижения оптимизма в оценке реформ снижается доля хорошо адаптированных и растет доля плохо адаптированных среди молодежи всех национальностей. При этом пессимисты и не определившиеся в оценке реформ мало различаются по степени адаптированности. Единственное исключение из этого правила – малочисленная группа сельской молодежи среди пессимистов (21 человек).

Во всех обследованных городах и в селах различия по доле как хорошо адаптированных, так и плохо адаптированных оптимистов и пессимистов незначительны. Таким образом, проведенный анализ показал, что города Республики Саха (Якутия) не имеют существенных различий по условиям социокультурной адаптации молодежи, как проживающей там, так и приезжающей. Представители коренных горожан трех групп: саха, КМНС и «другие» народы», имеют чуть большую долю хорошо

Таблица 3.11

Взаимосвязь оценки реформ и степени адаптированности молодежи городов и сельской местности Якутии, % в группе

Оценка реформ	Города						ПГТ и сёла	
	Якутск		Нерюнгри		Мирный			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Возрождение страны	50	17	52	16	49	22	48	14
Упадок и разрушение страны	32	29	39	37	37	23	60	23
Неизвестно, куда идет страна	35	27	37	32	39	32	25	27

адаптированных людей, чем представители данных групп, мигрировавшие из сел. Лишь группа «русские» показала, что в городах Якутск и Нерюнгри коренные горожане себя чувствуют хуже по сравнению с русскими мигрантами из села. В отношении коренных жителей г. Мирный из числа русских можно отметить, что для них ситуация обратная – лучше адаптированы городские жители. В целом исследование показало, что наиболее яркие различия в условиях адаптации связаны с типологией поселения по принципу «город – село». Таким образом, в дальнейшем целесообразнее проводить сопоставление степени адаптированности по группам сельская – городская молодежь. Хотелось бы еще отметить, что большим оптимизмом в отношении своего будущего обладает молодежь либо недавно переселившаяся в город, либо проживающая в городе. Исключением является группа сельской молодежи из числа саха, у которой степень оптимизма выше по сравнению с городской. Русское же городское население в целом настроено более пессимистично, что отражается на его уровне социокультурной адаптированности и формировании намерений к миграции. Рассмотрим более подробно данный вопрос в следующем параграфе.

§ 3.3. Миграционные намерения как показатель адаптированности

Исследования миграционных процессов, начинавшиеся с середины XIX в., имели различные задачи. В XIX в. – это изучение историко-географической динамики населения земли для восстановления информации «первичной» картины этнических движений. Во второй половине XIX–XX вв. все миграционные события, явления и факты сводились к двум, ставшим основными, параметрам – эмиграции и иммиграции. Л.Л. Рыбаковский рассматривает миграцию в двух аспектах:

- миграция – это переселение, т. е. законченный вид территориального перемещения, завершающегося сменой постоянного места жительства;
- миграция – перемещение, т. е. любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности.³³⁷

С XX в. при рассмотрении проблемы миграции все чаще подчеркивают важность ее контроля, политического управления и экономического регулирования как сознательного процесса. Особую значимость в условиях современной актуализации «проблем миграции» приобретают исследования сегментации рынков, этностратификации, мигрантских сетей и формирования этнических анклавов³³⁸, освещенные Г.С. Беккером, О. Бредниковой, О. Вендиным, В.М. Воронковым, Г.В. Градосельской, И.М. Кузнецовым, М.Г. Муталимовым, В.В. Радаевым, С.В. Рыжовой, У. Эко. Вопросы формирования миграционной политики освещены в работах Ю.В. Арутюняна, Г.С. Витковской, Ж.А. Зайончковской, Н.М. Лебедевой, Л.М. Масловой, В.И. Переведенцева, Л.Л. Рыбаковского, Г.В. Солдатовой, В. А. Тишкова, У. Томаса, Е.И. Филипповой.

³³⁷ См.: Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. С. 12.

³³⁸ См.: Мокин К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде. Автореф. ... дисс. докт. социол. наук. Саратов, 2007.

В XXI в. наметилась тенденция исследования миграции как составляющей процесса «антропоток», под которым понимают совокупность социокультурных процессов переноса и трансляции, восстановления и смены, воспроизводства и развития идентичностей³³⁹. Т.С. Бреславская отмечает, что миграция стала пониматься как явление, давно перешагнувшее рамки «простого» перемещения людей из одного региона в другой, и описываться как комплексный процесс, включающий в себя многочисленные аспекты: исторические условия, характер, длительность, мотивы перемещения, адаптацию новоселов³⁴⁰. Осмысление социокультурных аспектов миграционных процессов отражено в трудах, посвященных общему анализу социальных изменений, трансформации институтов и процессам модернизации общества: Дж. Александер, В.В. Амелин, Ш.Н. Айзенштадт, Ю.А. Левада, Д.С. Норт, А.С. Панарин, П.А. Сорокин, С. Хантингтон, П. Штомпка, Д. Эптер, В.А. Ядов, В.Н. Ярская, Е.Г. Ясин.

Для нашего же исследования наиболее интересен был анализ добровольных (по типологии Т. Лопухиной и С. Градировского) миграционных процессов, которые принято делить на трудовые, деловые, образовательные, рекреационные и переселенческие, т. е. люди отправляются куда-то с намерением работать, делать бизнес, учиться, отдыхать или проживать.³⁴¹

Анализ причин потенциальной миграции был необходим прежде всего как показатель адаптации (дезадаптации) индивида. В одном случае стремление мигрировать сопутствует проявлению более высокого уровня притязаний, которые не могут реализоваться в городе, где респондент живет. В другом случае миграция – это один из способов побега от существующих проблем. И в первом, и во втором случае мы должны признать, что сам факт усиления миграционных процессов в современной России можно рассматривать как следствие тех трансформационных изменений общества, которые происходят как в отдельно взятых регионах, так и во всей стране в целом. По мнению А. Пятигорского, «нынешняя Россия характеризуется не столько полиэтничностью (в этом отношении положение радикально не изменилось ни с досоветского, ни с советского времени), сколько крайней миграционной нестабильностью»³⁴².

Отдельные аспекты миграционных процессов в Республике Саха (Якутия) освещались в научной литературе И.К. Ефимовым (1957, 1962, 1965), Я.Т. Васильевым (1962, 1963, 1967, 1990, «Региональная занятость и рынок труда» 2000), А.И. Шургиной (1974), Н.Е. Архиповым (1977), Т.В. Шиловой (1980), У.А. Винокуровой (1981), Р.А. Кузьминой (1984), В.И. Бойко и Н.В. Васильевым (1981).

Из работ, освещающих миграционные процессы в последние двадцать лет, нужно выделить статью Е.Е. Алексеева и И.И. Подойницыной «Особенности адаптации пе-

³³⁹ См.: Градировский С., Шедровицкий П., Межуев Б. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа «Государство и антропоток». М., 2002. // http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/antrostream/project-anropotok/doclad_vvedenie/

³⁴⁰ Бреславская Т.С. Межгосударственные миграционные процессы на современном этапе развития общества (на материалах Республики Бурятия и Монголии): Автореф. ... дисс. канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2009.

³⁴¹ См.: Лопухина Т., Градировский С. Типологии миграционных процессов // <http://www.archipelag.ru/authors/gradirovsky/?library=1108>

³⁴² Пятигорский А. Миграция. Диффузия. Антропоток // http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/antrostream/chto_eto/diffuziya/

реселенцев из Крымской области в селах Якутии» (1990), докторскую диссертацию «Население Якутии (геодемографическое исследование)» и монографию «Население Якутии. Прошлое и настоящее» Е.Н. Федоровой, исследования В.М. Моисеенко и О.С. Чудиновских, проведенные в 1996 г., в области методологических вопросов оценки влияния миграции на структуру, характеристики населения и генофонд Якутии. Но в данных работах недостаточно анализируются мотивы потенциальной миграции населения, а также обусловленность стремления к миграции адаптированностью (дезадаптированностью) индивидов.

В первую очередь необходимо отметить наметившиеся позитивные тенденции: в общем объеме миграции к 2006 г. постепенно сокращается доля внешней миграции. Если в 1990 г. она составляла 62,6 %, в 1995 г. – 60,6 %, в 2000 – 43,4 %, в 2005 – 39,8 %, то в 2008 году ее доля составляла 39,6 %. Соответственно, наблюдается рост доли внутренней миграции, для которой характерна тенденция перемещения сельского населения республики в города. При этом сохраняется привлекательность столицы РС (Я) г. Якутск (табл. 3.12). Именно с возможностями Якутска как административного, культурного и образовательного центра связывают планы на лучшее будущее многие семьи из сел. Для сравнения мы взяли показатели г. Нерюнгри – промышленного центра, также имеющего филиалы ЯГУ и российских вузов, но исторически более плотно населенного поселенцами из числа славян, которые работали в промышленной сфере.

Одним из решающих факторов переселения в Якутск является поступление ребенка в республиканский вуз. По данным нашего опроса, 60 % из 1521 респондентов, которые на момент опроса обучались в вузах, ССУЗах и колледжах, не имели городской прописки до поступления на учебу. Однако на вопрос о предпочитаемом типе поселения уже 81 % от всей массы студентов ответили «город», 10 % пока хотят вернуться в село, а 7 % не определились с выбором. Интерес представляет тот факт, что из числа респондентов славян 77 % ранее проживали в городе, в то время как всего лишь 38 % студентов саха и 23 % представителей коренных малочисленных народов Севера являлись городскими жителями. Имеющаяся тенденция переезда сельского населения в город обусловлена потребностью улучшения социально-экономического положения семьи и в целом повторяет характерную для всей России картину миграции.

Таблица 3.12

**Миграционный прирост (убыль)
населения РС (Я) в 1990–2005 гг.³⁴³**

Миграционный прирост (убыль)	Годы									
	1990	1991	1992	1994	1995	1996	2002	2003	2004	2005
ВСЕГО по РС (Я)	-3306	-20720	-22954	-31266	-16097	-11724	-5818	-4624	-4383	-5084
В том числе:										
г. Якутск	762	2682	-2201	-3624	-925	2004	1289	1957	2335	1125
г. Нерюнгри	-212	-4078	-4654	-2485	-962	-820	-741	-362	-577	-680

«-» – обозначает убыль.

³⁴³ Миграция населения по РС (Я). Якутск, 2006. С. 84–91.

Таблица 3.13

**Направления потенциальной миграции молодежи,
в зависимости от типа прописки, % в группе**

Миграционные намерения	Якутск						Нерюнгри						Мирный						Села и ПГТ Саха						
	саха		русские		другие народы		Всего		саха		русские		другие народы		Всего		саха			русские		другие народы		Всего	
	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп		сп	гп	сп	гп	сп	гп
	51	12	36	28	33	24	45	29	7	0	12	19	4	10	14	10	14	29		16	15	11	17	18	16
Не буду уезжать отсюда	51	12	36	28	33	24	45	29	7	0	12	19	4	10	14	10	14	29	16	15	11	17	18	16	
Остаться здесь, если бы было возможно	12	27	3	9	11	19	10	25	7	26	8	14	5	10	8	17	13	28	9	26	4	...	9	27	
Уехать отсюда, но жить в Якутии	6	18	3	6	4	11	5	17	20	57	5	8	9	10	7	23	36	47	2	16	6	...	9	40	
Уехать отсюда, но жить в Сибири	0	1	5	7	4	5	2	2	7	4	13	24	9	10	12	17	11	1	24	11	19	...	21	3	
Уехать отсюда, жить в центральной России	9	5	33	30	30	11	17	8	20	0	45	22	39	30	42	16	0	4	31	11	23	...	24	5	
Уехать отсюда, жить за границей	6	5	7	7	7	11	6	6	33	4	10	3	21	20	13	5	2	2	9	5	15	...	9	3	
Уехать на время, но вернуться и жить здесь	16	13	14	12	10	19	15	13	7	9	7	10	14	10	8	10	9	2	9	21	15	...	10	5	

О направлениях потенциальной миграции учащейся молодежи из разных городов Республики Саха (Якутия) можно судить по данным табл. 3.13, в которой приведено распределение ответов респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из данного города после окончания учебного заведения?» с учетом их прописки («гп» – городская прописка, «сп» – прописка в селах и ПГТ).

Сравнительный анализ проведен по наиболее многочисленным этническим группам, определяющим общую картину миграционных намерений учащихся крупных городов республики.

Как видим, республиканский центр – г. Якутск – достаточно привлекателен для жизни как молодежи саха, так и русской молодежи: 51 % из числа городских саха и 30 % саха, имеющих прописку в селах, не собираются уезжать отсюда. Еще 27 % из сельских саха хотели бы остаться в г. Якутск, если бы это было возможно. Две трети опрошенных и той и другой национальности проживают здесь с рождения, учатся и имеют возможность продолжить образование, ощущая помощь родителей, родственников. Треть русских респондентов (независимо от городской или сельской прописки) и столько же представителей группы «другие народы», прописанных в г. Якутск, хотели бы уехать и жить в центральной России. Такая ситуация свидетельствует как о привлекательности Якутска, так и о высоких стартовых возможностях, предоставляемых городом, обеспечивающих как рус-

ским, так и представителям группы «другие народы» планировать свой переезд для улучшения условий жизни в центральную часть России.

Что касается других городов, то здесь большая часть молодежи – и русских, и саха – намерена уехать. Саха в основном намерены жить в Якутии, русские – в центральной России или в Сибири. В понятие «жить» не вкладывался смысл обязательной миграции на всю жизнь, поэтому молодежь воспринимала его и как проживание на период учебы. Так, русская молодежь из г. Нерюнгри, 59 % которой живут здесь с рождения, в основном собирается уехать из города: 13 % в Сибирь и 45 % в центральную Россию. Среди живущих здесь не с рождения (т.е. приезжих) туда же собирается уехать тоже много – 22 %. И 27 % планируют уехать в Сибирь. Доля представителей группы «другие народы», желающих выехать из г. Нерюнгри, еще выше: 39 % собираются уехать в центральную Россию, а 21 % за границу. Возможно, последняя цифра связана с тем, что в Нерюнгри довольно высока доля детей «бывших мигрантов» из стран ближнего зарубежья. Аналогичные намерения имеют место и среди русской молодежи и представителей группы «другие народы» в г. Мирный. Но г. Мирный, как показали результаты опроса, более привлекателен для респондентов саха. Так, 29 % имеющих городскую прописку, желали бы остаться здесь, а 28 % из числа сельских саха остались бы, если бы была возможность. Отчасти эта ситуация обусловлена перспективами развития алмазной промышленности и тем, что в городе имеется филиал Северо-Восточного федерального университета, который нацелен на обучение представителей титульного этноса.

Было также выявлено, что не желают уезжать из городов в большей степени те, кто мигрировал, независимо от длительности проживания в нем. Это объясняется особенностью формирования мотивации к переселению. Человек, уже достигнувший цели (миграции из села в республиканскую столицу), не всегда будет иметь потребность к постановке еще более труднодостижимой цели – переезд в город центральной России или еще дальше. Наблюдается также определенная возрастная зависимость: чем старше человек, тем труднее ему планировать будущий переезд.

Но респонденты саха из городов Мирный и Нерюнгри, как «городские», так и «сельские», тоже планируя в основном уехать из этих городов, ориентируются в своем большинстве (20 % (57 %) – 36 % (47 %)) на жизнь в Якутии. При этом мотивы миграции у них в первую очередь связаны с учебой и работой. Центральная Россия их привлекает мало.

Молодежь коренных малочисленных народов Севера в г. Якутск в выборке представлена в основном студентами вузов и учащимися средних специальных учебных заведений. Картина ее миграционных намерений здесь такова: 1) не намерены уезжать – 32 %; 2) остались бы, при возможности – 25 %; 3) хотели бы уехать из Якутска, но жить в Якутии – 12,7 %; 4) уехать в Центральную Россию – 15,9 %; 5) уехать на время и вернуться – 10 %. То есть для нее весьма привлекательна жизнь в Якутске и республике в целом.

В г. Нерюнгри юноши и девушки, представители коренных малочисленных народов Севера тоже в целом (77 %) планируют жить в Якутии, но при этом не намерены уехать отсюда всего 15 %, остались бы – 23 %; уехать, но жить в республике – 39 %. Различие с г. Якутск объясняется тем, что, во-первых, в Якутске много коренных жителей из числа этих народов, а в г. Нерюнгри они представлены в своем боль-

Таблица 3.14

Миграционные намерения и степень адаптированности молодежи, % в группе

Миграционные намерения	Якутск		Нерюнгри		Мирный	
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Не буду уезжать отсюда	42	22	50	19	50	22
Остаться здесь, если бы было возможно	36	24	42	26	38	28
Уехать отсюда, но жить в Якутии	40	22	48	24	39	29
Уехать отсюда, но жить в Сибири	32	26	46	34	40	23
Уехать отсюда, жить в центральной России	49	21	41	24	41	31
Уехать отсюда, жить за границей	39	33	44	37	37	41
Уехать на время, но вернуться и жить здесь	44	23	21	39	50	13

шинстве живущими в интернате при колледже «Арктика» приезжими. Во-вторых, в г. Якутск больше возможностей для продолжения учебы, для чего чаще всего и планирует уехать молодежь.

Анализ взаимосвязи миграционных намерений и степени адаптированности (по социальному самочувствию) показал, что потенциальные мигранты – это не всегда лица с плохим социальным самочувствием. Данные по молодежи городов республики приведены в таблице 3.14.

Если сравнивать группы не намеренных уезжать из данных городов и потенциальных мигрантов в центральную Россию, то можно заметить, что степень адаптированности высока как у желающих остаться на месте своего проживания, так и у тех, кто собирается мигрировать. И это справедливо не только для молодежи в целом, но и для каждой этнической группы. Различия в группах по степени адаптированности скорее обусловлены «биографиями» – «городской» и «сельской», а также уровнем притязания, который определяет вектор миграции. Например, школьники Якутска, проживающие здесь с рождения, часто предпочтение отдают российским вузам, объясняя свой выбор сложностью поступления в вузы г. Якутск («Легче заплатить и учиться в центральном вузе или филиале, чем в Якутский госуниверситет поступить»), качеством обучения («В Якутске нельзя получить качественное образование»), низкой котировкой диплома («А куда я потом устроюсь в России с дипломом ЯГУ?»). Эти данные свидетельствуют о тенденции к скрытой миграции славянского городского населения, когда ребенок, уезжая на какое-то время обучаться в вузы России, затем так и остается там, пройдя адаптацию в новых условиях³⁴⁴. Так, среди городской молодежи, намеревающейся уехать в центральную Россию, хорошо адаптированных: из г. Якутск – русских 50 %, саха и респондентов из группы «другие народы» – 48 %; из г. Нерюнгри – респонденты из группы «другие народы» – 59 % (русские из Нерюнгри предпочитают переселение в города Сибири – 48 % и за рубеж – 53 % из группы хорошо адаптированных); из г. Мирный – 45 % хорошо адаптированных русских собираются уехать в города Сибири и 42 % в центральную Россию.

³⁴⁴ См.: *Абрамова М.А., Гончарова Г.С.* Морфологический и функционально-деятельностный компоненты антропополюса Республики Саха (Якутия) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 95–99.

Группы респондентов саха в городах Мирный и Нерюнгри были недостаточно многочисленны для проведения сопоставления.

В то же время желающие остаться на месте проживания также имеют высокий уровень адаптированности. Например среди саха, имеющих городскую прописку в г. Якутск и пожелавших остаться здесь, 44 % хорошо адаптированных, такая же ситуация и у представителей группы «другие народы» – 43 % хорошо адаптированных из тех, кто не хочет уезжать из города. Но доля русских, пожелавших остаться и имеющих хорошую адаптацию, ниже – 39 %. В городах Нерюнгри и Мирный стремление русских остаться свидетельствует об их адаптированности (52 и 54 % хорошо адаптированных). А вот выбор ответа «Остаться здесь, если бы было возможно» свидетельствует о плохой адаптированности. Так, в г. Мирный среди русских плохо адаптированных, выбравших данный ответ, оказалось 38 %. О плохой адаптированности также может свидетельствовать и выбор ответа «Уехать отсюда, жить за границей» – 33 % среди саха и 38 % – русских, проживающих в г. Якутск, выбравших этот ответ, оказались из группы плохо адаптированных. В Нерюнгри таковых оказалось 58 % из группы «другие народы». Хорошо адаптированными оказались ребята, выбравшие ответ «Уехать на время, но вернуться и жить здесь», независимо от этнической принадлежности и города прописки. Таким образом, мы видим, что из числа «городских» студентов хорошо адаптированными оказываются и те, кто собираются уехать в центральную Россию и Сибирь, и те, кто собираются остаться. Но вот уровень притязаний изначально определяет их уровень адаптированности: чем менее объективной является оценка своих возможностей и грандиознее планы, тем менее адаптированным оказывается человек к ситуации на месте его нынешнего проживания. Активность, отсутствие патерналистских настроений и объективность оценки своих возможностей – вот что создает благоприятные возможности для повышения адаптированности субъекта.

В селах и ПГТ больше доля хорошо адаптированных саха оказалась среди тех, что собирается остаться на месте проживания. К сожалению, такой же вывод мы не можем сделать о русских и КМНС, обучающихся в учебных заведениях г. Якутск и имеющих сельскую прописку: среди них высока доля плохо адаптированных – 36 % и 23 %. И высока доля плохо адаптированных КМНС (38 %), которые пожелали остаться в г. Якутск, если бы это было возможно. По всей вероятности, «непрестижность» модели деревенской жизни значительно влияет на выбор респондентами своего будущего места проживания. К тому же условия жизни на селе гораздо тяжелее. О соответствии данных выводов российской картине в целом свидетельствует и вывод, сделанный сотрудниками рабочей группы ИКСИ РАН в докладе «Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность»: «Тот деревенский образ жизни, который был действительно привлекательным, уже исчез, – эту мысль, как показал проведенный опрос, поддерживает сегодня наибольшее число опрошенных. В столицах это 35 %, в районных и областных центрах примерно на 10 % больше».³⁴⁵ Наши данные о том, что среди «сельских» саха и русских высока доля хорошо адаптированных, которые хотели бы уехать в центральную Россию (41 % и 52 % соответственно), также совпадают с выводами ИКСИ РАН о существующем убеждении большинства россиян, что «в мегаполисах, и, прежде всего в Москве, гораздо легче

³⁴⁵ *Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2005. С. 254.*

получить хорошую работу».³⁴⁶ Но в то же время нас порадовал факт, что среди «сельских» русских, обучающихся в учебных заведениях г. Нерюнгри, среди желающих остаться здесь высока доля хорошо адаптированных – 45 %.

Аналогичная ситуация сложилась и для «сельских» саха, обучающихся в учебных заведениях г. Мирный, – 50 % уже знают, что не будут уезжать с места своего проживания, а 48 % хотели бы остаться, если бы это было возможно.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что социокультурное пространство Республики Саха (Якутия) кажется уже недостаточным для реализации амбиций юношей и девушек с высоким уровнем социальных притязаний. Они намерены реализовывать свои планы за пределами Якутии, в том числе в центральной России. Налицо, вероятно, действие тенденции роста потребностей.

Итак, потенциальная миграция может являться одним из показателей социокультурной адаптации, учет которого, как мы полагаем, в конкретных исследованиях наиболее эффективен в комплексе с изучением мотивов миграции и социального самочувствия адаптантов. Так, один из выводов, который делает группа ИКСИ РАН о четко выраженном селективирующем характере миграции, которая отбирает наиболее социально активную часть населения, готовую переехать в другой регион России в профессиональных целях³⁴⁷, позволяет сделать нам с учетом полученных данных опроса некоторые комментарии:

1) если одним из факторов принятия решения о миграции остается улучшение условий жизни, то, возможно, меры по созданию благоприятных условий на местах смогли бы обеспечить закрепление молодежи;

2) в первую очередь эти меры должны касаться не столько развития социальной сферы, сколько увеличения количества рабочих мест как для специалистов рабочих профессий, так и для специалистов более высокого уровня подготовки. Расширение сферы, связанной с информационными технологиями, наукоемкими технологиями, сервисом, туризмом, культурой, могло бы обеспечить как привлечение капитала на Север, так и сохранение активной, творческой части молодежи;

3) изучение уровня адаптированности потенциальных мигрантов показало, что среди тех, кто желает переселиться в центральную часть России и за рубеж, есть не только социально активная молодежь с высоким адаптационным потенциалом, но и молодежь с неадекватной оценкой своих возможностей и завышенным уровнем притязаний, что не обеспечит ее адаптированности и на новом месте проживания.

§ 3.4. Влияние отношения к труду и профессии на процесс адаптации индивида

Поскольку мы затронули вопрос трудовой занятости и необходимости увеличения рабочих мест для молодежи, предпочитающей связать свое будущее с местом своего рождения, то необходимо рассмотреть и проблему отношения к труду как одного из важнейших факторов миграционной мобильности личности и ее адаптации. Понятия «труд» и «профессия» – многоаспектные и взаимосвязанные, имеющие отношение как к социокультурной адаптации в целом, так и к ее подсистемам, в част-

³⁴⁶ *Российская идентичность...* С. 180.

³⁴⁷ Там же. С. 180.

ности социально-экономической. Различные аспекты формирования рынка труда проанализированы в трудах экономистов различных школ и направлений: классиков А. Смита, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэя, Дж. Милля; кейнсианцев и монетаристов Дж. М. Кейнса, М. Фридмана; институционалистов Дж. Данлопа, Л. Уильмана; марксистской школы К. Маркса, Ф. Энгельса. В отечественной экономической литературе, посвященной проблеме воспроизводства рабочей силы, использованию трудового потенциала работников, личному фактору производства, управлению трудовыми ресурсами посвящено множество фундаментальных монографий, статей, диссертаций. К ним следует отнести работы В.Г. Вечканова, В.А. Павленкова, В.В. Семенов, И.С. Шаршова. Проблемы занятости рассматривались В.Г. Костаковым, А.Э. Котляром, А.А. Никифоровым, Е.И. Рузавиной, Д.С. Чижовой. Каждая из указанных работ была актуальна и высоко оценивалась специалистами и практиками³⁴⁸.

Проблемы развития новых трудовых отношений, классификация их субъектов, формирование рынка труда были исследованы в работах В.Э. Бойкова, О.М. Барбакова, И.В. Бестужева-Лады, Н.А. Волгина, В.Д. Граждан, В.Д. Парыгина, Ж.Т. Тощенко, Б.В. Ракитского. Обоснованные в научных работах положения способствовали формированию новых концептуальных подходов к анализу трудового потенциала молодежи в современных условиях³⁴⁹. Изучение современного состояния, тенденций, перспектив трудовых отношений, возможностей отдельных социальных групп в сфере труда, форм и видов оптимизации трудовых отношений как важного направления государственного регулирования трудовыми ресурсами было проведено в работах А.Г. Здравомыслова, А.В. Кашепова, С.В. Кадамцевой, Г.И. Осадчей, Г.В. Осипова, Л.Д. Чернышевой, Ф.И. Шаркова, В.А. Ядова. Вопросы подготовки кадров, их профессиональной ориентации, а также потребности рынка труда, перспективы его развития исследовались в работах З.Т. Голенковой, Т.И. Заславской, Р.И. Микульского, Л.С. Ржаницыной, Т. Шанина, Н.Е. Шкаратан, В.Н. Якимец.

В последнее десятилетие XX в. появились труды, в которых рассматриваются правильность и целесообразность всех направлений радикальных реформ в экономике: Д.С. Львова, Л.И. Абалкина, И.Е. Заславского, В.Г. Логинова, делаются попытки обобщить сложившуюся ситуацию с занятостью, безработицей и рынком труда, предлагаются определенные решения. Ориентации и новые модели социального поведения молодежи на рынке труда в период трансформаций общества рассмотрены И. Браччи, И.М. Ильинским, В.Т. Лисовским, Л.С. Яковлевым. В данном параграфе рассматривается взаимосвязь отношения молодежи Севера к труду и профессии и степени ее адаптированности как составной части социально-экономической адаптации.

Отношение молодежи к труду, работе, профессии как ценностям жизни выявлялось в исследовании разными блоками вопросов. Рассмотрим вначале ценность труда в целом и его различных сторон в жизни юношей и девушек по ответам на вопрос «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?» (варианты ответов: «да», «нет»). Утверждения касались разных сторон труда: соотношения работы и домашних дел, гендерных различий в труде, отношения к благосостоянию как результату труда, роли протекции в получении хорошей работы, самооценки респондента по отношению к труду.

³⁴⁸ См.: *Немерюк Е.Е.* Миграция в процессе формирования современного российского рынка труда. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Саратов, 2007.

³⁴⁹ См.: *Абдрахманов М.Ш.* Формирование трудового потенциала молодежи северного региона (социологический анализ). Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Москва, 2008.

Таблица 3.15

**Ценности различных сторон труда для молодежи Севера,
% ответов «да» в группе**

Утверждение	Этнические группы				В целом
	саха	русские	КМНС	другие народы	
Меня можно скорее назвать трудолюбивым человеком, нежели ленивым	75	72	76	71	74
Трудятся только на работе, а домашние дела – это не труд	33	34	27	37	34
Женщина должна быть хранительницей домашнего очага	65	76	78	77	70
Мужчина должен быть добытчиком	87	86	88	82	87
Мужчины и женщины должны иметь равные возможности при выборе одних и тех же занятий, профессий и т.п.	81	79	77	71	79
Ты всегда сможешь найти хорошую работу, если готов много работать	86	82	84	83	84
Преуспевающие люди очень много работают, поэтому их благосостояние заслужено	86	74	85	75	81
Уж лучше иметь хоть какую-то работу, чем не иметь ее вовсе/ быть безработным	88	91	95	92	90
Нужно иметь родственников и знакомых, чтобы получить здесь хорошую работу	71	58	63	56	65

Результаты ответов на данный вопрос учащихся ССУЗов и вузов приведены в табл. 3.15.

Обратим внимание прежде всего на достаточно высокую самооценку молодежи всех национальностей: три четверти респондентов во всех группах отнесли себя скорее к трудолюбивым, нежели ленивым людям. Этот факт – позитивности восприятия себя как трудолюбивого человека – скорее всего обусловлен ценностью труда, заложенной в культуре народов. Свыше 80 % уверены, что если готов много работать, то всегда найдешь хорошую работу; благосостояние определяется трудом, поэтому оно заслужено для тех, кто преуспел в труде. По последнему утверждению русские и представители группы «другие народы» настроены более скептически, нежели саха и народы Севера, что, скорее всего, является отражением реального восприятия молодежью кланового распределения рабочих мест, свойственного для многих российских территорий, в том числе и Республики Саха (Якутия).

Убеждение, что в республике нужно иметь родственников и знакомых, чтобы получить работу, характерно в большей степени для молодежи саха и малочисленных народов Севера.

Характерно, что лишь треть молодежи всех национальностей полагает, что домашние дела – это не труд. В то же время в сознании молодежи прочно коренятся сте-

реотипы, что мужчина должен быть добытчиком, а женщина – хранительницей домашнего очага. Правда, второй стереотип выражен менее отчетливо, чем первый (70 против 87 % в целом по всем народам).

Около 80 % молодежи всех национальных групп считают, что мужчины и женщины должны иметь равные возможности в выборе занятий, профессий. Самая большая проблема, из-за которой повышается тревожность респондентов – как юношей, так и девушек, – оказаться безработным: 88–95 % считают, что лучше иметь хоть какую-то работу.

Исследование показало, что гендерные стереотипы, а также представления о равноправии мужчин и женщин не влияют на степень адаптированности молодежи: доли хорошо адаптированных и плохо адаптированных практически не различаются в группах, разделяющих или не разделяющих данные стереотипы или представления о равноправии.

В то же время отмечена четкая зависимость степени адаптированности от самооценки (ленив или трудолюбив), от связи работы и благосостояния, от отношения к труду и от наличия (отсутствия) протекционизма со стороны родственников и знакомых при получении хорошей работы (табл. 3.16).

По первым трем утверждениям, относящимся к трудолюбию, заметна прямая зависимость: среди согласных с данными утверждениями существенно больше доля хорошо адаптированных и меньше доля плохо адаптированных по сравнению с аналогичной группой несогласных (т. е. не разделяющих данную ценность).

По четвертому утверждению – необходимости протекции при устройстве на хорошую работу в республике – зависимость обратная: лучше адаптированы не разделяющие точку зрения, что нужно обязательно иметь родственников или знакомых, чтобы получить хорошую работу.

Итак, существует четкая зависимость между ценностными установками в сфере труда и степенью адаптированности молодежи всех национальностей: она выше

Таблица 3.16

Зависимость степени адаптированности молодежи от некоторых ценностей труда, % в группе

Согласен ли с утверждениями?	Вариант ответа	Этнические группы								В целом	
		саха		русские		КМНС		другие народы			
		Х А	П А	Х А	П А	Х А	П А	Х А	П А	Х А	П А
Меня можно скорее назвать трудолюбивым человеком, нежели ленивым	Да	43	20	46	23	42	21	44	30	44	22
	Нет	34	30	33	31	32	44	40	34	35	31
Ты всегда сможешь найти хорошую работу, если готов много работать	Да	43	21	47	22	43	26	45	31	44	22
	Нет	29	32	25	39	27	33	33	35	28	35
Преуспевающие люди очень много работают, поэтому их благосостояние заслужено	Да	43	20	47	21	43	25	45	30	44	21
	Нет	28	35	31	37	29	43	38	38	30	37
Нужно иметь родственников и знакомых, чтобы получить здесь хорошую работу	Да	39	24	40	27	38	26	39	36	39	26
	Нет	44	18	47	23	44	29	46	27	45	21

у молодежи с позитивной оценкой и самооценкой трудолюбия и самостоятельности, опоры на собственные силы.

Работа как форма трудовой активности человека многоценностна. Так, по результатам исследования С.И. Журавлевой молодежь в качестве критериев, определяющих их степень удовлетворенности работой, на первое место поставила размер оплаты труда, а характер и содержание труда – на второе. Исследователь проводит сопоставление, что в 60-е годы ранговые места указанных выше факторов удовлетворенности работой были иными: первое место обычно занимало содержание труда. В результате сделан вывод, что у современной молодежи формируется иная система адаптации: восприятие труда как сферы творческой самореализации уступает место стремлению к легкой наживе без нравственной оценки средств достижения этих благ.³⁵⁰ Данный вывод несколько противоречит результатам анализа общероссийских репрезентативных исследований, проведенных М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги, по которым 40,4 % молодежи от 18 до 30 лет на третье место критериев жизненного успеха поставили интересную работу. На первое место респонденты все-таки отнесли семью и детей (57,4 %), на второе – друзей (46,5 %). Учитывая смену приоритетов с возрастом (так, респонденты в возрасте от 31 до 50 лет на второе место поставили интересную работу, а на третье – друзей, а старше 50 лет – «честно проживающую жизнь» и «уважение окружающих» соответственно), исследователи делают вывод, что данная ситуация свидетельствует о смене в условиях рынка приоритета известной русской пословицы: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»³⁵¹. Нам бы хотелось отметить, что для молодежной группы данный вывод все-таки не совсем адекватен. Молодежь, исходя из представленных М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги результатов, как раз и живет по принципу пословицы, а скорее установки, заложенной в этнокультурном коде России.

В проведенном нами исследовании юношам и девушкам – учащимся ССУЗов и вузов – предлагалось ответить на вопрос «Чем для Вас в первую очередь будет являться Ваша работа?» с выбором одного – двух наиболее существенных ответов из шести, репрезентирующих ценности источника средств и жизни, самоутверждения, духовного интереса, долга, коммуникации, общения с природой. Респонденты могли также дополнить этот перечень. Распределения частоты этих ценностей по этническим группам и в целом по массиву опрошенных приведены в табл. 3.17.

Для молодежи всех национальностей работа ценна в первую очередь как источник средств к жизни, затем – как интересное занятие. Далее следует мотив «способ утверждения себя в жизни». На 4-м месте у русских и в группе «другие народы» оказалась ценность общения с людьми, а у саха и КМНС – как долг, обязанность. Ценность работы как средства общения с природой во всех группах малозначима (менее 1 % ответов). Среди единичных дополнений к списку предложенных ценностей: «улучшить жизнь вокруг себя», «возможность поездки за границу», «помогать людям», «все указанное вместе», «стабильность».

³⁵⁰ См.: Журавлева С.И. Социокультурная адаптация современной российской молодежи... С. 16–17.

³⁵¹ См.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи... С. 15.

Таблица 3.17

Ценности различных сторон будущей работы для молодежи Севера, % в группе

Чем будет являться Ваша работа?	Этнические группы				В целом
	саха	русские	КМНС	другие народы	
Интересным занятием	46	54	47	51	48
Способом утверждения себя в жизни	37	30	38	32	35
Источником средств к жизни	59	64	54	63	61
Долгом, обязанностью	15	9	17	10	13
Средством общения с людьми	9	11	8	13	10
Средством общения с природой	1	1	1	1	1

Взаимосвязь ценностей работы и адаптированности видна из данных табл. 3.18: из-за малочисленных ответов ценность «средством общения с природой» опущена.

Как видим, наиболее адаптированными оказались те юноши и девушки во всех этнических группах, кроме «других народов», для которых работа ценна в первую очередь как средство общения с людьми. Их в среднем по массиву около 10 %. Далее следует ценность работы как интересного занятия (в группах саха и русских), как способа утверждения себя в жизни (в целом по массиву и на первом месте в группе «другие народы»). И лишь на 4-м (а среди КМНС – на 5-м) месте по степени адаптированности находятся группы молодежи, для которых работа ценна в первую очередь как источник средств к жизни, а меньше всего хорошо адаптированных среди тех, кто рассматривает будущую работу как долг, обязанность.

Можно сказать, что лучше всего адаптированы коммуникативные юноши и девушки, ориентированные на содержание работы и самоутверждение в труде, а хуже всего –

Таблица 3.18

Зависимость степени адаптированности молодежи от ценностей работы, % в группе

Чем будет являться Ваша работа?	Этнические группы								В целом	
	саха		русские		КМНС		другие народы		ХА	ПА
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА		
Интересным занятием	45	20	50	20	40	21	46	30	46	21
Способом утверждения себя в жизни	43	17	40	23	54	11	57	27	44	19
Источником средств к жизни	37	25	39	26	30	42	40	32	38	27
Долгом, обязанностью	35	24	39	34	56	25	36	41	37	27
Средством общения с людьми	48	15	55	20	57	43	52	24	51	18

с ценностной мотивацией труда как средства (а не цели) жизни и долга, обязанности. В первом случае – это мотивированные «по свободе», во втором – «по необходимости».

Этот вывод подтверждается также анализом связи степени адаптированности и жизненных ориентиров молодежи по блоку вопросов «В какой мере для Вас важны следующие стороны жизни?», относящихся к сфере труда, работы, профессии (табл. 3.19).

Считают, что очень важно трудиться, 82 % молодежи всей республики, и лишь 2 % – что это не важно, а 16 % – не очень важно. Для четкости анализа последние две группы объединены в таблице в группы «менее важно». Как видим, среди относящихся к труду как очень важному жизненному ориентиру больше доля хорошо адаптированных и меньше – плохо адаптированных в сравнении с противоположной по ценностной установке группой молодежи.

По жизненному ориентиру «не работать, заниматься воспитанием детей» различий между группами нет. Аналогично и по ориентиру «много зарабатывать», хотя группа «это очень важно» составляет 76 % среди всех опрошенных. Но на степень адаптированности эта ценность сама по себе не влияет.

Ценность же «работа по любимой профессии» влияет на адаптированность: среди тех, кто считает ее очень важной, степень адаптированности выше. Еще более заметно такое влияние в группе полагающих, что очень важно иметь собственное дело. То есть скорее не большой доход, а интересная, самостоятельная работа привлекает молодежь, ориентирующуюся на предпринимательство. И хотя ее в общем массиве 50 % (среди русских – 45 %), у нее самая высокая степень адаптированности.

Таблица 3.19

Зависимость степени адаптированности молодежи от жизненных ориентиров, % в группе

Жизненный ориентир	Степень значимости	Степень адаптированности	
		ХА	ПА
Трудиться	Очень важно	43	22
	Менее важно	39	27
Не работать, заниматься воспитанием своих детей, увлечениями	Очень важно	42	25
	Менее важно	42	23
Иметь постоянную работу по своей профессии	Очень важно	43	21
	Менее важно	39	28
Много зарабатывать (не важно, где именно)	Очень важно	43	23
	Менее важно	42	23
Работать по любимой профессии, не обязательно имея высокий доход	Очень важно	44	21
	Менее важно	40	24
Иметь собственное дело (предприятие, фирму)	Очень важно	48	21
	Менее важно	36	25

Одной из гипотез данного исследования было предположение о зависимости степени адаптированности молодежи от вида выбираемой (выбранной) профессии и устойчивости профессиональных интересов, а также от планируемой сферы деятельности после учебы. Проблемы взаимодействия рынков труда и образования в трансформирующемся обществе отражены в работах Л.С. Аникина, Н.М. Арсентьевой, В.П. Бусыгина, Л.Д. Гудкова, Д.Л. Константиновского, А.Г. Левинсона, А.А. Леоновой, И.И. Харченко, В.Н. Ярской. Представления старшеклассников о рынке труда рассматривают А.В. Вечерин, Е.П. Антонов. Тем не менее, несмотря на широкий интерес исследователей к проблемам труда и занятости молодежи, адаптация школьников к сфере труда слабо связывается с системой жизненных ценностей. Как отмечает О.С. Демьяновская, публикации в основном фиксируют определенность, не допуская вариативности индивидуального поведения: «Порой в ряде научных публикаций проблема занятости ограничивается экономическими рамками, несмотря на важность этого понятия в широком смысле как социальной защиты через профессию, регуляции поведения на рынке труда и профессий посредством адаптации и последующей социальной интеграции».³⁵² Так, Т.Л. Клячко и В.А. Мау в анализе тенденции развития высшего образования подчеркивают, что приоритеты населения в выборе специальности мало ориентированы на долговременные потребности экономики и социальной сферы, а, скорее, обусловлены сегодняшней конъюнктурой³⁵³.

Итак, рассмотрим зависимость степени адаптированности молодежи от вида выбираемой профессии на примере группы старшеклассников. Хотя их профессиональные интересы еще не вполне устойчивы, однако распределение последних по возможным сферам деятельности (отраслям хозяйства) дает представление о приоритетах самой младшей группы молодежи в нынешних условиях. Следует учесть, что опрос проводился преимущественно в городах.

Самая большая доля старшеклассников планирует после окончания учебы в вузе или ССУЗе работать в банковских структурах (16 %), затем – в образовании (13 %), здравоохранении (12 %), информационных технологиях (11 %), промышленности (10 %), культуре (7 %), сервисе (7 %), в органах власти (7 %), в правоохранительных органах (6 %), бизнесе, торговле (5 %). Не оказалось желающих работать в сельском хозяйстве, рыболовстве, оленеводстве. Такова картина по республике в целом.

Имеются определенные этнические различия в ориентациях школьников. Так, среди коренных народов Севера наибольшая доля (24 %) ориентируется на работу в сфере образования, затем здравоохранения (20 %), банковских структур (13 %), правоохранительных органов (7 %) и т. д. У молодежи саха, русской, других народов приоритетна работа в банковских структурах, образовании, информационных технологиях, здравоохранении и т. д.

Самая высокая степень адаптированности среди школьников по всему массиву опрошенных – среди планирующих работать в торговле и в органах власти (57 % и 53 % хорошо адаптированных соответственно), затем – в правоохранительных органах и в банковских структурах (по 48 % хорошо адаптированных). Наименее

³⁵² Демьяновская О.С. Адаптация школьной молодежи к рынку труда в контексте социальных трансформаций: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2009. С. 6.

³⁵³ Клячко Т.Л., Мау В.А. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопросы образования 2007. № 3. С. 46–63.

адаптированными оказались планирующие работать в сфере информационных технологий (39 % хорошо адаптированных, что ниже среднего уровня по всему массиву). Характерно, что эта группа наименее адаптирована и среди молодежи саха (32 % хорошо адаптированных), и молодежи малочисленных народов Севера (35 %). То есть ориентация части молодежи на эту сферу будущей деятельности есть скорее дань моде, а не устойчивый интерес. Что касается ориентаций на торговлю и органы власти, то они отражают хорошую адаптированность в нынешних условиях реформ той молодежи, которая соответствует идеологии этих реформ. Как мы уже отмечали, это психологический тип целеустремленного, настойчивого оптимиста.

Степень адаптированности самой многочисленной группы – с ориентацией на работу в банках – также очень высокая (48 % хорошо адаптированных по массиву в целом, 51 % – среди русских, 46 % – среди саха).

Среди школьников, планирующих работать в сферах образования, здравоохранения, культуры, степень адаптированности средняя по массиву (41–42 % хорошо адаптированных). Лишь в группах русских и саха, ориентирующихся на сферу образования, она ниже средней (39 и 35 % хорошо адаптированных соответственно), зато она самая высокая в аналогичной группе малочисленных народов Севера (44 %).

В выборке по учащимся ССУЗов и студентам вузов, уже получающим определенные профессии, оказались представители различных профессий: технических, гуманитарных, культурных, педагогических, медицинских, экономических, юридических, управленческих. У учащихся ССУЗов и колледжей доминирует техническое направление – 45,7 %, второе место заняли педагогические специальности (22,8 %), третье – медицинские (14,4 %) и четвертое – профессии, связанные с экономикой (бухгалтера). В вузах картина профессионального выбора несколько иная. Первое место также отдано техническим специальностям (25,1 %), второе – юридическим (18,7 %), третье – управлению (14,4 %) и четвертое место – специальностям гуманитарного профиля (12,5 %).

После окончания учебного заведения юноши и девушки планируют работать в разных сферах деятельности, не всегда совпадающих с получаемой профессией. Как взаимосвязаны адаптированность, вид получаемой профессии и планируемая сфера деятельности, можно судить по результатам опроса, приведенным в табл. 3.20. Данные по всему массиву опрошенных в республике.

Планируемые сферы деятельности по каждому из профессиональных направлений расположены в таблице в порядке убывания долей планирующих, так что можно заметить, что самая большая доля (40 %) получающих профессии технического вида, например, планирует в первую очередь работать в промышленности, несколько меньше (15 %) по сравнению с этим – в области информационных технологий и т. д. Выбравшие профессии гуманитарного и педагогического профилей планируют работать в первую очередь в образовании, медицинского – в здравоохранении, экономического – в банковских структурах, юридического – в правоохранительных органах, управленческого – в органах власти; те, кто обучается по специальностям культуры и искусства, – в первую очередь в сфере культуры. Эти приоритеты понятны и обоснованны, но ими не исчерпываются, как видим, планируемые сферы труда молодежи каждой из групп. Лишь специалисты – медики все ориентируются на работу в сфере здравоохранения, и в этой группе достаточно хорошее социальное самочувствие (46 % хорошо адаптированных и лишь 21 % адаптированных плохо).

Таблица 3.20

Степень адаптированности молодежи в зависимости от профессионального направления и планируемой сферы деятельности, % в группе

Профессиональное направление	Планируемая сфера деятельности	Степень адаптированности	
		ХА	ПА
Техническое	Промышленность	39	28
	Информационные технологии	34	30
	Банковские структуры	39	20
	Образование	38	24
	Сервис	40	33
	Торговля	49	20
	Речной транспорт	36	26
	Органы власти	45	21
Гуманитарное	Образование	39	31
	Культура	31	44
	Органы власти	38	31
	Сервис	73	14
	Правоохранительные органы	33	40
	Торговля	43	43
Медицинское	Здравоохранение	46	21
Экономическое	Банковские структуры	45	20
	Торговля	45	21
	Органы власти	48	15
	Сельское хозяйство	35	18
	Промышленность	56	19
	Образование	46	38
	Информационные технологии	54	15
Культура, искусство	Культура	45	24
	Архитектура, дизайн, резьба по кости	41	20
	Промышленность	39	22
	Образование	38	29
Педагогическое	Образование	41	20
	Культура	40	36
	Банковские структуры	33	28
Юридическое	Правоохранительные органы	43	20
	Органы власти	47	14
Управленческое	Органы власти	48	19
	Банковские структуры	61	13
	Промышленность	56	17
	Торговля	36	21

Однако далеко не всегда устойчивость профессиональных интересов является условием успешной адаптации. Так, среди специалистов технического профиля самый высокий показатель адаптированности в немногочисленной группе ориентирующихся на работу в сфере торговли (49 % хорошо адаптированных и 20 % – плохо адаптированных), в то время как в основной (40 % от всех) группе, ориентирующейся на работу в промышленности, адаптированность существенно ниже (39 и 28 % соответственно).

В одной из самых многочисленных в республике группе учащихся и студентов педагогического профиля очень высока (82 %) доля планирующих работать в сфере образования, что может свидетельствовать об устойчивости профессиональных интересов. И хотя показатель адаптированности этой группы выше, чем тех педагогов, кто намерен работать в банках или в учреждениях культуры, он находится на уровне среднего по массиву всех учащихся ССУЗов и вузов в выборке (41 % хорошо адаптированных) и ниже, чем, например, у имеющих тоже устойчивый интерес к своей профессии медиков (46 % хорошо адаптированных).

Самые высокие показатели адаптированности – среди специалистов по управлению, особенно намеренных работать в банковских структурах (61 % хорошо адаптированных) и в промышленности (56 % хорошо адаптированных). Успешно адаптированы и экономисты, особенно ориентированные на работу в промышленности (56 % хорошо адаптированных) и в сфере информатики (54 % хорошо адаптированных), в органах власти (48 % хорошо адаптированных). Наименьшая доля (35 %) хорошо адаптированных в группе экономистов, собирающихся трудиться в сельском хозяйстве.

Следует отметить, что планируемый юношами и девушками выбор отрасли (сферы) труда далеко не всегда является свободным, а обусловлен зачастую многими причинами, в том числе и вынужденной необходимостью, что не может не сказываться на социальном самочувствии и адаптированности. Так что приведенные в таблице данные представляют собой пеструю мозаику взаимосвязи социального престижа различных видов профессий и сфер труда для нынешней молодежи и ее социального самочувствия на выходе из учебного заведения, обусловленного объективными и субъективными факторами.

Различия по степени адаптированности в зависимости от уровня профессионального обучения и специальности свидетельствуют о влиянии такого фактора как финансовое благополучие семьи и «семейный сценарий». Так, несмотря на общую позитивную картину по степени адаптированности среди студентов, выбравших управленческие специальности, необходимо отметить, что в колледжах плохо адаптированных учащихся оказалось среди них больше – 35 %. А также много плохо адаптированных и среди выбравших технические специальности – 30 %. В вузах группа плохо адаптированных представлена максимально среди выбравших гуманитарные специальности – 31 % и технические – 26 %. С чем может быть связана данная ситуация? По всей вероятности, предпочтение гуманитарным специальностям в вузах и управленческим (менеджер) в колледжах отдают девушки. Учитывая, что данные специальности можно получить, поступив сразу в вуз, а не проходя дополнительный этап, то мы можем предположить, что большая часть, представленной группы, состоит из детей из финансово нестабильных семей. Технические же специальности в ССУЗах выбирают в основном юноши, которые быстрее хотят получить специальности и пойти зарабатывать на жизнь, а это также свидетельствует о том, что

их семьи, скорее всего, не относятся к категории финансово стабильных или ставящих для своего ребенка обязательную цель получения диплома о высшем образовании. Ввергаясь в водоворот современных событий и получая фрустрирующее влияние современной системы трудоустройства в столь юном возрасте, молодые люди в результате оказываются дезадаптированными.

Этнические различия по взаимосвязи степени адаптированности и профессионально-отраслевых ориентаций молодежи с достаточной надежностью можно проследить по тем группам, где много респондентов. Так как малочисленные народы Севера слабо представлены среди обучающихся по техническим, экономическим, управленческим профессиям, но их достаточно много среди гуманитариев и педагогов, то это дает нам возможность провести сравнительный анализ по последним группам между молодежью саха, русской и КМНС.

Молодежь саха, обучающаяся по **педагогическим** профессиям и планирующая работать в *системе образования*, имеет средние показатели адаптированности по всей группе саха, русская молодежь – выше средних по всем русским, но самая высокая степень адаптированности (50 % хорошо адаптированных) среди молодежи малочисленных народов Севера.

По группе обучающихся профессиям гуманитарного профиля степень адаптированности саха – средняя, а адаптированность русских и КМНС – ниже среднего (соответственно 35 и 30 % хорошо адаптированных).

Если провести аналогичные сравнения по довольно многочисленным группам русских и саха, обучающихся по техническим профессиям, то среди тех, кто планирует работать в *промышленности* (а таких больше 40 % среди и саха, и русских), степень адаптированности саха выше, чем русских (соответственно 42 и 35 % хорошо адаптированных). То есть работа в промышленности для молодежи саха, овладевающей техническими специальностями, достаточно привлекательна, что и проявляется в степени ее адаптированности, а для русской молодежи – не очень привлекательна. Русских – «технарей» больше привлекает работа в бизнесе, банковских структурах, органах власти (здесь хорошо адаптированных – по 42 – 44 % в группе). Можно предположить, что те русские, которые лучше адаптированы, выбирают профессии, связанные с карьерным ростом, поскольку производство и промышленность в Якутии не особо развиты. Поэтому для русских, выбирающих технические специальности, больших перспектив нет. Что касается саха, то те, кто идет в «мир техники», скорее поднимаются над своими этнически обусловленными «нишами», потому что ранее саха не часто были представлены в области технических профессий. И поскольку это, как правило, дети, получившие хорошее образование и преуспевшие в математике, то соответственно, в перспективе – это возможно, будущие управленцы в данной сфере.

И среди русской молодежи, и среди молодежи саха, обучающейся по медицинским специальностям, высока степень адаптированности (48 и 44 % хорошо адаптированных соответственно при 19 и 26 % плохо адаптированных).

Степень адаптированности студентов саха – юристов, ориентирующихся на работу в органах власти, выше, чем у тех, кто планирует работать в правоохранительных органах (соответственно 54 и 38 % хорошо адаптированных, при 11 и 20 % плохо адаптированных). У русской молодежи аналогичной профессиональной группы –

картина обратная: для нее более комфортной является работа в правоохранительных органах (46 % хорошо адаптированных в группе такой ориентации).

В целом можно сделать выводы, что:

1) позитивное отношение к труду повышает адаптационный потенциал личности;

2) выбор направления, а также уровень получения профессиональной подготовки (средне-специальный, высший) индивидом взаимосвязаны со степенью его адаптированности;

3) устойчивость профессиональных интересов для большинства видов профессий является фактором успешной адаптации;

4) наиболее успешно адаптируются к современным условиям республики получающие профессии экономистов, юристов, управленцев, медиков; степень адаптированности выше в группах молодежи, ориентированных на работу в органах власти, торговле и банковских структурах.

В заключение можно сказать, что в сознании молодежи – как школьников, так и учащихся ССУЗов и вузов – отражаются достаточно полно ведущие тенденции социально-экономических трансформаций в нынешней России, обуславливающие иерархию престижа профессий и сфер занятости и иерархию социального самочувствия молодежи, ориентированной на виды профессий и сферы занятости.

§ 3.5. Отношение к материальным ценностям и адаптация

Главной ценностью работы, указанной 61 % респондентов, является получение средств обеспечения жизненных потребностей (см. табл. 3.18). Мы решили проанализировать, насколько материальные ценности, и деньги в частности, являются значимыми для молодежи Якутии, а также как они влияют на степень адаптированности личности. Необходимо учитывать, что формирование отношения к деньгам у молодежи в каждой стране имеет свои социокультурные особенности. Исследования структуры ценностей у молодых людей подтвердили, что в странах со стабильной экономикой, в частности в Европе, больше ценятся такие аспекты труда, как мастерство (консервативные ценности), а в странах с экономическим ростом (Япония, Турция, Тайвань, Бангладеш, Израиль и др.) больше приветствуются конкуренция, мотивация успеха, рост сбережений.³⁵⁴ Развитие экономики страны влечет за собой пересмотр системы ценностей, трансформацию традиций, в том числе и отношения человека к своему материальному положению и к деньгам. Монетарные отношения являются серьезным фактором, воздействующим на психическое здоровье (Х. Гольдберг, Р.Т. Льюис³⁵⁵; Дж. Холмс; А.Фурнхейм, Р. Окамура³⁵⁶) и на взаимоотношения между людьми (Маданес К.³⁵⁷). Согласно современным концепциям постиндустри-

³⁵⁴ См.: Социокультурные особенности отношения к деньгам // http://print-money.com/page_main_0.html

³⁵⁵ См.: Goldberg, H., Lewis, R.T. Money Madness: the Psychology of Saving, Spending, Loving, and Hating Money. New York: Morrow, 1978.

³⁵⁶ См.: Furnham A., Okamura R. Your money or your life: behavioral and emotional predictors of money pathology // Human relations. N 9. Sept, 1999. Vol. 52. P. 1157–1177.

³⁵⁷ См.: Маданес К., Маданес К. Тайное значение денег / Пер. с англ. А. Д. Иорданского. М., 1998.

ального общества (Иноземцев В.Л.³⁵⁸), преодоление экономических ограничений социума возможно не через трансформацию социальных структур, а вследствие духовной и интеллектуальной эволюции людей, личностного роста³⁵⁹.

Рассмотрение денежных отношений как системообразующих для любого общества подводит к пониманию их роли в изменении сознания и поведения людей. В современном обществе деньги выполняют не только экономические, но и социальные, и культурные функции. Обычно они используются как средство для получения других ценностей, но современная культурная эпоха превращает их и в самоцель, они обретают абсолютную ценность³⁶⁰. По результатам опросов молодежи, проведенных ИС РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации в марте–апреле 2007 г., 46 % респондентов ответили, что хотели бы стать богатыми, и считают, что это им по силам. Десять лет назад таковых было меньше (40 %) ³⁶¹.

При этом результаты данного исследования также выявили, что позитивное или негативное восприятие молодежью качества жизни в России сегодня напрямую зависит от уровня ее материального положения. Чем выше оценивает молодежь свое материальное положение, тем больше ей нравится жизнь в стране. Так, 87 % россиян в возрасте 17–26 лет, оценивающих свое материальное положение как благополучное, ответили, что жизнь в России им в целом нравится и только 13 % – что не нравится. Для молодежи, материальное положение которой неудовлетворительное, ситуация противоположна: 60 % отмечают, что сегодняшняя жизнь в стране им в целом не нравится и только 40 % молодых людей говорят об обратном.³⁶² В этой связи отрадно отметить, что по результатам мониторинга социально-экономических перемен в России, который проводили ВЦИОМ и «Левада – центр» в разные годы (табл. 3.21), социально-экономическое самочувствие россиян становится значительно лучше. Если в 1996 г. свое материальное положение оценивали как хорошее 4,3 %, как среднее – 37 %, то в 2009 г. – уже 11,7 и 57,4 % соответственно. В то же время доля лиц, считающих свое материальное положение плохим или очень плохим, уменьшилась в 2000 – 2009 гг. с 50,4 до 29,2 %, т. е. в 1,7 раза.

Кажется, что при увеличении доли позитивно оценивающих свое материальное положение степень тревожности индивидов должна уменьшаться. Но по иерархии страхов на первом месте у молодежи все же сохраняется опасение остаться без материальных средств существования: в 1997 г. такое высказывание сделали 52 % молодежи, в 2007 г. – 54 %. На втором месте оказался страх за свою жизнь и жизнь своих близких – 38 и 39 % соответственно. На третьем – проблемы с трудоустройством: 19 и 23 %. Страх перед невозможностью создания семьи (14 %) или опасение не встретить любимого человека (10 % – 1997 г. и 14 % – 2007 г.) оказались на 7 и 8 местах³⁶³.

³⁵⁸ См.: Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000; Inozemtsev V. Les leures de l'économie de rattrapage. La fracture postindustrielle. Paris, L'Harmattan, 2001.

³⁵⁹ См.: Семенов М.Ю. Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.

³⁶⁰ См.: Коцегулова И.Р. Деньги в системе институциональных отношений: Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. М., 2007.

³⁶¹ Аналитический доклад ИС РАН... С. 13.

³⁶² Там же. С. 7–8.

³⁶³ Там же. С. 131.

Таблица 3.21

Динамика оценки россиянами своего материального положения, %³⁶⁴

Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?	Мониторинг соц.-эконом. перемен 1996-11 (N=2399)	Мониторинг соц.-эконом. перемен 2000-1 (N=2407)	Мониторинг соц.-эконом. перемен 2003-7 (N=2107)	Мониторинг соц.-эконом. перемен 2004-11 (N=2107)	Мониторинг соц.-эконом. перемен 2007-11 (N=2009)	Экспресс ВЦИОМ 2008-25 (N=1591)	Вестник 2009-12 (N=1603)
Очень хорошее	0,5	0,7	1,1	1,2	0,7	0,6	0,7
Хорошее	4,3	3,4	5,7	7,6	9,8	12,8	11,7
Среднее	37	44,3	54,9	52,4	58,1	62,7	57,4
Плохое	39,2	36,5	28,7	28,8	23,2	20,5	26,7
Очень плохое	15,7	13,9	8,6	7,5	5,9	2,7	2,5
Затрудняюсь ответить	3,3	1,3	1,1	2,4	2,2	0,8	1
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Являются ли данные факты свидетельством трансформации системы ценностей в российской культуре и увеличения внимания к материальным символам успешности человека? Ведь исконно считается, что именно западной культуре свойственно господство маммонистических тенденций, восхваление богатства как необходимого культурного блага, а страсть к наживе признается само собой разумеющимся настроением населения. Характерной же чертой российской культуры всегда считалась «жизнь по правде». Как писал И.В. Киреевский, «на Западе роскошь... в общем мнении... была почти добродетелью. Ей не уступали, как слабости, но, напротив, гордились ею как завидным преимуществом. Русский человек же больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого. Роскошь проникала в Россию, но как зараза от соседей»³⁶⁵. Резонно задаться вопросами – насколько проникли западные ценности в российскую культуру? Насколько соответствуют фактам утверждения о прагматичности современной российской молодежи, ее стремлении к материальным ценностям?

Как утверждает С.Б. Абрамова, в современной России отношение к деньгам складывается под воздействием четырех разнонаправленных тенденций: 1) традиционное экономическое сознание, связанное с религиозностью, общинностью, уравнительностью, восприятием денег как абстрактной ценности, о которой неудобно даже говорить; 2) советский менталитет, рассматривающий деньги как средство эксплуатации и неравенства, которое надо изжить (по всей вероятности автор подразумевает негативное восприятие денег как символа обогащения и капиталистического строя – примечание М.А. Абрамовой); 3) влияние западного экономизма, ставящего денежные отношения в центр социальных отношений, социальных связей и приоритетов; 4) кризисный характер экономики, в сочетании с непониманием механизмов денежного обращения, низкий уровень знаний законов рынка и, как следствие, страх перед

³⁶⁴ Данные мониторингов взяты из единого архива социологических данных Независимого института социальной политики // <http://sophist.hse.ru/>

³⁶⁵ Цит. по: Антонов М.Ф. Ложные маяки и вечные истины. М., 1991. С. 43.

зависимостью от денег. Взаимодействие этих тенденций определяет особый тип культуры отношения к деньгам в России³⁶⁶.

Конечно, необходимо признать, что особенности проявления социальной ценности денег зависят не только от исторически сложившегося национального менталитета (что определяет различия западных, российской и восточных экономических культур), но и от социальных характеристик ее конкретных носителей – индивидов, в том числе принадлежности человека к определенному поколению. В связи с этим одной из проблем, которую было призвано проанализировать проведенное нами исследование, стало изучение отношения молодежи к своему материальному положению и деньгам. В качестве задач ставилось изучение обусловленности монетарных ценностей молодежи материальным положением семьи, а также социально-психологическими установками в отношении работы и заработной платы.

Оценка респондентами материального положения своей семьи показала, что большая часть оценивает его как среднее («может позволить себе больше, чем самое необходимое», «денег хватает только на самое необходимое»). Мы предположили, что такая оценка обусловлена скорее психологическими и цивилизационными общероссийскими особенностями, предписывающими индивиду не жаловаться на жизнь, коль есть еда, и уменьшать свои потребности, особенно в периоды кризиса. Данное предположение подтверждается результатами опросов более широкой общероссийской аудитории (табл. 3.22).

Таблица 3.22

Восприятие респондентами России материального положения семьи, %³⁶⁷

К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?	Курьер 1998-9 (N=1600)	Курьер 2000-20 (N=1600)	Курьер 2003-3 (N=1600)	Курьер 2005-1 (N=1600)	Курьер 2007-6 (N=1600)	Экспресс ВЦИОМ 2008-25 (N=1600)	Курьер 2010-12 (N=1600)
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты	28,7	27,4	16,4	15,9	12,3	7,3	9,3
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	40,4	41,4	44,8	36,1	28,6	24,3	26
Денег хватает на продукты и на одежду. Но вот покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой	23,4	24,6	31,0	37,5	43,2	46,6	50,6
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	7,1	5,8	7,2	9,4	15,6	18,5	13,5
Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и многое другое	0,4	0,5	0,5	0,6	0,2	0,9	0,2
Затрудняюсь ответить	–	–	–	–	–	2,3	
Нет ответа	0,1	0,2	0,1	0,5	0,1	0	0,4
Всего	100	100	100	100	100	100	100

³⁶⁶ См.: *Абрамова С.Б.* Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 37–41.

³⁶⁷ Данные мониторингов взяты из единого архива социологических данных Независимого института социальной политики // <http://sophist.hse.ru/>

Таблица 3.23

Размер заработной платы, необходимый для нормального проживания человека в России, %³⁶⁸

Сколько денег нужно сейчас Вашей семье в расчете на одного человека в месяц, чтобы жить, по Вашим представлениям, нормально?	Опрос работников 2002-11 (N= 2106)	Мониторинг социально-экономических перемен 2005-11 (N=2107)	Мониторинг социально-экономических перемен 2007-11 (N=2009)
до 10 тыс. рублей	91,7	70,7	54,8
11–20 тыс. руб	6,3	20	31
21–35 тыс. руб.	1,3	7,6	10,4
36–70 тыс. руб.	0,5	1,5	3,5
71–100 тыс. руб.	0,2	0,2	0,3
101–150 тыс. руб.	0	0	0
151–400 тыс. руб.	0	0	0

Как видим, за последние 12 лет (1998 – 2010 гг.) материальное положение российских семей действительно несколько улучшилось. Вдвое выросла доля семей, которым хватает денег и на продукты, и на одежду (50,6 %). Но по сравнению с 2008 г. несколько снизилась доля людей, которые могли себе позволить приобретать вещи длительного использования, а также дорогостоящие вещи. Таким образом, мы можем сделать вывод, что финансовую ситуацию, когда денег хватает на продукты и одежду, но не на предметы длительного пользования, россияне воспринимают как среднюю. Динамика роста заработной платы, необходимой для «нормального» проживания, отражает рост не только потребностей, но и инфляции в стране (табл. 3.23).

В целом можно утверждать, что результаты опросов, проведенных ВЦИОМом и «Левада-центром», показали, что, несмотря на инфляцию, представления о заработной плате, необходимой для обеспечения нормального существования человека в российских регионах, вполне реалистичны. Даже результаты опросов студентов ССУЗов и вузов в Якутии (достаточно обеспеченном регионе, где представления о нормальной заработной плате должны быть более высокими в силу климатической обусловленности высоких материальных затрат на одежду, питание, коммунальные и транспортные расходы), несущественно отличаются от данных всероссийских опросов. Самую большую группу (половину массива) составили считающие, что минимальный размер оплаты должен быть в пределах 10 тыс. руб. – 48,7 %. Далее группа тех, кто предполагает, что это должна быть сумма в пределах 20 тыс. руб. – 32,2 %, в пределах 35 тыс. рублей – 11,5 %. И самые малочисленные группы – это те, кто посчитал, что минимальная оплата труда должна составлять от 36 до 70 тыс. рублей и более 70 тыс. руб. – 5,9 и 1,7 % соответственно. Существует и этническая специфика размера желаемой минимальной заработной платы. Так, до 10 тысяч рублей согласны

³⁶⁸ Данные мониторингов взяты из единого архива социологических данных Независимого института социальной политики // <http://sophist.hse.ru/>

Таблица 3.24

Влияние на адаптированность студенческой молодежи этнической принадлежности и размера желаемой минимальной заработной платы, %

Размер желаемой минимальной заработной платы	Этнические группы											
	сахара			русские			КМНС			другие народы		
	Степень адаптированности											
	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА
До 10 тыс. руб.	38	40	23	40	36	24	36	38	25	46	28	26
11–20 тыс. руб.	44	35	21	41	35	24	46	25	29	38	31	31
21–35 тыс. руб.	49	28	23	45	27	28	**	**	**	47	17	37
36–70 тыс. руб.	55	20	25	47	23	30	**	**	**	72	11	17

иметь 63 % представителей КМНС, 59 % – сахара, 36 % – представителей других национальностей и только 30 % русских.

При этом степень адаптированности респондентов также взаимосвязана как с этнической принадлежностью, так и с размером желаемой минимальной заработной платы (табл. 3.24).

Так, у всех групп доля хорошо адаптированных увеличивается соразмерно увеличению желаемой минимальной заработной платы. Но поскольку минимальное увеличение группы хорошо адаптированных происходит у русских респондентов с 40 до 47 %, то мы можем сделать вывод, что изначально высокий размер желаемой минимальной заработной платы – это не столько отражение этнокультурного своеобразия данной группы, сколько более реалистичное восприятие ситуации в регионе.

В то же время даже при желаемой минимальной зарплате до 10 тыс. руб. 42 % респондентов оценивают финансовое положение своей семьи как зажиточное и считают, что могут себе позволить больше, чем самое необходимое, а 39 % студентов предполагают, что они вообще себе ни в чем не отказывают (рис. 3.1).

Основная же масса (58 %) согласны получать минимальную заработную плату в пределах 10 тысяч рублей, но при этом оценивают нынешнее финансовое положение своей семьи как недостаточно стабильное («денег хватает только на самое необходимое»), и практически столько же – 57 % как ниже уровня прожиточного минимума («денег не хватает даже на самое необходимое»). На удовлетворение потребностей, которые оценены уже как превышающие элементарные запросы («ни в чем себе не отказываю»), респондентам требуется больший объем средств (до 20 тыс. руб. – 40 %, до 35 тыс. руб. – 15 % ответов).

Итак, как видим, для большей части опрошенных вполне свойственно реалистичное представление о размерах желаемой минимальной заработной платы, которое прямо пропорционально типу материального положения семьи респондента.

Насколько влияет последний фактор на степень адаптированности молодежи? Адаптированность студентов всех этнических групп снижается по мере ухудшения финансовой ситуации в семье (табл. 3.25).

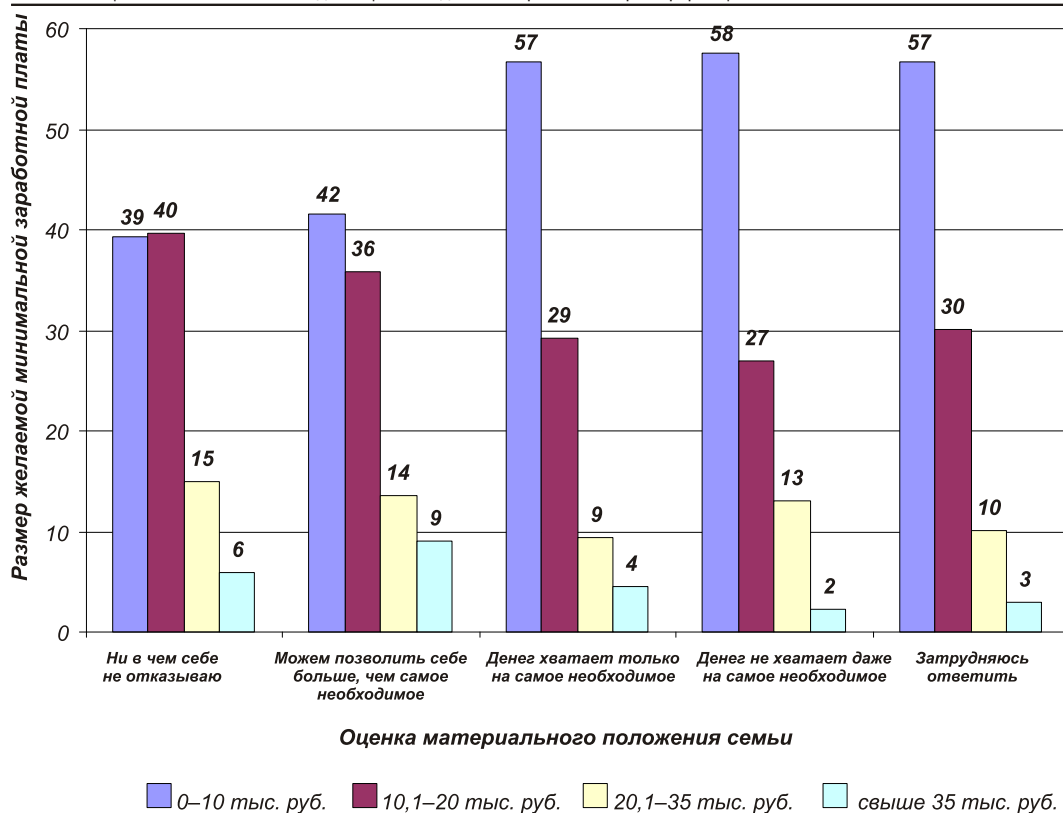

Рис. 3.1. Распределение оценки типа материального положения и представления о минимальной заработной плате у молодежи Республики Саха (Якутия), %.

Таблица 3.25

Влияние материального положения семьи на степень адаптированности респондентов разных этнических групп, %

Оценка материального положения семьи	Этнические группы											
	саха			русские			КМНС			другие народы		
	Степень адаптированности											
	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА
Ни в чем себе не отказываем	54	28	18	48	35	18	**	**	**	72	7	21
Можем позволить себе больше, чем самое необходимое	44	39	17	47	35	18	52	22	26	46	30	24
Денег хватает только на самое необходимое	40	40	20	31	30	39	26	42	32	32	30	38
Денег не хватает даже на самое необходимое	26	31	42	52	12	36	**	**	**	**	**	**
Затрудняюсь ответить	38	31	31	47	27	26	**	**	**	30	23	47

Самая большая доля плохо адаптированных среди тех, кто считает, что денег в их семье не хватает даже на самое необходимое (42 % – саха, 36 % русских). Причем если у саха резкое увеличение доли плохо адаптированных приходится на группу, поддерживающую мнение, что в их семье денег не хватает даже на самое необходимое, то у русских респондентов увеличение доли плохо адаптированных начинается уже в группе, считающей, что им денег хватает только на самое необходимое (39 %). Но далее, видимо, начинает влиять сугубо психологический фактор. Хоть материальное положение семьи не очень хорошее, а точнее совсем неважное, тем не менее русская молодежь не теряет при этом силу духа, поскольку доля плохо адаптированных немного уменьшается и даже увеличивается доля хорошо адаптированных. Также хотелось бы отметить, что, по всей вероятности, затруднения при ответе на данный вопрос вызваны финансовой ситуацией в семье, которая обуславливает степень адаптированности респондентов. Так, среди затруднившихся ответить, независимо от размера желаемой минимальной заработной платы, достаточно велика группа плохо адаптированных людей.

Вместе с тем анализ результатов опроса показал, что повышение финансовой самостоятельности индивида влечет за собой и увеличение его материальных потребностей (табл. 3.26). Так, молодых людей, считающих, что размер минимальной зарплаты может быть до 10 тыс. рублей и максимально материально зависящих от своей семьи – 36 %. В то время как группа финансово независимых от своей семьи составила лишь 4 % от всей массы предполагающих, что такая зарплата способна обеспечить прожиточный минимум. И при других вариантах желаемой минимальной зарплаты доля выбравших данный вариант уменьшается по мере снижения степени финансовой зависимости от семьи.

Жизненная позиция молодежи находит проявление и в отношении ее к источникам своего материального благосостояния. Как показывают результаты социологического исследования, основной источник дохода для большинства студенческой молодежи – по-прежнему помощь со стороны родителей. В то же время значительное число учащейся молодежи начинают осознавать необходимость иметь собственный заработок. Была выявлена растущая значимость подработок, которые практикует каждый третий респондент. Как отмечает С.И. Журавлева: «... если десять лет назад потребность в работе носила временный характер, то сегодня – относительно постоянный. Кроме того, работа лишь каждого второго участника опроса не связана с профилем профессии, хотя в прошлом студенты подрабатывали в основном на должнос-

Таблица 3.26

Соотнесение степени финансовой зависимости якутской молодежи от своей семьи и представления о минимальной заработной плате, %

Размер желаемой минимальной заработной платы, тыс. руб./мес.	Степень финансовой зависимости от семьи					Всего
	100 %	75 %	50 %	25 %	0 %	
До 10	36	26	19	15	4	100
11–20	35	25	18	14	8	100
21–35	29	21	21	14	15	100
Свыше 35	31	20	13	20	15	100

тях, далеких от их специализации»³⁶⁹. При сопоставлении степени финансовой зависимости от семьи и размеров желаемой минимальной заработной платы можно сделать вывод, что претензии на получение высокой заработной платы – от 70 тысяч и выше, скорее свидетельствуют о дезадаптированности респондента или о его инфантильности. Молодежь, которая уверена, что она на 100 % зависит на данное время от своей семьи, имеет потребность в более высокой заработной плате, чем те, кто хоть как-то, возможно сезонно, подрабатывают. При этом этнических различий в выборе группы мы не обнаружили.

Мы решили рассмотреть, как влияет возможность зарабатывать самостоятельно (независимость от своей семьи) на степень адаптированности молодежи (табл. 3.27).

В результате анализа, мы пришли к заключению, что для русской молодежи и молодежи саха в целом характерна тенденция увеличения степени адаптированности по мере снижения финансовой зависимости от своей семьи. По малочисленным группам КМНС и «другие народы» определенной зависимости этих факторов не установлено. В целом для студенческой молодежи Якутии можно сделать вывод, что чем меньше финансовая зависимость студента от семьи, тем лучше его самочувствие, выше степень адаптированности. В то же время абсолютная финансовая независимость не для всех является благом. Мы можем предположить, что этот фактор как позитивно влияет на адаптированность молодежи, так и для некоторых становится стрессорным, поскольку доля плохо адаптированных в данной группе также увеличивается, как и доля хорошо адаптированных.

Исследования, проведенные В.В. Новиковым, С.И. Ериной и др.³⁷⁰, показывают, что монетарное поведение людей зависит как от происходящих социальных изменений, так и от их индивидуально-психологических особенностей. Как утверждает М.Ю. Семенов: «... отношение к деньгам во многом определяется уровнем личностной зрелости человека. Происходящие в человеке изменения, обусловленные личностным ростом, приводят к снижению ценности денег, повышению уровня монетарной удов-

Таблица 3.27

Влияние желаемой минимальной заработной платы и степени финансовой зависимости от семьи на адаптированность молодежи, %

Степень финансовой зависимости от семьи, %	Этнические группы												Все		
	саха			русские			КМНС			другие народы					
	Степень адаптированности														
	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА
100	44	32	24	38	33	29	54	31	15	46	23	32	43	31	26
75	36	41	23	46	31	23	32	32	37	39	26	35	40	36	24
50	36	41	23	42	35	23	37	32	32	44	26	31	38	38	24
25	42	41	16	45	34	21	18	36	45	43	35	22	43	38	19
0	49	28	22	48	25	27	0	67	33	43	19	38	47	27	25

³⁶⁹ Журавлева С.И. Социокультурная адаптация современной российской молодежи... С. 16–17.

³⁷⁰ См.: Люди и деньги/ Под общ. ред. В.В. Новикова, С.И. Ериной. Ярославль, 1999.

летворенности. Среди причин расходования денег у людей, имеющих высокий уровень личностной зрелости, в большей степени представлены мотивы творчества, познания, саморазвития, альтруистической помощи другим людям. У личностно зрелых людей формируется более рациональное и осознанное отношение к деньгам, преобладают установки на рациональное потребительское поведение»³⁷¹. Можем предположить, что ответы респондентов о минимальном размере заработной платы в большей степени обусловлены высоким уровнем личностной зрелости, а не ориентирами на средний уровень доходов, который возможен в регионе.

С целью проверки этой гипотезы респондентам было предложено рассмотреть некоторые высказывания о деньгах и выразить свое согласие или несогласие (рис. 3.2). Этот вопрос был сформулирован Н. Подкорытовой (Домниной) (табл. 3.28).

Таблица 3.28

Оценка высказываний о деньгах молодежью, %

Ниже приведены высказывания о деньгах. Согласны ли Вы с ними?	Размер желаемой минимальной заработной платы								Всего	
	до 10 тыс. руб.		11–20 тыс. руб.		21–35 тыс. руб.		36–70 тыс. руб.			
	Варианты ответов									
	согласен	не согласен	согласен	не согласен	согласен	не согласен	согласен	не согласен	согласен	не согласен
Деньги дают возможность заниматься тем, что ты любишь	90	10	92	8	93	7	94	6	91	9
Деньги – это зло	27	73	32	68	29	71	23	77	28	72
Деньги – это показатель успешности	81	19	79	21	76	24	82	18	80	20
Деньги – причина ссор близких людей	50	50	53	47	49	51	47	53	51	49
Деньги должны тратиться, а не сохраняться	73	27	75	25	73	27	79	21	74	26
Деньги делают старость защищенной	76	24	81	19	81	19	87	13	79	21
Деньги позволяют получить приличное образование	83	17	84	16	84	16	85	15	84	16
Деньги делают людей жадными и черствыми	69	31	68	32	57	43	59	41	66	34
Деньги дают возможность помогать нашим родителям, детям, друзьям	97	3	98	2	98	2	97	3	98	2
Денег много не бывает	80	20	80	20	84	16	86	14	81	19
Не в деньгах счастье	78	22	79	21	70	30	68	32	77	23
Деньги дают власть над другими людьми	66	34	64	36	61	39	64	36	65	35
Деньги – это средство достижения поставленных целей	69	31	70	30	73	27	78	22	70	30
Деньги (получение денег) – то, к чему я стремлюсь	57	43	57	43	58	42	62	38	57	43
Когда имеешь много денег, появляется страх их потерять	52	48	52	48	45	55	48	52	51	49

³⁷¹ Семенов М.Ю. Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости: Дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. С. 9–10.

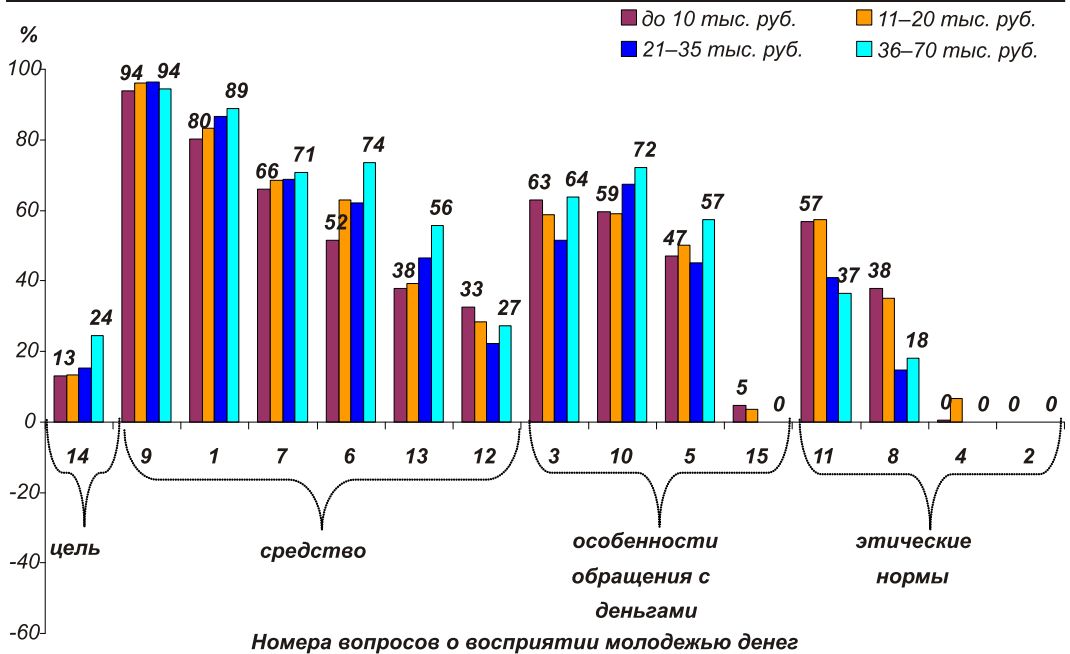

Рис. 3.2. Соотношение согласных и несогласных по поводу высказываний в зависимости от представлений о минимальной заработной плате (– не согласных больше, + согласных больше), %.

При анализе все высказывания были разделены на четыре группы: деньги как цель (№ 14), деньги как средство для достижения иных целей (1, 6, 7, 9, 12, 13); деньги и мораль (2, 4, 8, 11); особенности обращения с деньгами (3, 5, 10, 15).

Итак, по данным опроса для большей части молодежи деньги представляют в первую очередь средство для достижения поставленных целей, таких как: возможность помогать близким (вопрос № 9) – 97–98 % – интервал по всем группам респондентов, указавших размер минимальной зарплаты); заниматься любимым делом (вопрос № 1) – 90–94 %; получить хорошее образование (вопрос № 7) – 83–85 %; обеспечить старость (вопрос № 6) – 76–87 %; и, в меньшей степени, получить власть над людьми (вопрос № 12) – 61–66 %. Причем молодежь, имеющая более высокие претензии к размеру минимальной заработной платы, гораздо чаще высказывает мнение, что деньги делают старость защищенной (74 %), по сравнению с теми, кто рассматривает в качестве минимального размера заработной платы 10 тыс. и менее. Таковых оказалось согласных с утверждением о том, что деньги защищают старость, только 52 %. Также велика разница между данными группами и по утверждению, что деньги – это средство достижения поставленных целей (вопрос № 13). Согласных же с утверждением о том, что деньги дают власть над другими, оказалось больше среди молодежи с небольшими финансовыми претензиями (33 %). Оценивая моральный аспект отношения к деньгам, респонденты не согласились с тем, что деньги – это зло (вопрос № 2) – 68–77 %, но в то же время многие подчеркнули, что они могут отрицательно влиять на душевные качества людей, делать их жадными и черствыми (вопрос № 8). При этом доля тех, кто с данным тезисом согласился, растет обратно пропорциональ-

но желаемому размеру минимальной оплаты труда. То есть, чем больше молодежь желает зарабатывать, тем реже она отмечает отрицательное воздействие денег на характер человека и меньше согласна с тезисом, что «не в деньгах счастье» (вопрос № 11) – 21–32 %. В то же время, независимо от предполагаемой заработной платы, все группы респондентов отметили, что деньги могут стать причиной ссор между близкими людьми (вопрос № 4) – 31–53 %.

В целом необходимо отметить: большая часть студенческой молодежи Якутии продемонстрировала рациональное и осознанное отношение к деньгам, что свидетельствует о высоком уровне личностной зрелости и обуславливает формирование отношения к деньгам не как самоцели, а как средству достижения поставленных целей, а также рационального экономического сознания. В высказываниях опрошенных прослеживается единодушие: деньги должны работать, их много не бывает, не в деньгах счастье, хотя они и могут являться показателем успешности человека. При этом чем выше размер минимальной заработной платы, ожидаемой индивидом, тем значимее деньги как показатель успешности, удовлетворенности жизнью. Молодежь высказывается большая тревожность в отношении возможности потери денег, особенно в группах с высокими запросами по зарплате, где деньги выше ценятся как самоцель. Таким образом, мы можем предположить, что уровень личностной зрелости индивида действительно является одним из факторов, влияющих не только на отношение к деньгам, но и на рациональность финансовых ожиданий, что, в конечном счете, обуславливает степень удовлетворенности человека жизнью, характер его отношения к другим людям и иерархию системы ценностей.

Материалы исследования позволили также выявить отсутствие связи между материальным положением семей молодежи и их финансовыми претензиями. В то же время необходимо отметить, что существует связь между финансовой независимостью индивида от семейного бюджета и его материальными притязаниями, а также восприятием того необходимого минимума, который должен обеспечить человеку «нормальное» существование. Важно признать, что «достаток» в интерпретации большинства молодежи Якутии – это наличие денег на еду, одежду и «черный день», а наличие средств на обучение, путешествия, развитие, качественное здравоохранение для них является уже атрибутами зажиточного образа жизни. Так, мы рассмотрели отношение молодежи к материальным ценностям по восприятию респондентами богатой обстановки в доме, наличию автомобиля или, например, скота (табл. 3.29).

Результаты анализа показали, что материальные ценности как показатель успешности важны для представителей тюркской культуры в большей степени. Так, 59 % молодежи саха ответили, что для них очень важно иметь богатую обстановку в доме и еще больше (68 %) считают очень важным наличие машины. Чуть меньше (67 %) представителей группы «другие народы» указали, что для них важно иметь машину. Для русских респондентов наличие машины также является важным, но вот богатая обстановка в доме у 54 % является не очень важной жизненной потребностью. Что же касается наличия скота в домашнем хозяйстве, то практически для всех групп молодежи этот жизненный ориентир не представляется значимым. Причем в большей степени это проявляется у русских – 69 %.

Таблица 3.29

Отношение молодежи к материальным ценностям, %

Жизненные ориентиры	Степень значимости	Этнические группы			
		саха	русские	КМНС	другие народы
Иметь богатую обстановку в доме	Очень важно	59	41	55	48
	Не очень важно	39	54	43	48
	Не важно	2	5	2	4
Иметь автомобиль	Очень важно	68	63	61	67
	Не очень важно	29	33	35	30
	Не важно	3	4	5	3
Иметь свой скот	Очень важно	7	4	15	7
	Не очень важно	47	27	50	34
	Не важно	46	69	35	59

Рассмотрим, как влияет отношение к материальным ценностям на степень адаптированности молодежи (табл. 3.30).

Наличие богатой обстановки в доме и автомобиля как очень важных материальных ценностей увеличивает степень адаптированности всех этнических групп молодежи. По всей вероятности, эти ценности для них есть некий символ успешности. Однако «успешность» в рамках социального и этнокультурного аспектов рассмотрения данного понятия обуславливает в итоге различные тенденции у представителей различных этнических групп. Так, наличие богатой обстановки в доме как критерий адаптированности особенно важным оказался для русских и группы «другие наро-

Таблица 3.30

Влияние отношения молодежи к материальным ценностям на степень их адаптированности, %

Жизненные ориентиры		Этнические группы											
		саха			русские			КМНС			другие народы		
		Степень адаптированности											
		ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА
Иметь богатую обстановку в доме	Очень важно	42	36	22	48	31	21	46	30	23	48	24	28
	Менее важно	39	40	20	41	35	23	32	40	28	42	32	27
Иметь автомобиль	Очень важно	42	36	22	47	32	21	44	30	26	47	26	27
	Менее важно	39	41	21	40	36	24	34	40	26	42	30	29
Иметь свой скот	Очень важно	41	28	31	40	33	28	34	36	30	38	19	43
	Менее важно	41	38	21	44	34	22	40	34	26	45	29	26

ды», в то же время у русской молодежи по мере осознания маловажности данной ценности доля плохо адаптированных увеличивается, а вот у представителей группы «другие народы», наоборот, уменьшается. Возможно, это свидетельствует о том, что для русских богатая обстановка в доме скорее является маркером их успешности в работе, в обществе и качестве финансового положения, а для группы «другие народы» данный маркер скорее является отражением культурных стереотипов, которые не всегда реалистичны в сложившихся условиях, что и приводит к диссонансу между требованиями этнической культуры и возможностями, которые имеет семья для их реализации.

В отношении автомобиля как материальной ценности ситуация складывалась аналогичным образом. За исключением немаловажного момента, что на адаптированность школьников саха он влияет в меньшей степени, чем для студентов, что и повлияло на результаты ответов. С чем это возможно связано? Во-первых, с тем, что, по всей вероятности, традиции кочевой культуры влияют в меньшей степени на современных школьников. Во-вторых, скорее с тем, что автомобиль перестает восприниматься как маркер финансового благополучия семьи, а скорее становится средством передвижения. Этот вывод вполне соотносится с пятым местом Республики Саха (Якутия) в рейтинге регионов России по индексу «бензобака», исчисляемому исходя из стоимости бензина, размера средней заработной платы и потребности населения³⁷².

Наличие скота в домашнем хозяйстве имеет обратную оценку: более адаптированы те, для которых это не очень важно или совершенно неважно. Интересен показатель доли плохо адаптированных среди представителей группы «другие народы» (43 %), высказавших мнение о значимости наличия скота в их хозяйстве. Аналогичная зависимость есть и в группах саха и русские. Эта ситуация может иметь два объяснения. Первое, что для улучшения финансового состояния семьи людям приходится держать скот, но это не является атрибутом желаемого ими образа жизни. И второе, что молодежь отвечает на данный вопрос в рамках культурных традиций, но тем самым их ответы вступают в противоречие с настоящими потребностями и ожиданиями респондентов от жизни. Таким образом, мы можем сделать вывод, что интерпретация отношения молодежи к материальным ценностям в виде каких-то конкретных предметов, вещей, объектов хозяйства в большей степени обусловлена не только их реальным социально-экономическим положением, но и этнокультурными различиями групп.

³⁷² *Рейтинг* регионов России в индексе бензобака

http://rating.rbc.ru/articles/2008/10/31/32188118_tbl.shtml?2008/10/31/32188090;

<http://rating.rbc.ru/article.shtml?2008/10/31/32188118>

Глава 4

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРА

§ 4.1. Этнокультурная адаптация как процесс: исследование и подходы

Термин «этнокультурная адаптация» строго не определен в научном дискурсе. В этнопсихологическом словаре находим следующее определение понятия «этнокультурная адаптация» – «психологическое и социальное привыкание, приспособление людей к новой культуре, чужим национальным традициям и ценностям, образу жизни и поведению, в ходе которых согласовываются нормы-требования и ожидания участников межэтнического взаимодействия»³⁷³. Н.М. Лебедева рассматривает этнокультурную адаптацию как «процесс и результат межгруппового (межэтнического) взаимодействия и взаимовосприятия»³⁷⁴. Мы встречаем использование данного термина как синонима понятий: межкультурной адаптации – «...процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, а также результат этого процесса» (Стефаненко Т.Г.³⁷⁵), инокультурной адаптации, кросс-культурной адаптации (cross-cultural adaptation) (Kim Y.Y., Gugykunst W.B.³⁷⁶). В работе А.Н. Тесленко разводятся социализация, под которой он понимает социально-исторический процесс включения индивида в сферу общественных отношений в качестве субъекта и интериоризации культурного опыта предшествующих поколений, и культурная социализация – процесс усвоения культурных ценностей, цивилизационных норм и форм поведения, осуществляемого на базе синтеза традиции и инновации, прогресса и регресса, коллективизма и индивидуальных импровизаций. Особенности данного процесса в условиях трансформации современного общества А.Н. Тесленко видит в том, что «новые культурные формы, испытывая на себе влияние традиционализма, модифицируются, но сохраняют свое ядро, поэтому методологически верно и более плодотворно не противопоставление традиционных и инновационных форм социального поведения, а учет их взаимодействия и взаимосвязи»³⁷⁷. А.Н. Тесленко исходит из тезиса И. Пригожина о самоорганизации диссипативных систем³⁷⁸, что «позволяет описать социализацию как динамичный, нелинейный, самоорганизующийся процесс, сохраняющий в социуме синергию традиции и инновации. Соотношение традиции и инновации в социуме определяется через ресурс репликации культурных образцов. Репликаторами в социокультурной сфере являются культурные образцы и ментальные архетипы. Человеческое сообщество служит средой, обеспечивающей необходимые условия для копирования культурных образцов.

³⁷³ *Этнопсихологический словарь* / Под ред. В.Г. Крысько. М., 1999. С. 6.

³⁷⁴ См.: *Лебедева Н.М.* Особенности социальной перцепции в процессе этнокультурной адаптации переселенческих групп: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1989.

³⁷⁵ *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000. С. 280.

³⁷⁶ *Kim Y.Y., Gugykunst W.B.* Cross-Cultural Adaptation: Current Approaches. Newbury Park, CA: Sage, 1988.

³⁷⁷ *Тесленко А.Н.* Культурная социализация молодежи в условиях транзитивного общества (на примере Республики Казахстан): Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Саратов, 2009. С. 12.

³⁷⁸ См.: *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979.

В этом контексте люди выступают как ресурс самовоспроизводства (репликации) культурных образцов»³⁷⁹.

В предложенной автором интерпретации понятия, а также описанном процессе культурной социализации мы видим совпадение с ранее описанным Н.М. Лебедевой и Т.Г. Стефаненко процессом инкультурации индивида, включающим в том числе и этнокультурную адаптацию к условиям поли(ино)этнической среды, поскольку инкультурация происходит в результате «погружения» индивидов в их культурную среду, что приводит к усвоению моделей поведения, ценностей, норм, присущих или «одобренных» данной культурой. Социализация же индивида осуществляется на базе образования и воспитания, в результате усвоения социально выработанного опыта, прежде всего социальных ролей. В процессе социализации происходит формирование таких индивидуальных образований как личность и самосознание. В рамках этого процесса осуществляется усвоение социальных норм, умений, стереотипов, социальных установок, принятых в обществе форм поведения и общения, вариантов жизненного стиля. Исследование социализации личности разработано зарубежными учеными А. Адлером, А. Бандурой, Ф.О. Джиригом, Дж. Мидом, Дж. Хорроксом, Д. Джексоном, Л. Колбергом, Б. Скиннером, У.М. Уэнтвортом, Э. Эриксоном и др.; проблемы социализации и инкультурации молодежи затрагиваются в трудах В.В. Вишневого, И.М. Ильинского, Ю.А. Зубок, И.С. Кона, Е.А. Омельченко, В.Т. Лисовского, В.И. Чупрова, Ю.С. Хайруллиной, В.Н. Ярославской.

Из всего многообразия подходов, затрагивающих процесс социализации и этнокультурной адаптации, можно выделить ряд основополагающих: теория социального функционирования (Э. Дюркгейм, Ф. Гиддингс), теория интериоризации и идентификации (З. Фрейд, Э. Маккоби, С. Холл), теория социального научения (А. Бандура, С. Беккер), ролевая теория (Дж. Мид, Р. Кули), теория групповой динамики (К. Левин, Дж. Картрайт), структурно-функциональный анализ (О. Брим, Т. Парсонс, В. Уиллер), гуманистическая психология (А. Маслоу, Э. Фромм, К. Роджерс).

В нашем исследовании мы будем рассматривать этнокультурную адаптацию как подвид более широкого социального процесса – адаптации социокультурной. При анализе теоретических подходов к проблеме этнокультурной адаптации индивида мы опираемся на социологические традиции М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, П.А. Сорокина, Г. Тарда и культурной антропологии М. Мид, Р. Бенедикта, М.Д. Шипмена, Дж. Уайтинга, А. Бертранда, выделяя в процессе социокультурной адаптации процессы культурного детерминизма и культурного релятивизма. Таким образом, мы рассматриваем этнокультурную адаптацию как процесс приспособления индивидов и групп, рассматриваемых в их этнической модальности (культура, самосознание и др.), к условиям ино(поли)этнической среды. И хотя мы не исследовали отдельно проблемы взаимодействия переселенцев с местными жителями, но для рассмотрения социально-психологических явлений и феноменов, в рамках психологии межгрупповых отношений, мы опираемся на позиции теории социальной идентичности Г. Тэджфелла и самокатегоризации Дж. Тернера, а также методологические и теоретические положения, разработанные такими отечественными психологами, как В.С. Агеев, Г.М. Андреева, Г.Г. Дилигенский, Б.Ф. Ломов, Б.Ф. Поршнев, В.П. Позняков,

³⁷⁹ *Тесленко А.Н. Культурная социализация молодежи в условиях транзитивного общества ... С. 19.*

И.Р. Сушков, Е.В. Шорохова, Г. Шпет и др. Таким образом, этнокультурную адаптацию мы понимаем как интегральное, диалектически противоречивое единство процессов культурной трансмиссии – инкультурации, социализации и аккультурации.

Необходимо отметить, что процессы инкультурации и социализации индивида не проходят изолированно, результаты трансмиссии во многом определяются не только взаимодействием с родной культурной средой, но и контактами с другими культурами. Проблема адаптации к иному социальному и культурному контексту первоначально разрабатывалась в этнологии при изучении процессов аккультурации, которую Р. Редфильд, Р. Линтон и М. Херсковиц определили как «результат непосредственного, длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении паттернов оригинальной культуры одной или обеих групп»³⁸⁰. Появление данного понятия связано с разработкой концепции «культурного шока», которая была популярна до 70-х гг. XX века, но в последнее время все более популярным является термин «стресс аккультурации»³⁸¹.

Понимание аккультурации исключительно как феномена группового уровня позднее было расширено введением понятия психологической аккультурации как процесса изменения в индивидуальной структуре смысловых образований, в том числе в структуре личностных ценностей, моделях ролевого поведения индивида. Как отмечает Е.Е. Будалина: «Сущность процесса адаптации в данной концепции – не просто формирование соответствия с другой культурой, а, перефразируя О. Паса, вышивание на привычном орнаменте своего ценностно-смыслового сознания новых ценностных узоров, формирование соотношения между своей этнокультурной самобытностью (т. е. сохранение ценностей своей этнической группы) и принятием другой культуры (т. е. включение в структуру ценностей индивида ценностей иной культуры)»³⁸².

В современной российской этнической психологии понятие «аккультурация» – это сравнительно новый термин. Начиная с конца 1990-х гг. термин аккультурация входит в категориальный аппарат этнопсихологии см., например, В.Г. Крысько³⁸³, Н.М. Лебедева³⁸⁴, Т.Г. Стефаненко: «Аккультурация – определяет Т.Г. Стефаненко – результат непосредственного, длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении элементов культуры одной или обеих групп»³⁸⁵ и др. Причем с самого начала появление данного понятия носило не только описательный, но и исследовательский характер. Так, в работе Н.М. Лебедевой³⁸⁶ изучалась аккультурация русских жителей ближнего зарубежья.

³⁸⁰ Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: research and applications. Cambridge, 1992. P. 271.

³⁸¹ См.: Смолина Т.Л. Адаптация к инокультурной среде: анализ родственных понятий // Психология человека: интегративный подход. Сборник статей. СПб., 2007. С. 162–167.

³⁸² Будалина Е.Е. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде (на материале исследования удмуртского и коми-пермяцкого этносов): Дисс. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2004. С. 33; Пас О. Освящение мига: Поэзия. Философская эссеистика / Составл. и предисл. В. Резник. СПб., 2000. С. 379.

³⁸³ См.: *Этнопсихологический словарь*. Под ред. В.Г. Крысько. М., 1999.

³⁸⁴ См.: Лебедева Н.М. Социальная психология аккультурации этнических групп: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.

³⁸⁵ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000. 320 с.

³⁸⁶ См.: Лебедева Н.М. Социальная психология аккультурации этнических групп. ... 1997.

Чаще всего под аккультурацией в российской этнопсихологии принято понимать «процесс взаимовлияния людей с определенной культурой друг на друга, а также результат этого влияния»³⁸⁷. Это определение заимствовано из работ западных ученых, которые, начиная с конца 30-х гг. XX в., активно занимаются проблемами адаптации к новой культурной среде.

В контексте культурологической проблематики суть культуры есть понимание ее как специфической формы концентрации духовной энергии человека, этноса, нации. Культура как выразитель духа народа объединяет всю систему целесообразной деятельности человека: его сознание, производящий труд и творчески-преобразующий акт созидания, а также результаты освоения и преобразования мира (природы, общества и человека). Духовность пронизывает весь спектр структурных компонентов культуры. В этом сложном явлении Человек всегда выступает значительной и основополагающей величиной. Человек – семья – род, а дальше народ с единой языковой традицией, с самобытными признаками культуры составляют структурную иерархию общественного образования³⁸⁸. Сотворенное личностью культурное поле как средоточие социальных противоречий воздействует на человека так же, как сам индивид воссоздает себе подобную и удобную культурную среду. Взаимообусловленность и взаимозависимость социального бытия и индивидуального человека зеркально отражаются во всех проявлениях созидательной и разрушающей деятельности общества в целом.

Николай Бердяев в книге «Судьба России» очень точно выразил соотношение общечеловеческого и этнического в культуре. «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности.<...> Благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ народов, почитание могил и памятников, связь сынов и отцов <...>. Творческое утверждение национальности и есть утверждение человечества. Национальность и человечество одно»³⁸⁹.

Фундаментальной характеристикой человеческого способа жизни является его осознанность. Только человек в отличие от других животных способен отделить собственное «Я» от познаваемого объекта, сделать свой внутренний мир предметом понимания, осмысления и практического преобразования для реализации поставленной цели. Эта способность человека, обозначаемая словом «рефлексия»³⁹⁰, составляет сердцевину человеческого сознания.

Уже в начале XX в. в науке сложилось довольно четкое представление о существовании некой «души народа» как врожденного феномена, обусловленного многочисленными факторами, один из которых выдвигался вперед, в зависимости от направления научной школы. Носителем «народного духа» являлся этнофор, реакции которого на внешние возбудители формировали модель этнического сознания и этнического поведения.

³⁸⁷ *Этнопсихологический словарь* / Под ред. В.Г. Крысько. М., 1999. С. 8.

³⁸⁸ См.: *Уткин К.Д.* Культура как система и как самовыбор народа. Философия самосознания: Якутская модель. Якутск, 1999.

³⁸⁹ *Бердяев Н.* Судьба России. Национальность и человечество. М., 1998.

³⁹⁰ *Теяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987.

Первоначальная трактовка менталитета, введенная представителями историко-психологического и культурно-антропологического направлений, означала своего рода «психологическую оснастку» любой социальной общности, которая позволяла ей по-своему воспринимать как социальную среду, так и самих себя³⁹¹. Закладываемая в процессе воспитания и обусловленная этнической культурой, она становилась «живым» воплощением этнического сознания, обуславливая специфику этнокультурной адаптации индивида в обществе. Этнологический подход к психологическим и социально-психологическим проблемам состоит, с одной стороны, в определении культурной и социальной обусловленности психических состояний и внутриличностных процессов, а с другой стороны, в понимании социокультурной природы межличностных отношений и групповой динамики³⁹². В связи с разработкой проблем этнического сознания и самосознания, классификацией их признаков, выстраиванием их структуры и соотношения с другими этническими, психологическими и философскими категориями в отечественной гуманитаристике появилась теория ментальности. Наибольших успехов в разработке ее проблем достигли Г.Д. Гачев, А.Я. Гуревич, П.С. Гуревич, А.Н. Ерыгин, И.Г. Дубров, В.К. Кантор, В.П. Макаренко, А.П. Огурцов, М.С. Панарин, И.К. Пантин, В.А. Шкуратов и др. История ментальности выросла из этнологии, культурной антропологии и социальной психологии.

В 1990-х годах в России начался буквально научный бум, связанный с изучением ментальности. Свою стройную систему взглядов на ментальность выстроил А.Я. Гуревич. Он описал корни, компоненты, структуру и функции ментальности, продемонстрировав гибкость данного понятия. Еще в 1981 г. он вводит термин «менталитет» для описания народного сознания. Менталитет как духовный инструментальный, как склад ума определяет видение мира, приемы освоения действительности, модели и навыки сознания и поведения. По мнению А.Я. Гуревича, современные историки стремятся реконструировать более комплексное и всеобъемлющее образование – картину мира, которая включает в себя «время, пространство, отношение людей к природе, трактовку потустороннего мира и его связей с миром животных, понимание возможного и невозможного, естественного и сверхъестественного, связь технологических и магических методов воздействия на мир, трактовку идеального и материального, труд и праздник, оценку детства и старости, семью, отношение к женщине и сексу, страхи и фобии, наконец, психологический статус личности»³⁹³. Эти аспекты картины мира определяют ментальные установки человека. Следовательно, для изучения ментальности надо изучать установки сознания, духовную жизнь общества. А.В. Сухарев считает, что ментальность может быть определена как целостная «картина мира» в категориях пространства, движения, цвета, формы; одновременно она включает эмоциональные отношения, оценки, трактовки, различные ког-

³⁹¹ См.: Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40; Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции 1950 г. // Одиссей. Человек в России. М., 2003.

³⁹² См.: Арутюнян Ю.В., Дробизжева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1999.

³⁹³ Цит. по: Хотинцев В.Ю. Модерирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 99; Гуревич А.Я. История и психология // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 4. С. 3–16; Он же. История – нескончаемый спор. М., 2005. С. 415–417.

нитивные и поведенческие аспекты³⁹⁴. Таким образом, как отмечает В.Ю. Хотинец, ссылаясь на А.Я.Гуревича, ментальность выступает как «психологический каркас культуры», как развивающаяся система образов «человек – природа – культура – трансцендентный мир», «связь технологических и магических методов» и др., т. е. того, что характеризует социальные представления и обуславливает формирование механизмов и моделей социокультурной, и в том числе этнокультурной, адаптации индивида³⁹⁵.

Концепция социальных представлений разработана во французской психологической школе (С. Московичи³⁹⁶). Под социальным представлением в этой концепции понимается обыденное представление какой-либо группы о тех или иных социальных явлениях, т. е. способ интерпретации и осмысления повседневной реальности³⁹⁷. При помощи социальных представлений каждая группа строит определенный образ социального мира, его институтов, власти, законов, норм. Социальные представления – инструмент не индивидуального, а именно группового социального познания, поскольку «представление» вырабатывается на основе опыта, деятельности группы, апеллируя к почерпнутым в этом опыте житейским соображениям. По существу через анализ социальных представлений различных больших групп познается их психологический облик³⁹⁸.

Наряду с названными основами ментальности, такими как традиции, культурные и социальные структуры, В.П. Визгин дополняет ее компонентом «среда обитания человека и этноса»³⁹⁹. Ментальность он описывает как человеческую активность только в контексте определенного исторического материала. Как считает И.К. Пантин, «менталитет – это своеобразная память народа о прошлом, психическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах, не исключая катастрофических»⁴⁰⁰. И, тем не менее, под влиянием крупных исторических событий происходят сдвиги в ментальности этноса. Очевидно, что российская ментальность сегодня подвержена влиянию таких исторических процессов, как демократизация общества, внедрение рыночной экономики, установление правового государства, а также более конкретных исторических событий (война в Чечне, локальные межнациональные конфликты и пр.). Ментальность формируется внутри культуры, традиций, языка, образа жизни, религиозности. Любое посягательство на один из этих компонентов непременно приведет

³⁹⁴ См.: Сухарев А.В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности // Психол. журн. 2009. № 3. С. 118–127.

³⁹⁵ Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99; Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994.

³⁹⁶ См.: Московичи С. Общество и теория в социальной психологии. Пер. с фр. // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.

³⁹⁷ См.: Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994.

³⁹⁸ См.: Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.

³⁹⁹ См.: Ахутин А.В., Визгин В.П., Воронин А.А. и др. Теоретическая культурология. М.; Екатеринбург. 2005.

⁴⁰⁰ Пантин И.К. Национальный менталитет и история России // Душков Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002. С. 347–354.

к смятению ментальной структуры, поскольку любые инновации вызывают психологические реакции народа, грозят народному менталитету новыми деформациями.

Таким образом, ментальность при всей социогенности ее происхождения тесно связана с категорией этничности и является важнейшим компонентом этнического сознания. Проблемы содержания и структуры этнического (национального) сознания и самосознания рассматриваются в работах Р. Бенедикта, Ф. Боаса, М. Гране, Э. Дюркгейма, А. Кребер, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Мид, М. Мосса, Л.А. Уайта, М. Херсковица и др. Антропологическая традиция, восходящая к работам К. Леви-Стросса, выдвигает на первый план общую символическую среду, порожденную этническим сознанием народа.

Исследование проблем формирования этнического сознания и самосознания обусловлено представлением об этносе как самостоятельном существующем и включенном в структуры бытия объекте со своими особыми способами существования. Таким образом, любой этнос выступает как субъект и объект бытия. Становится очевидным, что содержание, формы и структуры этнического знания и самосознания существуют и реализуются в самой практике реальной жизни и для целей жизни этноса.

Этническая культура, как и этническое сознание, достаточно консервативна. Специальные стереотипы, созданные народным сознанием, во многом определяют облик «модальной личности», ибо любой представитель народа является носителем целого ряда этнообусловленных стереотипов, которые передаются из поколения в поколение. При этом необходимо учитывать историческую динамику системы стереотипов, опосредованной состоянием социальных отношений и институтов. Проблемы этнического сознания, самосознания и этничности как таковой, тесно взаимосвязанные, положили с 1970-х годов начало дискуссии в этой сфере и привели к появлению трех теорий – примордиалистской, инструментальной и конструктивистской⁴⁰¹.

Наиболее радикальные примордиалисты относят этничность со всеми ее компонентами к врожденным качествам человека. Эволюционно-генетические идеи лежат в основе этой теории и изложены главным образом в трудах Г. Ван дер Берга, Р. Гамбино, К. Гирца, У. Коннора, А. Прили и других. Последний считал, что «с прогрессивным ростом размера человеческих обществ границы этноса становились шире, связи родства соответственно размывались. Однако потребность в коллективности более широкой, чем непосредственный круг родственников на основе биологического происхождения, продолжает присутствовать даже в современных массовых индустриальных обществах».⁴⁰²

Однако в рамках примордиалистского подхода существует иное – эволюционно-историческое направление, связывающее этносы с социально-историческим контекстом.

Инструменталисты видят в этничности лишь артефакт, который конструируется отдельной группой людей, т. е. этничность ситуативна и мотивирована. Об этом читаем в сборнике статей «Этничность, теория и опыт», вышедшем под редакцией Н. Глезера и Д. Мойнихана, где этничность трактуется как средство достижения

⁴⁰¹ См.: Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Суколов А.А. Этносоциология...

⁴⁰² Цит. по Александрова Н.С. Возрождение культурно-исторического наследия в региональном обществе: проблемы и перспективы // Педагогическое образование и наука. 2002. № 2. С. 13–24.

групповых интересов. Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивают Л. Белл, А. Коэн, Дж. Окамура, М.П. Фишер, К. Янг.

Характеризуя два вышеназванных научных подхода, М. Бэнкс прибегнул к метафорическому выражению, по которому примордиалисты помещают этничность «в сердце человека», а инструменталисты – «в голову».

Конструктивистское направление в зарубежной научной мысли представлено работами Б. Андерсона, Р. Бурдые, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума и других. Конструктивисты выдвигают на первый план идеологию и идеологов, которые вносят в сознание людей необходимые идеи, в результате чего формируется этничность.⁴⁰³

В отечественной науке существуют сторонники каждого из вышеописанных направлений, ставшие основателями аналогичных школ в России.

Параллельно с дискуссией о сути этничности в 1950–1970-е гг. в Америке и Западной Европе появляются труды по проблемам этнического самосознания и этнической идентичности, которые выступают производными от этнического сознания. В 1940-е гг. Э. Эриксон предлагает в своих концепциях термины «идентичность», «кризис идентичности»: «...формирование идентичности предполагает процесс одновременного отображения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждение о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него».⁴⁰⁴ В последующем введенные ученым термины начинают активно использовать в диагностике различных форм психопатологии. Необходимо уточнить, что, как указывает М.В. Заковоротная, традиционно распространение в научной практике термина «идентичность» связывают с именем Эриха Эриксона. Сам Эриксон среди основных предшественников своей концепции выделял Уильяма Джеймса и Зигмунда Фрейда, а также Чарльза Дарвина и Карла Маркса⁴⁰⁵. Для Джеймса идентичность – субъективное чувство соответствия себе, континуальность, созидательная власть, сопротивляемость «эго» по отношению к окружающему миру. По его мнению, жизнь нужно строить в активности, созидании и страдании. В основном Джеймс использует термин «характер», а не «идентичность». В 50-е годы предлагают различные интерпретации этих понятий. Эволюция проблемы идентичности – от появления первых зачаточных теоретических форм до форм самостоятельного теоретического знания – прослеживается в работах классиков зарубежной философии, психологии и социологии – У. Джеймса, З. Фрейда, К.Г. Юнга, Ж. Пиаже, Э. Фромма, Дж. Мида, Ч. Кули⁴⁰⁶, современных авторов: А. Гидденса, А. Маслоу, Р. Мейли, Г. Олпорта, К. Роджерса, Х. Салливена, Ю. Хабемаса, К. Хорни, Э. Шпрангера, Э. Эриксона.

⁴⁰³ См.: Семенов И.Н., Репецкий Ю.А. Личностное самоопределение как ключевой фактор образования взрослых // Мир психологии. 1999. № 2.

⁴⁰⁴ См.: Erikson E. Identity. Youth and Crisis. N. Y. 1968.

⁴⁰⁵ См.: Фрейд З. Психология Я и защитные механизмы. М., 1993; Юнг К. Психологические типы. М., 1996; Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 54–63; М.М. Бахтин как философ. М., 1992; Вygотский Л.С. История развития высших психических функций. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1984; Кон И.С. В поисках себя. М., 1984.

⁴⁰⁶ См.: Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на/Д., 1999.

Таким образом, совпадение контуров индивидуального сознания и этнического сознания приводит к высокой степени отождествления индивида с этносом. В этой точке исследований пересекаются интересы ученых, разрабатывающих теорию идентичности кросс-культурной психологии, особенно в ее когнитивном направлении, которое представлено Дж. Берри, Р. Вудвортом, Р. Гервином, М.-Х. Сигаллом и другими.

Тема самопостижения всегда интересовала и русских мыслителей. Она отражена в письме русского философа П.Я. Чаадаева А.С. Пушкину. В нем есть такие проникновенные слова: «Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России»⁴⁰⁷. Н.А. Бердяев видел неразрывную связь самопознания с понятием личности. Об этом он писал так: «Моя личность не есть готовая реальность, я созидаю свою личность, созидаю ее, и тогда, когда познаю себя»⁴⁰⁸.

Среди российских классиков отечественной мысли проблемами этнического сознания и самосознания занимались М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Ю.В. Бромлей, Л.С. Выготский, И.С. Выроста, Л.Н. Гумилев, Н.Я. Данилевский, Э.В. Ильенков, А.Н. Леонтьев, Ю.М. Лотман, С.Л. Рубинштейн и др. и многие современные исследователи – К.А. Абульханова-Славская, А.О. Бороноев, А.А. Гусейнов, А.Ф. Даждмиров, Н. Джандильдин, Л.М. Дробижева, В.П. Левкович, Г.У. Солдатова, В.А. Ядов и другие.

Традиции исследования этнического сознания и самосознания имеют широкую теоретическую и эмпирическую базу. В ее основе лежит различное понимание сущности, природы и строения этноса. В период дискуссии о понятиях нации и этноса в журналах «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Советская этнография» в конце 1960–1970-х годов многие авторы предлагали собственное понимание структуры этнического самосознания В.И. Козлов, отстаивающий идею о национальном самосознании как признаке нации, понимал под ним отождествление людей, принятие принадлежности к данному сообществу (феномену). Этническое самосознание возникает, по мнению В.И. Козлова, «в процессе длительной совместной жизни людей под воздействием ряда факторов. Сильное воздействие на его формирование оказывает социальная среда, представление об общем происхождении и общих исторических судьбах и т.д.»⁴⁰⁹. Помимо главного структурного компонента – осознания принадлежности к этносу – участниками дискуссии были включены в содержание понятия – этноцентризм, этнические стереотипы, этнические симпатии и антипатии. Само этническое сознание воздействует на этнические процессы, их направление, темп, содержание. Оно может приглушаться, а может обостряться; может иметь как организованный, так и стихийный характер. Кроме того, возникновение самосознания является свидетельством завершения процесса этногенеза. В ряде работ соотношение самосознания этноса и этногенеза занимает центральное место. Свообразием

⁴⁰⁷ Чаадаев П.Я. Письма к А.С. Пушкину

//<http://libclub.com/C/ChaadaevPYa/ChaadaevPYa-262-1.htm>

⁴⁰⁸ Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С. 297.

⁴⁰⁹ Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 56–57.

отличается подход к этой проблеме Л.Н. Гумилева⁴¹⁰. В своих трудах он демонстрирует социобиологическое понимание этноса, считая, что этносы – биологическая единица – популяция или система, «возникающая вследствие некоей мутации»⁴¹¹. По существу ученый продолжил развитие идей, сформулированных в начале XX века С.М. Широкогоровым, хотя у последнего преобладало социальное понимание культуры, созданной этносом.

Как отмечает Л.М. Дробижева, в 1970-х и начале 1980-х гг. в научном мире обсуждались главным образом содержание понятия «национальное (в значении этнонациональное) самосознание» и его структура⁴¹².

Ю.В. Бромлей ввел узкое и широкое понимание термина этническое самосознание. В узком значении слова он считал возможным понимать под этническим или этнонациональным самосознанием отнесение человеком себя к тому или другому народу, а в широком значении понималось не только самоотнесение к национальности, но и представление о ней (автостереотипы), ее языке, культуре, истории, территории и государственности, если она была: «Этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании»⁴¹³. Этнические свойства (язык, культура, сознание) формируются только в соответствующих условиях – территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых. Однако само этническое самосознание Ю.В. Бромлей оценивал по-разному. Первоначально он определял его как «непременное условие функционирования этноса»⁴¹⁴, позднее вычленил его в отдельный «неотъемлемый компонент этноса»⁴¹⁵. Ю.В. Бромлей разработал положение о структуре этнического самосознания, о внутреннем механизме его развития, объективных основах его существования. Это положило начало направлению, связанному с выявлением и анализом компонентов этнического самосознания, исследованием их генезиса и эволюции.

Этносоциологи, изучая этническое самосознание, операционально выделяя его элементы, на основании широкого бромлеевского понимания включали в него, кроме того, и интересы, осознаваемые личностью, группой как этнические, национальные (в значении национальности). Посылком для такого понимания были выводы психологов, которые выделяли в самосознании три группы элементов – когнитивные, эмоциональные и регулятивные. Как пишет, Л.М. Дробижева: «...регулятивные элементы, приводящие к действиям в связи с самосознанием, как раз и не могут функциониро-

⁴¹⁰ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград, 1989; *Он же*. О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. 1967. Вып. 3.

⁴¹¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли... С. 169.

⁴¹² См. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.

⁴¹³ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С.14.

⁴¹⁴ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1972. С. 12.

⁴¹⁵ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 16.

вать, если личность не осознает некоторых интересов, ассоциирующихся со своей личной идентичностью или идентичностью того народа, к которому она себя относит»⁴¹⁶.

Во внедрении этнической терминологии в современную этнографическую литературу сыграли роль работы П.И. Кушнера, который подчеркнул особое значение самосознания как «этнического определителя». Особое внимание он уделил тому факту, что национальное самосознание развивается из более примитивных форм сознания этнической общности и проходит в своем развитии ряд этапов, соответствующих стадиям развития общества, т. е. он утвердил историчность национального сознания и самосознания. Этническое сознание определяется как более широкое понятие (явление), содержащее в себе всю совокупность представлений членов этнической общности о своем и других этносах, включая социально-психологические установки и стереотипы. Этническое самосознание есть часть этнического сознания, отражающее восприятие и представление индивидов о себе как представителях определенной этнической общности.

Несмотря на большой охват, понятие этнического сознания появилось позднее, чем понятие этнического самосознания, которое, как отмечает Л.М. Дробижева, в литературе конца 1980-х и начала 1990-х гг. стало чаще называться этнической идентичностью, как на Западе, хотя социальные психологи видят некоторое различие между этими понятиями (С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова⁴¹⁷), акцентируя в идентичности культурно-психологические составляющие, а в самосознании – и социально-политическую.

Историческую обусловленность этнического самосознания как составной части этнического сознания подчеркивал С.А. Токарев⁴¹⁸, полагая, что соотношение социальных связей порождает этническое самосознание. Каждый из исследователей сталкивался с вопросом о главном критерии выделения этноса, так как от этого зависело то, какой из компонентов ляжет в основу этнического сознания и самосознания. Одни авторы в качестве главных признаков этноса называют язык и культуру, другие добавляют к этому территорию, иные указывают на особенности психического склада и антропологические признаки. Кроме того, в число основных попадает общность происхождения и даже государственная принадлежность.

Из множества определений этноса оригинальностью отличаются определения, данные Ю.В. Арутюняном⁴¹⁹ и Н.Н. Чебоксаровым⁴²⁰. Своеобразие заключается в том, что главным признаком этноса они обозначили не людей, а информацию, подлежащую обмену в межэтническом контакте. По их мнению, этносы представляют собой пространственно ограниченные «сгустки» специфической культурной информации, а межэтнические контакты – обмен такой информацией. Сходной позиции придерживается и А.А. Сусоколов.

⁴¹⁶ Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С.10–11; Она же. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография, 1985. № 5.

⁴¹⁷ См.: Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997.

⁴¹⁸ См.: Токарев С.А. История зарубежной этнологии. М., 1998.

⁴¹⁹ См.: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. ...

⁴²⁰ См.: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.

На причины возникновения этнического сознания указывает А.Г. Агаев: «Территория ..., язык..., хозяйство..., в сложном переплете исторических, социально-экономических, мировоззренческих, религиозных, этнических, этнографических условий в процессе консолидации и дифференциации смешения и растворения, взаимопроникновения, разъединения порождают сознание этнического единства народа»⁴²¹.

А.Ф. Даждамиров, выделяя две стороны национального сознания – идеологическую и психологическую – предпочитает употреблять словосочетание «национальная определенность»⁴²², под которой подразумевает органический сплав объективно существующих связей личности с данной общностью и субъективного, личностного отношения к ним, отражения во внутриличностной структуре национальных связей.

Прямо или косвенно затрагивают проблемы исторического и этнического самосознания якутские философы. А.Г. Новиков осмыслению духовного опыта поколений и системы их мировоззрений посвятил отдельную монографию «О менталитете Саха» (1996). В ней он пишет: «Сегодня необходимо подпитать человека и цивилизацию таким образом, чтобы человек вернулся к истокам добрых идеалов, т. е. к изначальным комплексным нормам, качествам, которые возникли в начале пути, когда человек только начал осознавать себя человеком»⁴²³. О самооценности человеческого фактора в национальной культуре постоянно говорят философы Н.Н. Кожевников, Е.М. Махаров, В.Д. Михайлов, Б.Н. Попов, А.С. Саввинов, К.Д. Уткин; историки и этнографы Р.И. Бравина, А.И. Гоголев, В.Н. Иванов, Е.И. Романова, П.А. Слепцов; филологи И.Е. Алексеев, Л.Л. Афанасьев-Тэрис, Г.В. Ионов, И.А. Слепцов; фольклористы И.В. Емельянов, В.В. Илларионов, И.Е. Петров⁴²⁴. Ведь процесс подъема самосознания коренных народов Якутии затронул все слои общества, значительную часть национальной интеллигенции.

Самосознание народа продиктовано целым рядом неустойчивых состояний в структурах традиционных культур, а также разрывом сложившихся систем гармонических отношений с природой. По этому поводу Н.Н. Кожевников пишет следующим образом: «Современный человек, прежде всего, отражает в себе завершающий этап формирования гармонии ноосферы. Только осознав себя элементом этого процесса, он может обрести единение с Природой»⁴²⁵.

По мнению И.П. Чабыева, отличие этнического самосознания от этнического сознания по форме можно найти на уровне психических проявлений. Если этническое самосознание проявляется как на уровне личности, так и на уровне этноса, то этническое сознание, как правило, – только на уровне этноса, т. е. субъектом первого выступают личность и этническая общность, субъектом второго – этнос (нация). Самосознание этноса – знание не объективированное, т. е. не имеющее «свободы сущес-

⁴²¹ Цит. по: *Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга* /Под ред. Воронкова В., Освальда И. СПб., 1996; *Агаев А.Г.* Нациология: философия национальной экзистенции. Махачкала: Издательство ДГУ, 1992.

⁴²² *Даждамиров А.Ф.* Диалектика национального и интернационального в сфере культуры // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 38–42.

⁴²³ *Новиков А.Г.* Русская философия и духовный мир человека постиндустриального общества // День науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: Матер, конф. СПб., 1996. С. 5–148.

⁴²⁴ См.: *Абрамова М.А.* Идеи гуманизма в культуре и образовании Якутии. Якутск, 2003. С. 19.

⁴²⁵ *Кожевников Н.Н.* Концепция относительных равновесий в природе. Якутск, 1995. С. 82.

тования вне “Я” личности и этноса, оно предельно концентрировано и центрировано вокруг него, имеет, в определенном смысле, “целевой характер”, и поэтому самосознание всегда личностно»⁴²⁶. Это взволнованно-личное отношение, наполненное различными переживаниями, Н.З.Чавчавадзе называет «культурно-философско-аксиологическим понятием нации, наполненным ценностным смыслом»⁴²⁷. Но этническое самосознание на субъективном уровне отражает объективные свойства этнической общности.

В разные периоды этнической истории вперед выдвигаются те или иные компоненты и отдельные составляющие их элементы этнического сознания. Их изучением в разные годы занимались Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов, В.С. Мухина, В.В. Пименов, Г.В. Старовойтова, Г.У. Солдатова и др. Ряд работ посвящен формированию и функционированию этнического самосознания в различных социально-экономических формациях. Так, проблемам возникновения этнического сознания в первобытном обществе посвящены работы В.П. Алексева, С.А. Арутюнова, В.А. Шнирельмана; этническое сознание в раннеклассовом обществе рассматривали Л.Е. Куббель, А.И. Першиц; период раннего и позднего феодализма с точки зрения этносознания интересовал Н.Ф. Колесниченко, М.В. Крюкова, В.В. Малевина, М.В. Софронова, Н.Н. Чебоксарова; анализ этнического сознания социалистических наций проводили М.И. Куличенко, К.Н. Хабибуллин и др.

Принцип взаимодействия человека в контексте социальной группы с этнокультурной средой положен в основу работ по интересующей нас тематике, опубликованных в 1990-е годы. К числу авторов, плодотворно работающих в этом направлении, можно отнести Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижеву, В.П. Левкович, Н.М. Лебедеву, С.В. Лурье, Г.У. Солдатову, В.Ю. Хотинец и ряд других ученых.

Актуальность исследования проблем сознания и самосознания обусловлено, по мнению известного психолога В.П. Зинченко, тем, что «эту проблему уже начали включать в число глобальных проблем современности, актуальных проблем формирования экологического, гуманитарного сознания, с помощью которого возможно преодоление технократических ориентаций. Эволюцию и изменение сознания связывают с выживаемостью человечества, с предотвращением нарастающей антропологической катастрофы»⁴²⁸. В данной ситуации хотелось бы отметить, что при использовании терминов этническое и историческое сознание порой происходит путаница. Так, например, Е.И. Федоринов в статье «Формирование исторического сознания как фактор гуманитаризации образования» предлагает такое определение исторического сознания: «...под историческим сознанием в науке понимается система знаний, совокупность представлений, взглядов, традиций, обрядов, обычаев, идей, концепций, посредством которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций формируется представление о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории и выдающихся деятелях прошлого, о соотношении своей истории с историей других общностей людей и всего человеческого сообщества. Тем самым общности

⁴²⁶ Чабыев И.П. Философско-психологический анализ феноменов этнического сознания и самосознания // Этнопедагогика Якутии: проблемы и поиски. Якутск, 2000. С. 29–32.

⁴²⁷ Чавчавадзе Н.З. О ценностном аспекте понятия нация // Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980. С. 111.

⁴²⁸ Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 17.

людей (народы, нации), осмысливая свое прошлое, могут воспроизвести его в пространстве и времени во всех его трех состояниях – прошлом, настоящем и будущем, способствуя тем самым связи времен и поколений, осознанию индивидуумом его принадлежности к определенной общности людей – народу или нации»⁴²⁹. В данной трактовке понятие исторического сознания фактически совпадает с определением термина этническое сознание. С нашей точки зрения, диалектика их взаимодействия более глубокая и сложная: находясь в единстве, они, тем не менее, не тождественны, так как диалектическое единство включает в себя различие их по содержанию и по форме проявления. Отличие этнического сознания от исторического сознания необходимо искать в специфике отражаемой реальности. В этническом сознании превалирует осознание этнической группы, представление о других народах, об их культуре и отношении к ним данного этноса, т. е. представления, знания, отражающие особенность не только своей этнической группы, но и чужой и эмоциональное отношение к ней. Историческое сознание уделяет большее внимание хронологическому анализу событий, фактов истории, попытке объяснения причин, приведших к такому развитию событий. При этом представление об этносе уходит на второй план, а на первый перемещаются исторические события. Как духовное явление историческое сознание имеет достаточно сложную структуру, обусловленную путями и способами его формирования.

Этнокультурная вариативность социального поведения, обусловленная этническим самосознанием, рассматривается в работах В.С. Агеева, Н.М. Лебедевой, Т.Л. Мироновой, Г.У. Солдатовой, Г.В. Старовойтовой, Т.Г. Стефаненко и др.; этнокультурные аспекты мировоззрения человека анализируют Н.В. Абаев, Л.Л. Абаева, М.И. Гомбоева, И.С. Кон и др. Этнопсихологические исследования А.О. Бороноева, А.А. Бучек, Т.Ц. Дугаровой, Т.Ц. Тудуповой, А.П. Оконешниковой, Р.Д. Санжаевой, В.Ю. Хотинца и др. раскрывают значение этнического сознания, самосознания и исторического сознания в процессе этнокультурной адаптации индивида. В рамках инструменталистского подхода причины конфликтов и этноцентризма видят именно в типах трансформации этнической идентичности относительно зоны «нормы» (Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко), при этом данные типы трансформации (гипо- и гиперидентичности) зависят, в свою очередь, от компонентов этнической идентичности, которые рассматриваются как глубокие внутренние «сущности», существующие сами по себе. Гипоидентичность является в данном контексте наиболее опасным и непредсказуемым видом, наравне с явно выраженным национализмом. Литотизированная этническая идентичность являет собой не прямой, скрытый, но более высокий и опасный уровень национальной напряженности и нетерпимости, чем гипертрофированная в совокупности с глубоким слоем агрессии.⁴³⁰

Как отмечает Л.М. Дробижина, распространение конструктивистского подхода к этничности обусловило переоценку исследователями роли самосознания в формировании этнической солидарности, которая начинает выполнять функцию «соединительной ткани». Таким образом, в рассмотрении этничности роль самосознания,

⁴²⁹ Федоринов Е.И. Формирование исторического сознания как фактор гуманитаризации образования // <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/fedornov1.htm>

⁴³⁰ См.: Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. С. 16–17.

идентичности существенно возросла⁴³¹. При этом, отмечает Л.М. Дробижева, в стремлении к снижению актуализации этничности ряд российских ученых и, прежде всего В.А. Тишков, стали акцентировать идею дрейфа идентичности, в том числе, и даже прежде всего, этнической идентичности и переключения внимания населения с этнической идентичности на осознание государственной – российской идентичности, подчеркивая значение этой общегосударственной идентичности и необходимость активных усилий по ее формированию⁴³².

Этническая идентичность и самосознание тем временем стали предметом рассмотрения как индикаторы межэтнической напряженности. Внимание к их содержанию, интенсивности выросло, так как они связываются с распространением идей национализма в значении приоритета интересов народа по отношению к интересам личности и стремления к максимально возможной самостоятельности (сепаратизм, сецессия). Социальная теория идентичности позволяет рассматривать корни межгрупповых конфликтов в определенном социальном и историческом контекстах. Преодоление структурно-функционалистского взгляда, связанного с понятием «нормы», возможно через феноменологический взгляд, представленный в психологии как гуманистический (Э. Фромм, Э. Эриксон). Социальная теория идентичности когнитивной психологии позволяет выйти на процесс категоризации, описанный социальными психологами А. Тэжфелом и Дж. Тернером. Критика и этого направления заключается в том, что здесь сохраняется когнитивистская точка зрения на категоризацию как психологический процесс. Третья, дискурсивная психология основана на критике когнитивной и берет свое начало с рассуждений Л. Витгенштейна о психологических состояниях как социальных действиях, а не как глубоких внутренних «сущностях», и в какой-то степени с теории социальной репрезентации С. Московичи, которую можно рассматривать как «сплав» когнитивизма и социального конструкционизма. Идентичность при этом также рассматривается как конструируемая⁴³³.

Основываясь на результатах проведенного нами исследования, мы пришли к согласию с точкой зрения, высказанной Е.А. Беляковой о том, что при описании социальных процессов, происходящих в современных трансформирующихся обществах, наиболее уместен взгляд на идентичность как на подвижную, множественную, ситуативную и контекстуальную категорию. Идентичность выступает не как состояние, которое анализируется когнитивной психологией, а как процесс идентификации, который исследуется в рамках дискурсивной психологии.

Как утверждает Ю.В. Ставропольский, «социально-психологическая ситуация любой этнокультурной группы населения характеризуется необходимостью примирить три основных условия: культуру собственной этнической группы, социальный статус меньшинства общества, большинство общества или социальный и культурный “мейнстрим”. В соответствии с этими условиями, стойкая этнокультурная идентичность призвана выполнять следующие функции: поддерживать у индивидуальной личности ощущение принадлежности к группе, защищать личность индивида от

⁴³¹ См.: Дробижева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности// Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 9–10.

⁴³² См.: Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность... 2006. С.11–12.

⁴³³ См.: Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России. ...

психологического стресса, вызванного существованием в обществе этнических предрассудков и дискриминации по этническому признаку, служить основой для установления связей с остальным обществом»⁴³⁴. Как отмечает автор, отрицание собственной принадлежности индивида к этнокультурной группе, презрение к ней сопровождаются переживанием тревоги и неуверенности. Для таких личностей возникает психологическая проблема, вызванная зависимостью их представлений от конкретной внешней структуры, которая лишает этих индивидов гибкости, необходимой для того, чтобы увидеть, что несет с собой изменение привычных контекстных условий. Личный опыт столкновения с предрассудками, авто- и гетеростереотипами, дискриминацией заставляет подростков пересмотреть не осмыслившиеся ими ранее этнокультурные установки и смысл этногрупповой принадлежности. Такой опыт способен ввергнуть подростка в кризис идентичности.

Конструирование этнокультурной идентичности в современном обществе обусловлено значением и влиянием на процесс социализации и инкультурации личности традиций, религии и языка. По мнению Е.В. Петровой, значимое влияние на уровень социального самочувствия этногруппы оказывают этнокультурные традиции, стереотипы сознания, этническая дистанция между этническими группами и продолжительность межэтнического взаимодействия⁴³⁵.

Традиция как способ социокультурной адаптации выражает момент преемственности и устойчивости как в социализации, так и в инкультурации при передаче социального и культурного наследия от поколения к поколению. Традиции включают в себя объекты (материальные и духовные ценности), процессы и способы социокультурного наследования. «В качестве традиции выступают определенные культурные образцы, институты, нормы, ценности, идеи, обычаи, обряды, стили и т. д.»⁴³⁶.

Проблема традиций, особенно в контексте ее взаимосвязи с инновациями и различными формами модернизации в постсоветской России («шоковая терапия», «разумный консерватизм»), является сложной и остро политической⁴³⁷. «В сущности, речь идет о соперничестве за утверждение определенных ценностей и культурных образцов, которые имеют традиционное и инновационное измерение, – отмечает А.Б. Гофман, руководитель исследовательского проекта РГНФ «Традиции и инновации в постсоветской России. Культурные особенности взаимодействие, динамика» – Борьба за прошлое становится составной частью борьбы за настоящее

⁴³⁴ Ставропольский Ю.В. Кросс-культурная адаптация и идентичность // Специализированный информационно-образовательный портал «Гуманитарные науки» в рамках Федеральной целевой программы «Развитие единой образовательной информационной среды» // http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=3625&PHPSESSID=2d8b3ae471e5bbcf6b717e517a29dde0

⁴³⁵ См.: Петрова Е.В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири: особенности развития в условиях трансформации современного российского общества: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Улан-Удэ, 2008.

⁴³⁶ Культурологическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. М., 2007. С. 721.

⁴³⁷ См.: Абрамова М.А., Костюк В.Г. Роль традиций в социокультурной адаптации молодежи (по материалам конкретных исследований в Республике Саха) // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации. Мат-лы межд. науч. практ. конф. Новосибирск, 2010. С. 925–932.

и будущее».⁴³⁸ По его мнению, «одним из аспектов рефлексивной модернизации в российском обществе сегодня должна стать рефлексивная традиционность (выделено А.Г.), предполагающая постоянное осмысление и анализ роли традиций и традиционности, их взаимодействие с инновационными процессами, понимание их сложности и неоднозначности»⁴³⁹. Одной из форм такой традиционности выступает социокультурный неотрадиционализм, который представляет собой взаимообусловленный процесс, с одной стороны, непрерывного воспроизводства традиции, с другой – ее адаптации к современным условиям за счет инкорпорации новаций⁴⁴⁰.

Религия как более сложное культурное образование рассматривается как высший уровень человеческой культуры, вобравший в себя более чем тысячелетний опыт обращения человека и человечества к Творцу. С позиции идеалистической философии религиозность рассматривалась как одна из важнейших составляющих самосознания личности в субъективно-идеалистических (У. Джеймс⁴⁴¹), биологизаторско-психологических (С. Гроф⁴⁴²; З. Фрейд⁴⁴³), антропологических (Б. Малиновский⁴⁴⁴, Д. Фрейзер⁴⁴⁵), социологических (Э. Дюркгейм⁴⁴⁶ и др.) концепциях.

Несмотря на то, что философы, придерживающиеся материалистических взглядов на природу религии, объявляли себя атеистами, они также отмечали влияние религиозности на личность человека⁴⁴⁷. Особенно явственно данная зависимость прослеживается в работах французских философов-материалистов XVIII в. (Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Ламетри, Мелье и др.⁴⁴⁸). Существенный вклад в развитие психологических основ религии внес немецкий философ XIX в. Людвиг Фейербах.⁴⁴⁹

Позже диалектический материализм Маркса и Энгельса поставил перед собой задачу теоретического обоснования специфики религиозного сознания, отвергая любое богословско-мистическое объяснение религии.

Отечественные исследования религиозности человека также велись в двух направлениях.

Периодом расцвета русского богословия можно считать начало XX в., когда в среде русской интеллигенции получили свое дальнейшее развитие идеи Канта

⁴³⁸ Гофман А.Б. Традиции и инновации в постсоветской России: культурные особенности, взаимодействие, динамика // Вестник РГНФ. 2008. № 4. С. 109.

⁴³⁹ Там же. С. 110.

⁴⁴⁰ См.: Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): Дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.

⁴⁴¹ См.: Джеймс У. Психология. М., 1991.

⁴⁴² См.: Гроф С. Священное и профанное // Психология религиозности и мистицизма: Хрестоматия/Сост. К. В. Сельченко. Минск; М., 2001. С. 247–292.

⁴⁴³ См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М., 1989. С. 102–176.

⁴⁴⁴ См.: Малиновский Б. Магия, наука и религия // Магический кристалл. Сборник. М., 1992. С. 84 – 99.

⁴⁴⁵ См.: Фрейзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983.

⁴⁴⁶ См.: Дюркгейм Э.О. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

⁴⁴⁷ См.: Храмова К.В. Особенности самосознания современной молодежи с различной религиозной ориентацией: Дисс. ... канд. филос. наук. Уфа, 2004.

⁴⁴⁸ См.: Да скроется тьма: Французские материалисты об атеизме, религии и церкви. М., 1976.

⁴⁴⁹ См.: Фейербах Л. Сущность христианства. М., 1965.

(Н.А. Бердяев⁴⁵⁰, С.Н. Булгаков⁴⁵¹, Н.О. Лосский⁴⁵², В.В. Розанов⁴⁵³, В.С. Соловьев, П.А.Флоренский, С.Л. Франк и др.). По-разному они приходят к общей мысли о помощи религии в осознании жизненных целей, поиске смысла жизни, решении предельных вопросов человеческого бытия. Материалистическое трактование феномена религиозности представлено в трудах революционных демократов России (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, Н.Г. Чернышевский и др.)⁴⁵⁴.

Современные научные труды как отечественных, так и зарубежных авторов разграничивают два определения религиозности: религиозность, символизирующая духовность (как возвышенное и осознанное принятие законов природы, жизнь в согласии с некоей высшей инстанцией, контролирующей существование всего человечества), и религиозность, признающая существование определенного бога, который един, проповедует послушание и выполнение всех религиозных ритуалов и традиций, обладает культом, противопоставляющим себя всем остальным вероисповеданиям). И, соответственно, признается двойственное влияние религиозности на сознание человека (Р. Аллен, Ж. Аллпорт, Б. Рассел, М. Рокич).

История религиозного воспитания выявляет наиболее значимый контекст, в котором влияние религии на процесс этнокультурной адаптации современной молодежи невозможно не оценить, – это рассмотрение роли религии в формировании психосемантического пространства становления личности, а также ее влияние на ценностную иерархию, мировоззрение индивида.

В рамках идеи мультикультурализма в России этническая идентификация каждого народа дополняется гражданской (государственной) и цивилизационной идентичностью. При свободном развитии всех языков, этнокультурных традиций и обычаев возрождаются стержневая базовая культура и язык, связывающий все пространство цивилизации.

При исследовании этнокультурной адаптации молодежи важно изучить не только то, как влияет уровень сформированности этнического, гражданского самосознания на степень адаптированности молодежи и на выбор ею стратегий аккультурации, но и, в конечном итоге, важно проанализировать предпосылки, обусловившие современные социальные контексты и выявить современные тенденции и механизмы конструирования и содержательного наполнения идентичности представителей различных этнических групп в мультикультурном обществе.

Некоторые проблемы этнокультурной адаптации русского населения Республики Саха (Якутия) проанализированы в работе Т.П. Петровой⁴⁵⁵; отчасти вопросы этнокультурной адаптации затронуты в исследованиях Д.Г. Брагиной⁴⁵⁶,

⁴⁵⁰ См.: *Бердяев Н.* О фанатизме, ортодоксии и истине // *Философские науки* 1991. № 8. С. 121–128.

⁴⁵¹ См.: *Булгаков С.* Православие: очерки учения православной церкви. М., 1991.

⁴⁵² См.: *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.

⁴⁵³ См.: *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 2001.

⁴⁵⁴ См.: *Я верую в разум.* Народники революционеры об атеизме и религии. Л., 1989.

⁴⁵⁵ См.: *Петрова Т.П.* Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации. Якутск, 2004.

⁴⁵⁶ См.: *Брагина Д.Г.* Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия): 70–90-е гг. XX в. Новосибирск, 2005.

Е.П. Тимофеевой⁴⁵⁷, С.В. Рыжовой⁴⁵⁸, Е.И. Уфимцевой⁴⁵⁹. А.Г. Попова анализировала взаимосвязь этнической идентичности и социальной адаптации в Якутии.⁴⁶⁰ Е.П. Тимофеева исследовала особенности межэтнических отношений саха и русских подростков, проживающих в одном геоисторическом пространстве. С.В. Рыжова выяснила, какова степень этнической дистанции и границ глазами русских и саха в республике. Е.И. Уфимцева изучала межэтническое взаимодействие в процессе социокультурной идентификации личности на примере якутских студентов⁴⁶¹.

Хотя этнокультурная адаптация как элемент (момент) социальных процессов затрагивается во многих, в том числе рассмотренных нами выше, исследованиях, собственно этнокультурной адаптации посвящено немного исследований.

В Сибири эти исследования проведены в начале 2000-х гг. как составная часть интеграционного проекта «Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы и результаты», объединившего археологов, этнографов, историков, филологов, социологов (координатор проекта акад. РАН Н.Н. Покровский). Хронологически проект охватывает период от появления человека на территории Сибири до начала XXI в. и продолжается фактически специалистами разных областей гуманитарной науки, в той или иной мере касаясь этнокультурного аспекта в изучении широко понимаемого процесса адаптации человека и общности к той или иной среде. В изданном по материалам данного проекта сборнике работ⁴⁶² непосредственное отношение к процессам этнокультурной адаптации имеют статьи Д.Г. Коровушкина⁴⁶³, Е.А. Тюгашева⁴⁶⁴, И.В. Удаловой⁴⁶⁵, Д.Г. Коровушкин рассмотрел хозяйственно-культурное взаимодействие европейских переселенцев (чувашей) в Сибири с местным населением и изменения в их хозяйстве и материальной культуре (как критерий адаптированности). Е.А. Тюгашев, анализируя по материалам СМИ (печать, интернет) роль религиозного фактора в жизни национально-культурных автономий в Югре, в качестве критериев адаптированности мигрантов определяет характер межэтнических отношений. И.В. Удалова критерием адаптированности считает сходство ценностей, в том числе религиозных, у абorigенов и русских, что и обеспечивает совместимость культур.

⁴⁵⁷ См.: Тимофеева Е.П. Особенности межэтнических отношений саха и русских подростков, проживающих в одном геоисторическом пространстве (Республика Саха) // Развитие личности. 2000. № 3-4. С. 125–156.

⁴⁵⁸ См.: Рыжова С.В. Этническая граница глазами русских в республиках и областях Российской Федерации // Социальная и культурная дистанция. М., 1998. С. 290–307.

⁴⁵⁹ См.: Уфимцева Е.И. Межэтническое взаимодействие в процессе социокультурной идентификации личности: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004.

⁴⁶⁰ См.: Попова А.Г. Молодежь Севера: этническая идентичность и особенности социальной адаптации // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1. С.26–31.

⁴⁶¹ См.: Уфимцева Е.И. Межэтническое взаимодействие в процессе социокультурной идентификации личности...

⁴⁶² См.: Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003.

⁴⁶³ См.: Коровушкин Д.Г. Факторы этнокультурной адаптации поздних переселенцев в русскоязычной среде Западной Сибири (на примере чувашской сельской диаспоры) // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. С. 61–71.

⁴⁶⁴ См.: Тюгашев Е.А. Этноконфессиональная адаптация мигрантов в современной Югре // Там же. С. 117–126.

⁴⁶⁵ См.: Удалова И.В. Православные ценности в адаптационных процессах и межэтнических отношениях народов Евразии (на примере народов Югры) // Там же. С. 127–139.

Некоторые сюжеты, которые можно отнести к этнокультурной адаптации, содержатся также в исследованиях сибирских историков, философов, социологов по программе «Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России», основные результаты которых обобщены в материалах Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.)⁴⁶⁶. В обзорной статье В.А. Ламина и О.Н. Шелегиной проанализированы наиболее важные итоги исследований по подпроектам, среди которых имеют отношение к этнокультурной адаптации публикации С.Ю. Лепехова (тема «Буддизм и социокультурная адаптация личности в трансформирующихся обществах»), Е.К. Алексеевой (проект «Традиционные культуры коренных народов Якутии: адаптационные механизмы и трансформации в эпоху глобализации»), М.А. Абрамовой (проект «Социокультурная адаптация студенческой молодежи к условиям современных трансформаций (на примере г. Якутска)»). В.А. Ламиным и О.Н. Шелегиной сделан очень важный вывод о том, что ныне «адаптацию следует понимать как некоторый паттерн неявного знания, пронизывающий все три уровня реальностей: глубинной, поверхностной и межличностной intersубъективной, который связан с основами сохранения жизни как биологического и социального феномена»⁴⁶⁷. По сути, речь идет о необходимости рассмотрения адаптации как целостного явления на основе междисциплинарного подхода, что мы и реализуем в данной монографии применительно к социокультурной адаптации, исследуемой путем интеграции социологического, социально-психологического и психологического подходов по единой методике. Именно этого – единства методике – не хватает, как правило, упоминаемым выше всесибирским интеграционным проектам, которые все же более продуктивны в научном и практическом плане, чем монодисциплинарные.

К проблематике этнокультурной адаптации относятся статьи некоторых авторов сборника по итогам вышеупомянутой научно-практической конференции: Е.А. Ерохиной о стратегии адаптации традиционной культуры; Г.А. Ноздрина о взаимоотношениях переселенцев с аборигенным населением Сибири в конце XIX–начале XX вв.; Я.В. Кальминой об интеграции польских, еврейских и татарских диаспор в сибирский социум в дореволюционный период; А.Х. Элерта о взаимовлиянии русской и аборигенной культур на Камчатке⁴⁶⁸.

То есть многие стороны этнокультурной адаптации населения Сибири в различных временных и пространственных координатах изучены, однако, во-первых, в палитре исследований весьма слабо представлен социологический аспект, а, во-вторых, не исследован данный процесс как целостный в системе иных видов адаптации.

По народам Южной Сибири (республики Алтай и Тыва) отчасти этот пробел заполнили исследования З.В. Анайбан и С.П. Тюхтеновой⁴⁶⁹, эмпирическую основу которых составили этносоциологические опросы 2006 г. Этнокультурная адаптация по-

⁴⁶⁶ См.: *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* Новосибирск. 2008.

⁴⁶⁷ Там же. С. 9–10.

⁴⁶⁸ Там же. С. 38–39, 61–63, 73–74, 86–90.

⁴⁶⁹ См.: *Анайбан З.В., Тюхтенова С.П.* Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008.

нимается ими как процесс приспособления адаптантов к преобразованиям в сфере культуры, т. е. как инкультурация. Анализируются современное состояние культуры в республиках и отношение представителей разных этносов к этим преобразованиям. Основными компонентами (и индикаторами) адаптационных процессов принимаются язык и религия. Важное место в их исследовании занимает изучение взаимосвязи этнической идентичности и адаптации. Другие факторы адаптации – состояние межэтнических и межконфессиональных отношений на местах, отношение к современным реформам, к изменениям в сфере культуры. Ими, в частности, отмечена существенная значимость, особенно для так называемых титульных национальностей, этнического фактора в адаптации: «для многих этническая солидарность стала опорой и психологической поддержкой в сложный трансформационный период»⁴⁷⁰. К числу основных факторов, способствующих адаптации к новым реалиям жизни, З.В. Анайбан отнесены: в целом благоприятное отношение жителей Тывы к трансформационным процессам (что не согласуется с другими исследованиями⁴⁷¹), межэтническая толерантность, удовлетворенность отдельными аспектами жизни (уровнем образования, работой, положением в обществе). Ограничивают адаптационные процессы в сфере культуры: недоступность культурных благ для сельского населения, неудовлетворенность сельских жителей работой культурно-бытовых учреждений. «Сложно вести речь о какой бы то ни было культурной адаптации на селе, где до минимума сведены бывшие “деревенские радости”» – отмечает З.В. Анайбан⁴⁷². А поскольку основная часть тувинского населения проживает в селах, то, как нам кажется, проблематично утверждать о «благоприятном отношении жителей республики к трансформационным процессам»⁴⁷³ (и этнокультурным в частности).

Т.П. Петрова, исследуя этнокультурную адаптацию русского старожильческого населения Республики Саха (Якутия), понимает ее как синоним этносоциальной адаптации, т. е. «приспособляемость того или иного этнического социума к окружающей среде»⁴⁷⁴. Одним из важнейших критериев адаптированности она считает характер миграционных установок, и на основе социологических опросов, приведенных сотрудниками ИЯЛИ АН РС(Я) в 1999 г., делает вывод, что «русские уроженцы и те, кто прожил в республике более 10 лет, гораздо лучше мигрантов последнего десятилетия адаптированы к иноэтничной среде»⁴⁷⁵. Немаловажную роль в миграционных установках русских в Якутии играют политические факторы (объявления суверенитета), коренизация кадров в государственном управлении, сферах науки, образования, здравоохранения. В то же время знание якутского языка, взаимоучастие в развитии этнических традиций, в проведении традиционных праздников и других культурных мероприятий способствует адаптации русского населения, формированию регионального самосознания, наряду с общероссийским и русским.

⁴⁷¹ Там же. С. 134.

⁴⁷² См., например: Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тузужекова В.Н. Этноссы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск, 2003.

⁴⁷³ Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири... С. 32.

⁴⁷⁴ Там же. С. 33.

⁴⁷⁵ Петрова Т.П. Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации // Сб. науч. тр. Якутск, 2004. С. 119.

⁴⁷⁶ Там же. С. 123

В целом же проблемы этнокультурной адаптации как в полиэтничной Сибири в целом, так и во всех северных регионах, включая Якутию, изучены пока недостаточно глубоко, фрагментарно, монодисциплинарно, как правило, по различным методикам.

В нашем междисциплинарном исследовании основное внимание уделялось таким факторам этнокультурной адаптации как этническое самосознание, самоидентификация, установки в межэтнических отношениях, этнические традиции, религия, владение языком. Рассмотрим более подробно их в следующих параграфах.

§ 4.2. Исторические предпосылки формирования этнического самосознания молодежи Якутии

Анализируя особенности этнокультурной адаптации молодежи Республики Саха (Якутия) в современных условиях, необходимо отметить важные исторические аспекты рассматриваемой темы. Традиционно мы воспринимаем северян, как поликультурное сообщество с доминирующим постфигуративным типом культуры (по М. Мид), когда «прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей»⁴⁷⁶. Основная черта традиционной культуры – стабильность, которая обуславливает сохранение обычаев предков. Ее «традиционность» предполагает однородность, упорядоченность и безапелляционность тех требований, которые предъявляет культурная общность к своим представителям, регламентируя каждый шаг индивида от рождения до смерти⁴⁷⁷.

Изучение же истории освоения Севера свидетельствует о насыщенной динамике движения миграционных потоков различных этнических групп, начиная с XIII–XIV вв., когда предки якутов (огузы, курыканы, урянхайцы) проникали на территорию Якутии несколькими волнами. Как пишет Ф.Г. Сафронов, анализируя различные точки зрения на происхождение якутов и отмечая отсутствие общей концепции, «якутская общность сложилась как результат длительных историко-культурных и этнических связей тюрков, монголов и тунгусов, при преобладании первых»⁴⁷⁸. И.Е. Зыков на основе изучения археологических памятников якутов XVI–XVIII вв. установил, что якуты как этническая общность сформировались не позднее XVI в. на территории, которую они занимали ко времени открытия «Ленской земли» русскими землепроходцами.⁴⁷⁹ Г.Н. Максимов отмечает, что «тюркоязычные племена со значительным влиянием монгольского элемента вобрали здесь некоторые охотничьи и оленеводческие термины тунгусов. Вследствие такой сложной смеси языков и культур образовался скотный и лошадный народ саха ... особенности природопользования саха и тунгусского населения обусловили их бесконфликтное проживание. Саха расселялись по речным долинам и таежным лугам (аласам), а тунгусы кочевали по тайге»⁴⁸⁰. Но историк С.И. Боякова не согласна с мирной версией прихода тюркоязычных племен на территорию Якутии: «Приход предков якутов на Среднюю

⁴⁷⁶ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 322.

⁴⁷⁷ См.: Татарко А.Н., Козлова М.А., Лебедева Н.М. Психологические исследования социокультурной модернизации. М., 2007. С. 16.

⁴⁷⁸ Сафронов Ф.Г. Древний и средневековый Северо-Восток Азии. Якутск, 1992. С. 59–60.

⁴⁷⁹ См.: Зыков Е.И. Археологическое изучение Якутии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Якутск, 1973.

⁴⁸⁰ Максимов Г.Н. Родная Якутия: природа, люди, природопользование. Якутск, 2003. С. 46.

Лену в XIII–XIV вв. заставил тунгусские роды отойти к западу и востоку от этой реки, а также продвинуться в ее низовья»⁴⁸¹. Д.Г. Брагина отмечает, что период до прихода русских характеризуется как «кыргыс уйэтэ» (век войн)⁴⁸². А И.И. Майонов пишет, что в бассейне Олекмы к приходу русских обитало якутское племя меитцев, но «исконными обитателями Олекминского края были тунгусы... Якуты появились близ устья реки Олекмы очень поздно – приблизительно в первой четверти XVII века».⁴⁸³ Косвенно о трагических событиях истории тунгусских народов свидетельствуют и некоторые литературные произведения современных авторов. Так, одним из последних произведений юкагирского поэта Улуро Адо стала поэма-монолог оленьего пастуха «Гул северного сияния». По одному-единственному слову старика-юкагира поэт воссоздает исторические глубины прошлого своего народа. Древнее название северного сияния – «алайи лачипа» («алайские огни»), мелькнувшее в устах старика, поведало о предках юкагириков – алайцах, трагически исчезнувших в глубине веков. Алайцев звали «людей не обижающими». Но доброта и доверчивость погубили этот народ, «бедное племя добра». Огнем подоженных на тонком льду нарт и своих вещей они хотели защититься от врага и преградить ему путь, но не успели достигнуть берега: разбитый лед провалился:

И никто из алайцев
 Не смог доползти до земли,
 И холодное дно
 Стало ложем последним для них⁴⁸⁴.

Таким образом, до прихода русских Якутия не представляла собой мирное полиэтническое сообщество, в котором доминировал постфигуративный тип культуры. Конечно, традиции в рамках определенного племени соблюдались, и мы можем говорить о доминировании патриархального уклада в каждой отдельно взятой этнической общности, но в то же время миграционные волны, приводящие к смене мест поселения, заставили этническое сообщество выработать уникальный механизм социокультурной адаптации, который был наиболее эффективным при опоре на кофигуративный тип преемственности. Мы могли бы его сформулировать так: «Учись у тех, кто выживает и кто успешнее справляется с возникшими проблемами, адаптируйся, не забывая о главных ценностях культуры». И этот механизм прошел испытание не только в период «кыргыс уйэтэ» (век войн), но и впоследствии, когда Якутия вошла в состав России.

Как отмечает Д.Г. Брагина, российская государственность начинает влиять на формирование мировоззрения коренного населения Якутии с появлением русских. Ф.Г. Сафронов, рассматривая принципы управления Северо-Востоком Азии в составе России, подчеркивает распространение на этой территории государственного пра-

⁴⁸¹ Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии. Новосибирск, 2001. С. 16.

⁴⁸² Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия): 70–90-е гг. XX в. Новосибирск, 2005. С. 15.

⁴⁸³ Майонов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912. С. 79; цит. по: Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия)... С. 15.

⁴⁸⁴ Цит. по: Сивцева Н.С. Лирическое и эпическое в юкагирской поэзии (Г. Курилов – Улуро-Адо) // Литература народов Севера Якутии. Якутск, 1990. С. 108.

вопорядка, прежде всего в области государственного управления⁴⁸⁵. О появлении русских Г.Н. Максимов пишет, что «первым русским человеком, побывавшим в Якутии, является мангазейский казак Пантелей Демидович Пянда. Мангазея была важным опорным пунктом русских. Мангазейцы, прослышав от местных тунгусов о существовании на востоке большой реки, в 1619 г. снарядили 40 казаков и под руководством П. Пянды отправили на поиски той реки»⁴⁸⁶. Однако у Н. Карамзина мы находим следующее упоминание о присутствии русских на территории Сибири: «Как данники монголов, узнав в XIII веке юг Сибири, мы еще ранее, как завоеватели, узнали ее северо-запад, где смелые новгородцы уже в XI веке обогащались мехами драгоценными»⁴⁸⁷. В 1525 г. была издана «книга итальянца Паоло Джавио “Jubellus de legatione Basillii ad Clementem VII” (Книга о посольстве Василия к Клименту VII), где приводились сведения русского посланника Дмитрия Герасимова о возможности плавания Северным Ледовитым океаном в Китай»⁴⁸⁸. В 1555 г. «в титуле Ивана IV в грамотах к иностранным монархам появились слова: “И всеа Сибирския земли повелитель”»⁴⁸⁹. И если понятие «Сибирь» недостаточно точно определяет масштабы проникновения русских на Север, то «описание всех земель от Байкала до моря Корейского, быв в улусах Черной, или Западной Мунгалии», которое было сделано Иваном Петровым и Бурнашем Ялычевым в 1567 г. по возвращении из Пекина⁴⁹⁰, не оставляет сомнений, что русские на территории Якутии появились несколько ранее, чем в XVII в.

Уже в 40-х гг. XVII в. русских насчитывалось в Якутии 4,5 тыс. чел., в конце XVIII в. – 8 тыс. чел., а в конце XIX в. – 27927 чел.⁴⁹¹ Как указывает Д.Г. Брагина, численность русского населения росла медленно: «По данным переписи 1897 г., русских в Якутской области было 30480 чел., а совместно с украинцами и белорусами – 30807 чел., или 11,4 % от общей численности населения. В Олекминском округе русские составляли 64,8 %; Якутском – 25,2; Колымском – 4,6; Вилюйском – 2,9; Верхоянском – 2,5 %. Всего в сельской местности проживали 86,2 % из общего числа русских, в городах 13,7 %. К 1917 г., по данным “сельскохозяйственной переписи” населения, общая численность русских Якутской губернии несколько сократилась и составляла примерно 27,2 тыс. чел., или 10,3 % от всех ее жителей»⁴⁹². Сокращение численности русского населения имело как формальные причины, связанные с изменением границ Якутии, когда к Иркутской области отошел район Бодайбинских зо-

⁴⁸⁵ Цит. по: Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия)... С. 19.

⁴⁸⁶ Максимов Г.Н. Родная Якутия: природа, люди, природопользование ... С. 47.

⁴⁸⁷ Карамзин Н. История государства Российского. М., 1997. Т. 9. С. 476.

⁴⁸⁸ Боякова С.И. Освоение Арктики... С. 66.

⁴⁸⁹ Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 27.

⁴⁹⁰ Карамзин Н. История государства Российского. ... С. 477.

⁴⁹¹ Цит. по: Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия)... 2005. С. 20; Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, приморская обл. и остров Сахалин. С. 715.

⁴⁹² Цит. по: Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия)... С. 20; Романов И.Г. Формирование русского населения Якутии (1917–1941 гг.): Историко-демографический очерк. Якутск, 1998. С. 3–4.

лотых приисков с русским населением, так и с миграцией населения, оттоком из Якутии сектантов, чиновников, ссыльных и других категорий русских жителей.

Совместное проживание народов Севера, якутов и русских обуславливает взаимопроникновение поведенческих моделей, традиций, языковых формул, особенностей мировоззрения и религий.

Врач Н. Попов в начале XX в., описывая образ жизни, питания и болезни якутов, пишет, что «якутское население, живущее в городе, сильнее и выносливее деревенского. Это странное явление будет вполне понятно, если обратить внимание на образ жизни и условия питания якута городского и деревенского».⁴⁹³

Как отмечает С.В. Бахрушин, процесс вовлечения якутов в условия русского быта был гораздо глубже и разностороннее. С другой стороны, Ф.Г. Сафронов считает, что усвоение русскими элементов материального быта и духовной культуры аборигенов Северо-Востока «являлось результатом разумного приспособления к местным условиям... Со своей стороны, немногочисленное русское население, проживавшее в... городах, оказывало благотворное влияние на окружающее местное население, а города являлись в какой-то мере цивилизующими центрами».⁴⁹⁴ Как отмечает историк, цивилизующее значение для коренного населения имела и торговля, являвшаяся одним из средств связи постоянного русского населения с местными жителями и расширения натуральных устоев хозяйства и патриархального быта аборигенного населения⁴⁹⁵. Г.Н. Максимов указывает, что якуты до прихода русских больше занимались коневодством, чем разведением скота⁴⁹⁶, а разводить карасей и готовить их они научились благодаря влиянию политссыльных (П.С. Троев⁴⁹⁷). Грибы же и ягоды не рассматривались как ценное пополнение рациона питания местных народов. Собирать их и готовить они также научились с приходом русских (П.С. Троев⁴⁹⁸). Таким образом, воздействие русской культуры на культуры местных народов сказалось в том, что одни ее элементы были интегрированы, другие же приобрели этническое своеобразие. Огромное влияние на развитие культуры земледелия у местных народов имело переселение общин староверов в Якутию, что являлось формой ссылки по религиозным мотивам.

Можно предположить, что отношение к различным конфессиям на Севере было плюралистичным. Традиционное представление о том, что обращение в христианскую веру было насильственным для якутов и народностей Севера, не всегда поддерживается историками. В 1720 г., как указывает Г.Н. Максимов, царским указом вводятся льготы в уплате ясака (по-современному, налога) якутам и другим северным народам, добровольно принявшим христианство. Уже в следующем году начали креститься наиболее хитроумные князцы, которые дали пример своим сородичам. О последствиях этого процесса С.В. Бахрушин пишет: «московское правительство в XVII в. не только не было заинтересовано в широком распространении христианства,

⁴⁹³ Попов Н. О якутах. Их образе жизни, питании и болезнях. Якутск, 1910. С. 3.

⁴⁹⁴ Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 219.

⁴⁹⁵ Там же. С. 222

⁴⁹⁶ Максимов Г.Н. Родная Якутия: природа, люди, природопользование... С. 51.

⁴⁹⁷ См.: Троев П.С. Влияние ссыльных народников на культурную жизнь Якутии – 60–90-е годы XIX века. Якутск, 1998.

⁴⁹⁸ Там же.

а, наоборот, исходя из экономических соображений, боролось против перехода ясачных людей в русскую веру, не без основания опасаясь ущерба ясачных сборов, поскольку новокрещенцы, как общее правило, вместе с переменной веры меняли свое занятие звероловством на занятия русских людей. Поэтому крещению якутов и других ясачных людей ставились всевозможные препятствия».⁴⁹⁹

Таким образом, «царское правительство накрепко запрещало своей местной администрации всякое засилье в деле христианизации. Поэтому принятие христианской веры якутами и некоторыми представителями других народов края было делом столь же добровольным, сколь и итогом мудрой религиозной политики, а также преданной работы миссионеров».⁵⁰⁰ Следует признать, что христианская вера так и не успела «войти в кровь и плоть» вновь обращенных. Как отмечает Г.Н. Максимов, якутам, как и всем степнякам, свойственна веротерпимость: «... в якутских селах принимают миссионеров всех конфессий, в том числе и, несомненно, зловредных, достаточно равнодушно», стремление же поддержать еще одного представителя новой конфессиональной группы скорее связано с желанием получения дополнительной защиты: «А кто его знает, может быть, она действительно чего-нибудь стоит? Во всяком случае, не навредит»⁵⁰¹. Это выражение как нельзя лучше иллюстрирует характерную черту северной культуры как самоорганизующейся системы, на что обращает внимание У.А. Винокурова: «Философия духовности оберегает культуру от поглощения, самоуничтожения и морального падения. Это всепобеждающий дух, в критические периоды светящийся в конце туннеля и указывающий путь к спасению».⁵⁰²

В трудах Р.И. Бравиной, У.А. Винокуровой, В.Н. Иванова, П.А. Слепцова и других можно найти комплексное видение системных связей трудовой деятельности и духовных форм общения на уровне этнокультурных традиций народа. Но больше всего исследователи останавливают взор на духовной стороне культуры. Духовность выступает как органически системообразующая заданность. О духовности как востребованной общности социальных императивов пишут филологи П.А. Слепцов и Т.И. Петрова.⁵⁰³

В рамках изучения условий этнокультурной адаптации молодежи в современном обществе важно проследить, насколько ценна роль этнических представлений о том, каким должен быть человек, как должен быть организован процесс воспитания и подготовки личности к будущей жизни, какие моральные, гуманистические представления скрыты в традициях этнических групп, проживающих в Якутии. Народ как творец и создатель хранит в своей памяти методы и приемы воспитания человека. Воспитание человека – процесс, который, в конечном счете, можно представить как со-

⁴⁹⁹ Бахрушин С.В. Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к Русскому государству // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск, 1955. С. 49–70.

⁵⁰⁰ Максимов Г.Н. Родная Якутия: природа, люди, природопользование ... С. 64.

⁵⁰¹ Там же. С. 65.

⁵⁰² Винокурова У.А. Философия духа и развитие народов Якутии // Человек, общество, культура. Не-рюнгри, 1998. С. 53.

⁵⁰³ См: Петрова Т.И. Духовность народа – в его истории и культуре // Вестник Академии духовности РС(Я). Якутск, 1996. № 2; Слепцов П.А. Якутский литературный язык: истоки. Становление норм. Новосибирск, 1986.

кращенное воспроизведение истории человеческого опыта конкретного общества применительно к жизненной перспективе отдельных индивидов.

Основным критерием эффективности воспитательных усилий общества является интериоризация (обращение этих усилий «внутри» личности в процесс самоуглубления, на мир переживаний и чувств) положительных идеалов в сознании молодежи и всех людей. А механизм этой интериоризации заключается: а) в поиске реальных образцов для подражания; б) в разработке характера представлений о путях реализации идеалов.

Как пишет Б.Н. Попов в книге «Философия воспитания», «жизнь человека – путешествие, идея, идеал – путеводитель. Нет путеводителя, и все останавливается. <...> Превращение идеала в действительность – процесс сложный и противоречивый, не гладкий и прямолинейный, чреватый трудностями. Забота общества в этом плане в том и заключается, чтобы сделать идеал органической частью массового сознания, мировоззрения народа, созидающего новое общество»⁵⁰⁴.

Каков же народный идеал человека? В работах И.С. Портнягина мы находим такое описание образа идеального для саха человека: «Человек солнечного улуса айыы – это понятие многозначное, включающее в себя привлекательную внешность, щедрую и отзывчивую душу, твердые моральные принципы, высокую духовность.<...> Это сын Природы. <...> Раньше юкагиры, якуты, эвены, эвенки жили разбросанно по всей тайге, по отдельным аласам, долинам рек, речек, и вся их жизнь зависела от милости Природы – Матери»⁵⁰⁵. Поэтому человек должен был жить в мире и согласии с природными силами. Законы совместного жития пронизывали все стороны материальной и духовной культуры. Системообразующим началом формирования этического знания и выражающих его нравственных понятий служила категория «добро». Все, что помогало человеку жить в мире с силами Природы, а как следствие, и с самим собой, поскольку человек воспринимался ее частицей, считалось моральным, нравственно-должным. Влияние традиций, фольклора этнокультуры на формирование личности выражалось в развитии мотивации и морального действия, когда человек осуществлял выбор между добром и злом не в силу императивной необходимости, а по собственному признанию и пониманию этой потребности. Развитая гуманная личность, по представлению саха «киһилии киһи» предполагает стремление к высшим идеалам правдивости, душевной гармонии, счастью и любви. Человек считает себя частью природы. «Из года в год усиливается любовь к родным местам, отчему дому, домашнему очагу, потому и называет он себя дитя природы “айыл•а о•ото”»⁵⁰⁶.

Личностным проявлением добра, обобщенным выражением добродетели на уровне индивидуального сознания выступает категория нравственного долга. Моральное долженствование – начало нравственной заданности человека, условие, мотив, побуждение к осуществлению нравственных поступков. Понятие долга означает внутреннее, исходящее из глубин сознания человека, моральное требование. Отличающихся своим умом, получивших всенародное признание людей называли «тиинг мэйии» – «сообразительный, как белка». Отзывчивость, мягкость, незлопамятство и отсутствие агрессии в характере человека также вызывало восхищение у народа саха;

⁵⁰⁴ Попов Б.Н. Философия воспитания. М., 2000. С. 16.

⁵⁰⁵ Портнягин И.С. Кто он, человек солнечного улуса айыы? // ИЛИН. 1999. № 1–2. С. 8–10.

⁵⁰⁶ Там же.

таких людей называли «сытыары сымна• ас кѳнѳ киһи» – замечательно чистый, мягкий, прямой по характеру человек.

В процессе развития ребенок проходил несколько этапов. Полноценной личностью признавалась лишь та, которая усвоила учение айыы. Необходимо отметить, что само учение воспринимается в настоящее время не всеми саха однозначно. Так Г.Н. Максимов пишет, что «религиозные верования якутов совсем затуманены, на чем спекулируют нынешние создатели религии, в частности так называемого учения Айыы: “Как и все апостолы (здесь в смысле распространители) нового вероучения они создают свое учение на пустом месте. Для пущей убедительности они умело используют мифологические представления народа, связанные преимущественно с попытками объяснения непонятных явлений”... В религиозных воззрениях якутов имеется сложная смесь остатков древнего тенгрианства в виде представлений об едином боге-создателе, язычество, с которого начинаются все религии, и шаманизм»⁵⁰⁷.

В рамках нашего исследования мы не ставим задачу по определению древности и структурированности учения *Айыы*. Для нас важны этические модели, представленные в данном учении, поскольку именно они являются основой формирования традиций, передаваемых из поколения в поколение уже в наши дни. Мы признаем, что внимание к данному учению в Якутии сейчас высоко, и является ли оно фактом проявления неотрадиционализма, или это одна из попыток создания нового учения на базе существующего мифа, в рамках изучения этнокультурной адаптации не столь значимо. Значимо только то, как оно влияет на сознание современной молодежи.

Учение *Айыы* включает в себя сведения о языке, материальной и духовной культуре, созданные народом. Философское осмысление данного учения приводит к мысли о том, что материальная и духовная культура всегда сохраняла национальное своеобразие. Учение *Айыы* всеохватно не только регулирует отношения с природой, но и определяет моральные устои общества. Имеется целая система правил (догм) поддержания души и ума в чистоте.

Так, в духовной области выделяются:

- система «чыычый» – безусловные воспитательно-запретительные сентенции, предназначенные для младшего возраста, включающие моменты отношения к природе;
- система «аньыы» – обучающе-воспитательные запреты, относящиеся к среднему и старшему возрастам.

Этические правила состоят в следующем:

1. Держись за правду – будь справедливым.
2. Не убивай, не разрушай.
3. Сохраняй чистоту своего жизненного пути, души своей.
4. Не жадничай, не воруй.
5. Не будь злопамятным, не зачинай распри.
6. Не увлекайся и не распространяй дурные привычки, порок.
7. Не спеши – поступай обдуманно.
8. Не распутничай.
9. Не бойся трудностей, будь целеустремленным.
10. Уважай старших, пользуйся их опытом.

⁵⁰⁷ Максимов Г.Н. Родная Якутия: природа, люди, природопользование... С. 64.

На основе данных принципов строилась система «*Кут-сюр*» – рекомендации, основанные на знании окружающего мира и природной среды. Носителями системы были народные мудрецы и шаманы. Фундаментальными понятиями учения Айыы являются – «*кут*» (жизненная суть) и «*сюр*» (душа – олицетворение живого начала). Словосочетание «*кут-сюр*» обозначает духовное содержание человека. *Кут* – сила, дающая жизнь. *Сюр* – сила, направляющая жизнь. Следовательно, эти силы обеспечивают цельность человека и служат морально-духовной основой его поведения. Когда человек совершает злое дело, грех против людей или природы, душа его перестает получать жизненную силу от добрых духов и в него вселяется злой дух, нечисть. Если человек плохо относится к земным духам (духам озер, рек, гор, лесов, животных и т. д.), не направляет свое сознание и дела на добро, не умоляет духов, в него вселяется злой дух *абаасы*. Все земные духи тесно связаны с верхними добрыми началами (духами) *Айыы*. Если человек делает недобрые дела по отношению к земным духам, от него отворачиваются и верхние добрые духи. Это противопоставление добра и зла пронизывает все содержание морали, объективно служит источником развития нравственной жизни. Добро – созидательное, а зло – разрушающее начало бытия. При всей своей отрицательности зло необходимо как условие моральной сравнимости, преодоления нравственных пороков, а значит, в конечном счете, созидания, нравственного прогресса. На ранних стадиях формирования общества ему было свойственно мифологическое мировоззрение, при котором обожествлялась природа. «Душой – *иччите*, как и тенью, может обладать всякий предмет, носящий на себе следы человеческой деятельности, душой обладают также утесы, горы, речки, леса». «Есть дух дерева, сена, цветов и т.д., звезды тоже обладают душой, хотя не все»⁵⁰⁸. В области познания экологический императив внедрялся в системе «*такайыы*», которая основывалась на безусловном доверии к старшим, на уважении опыта, который передавался из поколения в поколение. Якуты не считают человека владыкой природы. Наоборот, у них есть поговорка «Человек – земли соринка». Предки считали, что человек – часть природы и одновременно дитя природы. Состояние природы повторяется в его разуме, физическом теле.

Осознание главенства духовного над материальным лежит в основе психологии северного человека. Духовное начало обеспечивает сознательное ограничение потребностей, ведущее к бережному и экономному изъятию природного материала. Следовательно, учение *Айыы* было морально-духовной основой поведения каждого члена общества, а поэтому – всего общества, этноса. Выполнение этих норм поведения могло гарантировать устойчивое развитие общества. Можно считать это прообразом нравственного императива.⁵⁰⁹

Как социально-историческое явление, учение *Айыы* и сформировавшаяся на его базе концепция рекомендаций по жизнедеятельности *Кут-сюр* важны тем, что придают большое значение духовно-нравственному росту человека; приобщению детей к ценностям духовной культуры народа; созданию условий для развития ребенка как субъекта собственного жизнетворчества, оказанию помощи ребенку в развитии творческого потенциала, способностей, помощи в жизненном самоопределении, самореа-

⁵⁰⁸ Серошевский В.Л. Якуты. М., 1993. С. 643.

⁵⁰⁹ Более подробно о формировании идей гуманизма у народов Якутии см.: *Абрамова М.А. Идеи гуманизма в культуре и образовании Якутии. Якутск, 2003.*

лизации в семье, школе, окружающем мире. Этические критерии народа, осуждающие лень, жестокость, глупость, злобу, пошлость и утверждающие высокие нравственные качества – героизм, гуманность, любовь к родной земле, правдивость, оптимизм, – являются основой формирования и развития современной культуры народов Якутии. Выражая свое удовлетворение по поводу достойного поступка и давая ему оценку, старшие ссылались на народный обычай: *уруй-туску, дьол-соргу*. Укоряя молодого человека в неправильном или позорном поступке, они обычно задавали ему такой вопрос: «Хайдах дьон харадын таба кербеккун? Саат-суут дии!» – «Как ты после этого перед народом лицо свое покажешь? Стыд и срам!» Общественное мнение, понятие нравственного долга были серьезными воспитательными приемами. Родители убеждали детей в весомости общественного мнения и приучали уважать его, что свидетельствует о ценности коллективизма, характерной для тюркских культур. В устном моральном кодексе *Айыы* часто употреблялись и поныне употребляются наставления, выражающие заботу о нравственном облике не только индивидуума, но и народа в целом.

Высоко ценилось и дружелюбное отношение к другим нациям. Во многих якутских семьях воспитывались осиротевшие русские, эвенкийские дети, что можно назвать проявлением высокой культуры межнационального общения и народного гуманизма.

По мнению И.И. Поисеева, встреча древнетюркской культуры и северной аборигенной культуры взаимно обогатили одна другую. Предсоциалистическая северная цивилизация по своей духовности, анимистическому взгляду на природу, распространению и значению шаманизма представляла собой единую культуру⁵¹⁰. Учение *Айыы* якуты принесли со своей южной прародины, что, безусловно, доказывается сходством религий тюркоязычных народов Сибири – алтайцев, алтай-кижи, хакасов, шорцев, тофаларов, кумандинцев, телеутов, койбалов, сагайцев, качинцев, теленгитов⁵¹¹.

Эвены, эвенки, юкагиры до прихода якутов были язычниками. Их верования системно не исследовались, о них имеются только отрывочные данные. Древние исторические документы донесли до наших дней сведения о том, что предки эвенов и эвенков некогда представляли собой очень могущественный и цивилизованный народ и были известны в первом тысячелетии нашей эры. Эвенки по языковым особенностям делятся на восемнадцать групп и расселены от Сахалина до Томской области. Несомненно, народы с такой древней культурой выработали целый свод этикета, который говорит нам о том, что у эвенов, как и у других народов Крайнего Севера, было чрезвычайно развито поклонение предкам и духам покровителям, которыми они считали в древности Небо, Солнце, Луну, Землю, Воду, священных животных и птиц.

Первые сведения об окружающем мире представители этих народов узнавали в детстве из сказок, которые обычно начинались с вопроса познавательного характера, а ответ на него давался в художественной поэтической форме. Эвенские легенды по своим сюжетам во многом сходны с легендами других народов Крайнего Севера,

⁵¹⁰ См.: Поисеев И.И. Устойчивое развитие Севера: эколого-экономический аспект. Новосибирск, 1999.

⁵¹¹ См.: Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975.

но особенно народов Приамурья, согласно которым все эти народы родились от дерева, а некоторые из них даже – от одной ветки.

Вполне закономерно то, что эвены, эвенки и другие северные народы, занимаясь в основном охотой и рыболовством, главным божеством считали духа – покровителя охоты – Сингкэна.

По всей вероятности, древние верования этих народов были достаточно разработанными, систематизированными. Это доказывается обилием табу, обрядов, примет в охотничьем промысле и рыболовстве. Одной из главных составляющих данной нормативной системы являлся нравственный регулятив. Например, мамонт у эвенов считался запретным зверем⁵¹². Соприкосновение с ним могло навлечь беду. В памяти народа живо предание о том, что люди, полуживые от голода, поев мамонтового мяса, вымерли. В романе эвенского писателя Платона Ламутского «Дух земли» (Сир иччитэ) этот эпизод народного сказания нашел воплощение в истории о семье Маркани, от которой отвернулось все племя. Вначале соприкосновение с запретным зверем сэлли происходит случайно, но впоследствии сын Маркани соблазняется бивнем мамонта. Он знает, что за него можно получить хорошие деньги, и содеянное за большой грех не считает. Однако отец не одобряет поступок сына и обращается к нему со следующими словами: «Зверь неспроста ушел под землю, скрылся от людского глаза. А ты, не довольствуясь тем, что видел собственными глазами, принялся рвать зубами, подобно алчному зверю? Нет, чтобы побояться греха, все лезут напролом. Вот откуда сыплются на нас все беды и напасти!»⁵¹³. В этих мудрых словах слышится не только отчаяние отца, но и боль за будущее своего народа. Главный смысл жизни герои романа видят в воспитании достойного наследника, который сможет дальше нести эстафету нравственных традиций народа.

Как большой праздник воспринимается встреча людей в тайге. Самое главное, думает герой П. Ламутского, – доброе отношение друг к другу. Мудрый дед Этэйлэ учит молодых: «... жизнь дана нам не на один день, богатства земли даны на века, поэтому так необходимо бережное отношение ко всему»⁵¹⁴. И действительно, история доказала, что отказ от устоев предков ведет к отчуждению от культуры своего народа. Поддержание народных традиций, соблюдение нравственных устоев – вот принцип продолжения жизни в суровом крае.

Религиозная концепция лесных юкагиров-одулов во многом остается неясной. Описание и исследование жизни юкагиров начали политэссыльные В.И. Иохельсон, В.Г. Богораз-Тан, С.И. Мицкевич. Среди современных исследователей юкагиров известны имена И.С. Гурвича, И.С. Вдовина, М.А. Сергеева, З.В. Гоголева, М.Я. Жорницкой, В.А. Туголукова и др.

В конце XIX–начале XX вв. В.И. Иохельсон, собирая материалы по космогонии юкагиров, обратился к двум старикам – знатокам старины с вопросом о начале мира, и получил следующий ответ: «Это знали древние люди». Базисные знания или не вы-

⁵¹² См: *Авакумов П.Д.* От поэзии к роману (О творчестве П. Ламутского) // Литература народов Севера Якутии. Якутск, 1990.

⁵¹³ *Ламутский Платон.* Сир иччитэ. Роман (Дух земли. Роман). Якутск, 1987. С. 25.

⁵¹⁴ Цит. по: *Мыреева А.Н.* Современная ситуация культурного взаимодействия: роман в литературах народов Якутии // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): история и современность. Якутск, 1995. С. 79.

давались «чужакам», или к тому времени уже были утрачены⁵¹⁵. По преданиям народа, юкагиров когда-то было так много, что их костры освещали всю тундру, их было больше, чем звезд на небе. От того времени на небе остался отсвет юкагирских костров – северное сияние. Якутия и русские старожилы северо-восточной Якутии до сих пор называют северное сияние «юкагирским огнем»⁵¹⁶.

Превыше всего юкагиры почитали солнце – источник тепла и жизни на земле. Они обращались к нему со словами: «Солнце-мать!». Из анализа фольклорных текстов следует, что солнечное божество – абстрактный, одушевленный персонаж неопределенной природы. Это божество наделено качествами строгого наблюдателя, судьи и вершителя: «Солнце! Не сердись. Мы друг с другом помирились!»⁵¹⁷. «Солнцу слово дадим, что до конца жизни не будем друг другу острое делать... Если острое делаем, пусть солнце на нас большую печаль пошлет»⁵¹⁸. Мы видим, что юкагиры страшились солнечного божества. За нарушение этических законов, кровосмесительный брак, вражду, в том числе и между родственными народами – эвенями и юкагирами или между югорскими родами, за жадность, убийство Солнце могло наказать провинившегося и весь его род.

К числу важнейших сил природы юкагиры, как и тунгусы, относили огонь: «Огонь жизнь дает...» Верхнеколымские юкагиры представляли себе огонь в образе «бабушки», а тундровые – в образе «дедушки». Не меньше, чем от огня, зависели юкагиры от воды. Она является для юкагиров своего рода оракулом при выборе решения в затруднительной ситуации. Традиционно земля воспринималась юкагирами как некое божественное начало. Землю как одушевленную стихию нельзя ругать, колоть, рубить, копать. «Землю нельзя ругать. Землю выругаешь – тебе плохо будет. Зря копать нельзя, жадничать нельзя, нехорошо. Тебя ведь не трогают». С этим связан и воздушный способ захоронения умерших. Считалось, что предание человека земле – это тяжкий грех и мучение для покойника и его живых⁵¹⁹.

В этом гуманном принципе взаимодействия человека и природы можно услышать созвучное библейской, а еще ранее – буддийской и конфуцианской идее, жития со всеми в мире: «Относись к другому так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе. Не делай другому того, чего ты не хотел, чтобы делали тебе».

На более поздний период истории юкагиров и тунгусов оказал влияние процесс христианизации. Появляется трехчастная модель мира: Христос; Сатана (Острая голова, или остроголовый черт) как предводитель злых духов нижнего мира; кукул (черт), ньаньулбэн (грешный), эледулбэн (невидимый). Одновременно Острая Голова считается праотцом юкагиров. В.А. Туголуков усматривает в этом этническую раздвоенность юкагиров⁵²⁰. «Юкагиры – живой пример незавершенного процесса взаимодействия различных по уровню и характеру культуры, физическому и духовному складу

⁵¹⁵ См.: Жукова Л.Н. Языческое миропонимание – новая мораль для нового человека в новом тысячелетии // ИЛИН. 1998. № 2–3. С. 70–73.

⁵¹⁶ *Фольклор народов Крайнего Севера*. Якутск, 1993. С. 37.

⁵¹⁷ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Нью-Йорк, 1926. Изд. 2-е (на англ. яз.). С. 36.

⁵¹⁸ Там же. С. 52.

⁵¹⁹ См.: Жукова Л.Н. Фольклорные представления о мире у таежных юкагиров // *Фольклор и современная культура*. Якутск, 1991. С. 72–83.

⁵²⁰ См.: Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.

народов. В юкагирах причудливо переплелись как черты, свойственные их далеким предкам – аборигенам Северной Якутии, так и черты, заимствованные от тунгусов и более поздних пришельцев в эту страну – ламутов, якутов, русских»⁵²¹.

В отзыве на работы юкагирского писателя С. Курилова И. Смольников писал: «Мир древний, как сказка, существующий в условиях “чуть ли не каменного века”, но старающийся жить по принципам высокой человечности, честности, уважением достоинства людей и правды, вступал в конфликт с миром наживы. В этом столкновении нравственные победы одерживали силы добра и правды»⁵²².

С точки зрения нравственных законов интересна легенда о Луне. Ее считали «чертовым солнцем», она не греет, излучает холодный свет. Свое происхождение она ведет от человека. Согласно записанному в 1988 г. мифу, в луну превратился бродяга, выпрашивавший еду у людей⁵²³. Чередование лунных фаз объясняется изменением внешности этого человека: появляется голодный и тощий; радуется, накормленный людьми; вновь голодает, худеет и уходит. Таким образом, лень как качество человеческой натуры порицалась. Идеальный образ человека, по мнению юкагиров, – это мирный, тихий, скромный, дружелюбный работник, уважающий природу и других людей.

Север как культурно-исторический тип в ранние эпохи своего существования смог выжить и создать цивилизацию благодаря утверждению моральных норм, которые представляли собой самостоятельный феномен, определивший переход от инстинкта к разуму. Гуманизм в качестве главного принципа морали формируется по мере осознания человеком себя как личности, отделения себя от других членов рода и регулирования отношений «человек–коллектив–общество». В. Шадриков в книге «Происхождение человечности» писал: «Человечность возникает в борьбе инстинкта и морали, эмоций и разума, эгоизма и альтруизма, добра и зла, греха и добродетели. В этой борьбе формируется духовность человека, высшее выражение человечности»⁵²⁴. Возникнув в процессе становления человека как родового существа, мораль становится его духовной сущностью, а гуманизм – основным принципом существования. Он определяется требованиями жизни, а не устанавливается извне, формирует необходимые критерии поведения личности в интересах ее самой и всего общества. По своему происхождению и содержанию мораль изначально социальна. Как отмечает С.Л. Рубинштейн, «поведение человека заключается в себе в качестве определяющего момента отношение к моральным нормам. Самым существенным в нем является общественное, идеологическое, моральное содержание»⁵²⁵. Духовные способности – это качество индивидуальности, устанавливающее качественную специфику поведения и гуманизма в том числе.

Определяя происхождение духовности и духовных способностей, В. Шадриков пишет: «Как правило, духовность связывают с духовной сущностью человека, с духовным началом, в качестве которого выступает “дух”, “душа”. Под духовными способностями в этом случае понимают свойства духа, некоего идеального познающего

⁵²¹ Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 131.

⁵²² Смольников И. Современные легенды. М., 1975. С.104.

⁵²³ См.: Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Хрестоматия. Якутск, 1989. Ч. 1.

⁵²⁴ Шадриков В.Д. Происхождение человечности: Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. 2-е перераб. и доп. М., 2001. С. 4.

⁵²⁵ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 537.

начала – “я”»⁵²⁶. Человек, будучи членом закрытой группы, совершая какое-либо действие согласно обычаю, поступает человечно. Сделав обычай привычным для себя, он приобретает качество человечности. Сила обычая в формировании человечности заключается в том, что человек усваивает не нравственную норму, а способ действия, который нравственен по отношению к членам закрытого сообщества. В обычае человек живет. Научить обычаю – значит научить жить. Без обычая нравственность не входит интимно в сущность человеческого бытия. В обычае сокрыта одна из сторон тайны человечности.

Нравственность обычая конкретна и причастна к своему объекту. Действующий по обычаю поступает с соответствия с моралью закрытой группы. Через обычай человек идентифицирует себя со своим народом, вводится в свой род, ибо обычай – дух народа, его дела⁵²⁷. В основании обычая лежат поступки реальных людей в наиболее важных для рода жизненных ситуациях. Именно духовность этих поступков составляет человечность обычаев. Такие поступки являются не только нравственной основой обычаев, но и содержанием преданий, в которых рассказывается о важнейших событиях в жизни народа и подвигах отдельных героев. Г.В.Ф. Гегель писал, что эпос получает в качестве своего объекта совершение действия, которое должно представлять созерцанию как многообразное событие во всей широте своих обстоятельств и отношений и во взаимосвязи с целостным внутри себя миром нации и эпохи. Поэтому содержание и форму эпического в собственном смысле слова составляют мирозерцание и объективность духа народа во всей их полноте: представленные в их объективируемом облике как реальное событие⁵²⁸.

Существовая в форме устного рассказа, предание передается из поколения в поколение. В народном предании образы постепенно идеализируются и обобщаются. Впоследствии этот идеальный образ становится средством воспитания. В фольклоре среди средств словесного воспитания можно выделить имена, колыбельные песни, прибаутки, сказки, пословицы, поговорки, песни, загадки, предания, легенды. В них органично отражаются самобытные народные традиции и обычаи, даются образцы совершенства, показаны пути достижения благородных задач воспитания.

Необходимо признать, что фольклор северных народов требует серьезного изучения, поскольку в имеющейся литературе сведений о преданиях юкагиров, долганов, эвенов, эвенков, чукчей и других малочисленных народов недостаточно. Но даже те немногочисленные источники, которые имеются, отражают глубоко гуманистические принципы существования общества. Так, в наставлении предков юкагиров, которое пересказал Василий Гаврильевич Шалугин (1942), говорится: «Раньше я слышал, что говорили старики, и до сих пор помню. Они нам мудро советовали, что нельзя жадничать при охоте. Стрелять, сколько нужно, но не истреблять совсем, не воровать чужие вещи. Стариков осталось совсем немного. Только остались мы, юкагиры среднего возраста. Мы хотим, чтобы слышали наш голос: берегите тайгу, защищайте исчезающих рыб и зверей. Помните: мы питаемся ими, это наша основная пища, которая сделала нас человеком. Теперь те, которые не слушали обереги, наставления юкагирских охотников, знайте, что раньше наши старики строго и жестоко наказывали

⁵²⁶ Шадриков В.Д. Духовные способности. СПб., 1997. С. 19–21.

⁵²⁷ Шадриков В.Д. Философия образования и образовательная политика. М., 1993, С. 45.

⁵²⁸ См.: Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В четырех томах. Т. 3. М., 1971. С. 426.

непослушных людей. Те, которые не послушались, нарушили закон тайги, не уберегли родную природу, остались без ног и глаз, и им сопутствовало несчастье»⁵²⁹.

У долганов мы находим образные поговорки о качествах личности: «У лодыря сердце стынет, а язык, как пламя, трепещет»; «Сплетни и предрассудки всегда беззубы, хотя и больно кусаются»; «У сквернослова из рта слова прыгают, как лягушки».

Эти пословицы и поговорки отражают нравственный императив народа. В процессе воспитания молодого поколения они должны были сформировать положительную мотивацию к труду, к уважению близкого, такие качества, как миролюбие, отсутствие зависти, порицались интриги, злоба, ненависть, клевета. Мотивация же тесно связана с характером. С.Л. Рубинштейн писал: «Взаимосвязь характера и поступка опосредована взаимозависимостью свойств характера и мотивов поведения: черты характера не только обуславливают мотивы поведения человека, но и сами обусловлены ими. Мотивы поведения, переходя в действие и закрепляясь в нем, фиксируются в характере. Каждый действенный мотив поведения, который приобретает устойчивость, – это в потенции будущая черта характера в ее генезисе. В мотивах черты характера выступают впервые еще в виде тенденций; действие переводит их затем в устойчивые свойства. Путь к формированию характера лежит поэтому через формирование надлежащих мотивов поведения и организацию направленных на их закрепление поступков»⁵³⁰. Таким образом, черты характера как качества личности становятся отражением индивидуального склада личности, обнаруживающегося в особенностях поведения и в отношении к другим людям. Следовательно, с появлением моральных форм поведения формируются и моральные качества индивида. Человек, как было показано выше, характеризуется системокомплексом моральных качеств. Соответственно, можно утверждать и о существовании системокомплексов действий и поступков, характеризующих отношение людей друг к другу. Эти действия и поступки могут нести в себе как добро, так и зло. Многообразие моральных форм поведения есть выражение человечности конкретного индивида.

Моральный комплекс долганов, их представления о добре и зле очень ярко выражены в следующем стихотворении «Обычай»:

Есть у долгана такой обычай –
Делиться первою добычей.

Дай гостю лучший из кусков,
Второй – для стариков.

Поверье древнее гласит –
Удача у того гостит,
Кто от людей ее не прячет⁵³¹.

В этом маленьком стихотворении отражена вся нравственная философия народа. Тут и уважение к старшим, и обычаи гостеприимства, и открытость, чуждая цивилизованному миру. Духовное, гуманное поведение добродетельно, оно определяется лучшими качествами личности, которые мы называем духовными или гуманными. С этих позиций

⁵²⁹ Дмитриева З. Фольклор в духовной жизни юкагиров // ИЛИН. 2001. № 2. С. 13.

⁵³⁰ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 665.

⁵³¹ Долганский фольклор. Л., 1937. С. 32.

духовные способности выступают как добродетели личности. Они же есть качества человека, выражающиеся в желании делать добро, в умении делать добро, реальных добродетельных поступках. Добродетель всегда нравственна. В ней отдельный, единичный человек, «будучи определенным как непосредственно чувственное и душевное, ...является таким единичным, которое имеет свою цель во всеобщем, а потому его этической задачей будет необходимость постоянно выражать себя самого, исходя из этого так, чтобы отказаться от своей единичности и стать всеобщим. Как только единичный индивид пытается сделать себя значимым в своей единичности перед лицом всеобщего, он грешит и может лишь, признав это, снова примириться со всеобщим. Но всякий раз, когда единичный человек, войдя во всеобщее, ощущает стремление утвердиться в качестве единичного, он оказывается в состоянии искушения, из которого он может выбраться лишь с раскаянием, отдавая себя как единичного всеобщему»⁵³².

В процессе формирования мировоззрения и воспитания характера ребенка большое значение имеют детские сказки, занимающие в устном народном творчестве значительное место. В них отражены нравственные и эстетические идеалы, горе, печаль, радости, мечты, героические устремления народа. Положительные персонажи сказок побеждают врагов, добиваются торжества правды и справедливости.

Придавая сказке исключительно большое воспитательное значение, К.Д. Ушинский говорил: «...сказки – это первые блестящие попытки ... народной педагогики, я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа»⁵³³. Многие поговорки также образовались из отдельных сюжетов народных сказок, в особенности из сказок о животных. Так, в якутском фольклоре мы находим: «*Эһэ икки, бӨрӨ икки курдук буоллаххыт дии*» – «Вы стали подобно медведю с волком». Говоря о ссоре медведя с волком – высмеивают людей, не находящихся общего языка.

В пословицах и поговорках воплощаются высокие человеческие идеалы, вековые чаяния и ожидания трудовых масс: «*Учуээй майгынг – китир кынатынг*» – «Хороший нрав – крылья для полета». Оптимизм народа передает нам пословица: «*Кырдьык урдугэр сымыйа ыттыбат, арыы урдугэр уу дагдайбат*» – «Над правдой кривда не поднимается, над маслом вода не всплывает». На протяжении многих лет пословицы и поговорки передавались из поколения в поколение, сохраняя мысли исключительной глубины. «Народ – это все равно, что золотоискатель, – писал М.И. Калинин, – он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий только самое ценное, самое гениальное».⁵³⁴

Многие якутские пословицы и поговорки имеют своей целью воспитание высоких моральных качеств. Внушая любовь к родному краю, пословицы и поговорки учат быть честными, трудолюбивыми, смелыми, гуманными и правдивыми, соблюдать нормы поведения в семье и обществе, способствуют развитию мышления и обогащают речь⁵³⁵. Таковы, например, нравоучительные пословицы: «От старого прими совет, от молодого дружбу»; «Правда – светлее солнца». Пословица выражает лю-

⁵³² Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 53.

⁵³³ Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения в двух томах. М., 1974, Т. 1; Ушинский К.Д. Педагогические сочинения Н.И.Пирогова // Пед. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1988.

⁵³⁴ Калинин М.И. О литературе. М., 1949. С. 194.

⁵³⁵ Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. С. 8–15.

бовь к труду. «*Отонноотоххо иһит туолар*» – «Собирать по ягоде – посудина наполнится». Пословица бичует людские пороки: лень, болтливость, хвастовство: «*Угус Өрүттээх киһи*» – «Человек многогранный»; «У лентяя сто отговорок»; «Человек с тремя тенями; язык его не вмещается во рту, а нога – на тропинке».

Особенно острыми бывают пословицы, направленные против таких социальных пороков, как воровство, пьянство, картежничество: «*Арыгы киһиэхэ до ор буолбатах*» – «Вино уму (человеку) не товарищ», «*Уоруйах куобах курдук кулугуттэн куттанар*» – «Вор, что заяц, и тени своей боится».⁵³⁶

Памятники устного творчества народа саха позволяют сделать вывод о том, что народ накопил богатейший опыт в деле воспитания молодого поколения: «*Киһи бэйэтин дьолун уһанар*» – «Всяк человек своего счастья кузнец», «*Дьыл а ын албынныанг суо а*» – «Судьбу не обманешь», «Будешь жить с мастером, станешь мастером, с вором – станешь вором» (*Ууһу кытта олорунг, уус буолуонг, уоруйа ы кытта олоруонг, уоруйах буолуонг*).⁵³⁷

Устное народное творчество народа саха несло многим поколениям мысли и мечты трудового народа о победе добра над злом: «*Олох утуу дьыл а а ананар*» – «Жизнь дана на добрые дела».

Онтологическая суть предания – осуществлять в конкретном человеке то, что для рода (народа) было совершено героями. В.М. Гацак считает, что «эпос – это повествование от этносе и его бытии в мире»⁵³⁸. Герои преданий не завещают нам мораль, они оставляют нам поступки. И в этом – непреходящая ценность преданий, их роль в формировании человечности. Человечность – это не слова, а поступки, которые мы интерпретируем в категориях морали. Перефразируя слова протоиерея С. Булгакова, можно утверждать, что предание не есть археология, которая тенью прошлого связывает настоящее, но есть духовная самотождественность народной жизни.⁵³⁹

Исследователи эпических традиций народов России выделяют три стадии происхождения и образования народных эпосов. К первой относят героико-архаические эпосы, ко второй – историко-героические, к третьей – исторические⁵⁴⁰. Олонхо по типологической структуре и исторической основе относят наравне с бурятскими, алтайскими и карело-финскими эпосами к самым древним. В якутском эпосе воспеваются культ природных начал, формируются идеалы родового, догосударственного периода.⁵⁴¹ Как художественно-поэтическое произведение народа олонхо принадлежит к общему культурно-историческому наследству тюрко-монгольских народов⁵⁴². Поэтому в каких-то моментах соприкасаются общие для всех мотивы, сюжеты и образы.

Героический эпос якутов «Нюргун Боотур Стремительный» несет воспитательную и образовательную нагрузку. Отражены в первую очередь, нравственно-этические идеи; трудолюбие, единство рода и племени, согласие в семье, патриотизм, гуманные

⁵³⁶ *Портнягин И.С.* Этнопедагог К.С. Чиряев: педагогические мысли, идеи и взгляды. Якутск, 2002. С. 59–60.

⁵³⁷ *Золотые руки.* Якутск, 1993. С. 17.

⁵³⁸ *Гацак В.М.* Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989. С. 38.

⁵³⁹ См.: *Булгаков С.* Православие. М., 1991.

⁵⁴⁰ См.: *Типология* народного эпоса. М., 1975.

⁵⁴¹ См.: *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.

⁵⁴² См.: *Уткин К.Д.* Культура народа саха: этнофилософский аспект. Якутск, 1998.

взаимоотношения между героями, ненависть к врагу, почтительное отношение к старшим людям как к носителям и хранителям национальных традиций; забота о детях и их воспитании, честность, смелость, благородство и др. Одновременно передаются и эстетические идеалы, предполагающие красоту родной природы, национальной одежды, воинских доспехов, красоту борьбы и побед, эстетическое богатство многочисленных национальных праздников, красоту взаимоотношений между людьми.

Первоначально в образе Нюргуна Боотура видится природный образ активного начала, воли. Но энергия может стать как положительной, так и отрицательной. Неукротенная энергия – это зло, ведущее к хаосу, к разрушению гармонии мироздания. Поэтому воля богатыря должна быть укрощена. Выполняя свою миссию сохранения существующих миров, старейшины трех родов разрешают дальнейшую метаморфозу Нюргуна Боотура. Здесь мы сталкиваемся с понятием «судьба» в олонхо – это путь, тайна которого известна только трем судьбовершителям. Они направляют энергию героя в мирное русло, его предназначение – защита людей от гибели.

В олонхо мы можем увидеть многие этические заповеди народа. Отрицание гордыни как причины беды и дисгармонии в отношениях между людьми. Укрепление воли, превалирование духовного над телесным. Олонхо предостерегает человека от существующей в людях страсти, похоти, говорит, что отношение ко всем людям должно быть одинаковое и закон справедливости – один на всех. При этом не учитывается социальное происхождение человека, его положение в иерархии общества. Не приветствуется пессимистическое отношение к жизни. Счастье в олонхо хотя и зависит от неколебимой воли субъектов, в конечном счете определяется трансцендентными силами. А они руководствуются этическими принципами. Как утверждает Н.Н. Рахлеева: «...эпос саха можно назвать теологическим произведением, потому что он признает божественность каждого человека, и не признает иерархии между людьми (божественность одних и простое происхождение других), не допускает сословности»⁵⁴³. Испытание славой, громким именем – наиболее трудное испытание для человеческой воли. Возвратиться к естественному предназначению человека помогает женское начало. Но и женская, и мужская воля должны быть направлены на созидание, на творение живого и его защиту. Таким образом, культура народов Севера создала удивительный образ, полный гуманизма и красоты. Вера и уважение к человеку, любовь к Родине проходят красной нитью через олонхо, улигеры, легенды народов Якутии.

Антропологическая традиция, восходящая к работам К. Леви-Стросса, выдвигает на первый план общую символическую среду, порожденную этническим сознанием народа. По мере социального развития общество становится все более структурированным, а объединяющим началом может выступать символическая среда, «паутина значений и смыслов», которая отличает членов одной этнической группы от другой. По мнению К. Гирца, огромную роль в выстраивании этнических смыслов имеет искусство, религия, миф.

Иной точки зрения придерживаются А. Инхлес, А. Кардинер, Д. Левинсон, Р. Линтон, К. Лыткина. По мнению представителей этого научного направления, наи-

⁵⁴³ Рахлеева Н.Н. Этические принципы якутского олонхо // ИЛИН. 1997. № 1–2. С. 60–64.

более значимой в формировании у человека восприимчивости к определенной культуре и сопричастности к этническому мировосприятию своего народа является семейная социализация личности⁵⁴⁴. В этом аспекте необходимо отметить, что особую роль в этническом взаимодействии народов Якутии сыграли межэтнические браки. Исторически сложилось, что при освоении новых территорий межнациональный брак выполнял функцию как адаптации пришлого населения в новых условиях, так и скрытой ассимиляции. Еще в 1721 г. был опубликован указ (от 23 июня), разрешающий высланным в Сибирь шведским пленникам – протестантам жениться на православных русских без перемены своей веры. Им запрещалось только совращать жену в свою веру и предписывалось воспитывать детей в православии⁵⁴⁵. В августе того же года Синод издал послание, в котором говорилось, что «брак верного мужа с женою иноверною не есть сам по себе нечист или богомерзок», и что, если таковой и запрещается церковными правилами, то не безусловно, «аки бы сам собою был он незаконный, но только из опасения дабы верное лицо не совратилось к зловерию неверного или иноверного своего подружия». Затем в течение нескольких десятилетий последовал еще ряд указов Синода о смешанных браках (указ от 15 августа 1728 г.; 7 февраля 1735 г.; 13 ноября 1780 г.), которые разрешали «иноверным лицам мужского пола браки с православными лицами женского пола»⁵⁴⁶, и наоборот, православным русским подданным с женами иноверных исповеданий. В Сибири в XIX в. в большинстве случаев межэтнические браки заключались между русскими мужчинами и представительницами коренных этносов и, при подавляющем преобладании среди русского населения мужчин, были явлением довольно распространенным⁵⁴⁷.

По свидетельствам современников, в возникавших таким образом семьях обнаруживались в большинстве случаев соединение элементов духовной культуры различных народов Российского государства. При этом религиозные моменты обычно отступали на второй план. У детей в подобных семьях воспитывалось уважительное отношение к прошлому своих родителей, к своему происхождению, вырабатывалась национальная и конфессиональная толерантность. Распространение межнациональных браков являлось одной из черт процессов модернизации семьи и общества, протекавших в пореформенной России⁵⁴⁸.

В советский период количество смешанных браков увеличилось. Если в имперской России одним из главных факторов, препятствующих вступлению в брак лиц разной этнической принадлежности, являлась религия, то в СССР провозглашение равноправия всех наций и народностей стало своеобразным катализатором процесса метисации. Усиливающаяся тенденция распространения в населении городов и поселков городского типа Западно-Сибирского края межнациональных браков привела

⁵⁴⁴ См.: *Лыткина К.П.* Север как культурно-исторический тип цивилизации // *Человек и Север: Исторический опыт, современное состояние, перспективы развития.* Якутск, 1992. Ч. 2.

⁵⁴⁵ См.: *Протоиерей В. Башикиров.* О смешанных браках. // <http://minds.by/article/20.html#sl4>

⁵⁴⁶ *Нечаев П.* Практическое руководство для священнослужителей. СПб., 1892. С. 242.

⁵⁴⁷ См.: *Макарчева Е.Б.* Роль православной церкви в процессе межэтнического взаимодействия в Сибири на первом этапе ее освоения (XVII в.) // *Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.)*, Новосибирск, 2003. С. 26.

⁵⁴⁸ *Гончаров Ю.М.* Межнациональные браки в городах Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // Там же. С. 239–240.

Таблица 4.1

**Соотношение однонациональных и межнациональных браков
в г. Якутск в 1927-1974 гг., %***

Годы регистрации браков	Этнически однородные браки		Этнически смешанные браки
	русские	саха	
1927–1930	56,4	36,4	7,2
1931–1934	57,1	35,8	7,1
1935–1938	67,5	27,0	5,5
1940–1944	81,6	13,7	4,7
1945–1949	84,7	10,2	5,1
1950–1954	80,2	13,6	6,2
1955–1959	74,5	19,5	6,0
1970–1974	74,5	17,7	7,8

* Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия)... С. 74.

к тому, что к середине 1930-х гг. удельный вес межнациональных браков составлял уже в среднем около 12 %⁵⁴⁹.

И.А. Рябцева отметила имевшую место в 1920–1930 гг. тенденцию к регистрации родившимися женщинами детей не по своей национальности. Регистрация матерью ребенка не по своей национальности снижала показатели рождаемости данной национальности. Особенно часто это явление наблюдалось в семьях, где супруги принадлежали к разным национальностям и где ребенка регистрировали по национальности отца. Кроме того, регистрация детей матерями не по своей национальности зачастую производилась у людей, проживавших не в месте основного расселения своей национальности, с целью скорейшей адаптации среди местного, в основном русского, населения⁵⁵⁰. В Якутии благоприятным объектом для изучения брачных взаимоотношений этнических групп является г. Якутск с его многонациональным составом населения. Уже в 1920–1930 гг. здесь наблюдалось увеличение числа межнациональных браков. В 1970-е гг. рост количества межнациональных браков выразился не только в абсолютных показателях, но и в увеличении их удельного веса в общем числе заключенных браков (табл.4.1).

По данным Д.Г. Брагиной, этот показатель количества межнациональных браков сохранился и в середине 1980-х гг. До конца 1950-х гг. преобладали браки, где муж – якут, а жена – русская. С 1970-х же годов мужчины-якуты стали реже жениться на русских женщинах, а женщины-якутки, напротив, стали чаще выходить замуж как за русских мужчин, так и за лиц других национальностей. В частности, возросло число браков с эвенками и эвенками. Различия в уровнях образования, ценностных ориента-

⁵⁴⁹ См.: Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 120.

⁵⁵⁰ См.: Рябцева И.А. Влияние демографических факторов на изменение национального состава населения Западной Сибири в 1920–1930-е гг. // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 247–248.

циях мужчин и женщин из числа коренных малочисленных народов Севера приводят к тому, что более 80 % женщин в возрасте до 40 лет с высшим и средним специальным образованием либо были не замужем, либо состояли в национально-смешанных, гетерогенных браках. В некоторых поселениях смешанные браки женщин-северянок достигают 90 % и более⁵⁵¹.

По мнению ряда исследователей, одной из причин увеличения числа межнациональных браков является распространение процесса обмена статусами, когда, например, мужчина из «непрестижной» этнической или расовой группы, добившись относительно высокого экономического, образовательного или профессионального статуса, вступает в брак с женщиной из «престижной» этнической группы, но с более низким социальным статусом⁵⁵².

Длительное проживание среди специфической культуры, прекрасно приспособленной к местным природным условиям, оказало на русских старожилов заметное языковое и культурное влияние. Об этом в частности говорит тот факт, что, по переписи 1970 г., 7271 чел. из общего числа русских в Якутии свободно владели якутским языком, а 786 чел. признали его в качестве родного языка. По данным переписи 1989 г., 7460 русских владели якутским в качестве второго языка, число же признающих его родным составило 1311 человек. Как отмечает Д.Г. Брагина: «В дореволюционной России процессы ассимиляции наиболее сильно проявились в сфере языковых взаимоотношений. Так, если первоначально общение русских с якутами происходило только с помощью толмачей, то постепенно, по мере усиления хозяйственно-бытовых связей, якуты начинали овладевать русским языком»⁵⁵³. С проникновением в Якутию рыночных отношений необходимость знания русского языка стала возрастать и уже «...всякий торгующий и зажиточный якут учится и старается говорить по-русски»⁵⁵⁴. В немногочисленных школах, преимущественно церковно-приходских, преподавание велось на русском языке, который, как отмечает Д.Г. Брагина, основной массе якутского населения был тогда все же еще чужд⁵⁵⁵.

Ф.Г. Сафронов и В.Ф. Иванов с документальной достоверностью установили, что «уже в середине XVIII в. в каждом улусе Центральной Якутии было по несколько грамотных якутов, хорошо освоивших русскую речь и письменность. Во второй половине этого века появляются грамотные улусные головы, князцы и старшины, улусные и наследные писари. Появляется первый учитель»⁵⁵⁶.

Якуты также оказывали сильное влияние на русских, живших в окружении местного населения. Так, например, русское население Олекминска и Вилюйска по существу объякутилось. Еще в конце XVIII в. было отмечено, что олекминские русские забыли не только многие свои обычаи, «но и язык российский и сделались во всем похожими

⁵⁵¹ См.: *Развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года.* /Сост. В.А. Роббек и др.; ред. С.М. Байшева. Якутск, 2007. С. 20–21.

⁵⁵² Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология... С. 215.

⁵⁵³ Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия) ... С. 27.

⁵⁵⁴ Иохельсон В. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. 1895. Т.5, № 2. С. 4–6; цит по: Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия)... С. 27.

⁵⁵⁵ См.: Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия)... С. 27.

⁵⁵⁶ Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф. Письменность якутов. Якутск, 1992. С. 38.

на якутов»⁵⁵⁷. В XIX в., по наблюдениям чиновников и путешественников, якутский язык был распространен как «французский в столице»⁵⁵⁸. В литературе широко цитируется наблюдение Н. Щукина, согласно которому в Якутске «...нет ни одного жителя, который бы не знал по-якутски. Да и неудивительно: в доме нянька – якутка, кухарка – якутка, работник, кучер – все якуты... Здешний житель от обращения с ними нечувствительно перенимает все их обычаи и лучше говорит на якутском языке, нежели на отечественном. Житель Якутска в разговоре с жителем России понимают друг друга несовершенно, надобно прибегать к объяснениям и повторениям»⁵⁵⁹. Г. Майдель также отмечал, что «... сплошь и рядом наблюдается удивительное явление: русские необыкновенно легко превращаются в якутов, принимают якутские обычаи, одеваются как якуты, живут в юртах и, наконец, не только выучиваются бегло говорить по-якутски, но усваивают себе этот язык и совершенно забывают свой».⁵⁶⁰

Таким образом, как отмечает Д.Г. Брагина, якутский разговорный язык имел значительные общественные функции. Это был язык общения представителей разных этнических групп, населяющих Якутию. С.В. Бахрушин это явление объясняет следующим образом: «Очень рано русские в Якутской области усвоили себе якутский язык и вместе с языком восприняли и якутские религиозные воззрения... подчинение русских якутскому элементу, приведшее к “объякучиванию” колонистов, объясняться может... тем, что в момент завоевания культурный уровень колонистов был в общей массе немногим выше уровня якутов. В дальнейшем дело должно было измениться, и, начиная с XVIII в. происходит обратное явление: якуты начинают подчиняться русской культуре...»⁵⁶¹. Мы не совсем согласны с мнением С.В. Бахрушина. Скорее, причиной «объякучивания» стал высокий потенциал этнокультурной адаптации русских, которым для выживания в незнакомой обстановке, сложных климатических условиях при незнании культурных особенностей местного населения в первые века проживания в Якутии было более значимо установить контакты с аборигенами, чем самим аборигенам устанавливать контакты с русскими, что и приводило к усилению мотивации русских в изучении языка, этики, религиозных традиций. К тому же слабая поддержка со стороны государства, которое рассматривало Якутию скорее как край, богатый пушниной и место ссылки, не способствовало повышению интенсивности контактов другого типа, что могло бы отчасти поддержать русское население в сохранении своей культуры. Фактически же большая часть приезжих была вынуждена ассимилироваться для того, чтобы выжить. Но с повышением внимания к Северу как стратегическому району, с увеличением возможностей аборигенов контактировать с властями и даже иметь возможность быть избранными

⁵⁵⁷ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 215.

⁵⁵⁸ Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. / Под ред. Е.Шведе. М., 1948. С. 70–71; Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1878. Ч. 2, отд. 6.; Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1844. С. 164; цит по Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия)... С. 28.

⁵⁵⁹ Щукин Н. Поездка в Якутск. ...С. 164.

⁵⁶⁰ Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. СПб., 1984. С. 450; цит по Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия)... С. 28.

⁵⁶¹ Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии. Л., 1927. С. 306.

в местные органы власти, значимость изучения местным населением русского языка и русских традиций повышается.

Косвенно нашу гипотезу подтверждает Ф.Г. Сафронов, который считает, что усвоение русскими элементов материального быта и духовной культуры аборигенов Северо-Востока «являлось результатом разумного приспособления к местным условиям, а не показателем деградации русского человека, как об этом писали некоторые дореволюционные исследователи и путешественники»⁵⁶².

Таким образом, якуты, как и многие аборигенные народы, в процессе взаимодействия с русскими проходят значительную эволюцию в своем этническом и этнокультурном развитии. Как видим, история освоения Якутии достаточно сложна, имеет много неясностей и, что самое главное, не предполагает формирование модели постфигуративной культуры. Проблема осознания этнической самобытности народов Севера породила концепцию взаимодействия культур приполярных зон. Мы можем говорить о «двухстороннем процессе культурного взаимодействия – приобщении аборигенов Севера к культуре народа саха, с одной стороны, и приспособлении культуры народа саха к “культурному кругу” северных этносов и северному природно-климатическому феномену, – с другой»⁵⁶³. Особенностью этнических процессов среди якутов стало не только территориальное расширение этноса, но и рост численности якутов и их консолидация. Как отмечает Д.Г. Брагина, в ходе этнических процессов ассимиляционного характера прирост якутского населения в этот период был достигнут и за счет лиц смешанного этнического происхождения⁵⁶⁴. Межэтнические контакты с русскими приводят к интенсификации этнических процессов. Ведущими их направлениями становятся у якутов – консолидация, а у русских в контактных зонах на первом месте – этническая ассимиляция. Адаптация и аккультурация русских сопровождаются формированием русского старожильческого населения. По мнению Д.Г. Брагиной, в результате межэтнического взаимодействия в дореволюционной Якутии первичным основанием устойчивой идентичности выступает оппозиционность культур якутов и русских⁵⁶⁵.

В советский период характер межэтнического взаимодействия определялся идеей «сближения и слияния социалистических наций и народностей». В результате «возникла опасная ситуация – возможность утраты традиционной этнической культуры»⁵⁶⁶. И хотя историк высказывает данное суждение о ситуации в Якутии XX в., но, сопоставляя ее с ситуацией многовековой давности, мы можем сделать вывод, что, скорее, как и в прошлом, так и в настоящем условия формирования этнического самосознания якутянина во многом обусловлены уникальным единением как постфигуративного, так и кофигуративного типов культуры, а взаимовлияние культур различных этнических групп, проживающих на территории Якутии, скорее ведут к созданию самобытной культуры Севера.

⁵⁶² Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии... С. 219.

⁵⁶³ Иванов В.Н. Взаимодействие культур: региональные особенности // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): история и современность. Якутск, 1995. С. 9.

⁵⁶⁴ См.: Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия)... С. 40.

⁵⁶⁵ Там же. С. 28.

⁵⁶⁶ Иванов В.Н. Взаимодействие культур: региональные особенности // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): история и современность. Якутск, 1995. С. 9.

В то же время появляются новые факторы, влияющие на межэтнические отношения – статусные признаки: «коренной–некоренной», «титультный–нетитультный». В сочетании с ухудшением социально-экономической ситуации усилилось внимание к роли этнического фактора в межэтнических отношениях, а также к формированию этнического самосознания, самоидентификации, что в результате осложнило условия этнокультурной адаптации индивидов.

§ 4.3. Этническое самосознание, самоидентификация и адаптация

Находясь в полиэтничном социокультурном пространстве, каким является Республика Саха (Якутия), юноши и девушки различных этнических групп являются в своей жизнедеятельности акторами процессов социализации, инкультурации и аккультурации, представляющими в единстве процесс социокультурной адаптации. В принципе адаптация – перманентный процесс, однако наиболее важна она в детском и юношеском возрасте, когда формируются основы личности. В этом возрасте, как правило, у человека проявляется этническое самосознание, в поле этнических и социальных взаимоотношений с другими людьми, в процессе усвоения культуры своего этнического окружения и знакомства с культурой представителей иных этнических групп складывается тот или иной вид этнической и гражданской самоидентификации. В зависимости от характера среды – ближнего окружения (семья, родственники), поселения, учебного или иного коллектива как мезосреды, политического и социального состояния макросреды (республика, Россия) процессы формирования этнического самосознания и самоидентификации молодежи могут протекать по-разному. В полиэтничных средах, особенно в переходные или кризисные периоды их развития, эти процессы могут усложняться, создавая, соответственно, психологические напряжения и затруднения в адаптации личностей и групп.

Если на теоретическом уровне в определенной мере проработаны гипотезы о взаимосвязи самоидентификации личности в различных средах, то на конкретно-эмпирическом уровне проблема взаимосвязи этнического самосознания, самоидентификации личностей и групп практически не изучена.

В нашем исследовании эта взаимосвязь рассматривается как составная часть этнокультурной адаптации, которая, в свою очередь, есть подсистема адаптации социокультурной. В методику и инструментарию социологических и социально-психологических опросов были включены вопросы, позволяющие выяснить отношение юношей и девушек различных этнических групп к своему этносу, этнической культуре, перспективам этнического развития, к своей этнической и гражданской самоидентификации, к состоянию межэтнических отношений в пунктах их проживания и др., а также определить степень их социального самочувствия и адаптированности в зависимости от этнокультурных и иных факторов.

Ниже будет приведен краткий анализ полученных в исследовании результатов по рассматриваемому вопросу.

Этническая (национальная) принадлежность респондентов определялась по прямому ответу на вопрос анкеты. Одновременно полученная в опросе информация о национальности родителей позволяла выделить группы юношей и девушек из моноэтнических и полиэтничных семей, где могла быть своя специфика в процессе адаптации молодежи.

Таблица 4.2

Отношение молодежи к этнической идентичности, % в группе

Отношение к своей национальности	Этнические группы				Все
	саха	русские	КМНС	другие народы	
Мне нравится моя национальность	66	74	64	58	68
Я осознаю свою национальность и отношусь к ней нейтрально	23	11	24	23	19
Мне не нравится моя национальность	3	1	2	4	2
Я вообще не задумывался о своей национальности	8	14	10	15	11

Ответы на ряд вопросов – о родном языке, о владении другими языками, о национальных традициях, ориентациях на виды информации в СМИ, этнических стереотипах, межэтнических отношениях и др. – позволяют получить представление о ценности этнического самоопределения для респондента и роли этой ценности в контактах с представителями иных этнических культур.

Основная часть молодежи всех рассматриваемых этнических групп положительно относится к своей национальности (табл. 4.2).

Больше всего доля ответивших «мне нравится моя национальность» и меньше всего «не нравится» в группе русской молодежи. Обратная картина – в группе «другие народы», где среди респондентов много представителей из этнически смешанных семей (табл. 4.3).

Этнически смешанный тип брака у коренных малочисленных народов чаще подразумевает брак между представителями близких культур, таких как якутская и эвенкийская, якутская и эвенкская и прочее. Поэтому эффект конфликта культур в таких семьях ощущается в меньшей степени. В то же время в этнически смешанных семьях,

Таблица 4.3

Распределение этнической идентичности респондентов по типам браков родителей

Национальность респондента	Тип брака родителей					
	этнически однородный		этнически смешанный		Все	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Якуты	1504	93	119	7	1623	100,0
Русские	877	78	251	22	1128	100,0
КМНС	112	38	185	62	297	100,0
Прочие	129	43	172	57	301	100,0
Всего	2622	78	727	22	3349	100,0

Таблица 4.4

**Отношение к этнической самоидентификации в зависимости
от типа брака родителей, % в группе**

Отношение к своей национальности	Этнические группы									
	саха		русские		КМНС		другие народы		Всего	
	Тип брака родителей*									
	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о
Мне нравится моя национальность	52	68	66	77	60	77	52	67	59	71
Я осознаю свою национальность и отношусь к ней нейтрально	27	22	15	10	28	14	26	20	23	18
Мне не нравится моя национальность	4	2	1	1	2	1	3	6	2	2
Я вообще не задумывался о своей на- циональности	17	8	18	12	10	8	19	7	16	9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Э/с – этнически смешанный брак; Э/о – этнически однородный брак.

где один из родителей – представитель тюркской культуры, а второй – славянской, культурные аттитюды становятся причиной даже бытовых споров. Для ребенка, рожденного в таком браке, решение проблемы этнической самоидентификации бывает достаточно сложным и чаще приводит к выбору маргинальной стратегии адаптации (об этом подробнее в § 4.5). Проверим, существует ли связь между отношением к этнической самоидентификации молодежи и типом брака их родителей (табл. 4.4).

Результаты показали, что независимо от позитивного отношения большей части молодежи к своей этнической самоидентификации, тем не менее, потомки этнически смешанных браков менее склонны высказывать мнение, что им их национальность нравится. Самая большая доля тех, кому их национальность не нравится, оказалась среди представителей этнически однородных семей из группы «другие народы». И, как ожидалось, самая большая доля тех, кто вообще не задумывался о своей этнической принадлежности, оказалась среди потомков этнически смешанных браков.

Рассмотрим, как влияет этническая самоидентификация на степень адаптированности молодежи. Можно предположить, что лучше адаптированы те юноши и девушки, которые положительно относятся к своей национальности. Материалы исследования подтвердили эту гипотезу (табл. 4.5).

Как видим, и по республике в целом, и по всем этническим группам (за исключением некоторой специфики в группе малочисленных народов Севера) доля хорошо адаптированных максимальна, а плохо адаптированных – минимальна среди тех, кому своя национальность нравится. По мере снижения положительной оценки своей этнической принадлежности резко снижается доля хорошо адаптированных и растет доля адаптированных плохо. При этом хуже всего адаптированы те, кому своя этническая принадлежность не нравится: здесь доля лиц плохо адаптированных, как правило, вдвое выше, чем хорошо адаптированных.

**Степень адаптированности молодежи
в зависимости от отношения к своей национальности, % в группе**

Отношение к своей национальности	Этнические группы								Все	
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Нравится	43	19	46	21	40	26	49	23	44	21
Нейтрально	36	24	36	22	42	26	46	31	38	25
Не нравится	26	45	20	40	15	54	24	44
Не задумывался	41	30	41	30	30	26	34	30	39	30

Юноши и девушки из группы «другие народы», которые ответили «мне нравится моя национальность», оказались наиболее адаптированными (49 % хорошо адаптированных), а среди ответивших «не нравится моя национальность» всего 15 % хорошо адаптированных, при 54 % адаптированных плохо. И хотя последних относительно немного, разница настолько значительна, что не заметить ее невозможно. Этот факт – неприятия людьми своей этнической принадлежности, отражает, на наш взгляд, проблему самовосприятия в контексте восприятия как исторического, так и социального настоящего этнической группы, что требует более углубленного изучения.

Мотивы отрицательного отношения к своей этнической идентичности непосредственно нами не исследовались, но из косвенных данных по другим вопросам анкеты можно предполагать, что они коренятся и во внутрисемейных отношениях, и в межгрупповых, межнациональных отношениях ближнего окружения, и в личностных характеристиках юношей и девушек.

Тот или иной характер отношения к своей этнической идентичности связан также со значимостью для респондентов таких признаков этничности, как язык, этническая культура. Степень сформированности этнического самосознания мы определяли по характеру ответов респондентов на вопрос «Какое из следующих высказываний кажется Вам наиболее верным?» Если респондент выбирал вариант «1) каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа», то такой уровень этнического самосознания определялся нами как «сформированное». Выбор варианта «2) важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык, культуру народа не обязательно» – как «частично сформированное», а варианта «3) сейчас не имеет особого значения осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры» – как «несформированное» (табл. 4.6).

Наиболее полно этническое самосознание оказалось сформировано у молодежи саха и малочисленных народов Севера: 81 и 75 % ответов соответственно по варианту «осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа», а несформированным – у представителей группы «другие народы» (31 %).

Как видно из данных табл. 4.6, со снижением позитивного отношения к своей этнической идентичности уменьшается доля лиц со сформированным этническим самосознанием (вариант 1), а также ухудшается степень адаптированности индивидов.

Таблица 4.6

**Взаимосвязь сформированности этнического самосознания
и отношения к своей национальности, % в группе**

Отношение к национальности	Этнические группы											
	саха			русские			КМНС			другие народы		
	Степень полноты этнического самосознания											
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Нравится	89	7	4	64	15	21	81	10	9	58	25	17
Нейтральное	68	15	17	43	28	29	58	27	15	31	25	44
Не нравится	47	37	16	45	10	45	15	31	54
Не задумывался	59	16	25	37	21	42	77	4	19	35	9	57
Всего	81	11	8	58	17	25	75	14	11	46	23	31

Примечание: «...» – группа малочисленна

Для русской молодежи «частично» сформированное этническое самосознание является, скорее всего, отражением доминирования гражданской самоидентификации: «Я – россиянин!». Находясь в атмосфере родного языка и культуры, они могут не задумываться об их значимости до момента возникновения в их жизни ситуации встречи с другой культурой или попадания в иноязычную среду. Для части же молодежи коренных малочисленных народов, которая реально потеряла знание родного языка и культуры, частично сформированное этническое самосознание скорее является отражением специфики психологической стабилизации, когда индивид чувствует себя более комфортно в иноэтнической среде, не задумываясь особенно о значимости актуализации этнического самосознания и его атрибутов – языка и культуры своего народа.

У представителей группы «другие народы» протекают, вероятно, противоречивые процессы этнической самоидентификации, и лица с полным этническим самосознанием, хотя их и менее половины (46 %) от численности всей группы, имеют самую высокую степень адаптированности (49 % – хорошо и 20 % – плохо адаптированных), в то время как лица с несформированным этническим самосознанием адаптированы хуже всех не только в своей группе, но и по массиву всей молодежи республики (36 % – хорошо адаптированных, 40 % – плохо адаптированных). Психологический дискомфорт испытывают чаще всего дети от смешанных браков, например саха и русских, у которых не сформировалась четкая этническая идентичность и они «застряли» между двух культур. Действительно, среди юношей и девушек из группы «другие народы», которые имеют сформированное этническое самосознание, довольно высока (72 %) доля тех, кому нравится их национальность, в то время как среди лиц с несформированным этническим самосознанием таковых всего треть (33 %), а большинство или относится нейтрально (32 %), или не задумывалось о своей национальности (27 %), а 8 % ответили, что им не нравится их национальность. Среди последних лишь 15 % адаптированных хорошо, а 54 % – плохо. То есть определенная

**Взаимосвязь сформированности этнического самосознания
и типа брака родителей, % в группе**

Степень сформированности этнического самосознания	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	Тип брака родителей							
	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о
Сформировано	66	82	54	59	73	78	39	54
Частично	16	10	18	17	13	14	23	23
Не сформировано	18	7	28	24	14	8	38	24

зависимость адаптированности от степени сформированности этнического самосознания имеет место, особенно в ситуациях транзитивности.

Рассматривая влияние типа брака родителей на степень сформированности этнического самосознания (табл. 4.7), мы выявили, что в большей степени по всем этническим группам формированию этнического самосознания способствует этнически однородный брак.

Сопоставление данных по группам саха, КМНС и другие народы показывает, что кроме семьи, по всей вероятности, на степень сформированности этнического самосознания влияют окружение и территория проживания, которая обуславливает политику использования языка как в рамках бытовых взаимодействий, так и в СМИ. Пропаганда определенных культурных стереотипов в межличностном взаимодействии, по всей вероятности, также отражается на актуализации изучения и поддержания собственной культуры или ассимилирования культурных стереотипов доминирующей этнической группы.

Еще одним способом определения степени сформированности этнического самосознания респондентов были их ответы на вопрос, с чем, по их мнению, связано будущее России – с сохранением национальных культур или с формированием «усредненной российской» культуры. Большинство молодежи всех этнических групп ответило «с сохранением национальных культур»: среди саха – 79 %; КМНС – 83 %, русских – 69 %; «другие народы» – 70 %. При этом предпочтение национальным культурам отдают все группы молодежи – и позитивно относящиеся к своей национальности, и нейтрально, и даже негативно. Лишь в группе «другие народы» среди тех, кому не нравится своя национальность, сторонники национальной культуры и «усредненной российской» представлены поровну. Также оказалось, что тип брака родителей не влияет на отношение молодежи к представлению о будущем России: большая часть как представителей этнически смешанных браков, так и представителей этнически однородных браков показала, что они являются сторонниками сохранения национальных культур в России.

Данная позиция, как показывают результаты исследования, способствует лучшей адаптированности молодежи (табл. 4.8).

Таблица 4.8

Взаимосвязь степени адаптированности молодежи и установки на сохранение национальных культур или формирование усредненной российской культуры, % в группе

Будущее России связано с:	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Сохранением национальных культур	41	20	45	20	39	27	41	29
Формированием усредненной российской культуры	37	29	43	25	39	25	50	25

По всей вероятности, адаптации доминирующих по численности этнических групп способствует их ориентация на сохранение своих культур. Молодежь малочисленных народов Севера адаптирована в равной мере при обоих типах ориентации – на свою или на «российскую» культуру. А представители «других народов» лучше адаптированы при ориентации на «усредненную российскую» культуру.

Можно также заметить определенную взаимосвязь между степенью адаптированности молодежи с ориентацией на свою или общероссийскую культуру и их отношением к своей национальности («нравится – не нравится») (табл. 4.9).

Заметно, во-первых, что в группах молодежи, ориентированных и на национальную, и на «усредненную» культуру, доля хорошо адаптированных снижается, а доля плохо адаптированных увеличивается по мере перехода от позитивного к негативному отношению к своей национальности, а во-вторых, в каждой группе по характеру

Таблица 4.9

Взаимосвязь степени адаптированности молодежи и их взглядов на модель культуры будущей России, % в группе

Отношение к своей национальности	Этнические группы															
	саха				русские				КМНС				другие народы			
	Н/к		Р/к		Н/к		Р/к		Н/к		Р/к		Н/к		Р/к	
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Нравится	43	18	41	28	47	20	45	22	40	25	39	30	47	24	53	21
Нейтрально	37	22	32	31	36	16	38	33	42	27	38	35	61	22
Не нравится	29	32	23	69	29	14
Не задумывался	44	33	36	23	42	30	39	30	29	29	31	34	43	21

Примечание: Н/к – ориентация на сохранение национальных культур; Р/к – ориентация на усредненную российскую культуру; «...» – группа малочисленна.

отношения к национальности («нравится – нейтральное – не нравится») доля хорошо адаптированных выше среди тех, кто ориентируется на сохранение национальной культуры. Хотя некий диссонанс в эту зависимость вносят группы с нейтральным или неосознанным отношением к своей национальности, эффект взаимосвязи данных параметров этнического самосознания и степени адаптированности очевиден.

Можно сделать вывод, что лучше адаптированы, как правило, юноши и девушки с позитивным отношением к своей национальной культуре и с убеждением, что будущее России связано с сохранением национальных культур, а не с формированием модели «усредненной» российской культуры.

Рассмотрим, как влияет тип родительской семьи на формирование данных установок (табл. 4.10).

Результаты оказались несколько неожиданными. Гипотетически можно было предположить, что потомки этнически однородных браков будут более заинтересованы в сохранении национальных культур для будущего России. И это предположение оправдалось для групп саха и русских. Но в отношении КМНС и представителей группы другие народы данное предположение оказалось не совсем верным: именно потомки этнически смешанных браков оказались несколько более заинтересованными в сохранении национальных культур. Возможно, данный факт обуславливается скорее правовыми нюансами, которые либо создают комфортные условия для проживания всех этнических групп, либо могут ущемлять отдельные группы по каким-то экономическим или социальным вопросам. Именно гармоничное соотношение прав и свобод этнических групп определяет в какой-то мере приоритет тех или иных типов самоидентификации индивида. Поскольку каждый индивид, проживающий в республике, находится в поле множественной самоидентификации, то в социокультурном аспекте он может ощущать себя и представителем своего этноса, и типичным представителем Севера, и сибиряком, и жителем Республики Саха (Якутия), и гражданином России, и гражданином мира (вселенной). Рассмотрим, какие идентичности и в какой степени важны для юношей и девушек, и есть ли связь между той или иной идентичностью и степенью адаптированности. Важность каждой идентичности для себя определялась респондентами по шкале «очень важно – важно – не важно» (табл. 4.11).

Таблица 4.10

Взаимосвязь типа брака родителей и взглядов молодежи на модель культуры будущей России, % в группе

Будущее России связано с:	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	Тип брака родителей							
	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о
Сохранением национальных культур	74	80	65	70	85	79	73	69
Формированием усредненной российской культуры	26	20	35	30	15	21	27	31

Таблица 4.11

**Распределение разных видов идентичности
по степени важности для молодежи Республики Саха (Якутия), % в группе**

Виды идентичностей (считают очень важным осознавать себя):	Доля в группе					Ранги важности идентичностей				
	Этнические группы					Этнические группы				
	саха	русские	КМНС	другие народы	все	саха	русские	КМНС	другие народы	Все
Представителем своего этноса	41	32	39	24	36	3	3	2	3	2
Жителем Республики Саха (Якутия)	52	11	38	14	34	1	4	3	4	4
Типичным представителем Севера	9	8	21	8	9	5	6	5	5	5
Сибиряком	6	8	5	6	6	6	5	6	6	6
Гражданином России	47	73	52	51	57	2	1	1	1	1
Гражданином мира	30	42	31	41	35	4	2	4	2	3

Если рассматривать иерархию идентичностей по степени «очень важно», то для всей молодежи на первом месте (ранг 1) оказалась российская гражданская идентичность, затем – этническая, а на последних местах территориальные идентичности – представитель Севера и сибиряк. Для русской молодежи наиболее важной (73 % ответов) является российская гражданская идентичность, затем – «гражданин мира», на третьем месте – «представитель своего этноса», а на последнем шестом месте – «типичный представитель Севера». Молодежь саха наиболее важным (52 % ответов) считает быть жителем своей республики, затем гражданином России и представителем своего этноса. Коренные малочисленные народы Севера идентифицируют себя в первую очередь как граждане России, а затем – как представители этноса и жители Республики Саха (Якутия) и в последнюю очередь как представители Севера и сибиряки.

Поскольку наиболее важными для молодежи всех этнических групп являются (в том или ином порядке важности) идентичности российская, этническая и республиканская (Саха), то рассмотрим, как влияет тип брака родителей на отношение к этим трем типам самоидентификации у детей (табл. 4.12).

Для представителей всех этнических групп характерно, что степень значимости (ответ «очень важно») этнической самоидентификации для детей из этнически смешанных семей ниже, чем для детей из этнически однородных семей. Республиканская идентификация более значима для потомков моноэтнических семей саха, для них же оказывается очень важной и российская идентичность. Данный факт позволяет сделать заключение, что влияние этнически смешанного брака сказывается в размывании значимости самоидентификации как таковой. По всей вероятности, нахождение индивида на перекрестке культурных полей снижает для него ценность культурной или территориальной идентичности.

Таблица 4.12

Влияние типа брака родителей на отношение детей к самоидентификации, %

Тип брака родителей	Этнические группы	Насколько важно осознавать себя								
		представителем своего этноса (своей национальности)			жителем Республики Саха (Якутия)			гражданином России		
		Очень важно	Важно	Не важно	Очень важно	Важно	Не важно	Очень важно	Важно	Не важно
Этнически однородный брак	саха	43	45	12	53	40	7	47	46	7
	русские	34	39	27	12	34	54	75	21	4
	КМНС	44	38	18	40	52	8	50	42	8
	другие народы	32	36	32	11	30	59	55	37	9
Этнически смешанный брак	саха	22	50	28	22	47	28	22	44	28
	русские	25	41	35	8	35	57	71	24	5
	КМНС	36	52	11	39	52	10	53	40	7
	другие народы	17	40	43	16	38	46	51	39	10

Проследим взаимосвязь этих идентичностей со степенью адаптированности для наиболее многочисленных групп молодежи – саха и русских (табл. 4.13).

Определенная взаимосвязь идентичностей и адаптированности существует. Так, если для юношей и девушек та или иная идентичность очень важна, то доля хорошо адаптированных выше, а плохо адаптированных – ниже, чем в аналогичной группе считающих данную идентичность не важной. То есть степень оценки влияет на степень адаптированности, причем весьма заметно. Далее, среди относительно немногочисленной (11 %) группы русских, считающих очень важным быть жителем Республики

Таблица 4.13

Взаимосвязь степеней идентичности и адаптированности молодежи, % в группе

Осознавать себя	Саха						Русские					
	Очень важно		Важно		Не важно		Очень важно		Важно		Не важно	
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Представителем своего этноса	44	21	40	21	32	31	49	19	41	22	43	25
Гражданином России	44	19	38	22	31	39	44	21	46	21	35	30
Жителем Республики Саха (Якутия)	43	20	40	22	28	34	54	17	42	18	44	25

Саха, степень адаптированности самая высокая среди всего массива русских (54 % – хорошо адаптированных и лишь 17 % – адаптированных плохо). Так же высока адаптированность русских и саха с позитивным отношением к своей этнической принадлежности, в то время как она существенно ниже, если молодежь считает эту идентичность не важной. Аналогичная ситуация и с российской гражданской идентичностью: чем более позитивно к ней отношение – тем выше адаптированность молодежи.

На формирование этнического самосознания и самоидентификации, как мы уже заметили, значительно влияет тип брака родителей, что обуславливает сохранение и передачу традиций от поколения к поколению, отношение к языку и его сохранению, отношение к сказкам и преданиям своего народа. О влиянии традиций, религиозных представлений, владения родным языком на адаптированность молодежи более подробно будет сказано в следующем параграфе данной главы.

§ 4.4. Адаптивные механизмы инкультурации: традиции, религия, язык

Коренные преобразования в экономической, политической, культурной жизни россиян в последние два десятилетия усложнили процессы адаптации личности и социальных групп к новой реальности и, как следствие, повысился интерес исследователей к изучению различных аспектов этих процессов. Особенно актуальны эти исследования для регионов России с так называемыми культурными и цивилизационными «разломами» – зонами взаимодействия достаточно сильно различающихся этнических культур и цивилизаций. К числу этих регионов принадлежит и Республика Саха (Якутия), интенсивное промышленное развитие которой в советский и постсоветский периоды привело к осложнению во взаимоотношениях традиционной северной и современной индустриальной техногенной цивилизаций, еще более усилившемуся в результате рыночных реформ и сопутствующих им экономических и социальных кризисов. Если в советский период ускоренная индустриализация кардинально трансформировала традиционный сельский уклад жизни коренного населения – саха и привела их к массовому переселению в города, где ранее проживали преимущественно русские, то постсоветские реформы привели к деградации традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера, их миграции из кочевий в села и городские поселения. В свою очередь, в крупные города республики хлынули мигранты из республик Северного Кавказа, Средней Азии, еще более усложнив этническую и цивилизационную картину Якутии, процессы социализации и инкультурации.

Традиция как способ социокультурной адаптации выражает момент преемственности и устойчивости как в социализации, так и в инкультурации при передаче социального и культурного наследия от поколения к поколению. Традиции включают в себя объекты (материальные и духовные ценности), процессы и способы социокультурного наследования. «В качестве традиции выступают определенные культурные образцы, институты, нормы, ценности, идеи, обычаи, обряды, стили и т. д.»⁵⁶⁷.

Проблема традиций, особенно в контексте их взаимосвязи с инновациями и различными формами модернизации в постсоветской России («шоковая терапия», «разумный консерватизм»), является сложной и остро политической. «В сущности, речь идет о соперничестве за утверждение определенных ценностей и культурных образ-

⁵⁶⁷ *Культурологическая энциклопедия. В 2-х т. Т.2. М., 2007. С. 721.*

цов, которые имеют традиционное и инновационное измерение, – отмечает А.Б. Гофман, руководитель исследовательского проекта РГНФ «Традиции и инновации в постсоветской России. Культурные особенности, взаимодействие, динамика». – Борьба за прошлое становится составной частью борьбы за настоящее и будущее»⁵⁶⁸. По его мнению, «одним из аспектов рефлексивной модернизации в российском обществе сегодня должна стать *рефлексивная традиционность* (выделено А.Г.), предполагающая постоянное осмысление и анализ роли традиций и традиционности, их взаимодействие с инновационными процессами, понимание их сложности и неоднозначности»⁵⁶⁹. Одной из форм такой традиционности выступает социокультурный неотрадиционализм, который «представляет собой взаимообусловленный процесс, с одной стороны, непрерывного воспроизводства традиции, с другой – ее адаптации к современным условиям за счет инкорпорации новаций»⁵⁷⁰.

Материалы нашего исследования свидетельствуют о том, что, как и представлялось, традиция не относится к числу доминирующих ценностных ориентаций современной молодежи. В структуре индивидуальных ценностных ориентаций из 10 значимых по Ш. Шварцу ценностей (достижения, самостоятельность, безопасность, доброта, гедонизм, универсализм, стимулирование, власть, конформизм, традиция) она занимает последнее место и у русских, и у саха, и у коренных малочисленных народов Севера. Понятно, что в этом возрасте более значимы ценности достижения (успех в учебе, в профессии, карьера), самодостаточности, безопасности и т. п.

В то же время, если акцентировать внимание респондентов именно на оценке значимости традиций в жизни народа в целом, то молодежь демонстрирует себя как ярые традиционалисты. И с возрастом значение традиции – как абстрактной, так и конкретной ценности для индивида – только усиливается. Так, для сравнения были опрошены нами 140 человек саха и 25 русских респондентов в возрасте 30–58 лет, и согласны с утверждением «ничего нового нельзя построить без сохранения традиций» среди саха: 77 % в возрасте 13–18 лет; 78 % в возрасте 19–29 лет и 93 % в возрасте 30–58 лет. Среди русских – соответственно 62, 71, 84 %. Среди молодежи народов Севера эти показатели также высоки – 75–82 %. Как видим, при ответе на конкретный вопрос, требующий выбора: «Каково твое отношение к традициям и новациям?» с вариантами 1) «ничего нового нельзя построить без сохранения традиций» и 2) «ничего нового нельзя построить без разрушения традиций», во-первых, большинство молодежи всех национальностей выбирает первый вариант («сохранение традиций»), во-вторых, это большинство увеличивается с возрастом.

Более конкретно в данном исследовании изучалось отношение молодежи к одной группе традиций – родильным, свадебным, связанным с рождением ребенка, похоронным, т. е. так называемым обрядам жизненного цикла. Большинство молодежи (70 % среди саха, 63 % русских, 55 % среди представителей народов Севера) ответили, что эти обряды всегда, насколько они помнят, соблюдались в семьях их родителей, но 2–3 % молодежи из каждой группы ввели некоторые обряды в семейную тра-

⁵⁶⁸ Гофман А.Б. Традиции и инновации в постсоветской России: культурные особенности, взаимодействие, динамика // Вестник РГНФ. 2008. № 4. С. 109.

⁵⁶⁹ Там же. С. 110.

⁵⁷⁰ Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): Дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008. С. 166.

Таблица 4.14

**Влияние типа брака родителей на соблюдение традиций в семье,
% в группе**

Соблюдаются ли в семье Ваших родителей родильные, свадебные, похоронные обряды и традиции Вашего народа?	Этнические группы								
	саха			русские		КМНС		другие народы	
	Тип брака родителей								
	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	
Да, всегда	62	70	55	65	51	61	45	70	
Да, но это появилось недавно, и это была моя инициатива	4	3	2	2	4	2	2	1	
Да, но это появилось недавно и не по моей инициативе	6	5	2	5	8	6	3	6	
Нет, не выполняются	28	22	41	27	38	31	50	24	

дицию по своей инициативе, узнав о них на уроках, из книг и т. п. В остальных семьях (22 % саха, 31 % русских, 34 % народов Севера) эти обряды и традиции, судя по ответам молодежи, не выполняются.

При этом тип брака родителей также значительно влияет на сохранение и соблюдение традиций в семье (табл. 4.14).

Наиболее чтят традиции в моноэтнических семьях саха (70 %), но и в 65 % русских семей и 61 % семей КМНС, как выяснилось, традиции народа соблюдаются. В меньшей степени традиции соблюдаются в этнически смешанных семьях группы «другие народы». В целом необходимо отметить, что мы ожидали меньшую долю этнически смешанных семей, в которых соблюдаются этнические традиции. Поэтому данные результаты отчасти показали, что хоть этнически смешанный брак родителей и влияет на соблюдение и сохранение традиций в рамках семьи, но, тем не менее, не является доминантным фактором, который ведет к катастрофическим последствиям устранения этнического своеобразия.

В какой мере сопричастность юношей и девушек к данным традициям своего народа влияет на степень их социокультурной адаптированности?

Как показало исследование (табл. 4.15), существует четкая зависимость степени адаптированности молодежи всех национальностей от соблюдения (несоблюдения) традиций в семье родителей.

Таблица 4.15

**Взаимосвязь соблюдения традиций в семье родителей
и степени адаптированности молодежи, % в группе**

Традиции	Этнические группы											
	саха						КМНС			другие народы		
	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА
Соблюдаются	42	36	22	47	33	20	39	34	27	49	28	23
Не соблюдаются	35	41	23	38	35	27	40	34	26	36	29	35

Таблица 4.16

Распределение ответов респондентов о необходимости обрядов, традиций в современном обществе, % в группе

Обряды, традиции	Этнические группы			
	саха	русские	КМНС	другие народы
Да, нужны все	71	59	69	50
Да, нужны некоторые	15	16	17	19
Нет, не нужны	14	26	14	31

Во второй группе («традиции не соблюдаются») ниже доля хорошо адаптированных и выше – средне и плохо адаптированных в сравнении с первой группой. Наиболее заметна разница в показателях этих групп у молодежи других национальностей и русской молодежи, а наименее заметна – у молодежи народов Севера, в семьях родителей которой реже соблюдаются обряды и традиции жизненного цикла. Последний факт, возможно, обусловлен высокой долей смешанных браков, которые вынуждены заключать представители малочисленных народов Севера, оказавшиеся в условиях городского проживания. Как следствие возникает вопрос: «Нужны ли эти обряды, традиции в наши дни?» Распределение мнений молодежи по этому вопросу представлены в табл. 4.16.

Свыше половины молодежи всех национальностей считает, что все эти обряды и традиции нужны, и лишь менее трети (а среди саха и коренных малочисленных народов Севера – лишь каждый седьмой) – что не нужны. Рассмотрим, влияет ли тип брака родителей на формирование установок молодежи по отношению к сохранению традиций народа (табл. 4.17).

Как видим, респонденты, рожденные в этнически смешанных браках, чаще высказываются за сохранение традиций и обрядов в наши дни. Этот факт позволяет сделать вывод, что тип брака влияет на формирование отношения детей к сохранению традиций народа. Исследование также показало, что установка на необходимость обрядов и традиций коррелирует со степенью адаптированности молодежи (табл. 4.18).

Таблица 4.17

Влияние типа брака родителей на установку молодежи по сохранению традиций народа, % в группе

Нужны ли обряды и традиции в наши дни?	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	Тип брака родителей							
	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о
Да, нужны все	63	72	57	59	68	72	42	58
Да, нужны некоторые	12	16	18	15	17	17	25	13
Нет, не нужны	26	13	25	26	15	11	33	29

Таблица 4.18

**Необходимость обрядов, традиций
и степень адаптированности молодежи, % в группе**

Нужны ли обряды и традиции в наши дни?	Этнические группы											
	саха			русские			КМНС			другие народы		
	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА
Да, нужны все	43	38	19	49	33	18	39	33	27	51	26	23
Да, нужны некоторые	40	37	23	43	37	20	27	43	29	39	36	25
Нет, не нужны	31	36	33	36	34	30	50	24	26	39	26	35

Среди юношей и девушек, позитивно относящихся к сохранению обрядов и традиций в наше время, существенно больше доля хорошо адаптированных и ниже – плохо адаптированных, чем среди имеющих иное мнение (иные результаты у группы коренных малочисленных народов Севера, по всей вероятности, связаны с малочисленностью группы тех, кто выбрал ответ «не нужны»).

Мотивы, по которым молодежь признает необходимость обрядов в наши дни, разнообразны: у трети они не очень четко отрефлексированы («мне кажется, что они важны»); примерно треть отвечает, что «современная молодежь должна уважать знания и мудрость предков, выраженную в обрядах, традициях»; каждый пятый полагает, что эти обряды помогают чувствовать себя частью своего народа; 5–10 % отмечают, что им доставляет удовольствие участвовать в обрядах из-за их красоты (таковых больше всего среди русской молодежи); другие мотивы. Между содержанием мотивов и степенью адаптированности молодежи определенной корреляции не просматривается.

подавляющая часть молодых людей хотела бы, чтобы эти обряды, традиции сохранились в их собственных семьях (табл. 4.19).

При этом влияние этнически смешанных и этнически однородных семей также различается в зависимости от этнической принадлежности родителей. Так, дети, рожденные в моноэтнических семьях саха и группы «другие народы», более тяготеют к сохранению традиций и обрядов. Но влияние родителей саха и родителей из группы «другие народы», даже если семьи этнически смешанные, очень высоко. Так, 44 %

Таблица 4.19

Распределение мнений респондентов о необходимости преемственности обрядов, традиций, % в группе

Хотят ли сохранить традиции в собственной семье?	Этнические группы			
	саха	русские	КМНС	другие народы
Да	46	35	48	35
Скорее, да	40	37	36	37
Скорее, нет	10	18	12	17
Нет	4	11	4	12

Таблица 4.20

**Влияние типа брака родителей и установок молодежи по сохранению традиций
в собственной семье, % в группе**

Хотели бы Вы, чтобы традиции, обряды сохранились в Вашей собственной семье?	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	Тип брака родителей							
	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о
Да	32	47	35	35	49	48	27	42
Скорее, да	44	39	34	38	34	39	40	34
Скорее, нет	21	10	18	18	14	9	19	14
Нет	3	4	13	10	4	5	14	10

респондентов из этнически смешанных семей саха и 40 % из группы «другие народы» высказались, что они скорее хотели бы, чтобы традиции и обряды сохранились. В то же время какие-то, по всей вероятности личностные, установки в этнически смешанных семьях саха также повлияли и на нежелание сохранять традиции уже в собственной семье (21 %). На русскую молодежь и представителей КМНС тип брака родителей при формировании установок по сохранению традиций в их собственных семьях не влияет (табл. 4.20).

В то же время положительное отношение молодежи к соблюдению обрядов и традиций в собственной семье способствует повышению степени социокультурной адаптированности (табл. 4.21).

Чем более определенное и положительное отношение к обрядам и традициям в собственной семье, тем больше доля хорошо адаптированных и ниже – плохо адаптированных среди молодежи почти всех выделенных групп. Лишь в группе коренных малочисленных народов Севера эта закономерность выражена менее четко. Однако наиболее ярко ее можно заметить, если сравнить степени адаптированности между двумя группами респондентов: 1) одновременно положительно ответивших, что традиции и обряды всегда соблюдались в семье их родителей; что все эти традиции и обряды

Таблица 4.21

**Отношение молодежи к сохранению традиций и обрядов в своей семье
и степень их адаптированности, % по группе**

Хотят ли сохранять традиции в собственной семье?	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Да	44	20	48	19	37	26	49	21
Скорее, да	40	21	45	20	38	26	44	26
Скорее, нет	32	27	40	28	43	34	41	27
Нет	26	35	38	27	38	31	31	54

нужны в наши дни; что все они твердо хотели бы, чтобы традиции и обряды соблюдались в их собственных семьях, и 2) одновременно ответивших отрицательно на эти вопросы. Таким образом, мы имеем возможность провести сравнительный анализ по так называемым паттернам традиционализма и антитрадиционализма (табл. 4.22).

Таблица 4.22

**Влияние установок в отношении традиций и обрядов
на степень адаптированности личности, % в группе**

Типы личности	Этнические группы											
	саха			русские			КМНС			другие народы		
	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА	ХА	СА	ПА
Традиционалисты	46	35	19	50	33	17	41	33	26	53	24	23
Антитрадиционалисты	26	46	29	34	34	31	40	40	20	31	15	54

Как видим, традиционалистский тип личности существенно (в полтора–два раза) лучше адаптирован к социокультурным реалиям современной России, чем противоположный ему антитрадиционалистский. Некоторая неопределенность по данному показателю среди представителей малочисленных народов Севера требует дополнительного изучения, возможно, на большем массиве респондентов.

В целом же конкретное исследование позволяет сделать вывод о том, что и соблюдение традиций в семьях родителей, и позитивное отношение молодежи к необходимости традиций в наши дни, и установки юношей и девушек на преемственность традиций в своих семьях способствуют более успешной социокультурной адаптации молодежи разных национальностей.

Степень сформированности этнического самосознания юношей и девушек всех национальностей, как мы считаем, тесно связана не только с отношением к традициям своего народа, но и к языку и культуре в целом. Всем респондентам предлагался выбор из двух вариантов отношения к традициям и новациям: 1) «ничего нового нельзя построить без сохранения (разрушения) традиций» и 2) «ничего нового нельзя построить без разрушения традиций». Результаты опроса приведены в табл. 4.23.

Таблица 4.23

**Отношение молодежи разной степени сформированности
этнического самосознания к сохранению традиций, % в группе**

Степень сформированности этнического самосознания	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Сформировано	82	18	72	28	86	14	74	26
Частично сформировано	61	39	62	38	74	26	74	26
Не сформировано	56	44	50	50	62	38	57	43
В целом	78	22	64	36	82	18	69	31

Та молодежь, которая полагает, что «каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа» (т. е. характеризуется сформированным этническим самосознанием), имеет и самую большую долю выступающих за сохранение традиций при построении нового. При снижении степени сформированности этнического самосознания от полной через частичную – к «нулевой», т. е. несформированному этническому самосознанию (полагающих, что сейчас не имеет особого значения этническое самосознание, знание языка и культуры своего народа) доля выступающих за сохранение традиций неуклонно снижается. Минимальна эта доля (50 %) в относительно немногочисленной (25 % от всех) группе русской молодежи с несформированным самосознанием. В то же время отрадно отметить, что основная (58 %) масса русской молодежи, имеющая сформированное этническое самосознание и выступающая за сохранение традиций (72 % от данного типа), лучше всего адаптирована. Среди русских, высказывающихся за сохранение традиций, 47 % хорошо адаптированных и 21 % – плохо адаптированных, а среди тех, кто за разрушение традиций – соответственно 40 и 25 %.

Рассматривая религию как один из важнейших компонентов культуры, обуславливающий формирование аттитудов индивида, мы проанализировали взаимосвязь степени сформированности этнического самосознания и отношения к религии. Для русских юношей и девушек этническое самосознание в определенной мере коррелирует с религиозностью: чем оно полнее сформировано, тем больше доля верующих. Так, среди обладающих сформированным самосознанием отметили, что они верующие, 48 %, среди лиц с частично сформированным самосознанием – 43 %, а с несформированным – 40 %. В группе «другие народы» данная взаимосвязь прослеживается еще четче: 58 % – со сформированным этническим самосознанием, 49 % – с частично и 33 % с несформированным самосознанием. Но данная взаимосвязь прослеживается только в тех этнических группах, где достаточно большое количество верующих людей. Так, среди русской молодежи отнесли себя к верующим 45 %, в группе «другие народы» – 48 %, в то время как среди саха только 19 %. Поэтому для молодежи саха и малочисленных народов Севера, где небольшая доля респондентов высказали свое отношение к религии и вере, выявить взаимосвязь религиозности, вероисповедания и сформированности этнического самосознания в данном исследовании не удалось.

Также было выявлено, что чем полнее сформировано этническое самосознание, тем выше среди молодежи всех национальностей доля оптимистов – тех, кто видит будущее своего народа как успешно развивающегося (табл. 4.24).

Таблица 4.24

**Взаимосвязь полноты этнического самосознания
и оптимизма в отношении будущего своего народа, % в группе**

Степень сформированности национального самосознания	Этнические группы			
	саха	русские	КМНС	другие народы
Сформировано	61	76	51	64
Частично сформировано	54	70	36	61
Не сформировано	40	54	34	50

Кроме традиций и религии, мы рассмотрели взаимосвязь социокультурной адаптации и отношения молодежи к изучению родного языка. Формирование личности в рамках национальной культуры во многом определяется национальной языковой картиной мира и, в частности, тем семантическим пространством, в котором индивид оказывается с детства. Конечно, отсутствие в каком-нибудь языке отдельных слов для определенных явлений не означает, что говорящие на этом языке люди неспособны видеть эти явления среди остальных. Но вряд ли было бы правильным полностью отрицать саму проблему влияния особенностей языков на мышление индивида. Действительно, язык может благоприятствовать или не благоприятствовать выражению отдельных мыслей, концепций, в том числе философских систем, хотя, разумеется, не может быть причиной их возникновения. Язык, сформировавшийся в условиях богатых научных традиций и, соответственно, располагающий развитой терминологией, естественно, обладает определенными преимуществами в выражении специальных знаний по сравнению с языком, не имеющим таких традиций. Ю. Бромлей отмечал, что огромную роль в формировании психосемантического пространства в СССР играл билингвизм, поскольку в качестве языка межнационального общения выступал преимущественно русский.⁵⁷¹ Но даже уже в конце 1980-х исследователь отмечал тревожную тенденцию научного обоснования вредности билингвизма в детском возрасте.⁵⁷² Между тем, как свидетельствуют исследования зарубежных специалистов, в действительности овладение детьми в раннем возрасте вторым языком, как правило, лишь содействует развитию их познавательных способностей.⁵⁷³

В рамках нашего исследования мы проанализировали, как связана степень социокультурной адаптации с отношением к понятию «родной язык» (табл. 4.25).

Наиболее интересные результаты мы получили по группам КМНС и «другие народы». Так, отношение ко всем указанным языкам как к родным, за исключением эвенского, коррелирует с хорошей социокультурной адаптацией. Возможно, такое

Таблица 4.25

Взаимосвязь этнической самоидентификации, отношения к понятию «родной язык» и степени адаптированности молодежи, % в группе

Родной язык	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Якутский	41	22	43	20	71	0
Русский	42	25	45	22	46	25	40	31
Эвенский, эвенкский	32	32
Другой	49	29
Два языка	38	22	43	21	43	26	48	25

⁵⁷¹ См.: Бромлей Ю. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. № 7. 1988. С. 16–28.

⁵⁷² Там же; Хинт М. Проблема двуязычия: взгляд без розовых очков // Радуга. 1987. № 6. С. 72–78; № 7. С. 46–51.

⁵⁷³ См., например: Scutnall-Kangas T. Bilingualism or not: The Education of Minorities. L., 1984.

совпадение обусловлено немногочисленностью группы респондентов, считающих родным языком эвенский, а возможно, это как-то обуславливается социокультурным статусом данной группы. Для группы «другие народы» одновременное восприятия русского и якутского как двух родных языков повышает шансы на хорошую социокультурную адаптацию. В то время как для русских респондентов данная установка скорее способствует ухудшению социокультурной адаптации. Также отношение русских респондентов к якутскому языку как родному не является благоприятным фактором адаптации.

Рассмотрим более детально степень владения языком и адаптированность молодежи. Мы выбрали для анализа два языка, которые являются основными для общения в Республике Саха (Якутия), – якутский и русский (табл. 4.26 и 4.27).

Владение якутским языком (см. табл. 4.26) оказывает положительное влияние на степень адаптированности всех народов Республики Саха (Якутия). У саха, КМНС и других народов оно способствует увеличению доли хорошо адаптированных и уменьшению доли плохо адаптированных, у русских – уменьшению доли плохо адаптированных.

Таблица 4.26

Влияние выбора родного языка и степени владения якутским языком на адаптированность молодежи, % в группе

Степень владения якутским языком	Родной язык	Этнические группы							
		саха		русские		КМНС		другие народы	
		Степень адаптированности							
		ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Владеет (понимает, говорит, читает, пишет)	Якутский	41	22			46	20	69	0
	Русский			46	0				
	Эвенский, эвенкийский					39	17		
	Два языка	37	24			50	27	33	33
Частично владеет (читает и переводит со словарем; может говорить, но читать и писать не умеет; понимает, но не разговаривает)	Якутский	36	16						
	Русский	44	28	43	19	44	31	38	30
	Эвенский, эвенкийский					22	44		
	Другой								
Не владеет	Два языка	41	15			29	21	50	20
	Якутский								
	Русский	38	19	45	23	50	25	40	32
	Эвенский, эвенкийский					39	30		
	Другой							48	22
	Два языка					50	33	52	24

У саха частичное владение родным языком снижает адаптированность. Если родной язык у КМНС эвенский или эвенкийский, то более полное владение якутским приводит к увеличению доли хорошо адаптированных.

У «других народов» степень адаптированности самая высокая, если родной язык якутский и они им полностью владеют. Это связано с тем, что в этой группе около половины лиц с неопределившейся самоидентификацией (потомки межэтнических браков русских и якутов), но признавших своим родным якутский язык. Как видим, владение якутским языком в этом случае оказывает положительное влияние на их социокультурную адаптацию.

Для респондентов саха, считающих родным язык русский, ситуация незнания языка своей этнической группы также не является катастрофичной – 44 % хорошо адаптированных. При более детальном анализе, разграничивая группу частично владеющих родным языком, мы пришли к выводу, что для саха, умеющих говорить на родном языке, но не умеющих читать и писать, такая степень владения является неудовлетворительной (40 % – плохо адаптированных). Для тех представителей этнической группы, которые лишь понимают и даже не умеют говорить, актуальность знания грамматики языка снижается и в результате повышается доля хорошо адаптированных. Таким образом, получается, что чем хуже владеет человек родным языком (что, по всей вероятности, обусловлено социокультурными условиями среды), тем меньше ощущается дискомфорт.

Самым удивительным оказался факт, что среди тех саха, кто свободно владеет двумя языками (русским и якутским), доля хорошо адаптированных оказалась ниже, чем среди тех, кто ими владеет лишь частично. Таким образом, мы можем сделать вывод, что собственно не само знание и не сами навыки владения языком, а именно установки о мере достаточного знания, формируемые средой общения, обуславливают комфортные или дискомфортные условия для адаптации респондентов.

Для русских респондентов ситуация оказалась более прозрачной. Чем хуже респонденты владеют якутским языком, тем больше доля плохо адаптированных. Исключение составляют группа считающих, что читать и переводить со словарем – это недостаточно для проживания в Якутии, и группа тех, кто знает отдельные слова и полагает, что это более чем достаточно для общения с представителями другой этнической группы. Но это лишь подтверждает сделанный нами выше вывод.

Для группы КМНС ситуация более разнообразная. Лучше адаптированными оказались те, кто считает якутский язык родным и владеет им (46 %). Молодежь из числа КМНС, которая считает родным эвенский или эвенкийский язык, но не в полной мере им владеет, оказалась среди наиболее плохо адаптированной (44 % – доля плохо адаптированных). Детальная ситуация по эвенкам скорее демонстрирует недостатки системы образования, которая не позволяет эвенкам качественно овладеть якутским языком, что приводит к снижению степени адаптированности. Среди понимающих якутский язык – 57 % плохо адаптированных, а среди вообще не знающих его – 50 %. Но в целом подобная ситуация также может свидетельствовать не только об адаптационной функции владения языком, а об общей атмосфере социальной среды, в которой проживают эвенки, которая, по всей вероятности, не способствует социокультурной адаптации индивидов, поскольку, независимо от степени владения якутским языком, мы видим, что количество плохо адаптированных достаточно большое. С эвенками ситуация обстоит намного лучше.

Адаптированность представителей КМНС, которые обозначили в качестве родных якутский и русский языки, зависит от степени владения данными языками. Так, 50 % хорошо адаптированных оказались среди тех, кто в полной мере владеет навыками речи.

Среди представителей группы «другие народы», считающих якутский язык своим родным, хорошо адаптированных оказалось больше, чем по всем другим группам, – 69 %. Велика доля плохо адаптированных среди тех, кто считает родным русский язык и, соответственно, не владеет якутским, – 38 %. Таким образом, мы можем сделать заключение, что независимо от того, считают респонденты якутский язык родным или нет, владение им обуславливает степень социокультурной адаптации молодежи.

По результатам опроса по владению русским языком мы можем сделать аналогичное заключение. Так, среди саха, считающих родным якутский и понимающих, но не говорящих на русском (частичное владение), оказалось 42 % плохо адаптированной молодежи.

Мы можем также сделать вывод, что для представителей КМНС, считающих родным языком русский, этот факт является благоприятным фактором социокультурной адаптации молодежи (50 % хорошо адаптированных). В то же время повторяется ситуация с носителями эвенского языка, которых оказалось лишь 20 % среди хорошо адаптированных и 39 % среди плохо адаптированных, при условии хорошего знания русского языка. Создается ощущение, что владение любым другим языком приводит эвенов к ухудшению самовосприятия, что скорее обусловлено средой языкового общения. Поскольку для формирования навыков владения чужим языком представителям КМНС нужно жить и учиться в иноэтничной среде.

Интересны результаты по группе «другие народы»: самая большая доля хорошо адаптированных (71 %) (табл. 4.27) оказалась среди считающих родным якутский язык, но при этом в полной мере владеющих русским языком. Также в данной группе хорошие результаты по адаптации показали та часть молодежи, которая владеет и русским, и якутским языками, – 48 % хорошо адаптированных.

Таблица 4.27

Влияние выбора родного языка и степени владения русским языком на адаптированность молодежи, % в группе

Степень владения русским языком	Родной язык	Этнические группы							
		саха		русские		КМНС		другие народы	
		Степень адаптированности							
		ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Владеет (понимает, говорит, читает, пишет)	Якутский	41	21	43	20	71	0
	Русский	41	26	45	22	50	27	40	31
	Эвенский, эвенкийский	33	30
	Другой	47	30
	Два языка	39	22	38	23	43	26	48	24
	Все	41	21	44	22	40	26	44	28

Таблица 4.28

Влияние этнической самоидентификации, родного языка и владения языком своей национальности на адаптированность КМНС, % в группе

Степень владения эвенским, эвенкийским языками	Родной язык	Владение языками			
		Эвенским		Эвенкийским	
		Степень адаптированности			
		ХА	ПА	ХА	ПА
Владеет (понимает, говорит, читает, пишет)	Либо эвенский, либо эвенкийский	17	34	40	37
Частично владеет (читает и переводит со словарем; может говорить, но читать и писать не умеет; понимает, но не разговаривает)	Якутский	43	21	35	29
	Либо эвенский, либо эвенкийский	19	44	40	21
	Два языка	46	8	47	31
Не владеет	Якутский	41	20	47	15
	Русский	52	24	41	29
	Либо эвенский, либо эвенкийский	46	25	17	38
	Два языка	46	31	33	22

Как видим, практически все респонденты владеют русским языком. Доля лиц, частично владеющих русским языком, среди саха составляет чуть более 2 % и адаптированность их существенно ниже по сравнению с теми, кто свободно владеет русским.

Особенности этнокультурной адаптации представителей КМНС (табл. 4.28) подчеркивает тот факт, что, например, КМНС, считающие родным языком эвенский, демонстрируют плохую адаптированность к современным условиям (34 % – плохо адаптированных и только 17 % – хорошо адаптированных). И лучше адаптированными оказываются те представители КМНС, которые, считая родными языками русский и якутский, владеют некоторыми навыками эвенского (8 % плохо адаптированных).

Ситуация со знанием и владением эвенкийским языком более сложная – как его владение не всегда обуславливает адаптированность молодежи, так и частичное владение якутским языком также не влияет однозначно на повышение степени адаптированности респондентов. Даже при высокой доле (47 %) хорошо адаптированных среди частично владеющих эвенкийским языком и считающих родным два языка велика доля и плохо адаптированных – 31 %. В отношении эвенков интересен факт, что отношение к якутскому языку как родному и невладение родным языком оказывают благотворное влияние на их адаптацию.

При совпадении этнической самоидентификации и родного языка степень адаптированности эвенков, владеющих или частично владеющих языком своей национальности, самая низкая, в то время как у эвенков она низкая, когда, наоборот, они не владеют язы-

Распределение ответов молодежи на вопрос о значимости общения на языке своей национальности, % в группе

Тип брака родителей	Этнические группы	Разговаривать на языке своей национальности		
		Очень важно	Не очень важно	Не важно
Этнически смешанный брак	саха	22	50	28
	русские	50	32	18
	КМНС	26	49	24
	другие народы	12	51	36
Этнически однородный брак	саха	40	46	14
	русские	60	28	12
	КМНС	36	48	16
	другие народы	20	46	35

ком своей национальности. Мы выделили эвенский и эвенкийский языки, так как эвены и эвенки в группе коренных малочисленных народов Севера составляют большинство.

При несовпадении этнической самоидентификации и родного языка знание эвенкийского и эвенского языков на степень адаптированности КМНС не оказывает существенного влияния. В этих случаях нужно обратить внимание на знание языка, совпадающего с родным.

Мы рассмотрели вопрос о влиянии типа брака родителей на формирование отношения молодежи к потребности разговаривать на языке своей этнической группы (табл. 4.29). В результате были получены данные, свидетельствующие, что молодежь саха из моноэтнических семей продемонстрировала высокую заинтересованность в потребности ведения общения на языке своей этнической группы (40 % ответов «важно» и 14 % – «не важно» говорить на языке своего этноса).

У потомков саха из этнически смешанных семей потребность в разговоре на своем родном языке оказалась ниже (22 % ответов «очень важно» и 28 % – «не очень важно»), чем у потомков из этнически однородных семей. Такую же картину продемонстрировали и другие этнические группы. Но наиболее значимо говорить на родном языке оказалось для представителей русского этноса – как потомков моноэтнических браков (60 %), так и этнически смешанных (50 %). Таким образом, мы можем сделать вывод, что этнически смешанный брак родителей влияет на значимость использования родного языка в повседневной жизни, но данный факт не является доминирующим. Наиболее значимой, по всей вероятности является социально-политическая и экономическая ситуация в республике, которая обуславливает потребность индивидов в отстаивании своего права на межличностное общение на родном языке.

Сопоставим степень сформированности этнического самосознания и отношение к значимости общения на родном языке (табл. 4.30).

Таблица 4.30

**Степень сформированности этнического самосознания молодежи
и значимость общения на родном языке, % в группе**

Этнические группы	Степень сформированности этнического самосознания	Разговаривать на языке своей национальности					
		Важно		Не очень важно		Не важно	
		Адаптированность					
		ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Саха	Сформировано	41	21	42	19	42	24
	Частично сформировано	18	34	34	30	40	25
	Не сформировано	47	20	38	33	41	27
Русские	Сформировано	45	21	41	21	53	19
	Частично сформировано	53	15	43	22	44	26
	Не сформировано	37	28	45	24	45	25
КМНС	Сформировано	37	21	41	27	39	32
	Частично сформировано	14	71	48	19	31	38
	Не сформировано	60	40	41	18	38	23
Другие народы	Сформировано	45	26	51	21	52	12
	Частично сформировано	43	0	54	19	38	35
	Не сформировано	22	33	29	50	44	33

Как видим, для русских, представителей КМНС и группы «другие народы» отношение к родному языку как ценности, которая не столь значима, облегчает ситуацию этнокультурной адаптации. В отличие от них саха лучше адаптируются, признавая значимость своей культуры и языка. При этом степень сформированности этнического самосознания лишь подчеркивает отношение молодежи к сохранению традиций, культуры и языка своего народа.

Кроме факторов сформированности этнического самосознания и удовлетворения потребности общения на родном языке на степень адаптированности молодежи влияет и оптимизм в отношении будущего своего этноса. Так, юноши и девушки со сформированным этническим самосознанием и этническим оптимизмом лучше, как правило, адаптированы к современным реалиям (табл. 4.31). Рассмотрим данный вопрос на наиболее многочисленных группах молодежи – саха и русской.

Как видим, во-первых, во всех группах – со сформированным, частично сформированным и несформированным этническим самосознанием, как правило, снижается доля хорошо адаптированных и, соответственно, растет доля плохо адаптированных по мере уменьшения степени оптимизма – от уверенности в успешном будущем своего народа до неопределенности и пессимизма в отношении этого будущего. Исключением является группа русской молодежи с частично сформированным самосознанием. Во-вторых, лучше адаптированы оптимисты со сформированным этническим самосознанием.

**Взаимосвязь этнического самосознания,
оптимизма и степени адаптированности, % в группе**

Каким Вы видите будущее своего народа?	Этнические группы											
	саха						русские					
	Сформи- ровано		Частично сформи- ровано		Не сфор- мировано		Сформи- ровано		Частично сформи- ровано		Не сфор- мировано	
	Степень адаптированности											
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Мой народ будет успешно развиваться	49	16	37	28	42	31	51	17	55	16	45	16
У моего народа не будет особых взлетов и падений	30	22	34	30	47	21	27	29	32	27	44	27
Будущее моего народа находится под угрозой	32	29	20	30	20	43	33	44
Будущее моего народа неопределенно	30	31	13	39	33	33	28	37	37	20	32	43

Примечание: «...» – группа малочисленна

Этнокультурная адаптация, будучи составной частью этнокультурных процессов инкультурации и аккультурации и одновременно совместно с социализацией являясь подсистемой социокультурной адаптации, требует для своего адекватного понимания и эмпирического исследования взаимосвязи социальных, культурных и личностных факторов в соответствии с разделяемым нами представлением П.А. Сорокина о социокультурности как интегральном единстве личности, культуры и общества.

В нашем исследовании социальность, культура и личность представлены различными показателями и индикаторами. Рассмотрим связь этнического самосознания (как единства социальности и культуры) с личностными характеристиками по методике индивидуально-типологического опросника (ИТО) Л.В. Собчик и влияние этой связи этнокультурных и личностных факторов на степень адаптированности молодежи разных этнических групп.

Из опросника Л.В. Собчик были выбраны в данном анализе ответы респондентов на три вопроса с вариантами «согласен», «не согласен»: 1) «решая серьезные проблемы, я, как правило, обхожусь без посторонней помощи»; 2) «я умею заинтересовать людей и повести их за собой»; 3) «я добиваюсь своего упорством и настойчивостью». Комбинация ответов респондента «согласен» одновременно на все три вопроса дает нам тип человека самостоятельного – лидера – настойчивого, что отвечает духу нынешних трансформаций в России и адаптации к ним. Антиподом ему является тип личности с ответами «не согласен» по всем трем вопросам.

Рассмотрим, как адаптируются различные типы личности в различных группах по типу этнического самосознания. Ввиду большого числа возможных комбинаций ответов на эти вопросы во взаимосвязи и для надежности выводов приведем данные

Таблица 4.32

**Взаимосвязь полноты этнического самосознания,
типа личности и степени адаптированности, % в группе**

Степень сформированности национального самосознания	Тип личности	Этнические группы			
		саха		русские	
		ХА	ПА	ХА	ПА
Сформировано	Самостоятелен – лидер – настойчив	51	14	51	21
	Несамостоятелен – не лидер – не настойчив	32	32	38	24
Частично сформировано	Самостоятелен – лидер – настойчив	33	22	53	26
	Несамостоятелен – не лидер – не настойчив	36	36	25	25
Не сформировано	Самостоятелен – лидер – настойчив	48	24	47	21
	Несамостоятелен – не лидер – не настойчив	33	34	11	44

только по наиболее многочисленным группам респондентов из числа молодежи саха и русских (табл. 4.32).

В группе русской молодежи сформированного типа национального самосознания треть (31 %) лиц самостоятельных, с лидерскими качествами, настойчивых. Примерно столько же (27 %) таковых и в аналогичной группе молодежи саха. Юноши и девушки такого типа самосознания и типа личности намного лучше адаптированы, чем их антиподы – лица несамостоятельные, без качеств лидера, не настойчивые. Среди русской молодежи лучше всего адаптированы юноши и девушки немногочисленной группы с частично сформированным типом этнического самосознания и активным типом личности.

Если юношам и девушкам нравится их национальность и они относятся к тому типу личности, который характеризуется комплексом таких качеств, как самостоятельность – лидерство – настойчивость, то они отличаются самым высоким уровнем адаптированности: среди саха – 51 % хорошо адаптированных (14 % – плохо адаптированных), среди русских соответственно 51 и 21 %, среди КМНС – 58 и 17 %, в группе «другие народы» – 59 и 22 %. Достоверные данные для полного анализа получают только по данной группе молодежи, поэтому мы ограничились результатами опросов двух этнических групп.

Ввиду малочисленности групп молодежи, которой не нравится их национальность, проследить взаимосвязь данного фактора с активным типом личности и степенью адаптированности сложно. Однако при любой комбинации этих трех индивидуально-типологических качеств адаптированность низкая, если респондент негативно относится к своей этнической идентификации: по группе молодежи саха, например, которой не нравится своя национальность, лишь 19 % хорошо адаптированных, а 42 % – плохо. Если же юноши и девушки относятся нейтрально к своей национальности или не задумывались о ней, то адаптированность выше средней по каждой этнической группе у активной молодежи (самостоятельной – лидер – настойчивость), хотя она и ниже, чем у соответствующей группы молодежи, которая позитивно воспринимают свою этническую идентичность.

То есть удовлетворенность этнической самоидентификацией – мощный фактор успешной адаптации, превышающий по своей силе личностную активность. Поэтому формирование у юношей и девушек всех национальностей этнического самосознания, позитивного отношения к своей национальности, к культуре и традициям своего народа есть важное условие их успешной адаптации к реалиям современной России.

Использование в данном исследовании комплекса социологических и социально-психологических методик при опросе всех респондентов позволило выявить степень адаптированности различных социокультурных типов личности, в которых интегрированы их социальные, культурные и личностные характеристики. Рассмотрим адаптированность социокультурных типов, выделенных по комплексу ценностных характеристик «полнота этнического самосознания – коллективизм – успех – карьера» и «полнота этнического самосознания – индивидуализм – успех – карьера». Полнота этнического самосознания отражает социально-культурные качества личности, коллективизм или индивидуализм – социальные качества, а ориентации (или не ориентации) на успех и карьеру в жизни относятся к характеристикам «профиля личности» в методике исследования ценностных ориентаций Ш. Шварца. Из 40 вопросов данной методики мы выделили два, относящихся к ценности «достижения» по Ш. Шварцу, – успех и карьера, – как наиболее актуальные для молодежи, получающей среднее специальное и высшее образование. Все юноши и девушки отвечали на вопросы, насколько поведение описываемого человека похоже на них. Первый вопрос гласил: «Для него очень важно преуспеть в жизни. Ему нравится производить впечатление на других». Второй: «Продвижение вперед в жизни важно для него. Он стремится делать все лучше, чем другие». На каждый вопрос респондент мог ответить один раз: «очень похож на меня», «похож на меня», «в некоторой степени похож на меня», «немного похож на меня», «не похож на меня», «совсем не похож на меня».

В анализе результатов исследования (таблица 4.33) агрегированы ответы: «очень похож на меня» и «похож на меня»; «в некоторой степени похож на меня» и «немного похож на меня»; «не похож на меня» и «совсем не похож на меня».

В группе молодежи со сформированным этническим самосознанием социокультурный тип «коллективизм – успех – карьера» со степенью сходства «очень похож на меня» и «похож на меня» составил 29 % среди саха и 30 % – среди русских; «немного похож на меня» – соответственно 16 и 14 %. Социокультурный тип «индивидуализм – успех – карьера» с ответами «очень похож на меня» и «похож на меня» – 10 % среди саха и 9 % – среди русских, т.е. он втрое реже представлен среди молодежи, чем первый тип.

В группах с частичным или несформированным самосознанием различные социокультурные типы немногочисленны: по несколько процентов от численности каждой этнической группы. Ввиду малочисленности групп с частично сформированным и несформированным этническим самосознанием невозможно выделить типы со степенью сходства «не похож» и «немного похож», поэтому наиболее достоверные данные для полного анализа получаются только по группе молодежи со сформированным этническим самосознанием.

Таблица 4.33

**Степень адаптированности различных социокультурных типов молодежи,
% в группе**

Полнота сформированности этнического самосознания	Характеристики	Степень сходства	Этнические группы			
			саха		русские	
			Степень адаптированности			
			ХА	ПА	ХА	ПА
Сформировано	Коллективизм – успех – карьера	Похож на меня	51	16	50	19
		Немного похож на меня	40	20	28	29
		Не похож на меня	32	28	49	19
	Индивидуализм – успех – карьера	Похож на меня	48	22	45	25
		Немного похож на меня	31	28	40	16
		Не похож на меня	30	30	11	67
Частично сформировано	Коллективизм – успех – карьера	Похож на меня	22	32	52	24
		Немного похож на меня	17	38	35	12
	Индивидуализм – успех – карьера	Похож на меня	53	27	56	11
Не сформировано	Коллективизм – успех – карьера	Похож на меня	52	12	48	28
	Индивидуализм – успех – карьера	Похож на меня	48	19	52	39

В этой группе заметно, что лучше всего адаптированы юноши и девушки, идентифицировавшие себя как стремящиеся к успеху и карьере, в то же время придерживающиеся ценностей коллективизма. По мере снижения степени сходства с этим социокультурным типом адаптированность снижается. Этот вывод справедлив и для группы молодежи с несформированным этническим самосознанием.

Следует отметить, что «коллективисты», обладающие сформированным сознанием, адаптированы несколько лучше, чем «индивидуалисты» в соответствующих группах по степени сходства. Если же этническое самосознание молодежи не сформировано или частично сформировано, то ориентированные на успех и карьеру адаптированы, как правило, хорошо, причем среди русских выделяется относительно немногочисленная группа (1–2 % от всех) индивидуалистов, которая адаптирована лучше коллективистов. Однако основной вклад в успешную социокультурную адапта-

цию вносят все же самые многочисленные группы молодежи с коллективистскими ценностными ориентациями и четкими ориентациями на успех и карьеру в жизни.

Этот вывод справедлив не только для саха и русских, но и для молодежи всех национальных групп республики: среди молодежи коренных малочисленных народов Севера, обладающих сформированным этническим самосознанием, коллективистскими ценностями и ориентирующимся максимально на успех и карьеру хорошо адаптированных 77 %, в аналогичной группе «других народов» – 61 %.

Аналогичная картина имеет место и для социокультурных типов, где вместо признака «сформированность этнического самосознания» выделен признак «будущее моего народа» (табл. 4.34).

Очень хорошо адаптированы юноши и девушки всех национальностей, настроенные оптимистично в отношении будущего своего народа, максимально ориентированные на успех и карьеру. Среди малочисленных народов Севера в этом социокультурном типе 69 % хорошо адаптированных, среди молодежи «других народов» – 64 %.

Пессимисты и особенно не имеющие определенной позиции в отношении будущего своего народа адаптированы плохо: ниже среднего уровня в своей этнической группе.

Если выделить социокультурные типы по степени сформированности национально-го самосознания и характеристикам профиля личности по ценности «власть» в методике Ш. Шварца – «быть свободным в планировании и выборе своей деятельности» (свобода) и «быть лидером», – то в результате опроса установлено, что юноши и девушки со сформированным этническим самосознанием, очень похожие или похожие на тех, кому нравится свобода деятельности и лидерство, и разделяющие ценности коллективизма, лучше адаптированы, чем те, кто в этом комплексе качеств разделяет ценности индивидуализма. Так, среди саха – коллективистов хорошо адаптированных 49 % (плохо адаптиро-

Таблица 4.34

Степень адаптированности различных социокультурных типов молодежи в зависимости от отношения к будущему своего народа, % в группе

Каким Вы видите будущее своего народа?	Характеристики	Степень сходства	Этнические группы			
			саха		русские	
			Степень адаптированности			
			ХА	ПА	ХА	ПА
Мой народ будет успешно развиваться	Оптимизм– успех– карьера	Похож	57	17	56	17
		Немного похож	46	19	34	22
		Не похож	38	25	42	29
Будущее моего народа находится под угрозой	Пессимизм – успех – карьера	Похож	42	22	29	47
		Немного похож	30	27
Будущее моего народа неопределенно	Неопределенность – успех – карьера	Похож	36	26	36	33
		Немного похож	16	38	33	44

Примечание: «...» – группа малочисленна.

ванных – 16 %), среди русских в аналогичной группе – 54 и 16 % соответственно. Среди индивидуалистов эти показатели таковы: в группе саха – соответственно 37 и 20 %, в группе русских – 45 и 29 %. То есть свобода и лидерство дают юношам и девушкам возможность лучше адаптироваться в комплексе качеств коллективизма, нежели индивидуализма, что является отражением соответствующего менталитета русских и саха как представителей российской евразийской цивилизации.

В следующем параграфе мы представим на основе результатов наших исследований синтетические модели аккультурационных стратегий, которые используются респондентами, и покажем, как выбор той или иной модели влияет на адаптированность субъекта.

§ 4.5. Модели этнокультурной адаптации

Модели адаптации, т. е. типы стратегий, выбираемые адаптантом для приспособления к изменившимся (меняющимся) условиям среды, разнообразны и зависят как от объективных характеристик среды (физических, культурных, социально-экономических, политических и др.), так и от субъективных характеристик адаптантов (целей адаптации, адаптационных ресурсов, адаптационного потенциала и т. п.).⁵⁷⁴

В синтетической модели этнокультурной адаптации сложно разделить стратегии социализации, инкультурации и аккультурации: в деятельности индивидов и групп они реализуются как единый процесс, с доминированием того или иного аспекта в тот или иной период времени. Однако поскольку в современных условиях интенсификации межэтнических контактов в мире, в том числе в России, особую актуальность приобретают процессы аккультурации, то остановимся в первую очередь на исследовании аккультурационных стратегий (моделей поведения) молодежи.

Одной из первых крупных работ по аккультурации было исследование Херсковича. Позже Грейвз⁵⁷⁵ обосновал разделение аккультурации на групповую (изменение социальной структуры, экономики, политики) и личностную (психологическую, включающую изменение идентичности, ценностей, установок). Аккультурационные стратегии, выбираемые индивидом или группой, подверженной влиянию условий трансформации окружающей среды, могут привести к состоянию адаптированности (психологической и социокультурной) или аккультурационному стрессу (например, к чувству неуверенности, беспокойству и даже психическим заболеваниям⁵⁷⁶). Рассмотрим, на какие типы подразделяются эти стратегии.

Стратегии межкультурного взаимодействия состоят из двух компонентов: социокультурных установок и реальной модели поведения индивида в конкретных ситуациях, которые, как подметил Дж. В. Берри, редко совпадают. Это несоответствие объясняется усвоением формализованных моделей поведения, зачастую расходящихся с мотивацией личности в принятии тех или иных поведенческих решений, а также социальными ограничениями поведения (нормы, возможности и т. д.). Дж. В. Берри

⁵⁷⁴ См.: Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.

⁵⁷⁵ См.: Graves T.D. Psychological acculturation in a tri-ethnic community // South-Western Journal of Anthropology. 1967. V. 23. P. 337–350.

⁵⁷⁶ См.: Al-Issa I., Tousignant M. (Eds). Ethnicity, Immigration and Psychopathology. New York, 1997.

проводил различия между стратегиями ассимиляции и интеграции, а также между стратегиями сепарации и маргинализации как различными способами осуществления аккультурации (как групп, так и отдельных людей)⁵⁷⁷.

В основе типологии лежат два критерия ориентации людей: 1) на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и 2) на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами).

С учетом указанных критериев можно выделить четыре типа аккультурации – как избираемой этнокультурными группами, так и реализуемой в обществе в целом, чаще всего доминантными группами (А. Furnham, S. Bochner, 1986⁵⁷⁸, J. W. Berry, 1997⁵⁷⁹). При доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия индивид выбирает стратегию *сепарации*. И напротив, когда люди придают значение сохранению собственной культуры, но в то же время не ограничивают взаимодействие с другими культурами, осуществляется стратегия *интеграции*, что в обществе (при выборе данной стратегии доминирующей группой) именуется политикой мультикультурализма. Если же у индивида мало возможностей или заинтересованности в сохранении своей культуры при наличии желания взаимодействия с другими культурными группами то, скорее всего, будет осуществляться *ассимиляционная* стратегия. Когда же данный тип аккультурационной стратегии избирается в качестве доминантного в обществе, то реализуется идея «плавильного котла» (унификации этнических характеристик). Стратегия *маргинализации* отличается слабой заинтересованностью во взаимосвязи с другими группами (возможно, по причине исключения или дискриминации).

Как отмечает Е.Е. Будалина⁵⁸⁰, разница между данной типологией С. Бочнера и усовершенствованным ее вариантом Дж.В. Берри заключается в том, что С. Бочнер акцентировал внимание на последствиях адаптации в новой культуре – принятии индивидом определенной стратегии поведения: «посредник», или «медиатор», синтезирующий обе культуры, «перебежчик», ассимилирующийся в культуру большинства, «маргинал», колеблющийся между двумя культурами, «шовинист», преувеличивающий значимость своей культуры, а Дж. В. Берри – на начале взаимодействия между индивидом и новой доминантной группой: на том, что выбор определенной стратегии будет зависеть от того, насколько важно для индивида поддержание собственной культуры, с одной стороны, и участие в межкультурных контактах – с другой стороны. Причем, исключительно стратегию «посредника» Дж.В. Берри рассматривал как подлинную попытку решить проблему согласования межэтнических взаимоотношений⁵⁸¹.

⁵⁷⁷ См.: Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков, 2007. С. 381.

⁵⁷⁸ См.: Furnham A., Bochner S. Culture shock. Psychological Reactions to Unfamiliar Environments. London; New York, 1986.

⁵⁷⁹ Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An international review. 1997. V. 46, № 1. P. 5–34.

⁵⁸⁰ См.: Будалина Е.Е. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде (на материале исследования удмуртского и коми-пермяцкого этносов): Дисс. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2004. С. 35–36.

⁵⁸¹ См.: Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural Psychology: Research and Applications. Cambridge, 1992.

В последние годы идет активное усовершенствование приведенной типологии. В частности, в более поздних исследованиях показано, что не бывает единой аккультурационной стратегии индивида или группы. Субъективно существует несоответствие автономно существующих аккультурационных стратегий:

а) аккультурационных стратегий самокатегоризации как внутренней позиции индивида относительно его принадлежности к своей этнической группе (диссоциативной стратегии как определение своей позиции только в пределах своей этнической группы и аккультурационной стратегии как категоризации себя через принадлежность к двум и более этническим группам);

б) аккультурационных стратегий культурной адаптации как отношения к иным этническим группам (ассимиляционной стратегии как определения себя в пределах этнической группы большинства и аккультурационной стратегии как категоризации себя через принадлежность к двум и более этническим группам) (N. Nutnic, 1991)⁵⁸².

Выбор аккультурационной стратегии также зависит от сферы жизнедеятельности индивида: в разных сферах (бытовой, культурной, институциональной) мигранты выбирают различные аккультурационные стратегии (R. A. Kozulin, A. Venger, 1994), от «желательности»/«не желательности» определенных групп мигрантов для группы большинства (A. Montreuil, R. Y. Bourhis, 2001)⁵⁸³.

Изучение аккультурационных стратегий становится особенно актуальным, когда мы начинаем проводить параллели между стратегией, выбираемой индивидом, и стратегией, выбираемой государством в качестве основы для государственной политики. Так, Е.А. Белякова, анализируя поликультурализм и мультикультурализм как основу государственной политики, делает вывод, что «наибольшая проблема, порождаемая поликультурализмом, проявляется в конфликтном взаимодействии “большинства” и “меньшинства”. Рост этнической активности русских оценивается в контексте мультикультурализма либо как ответ на предшествующую активизацию этнических меньшинств, либо как реакция на государственную политику, представление о которой сложилось как о несправедливой, направленной на поддержку одних этнических общностей в ущерб другим»⁵⁸⁴.

В комплексном социологическом, социально-психологическом и психологическом исследовании, проведенном в Республике Саха (Якутия), изучались мнения и установки, на основе которых можно выявлять выбираемые молодежью, представляющей различные территориальные и этносоциальные общности, адаптационные стратегии поведения.

Рассмотрим в первую очередь стратегии адаптации к среде в целом, а затем – более частные стратегии адаптации в конкретных сферах жизни – образовании, труде и т. п.

Для обоснования представленной методики определения выбора аккультурационной стратегии индивидов необходимо обратиться к теории Тайфеля о социальной

⁵⁸² Цит. по: Будашина Е.Е. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде (на материале исследования удмуртского и коми-пермяцкого этносов): Дисс. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2004. С. 35–36.

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. С. 14–15.

**Этническая и гражданская самоидентификация молодежи
Республики Саха (Якутия), % в группе**

Этнические группы	Значение этнической самоидентификации			Значение гражданской (русской) самоидентификации		
	Очень важно	Важно	Не важно	Очень важно	Важно	Не важно
Саха	41	46	13	47	46	7
Русские	32	40	29	73	22	5
КМНС	39	47	14	52	40	8
Другие народы	24	39	37	51	39	10

идентичности и концепции Камилъери о стратегиях идентичности⁵⁸⁵. Как и стратегия аккультурации, самоидентификация базируется на: 1) идентификации себя с культурным наследием и этнокультурной группой (этническая самоидентификация); 2) идентификации с большим сообществом (гражданская самоидентификация).

Для анализа выбора аккультурационной стратегии по теории Камилъери мы предложили респондентам ответить на вопрос «Насколько важно для Вас осознавать себя»: 1) представителем своего этноса (своей национальности); 2) гражданином России (табл. 4.35).

Результаты опроса показали, что этническая идентификация в равной степени важна (ответы «очень важно» и «важно») для респондентов якутской, русской национальности и представителей коренных малочисленных народов. В меньшей степени – для представителей прочих этнических групп. Ощущение себя гражданами России также имеет высокое значение для всех опрошенных групп, особенно для русских.

Полученные результаты позволили нам выявить доминантные виды аккультурационных стратегий на основе соотнесения на индивидуальном уровне ранжирования этнической и гражданской самоидентификаций (теория Камилъери). Так, при определении респондентом как «очень важной» или «важной» этнической и гражданской (русской) самоидентификации данный индивид был отнесен в группу «*мультикультуралистов*» (тип стратегии – интеграция). При доминировании значимости этнической идентификации над русской респондент причислен к группе лиц, избравших стратегию *сепарации*. Нивелирование и этнической, и гражданской (русской) самоидентификации определялось нами как выбор стратегии «*маргинала*». Доминирование гражданской (русской) идентификации над этнической соответствует реализации индивидом *ассимиляционной* стратегии аккультурации.

Данная группировка результатов опроса позволила нам выявить декларируемые респондентами стратегии аккультурации (табл. 4.36).

⁵⁸⁵ См. *Tajfel H.* (Ed). *Differentiation between Social Groups*. London, 1978; *Brewer M.* The social self: On being the same and different at the same time// *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991. P. 475–482; *Kalin R. Berry J.W.* Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // *Canadian Ethnic Studies*. 1995. V. 27. P. 1–15.

Таблица 4.36

Тип выбора аккультурационной стратегии и этничность, % в группе

Тип стратегии	Этнические группы			
	саха	русские	КМНС	другие народы
Интеграция	72	61	70	52
Сепарация	9	3	10	6
Ассимиляция	15	30	15	32
Маргинализация	2	3	2	6

Анализ аккультурационных стратегий по модели Камилъери позволил выявить высокие показатели у саха и у представителей коренных малочисленных народов Севера, декларирующих выбор стратегии интеграции. Ниже данный показатель у русских, еще ниже – у группы «прочие народы». Небольшие группы саха и КМНС ориентированы на сепарацию. Самые низкие показатели по данной стратегии: 3 % у русских и 6 % у группы «другие народы». Правда, и самые высокие показатели по ассимиляции также у данных групп. Маргинализация как стратегия аккультурации была одобрена крайне малым числом респондентов. Полученные данные свидетельствуют о довольно высоком уровне расположенности респондентов к межкультурному взаимодействию (интеграции и ассимиляции).

Мы предположили, что с детства микросреда, в которой формируется личность ребенка, накладывает отпечаток на выбор той или иной аккультурационной стратегии. И для подтверждения нашей гипотезы рассмотрели вопрос о взаимосвязи типа брака родителей с выбором молодежью той или иной аккультурационной стратегии (табл. 4.37).

Данные нашего исследования показали, что тип брака родителей действительно влияет на выбор аккультурационной стратегии. Так, для представителей всех (кроме КМНС) этнических групп, рожденных в этнически смешанном браке, более характерна стратегия ассимиляции, в то время как молодежь, рожденная в моноэтнических семьях, склонна выбирать стратегию интеграции. Для КМНС ситуация обратная.

Таблица 4.37

Влияние типа брака родителей на выбор аккультурационной стратегии молодежи, % в группе

Тип стратегии	Этнические группы							
	саха		русские		КМНС		другие народы	
	Тип брака родителей							
	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о	Э/с	Э/о
Интеграция	60	75	57	65	76	69	51	57
Сепарация	9	10	2	3	8	11	4	7
Ассимиляция	29	14	38	29	14	18	37	31
Маргинализация	2	2	3	3	8	5

**Взаимосвязь этнического самосознания
и типов аккультурационных стратегий молодежи, % в группе**

Тип стратегии	Этнические группы								
	саха			русские			КМНС		
	Этническое самосознание								
	сформировано	частично сформировано	не сформировано	сформировано	частично сформировано	не сформировано	сформировано	частично сформировано	не сформировано
Интеграция	86	9	5	66	16	19	76	13	10
Сепарация	85	6	9	73	0	27	87	7	7
Ассимиляция	57	22	21	45	22	33
Маргинализация	52	12	36	22	22	57	50	33	17

Мы уже показали выше взаимовлияние степени сформированности этнического самосознания и уровня адаптации индивида. Рассмотрим, как связаны типы аккультурационных стратегий молодежи со степенью сформированности этнического самосознания (табл. 4.38).

Большая доля респондентов со сформированным этническим самосознанием избирает стратегии сепарации и интеграции. Среди ориентирующихся на ассимиляцию или маргинализацию резко возрастает доля лиц с частично сформированным и несформированным самосознанием. Особенно заметен этот эффект у русских. Так, среди ассимилирующихся, составляющих 30 % общей численности всей группы русской молодежи, менее половины имеют сформированное этническое самосознание, а треть – несформированное; в группе «маргиналов» последних вообще 57 %.

Результаты исследования показали, что существует зависимость между снижением уровня сформированности этнического самосознания и уровнем адаптированности молодежи. Выявление данной зависимости позволяет сделать заключение о том, что стратегии ассимиляции и маргинализации являются наименее эффективными моделями этнокультурной адаптации.

На основании полученных нами выше результатов мы уже сделали вывод о влиянии типа брака родителей на уровень сформированности этнического самосознания. Для полноты представленной картины рассмотрим, как связаны уровень сформированности этнического самосознания, тип брака родителей и выбор молодежью аккультурационной стратегии (табл. 4.39).

В результате оказалось, что саха, рожденные в этнически смешанных браках и выбирающие стратегию ассимиляции, характеризуются несформированным этническим самосознанием в большей степени, чем те, кто рожден в моноэтническом браке. То есть если в первом случае мы можем предположить, что микросреда общения ребенка с детства обусловила низкий уровень сформированности этнического самосознания (а это,

Таблица 4.39

Взаимосвязь типа брака родителей, выбора молодежью аккультурационной стратегии и степени сформированности этнического самосознания, % в группе

Тип стратегии	Этнические группы																	
	саха						русские						КМНС					
	Тип брака родителей																	
	Э/с			Э/о			Э/с			Э/о			Э/с			Э/о		
	Степень сформированности этнического самосознания																	
	Сф	Чс	Нс	Сф	Чс	Нс	Сф	Чс	Нс	Сф	Чс	Нс	Сф	Чс	Нс	Сф	Чс	Нс
Интеграция	78	17	4	87	9	5	64	14	22	66	16	18	75	13	13	78	15	7
Сепарация	90	10	0	85	6	9	73	0	27	80	7	13	100	0	0
Ассимиляция	35	18	47	62	22	16	39	24	38	47	21	32	60	16	24	74	16	11
Маргинализация	0	0	100	59	11	30	20	20	60

Примечание: «Сф» – сформировано; «Чс» – частично сформировано; «Нс» – не сформировано.

возможно, повлекло за собой и выбор ассимиляционной стратегии), то во втором случае данный вывод уже несостоятелен. Поскольку выбор аккультурационной стратегии скорее либо обусловлен современной ситуацией проживания индивида, когда легче приспособиться, либо это сознательный выбор в силу каких-то личностных доминант. Что касается маргиналов, то мы видим, что их выбор аккультурационной стратегии безусловно связан с несформированным этническим самосознанием.

Для других этнических групп ситуация аналогичная. Лишь хотелось бы отметить большую долю русских респондентов, избирающих стратегию маргинализации и являющихся потомками этнически однородных браков с несформированным этническим самосознанием. А также представителей КМНС со сформированным этническим сознанием, которые, независимо от типа брака родителей, также выбирают стратегию ассимиляции.

В выборе типа аккультурационной стратегии молодежью важную роль, как показало исследование, играют традиции – родильные, свадебные, похоронные и другие: соблюдаются ли они в семье родителей, отношение юношей и девушек к ним, наличие или отсутствие желания сохранить их в собственной семье. Это совпадает с выводом У. Найссера о том, что люди могут вести себя адаптивно в ситуациях, допускающих только ограниченное число вариантов поведения⁵⁸⁶. При неограниченном выборе вариантов поведения выбор оптимального становится невозможным, в результате чего наступает состояние дезадаптированности.⁵⁸⁷ Таким образом, традиции и их соблюдение становятся одним из механизмов адаптации человека.

Для молодежи всех этнических групп характерно, что больше всего соблюдаются традиции в семьях молодежи, выбирающей стратегии сепарации и интеграции, и менее всего – выбирающей стратегии маргинализации и ассимиляции. Аналогично обстоит дело и с отношением к традициям и обрядам в наши дни: нужны ли они, хотели бы юноши и девушки сохранить их в своих семьях.

⁵⁸⁶ См.: Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.

⁵⁸⁷ См.: Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М., 2010.

**Взаимосвязь передачи традиций в двух поколениях семей
и типов аккультурационных стратегий молодежи, % в группе**

Тип стратегии	Этнические группы											
	саха				русские				КМНС			
	Способы передачи традиций											
	сохранение	утра	возрождение	отрицание	сохранение	утра	возрождение	отрицание	сохранение	утра	возрождение	отрицание
Интеграция	77	5	13	5	63	11	13	13	63	4	22	11
Сепарация	76	5	12	7	69	14	7	10	70	3	27	0
Ассимиляция	53	13	12	22	54	8	12	26	45	12	21	21
Маргинализация	44	16	22	19	39	17	3	42

Не рассматривая эти вопросы детально, приведем итоговые данные о влиянии на выбор типов аккультурационных стратегий молодежи передачи традиций в двух поколениях семей – родительской и собственной. Если традиции соблюдались в семье родителей и юноши и девушки хотят их соблюдать в своей семье, то этот способ передачи традиций определим, естественно, как их сохранение. В случае наличия их в родительской семье и нежелания сохранить в своей – как утерю; при отсутствии в родительской и желании иметь в своей – как возрождение, при отсутствии в родительской и нежелании иметь в своей семье – как отрицание традиций (табл. 4.40).

Лучше всего сохраняются традиции в группах молодежи со стратегиями сепарации и интеграции, а больше всего отрицающих традиции среди «маргиналов» и «ассимилянтов». Отметим более высокую в группе русской молодежи, чем молодежи саха и малочисленных народов Севера, долю теряющих традиции, в том числе среди выбирающих стратегии интеграции и сепарации. Среди юношей и девушек из числа КМНС вдвое больше, чем среди русской молодежи и молодежи саха, доля ориентированных на возрождение традиций, что отчасти, так как традиционалистские установки способствуют адаптированности молодежи.⁵⁸⁸

Таким образом, мы можем отметить, что вопросы об уровне сформированности этнического самосознания, отношении к своей культуре, а также о степени владения родным языком и языками других народов, проживающих по соседству (данный вопрос мы затрагивали в § 4.4) дают богатый материал для анализа взаимовлияния этнических групп, их политическом и экономическом статусе, обуславливающим в целом социокультурный статус каждого индивида в процессе межличностного и межкультурного общения.

⁵⁸⁸ См. подробнее: *Абрамова М.А., Костюк В.Г.* Роль традиций в социокультурной адаптации молодежи // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции, Новосибирск 15–27 марта 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 925–932; *Гончарова Г.С.* Изменение семейно-брачных отношений и проблема устойчивости этнокультурных традиций // Там же. С. 871–881.

Мы включили в анкету вопрос о характере межнациональных отношений в РС (Я) (табл. 4.41). Представляется, что ответ на него позволит нам более четко провести грань между теми, кто прошел путь аккультурации и действительно интегрировался в поликультурное сообщество Республики Саха (Якутия), и теми кто, усвоив формально норму о ценности межкультурного взаимодействия, воспроизводит ее лишь в абстрактной ситуации и не реализует в конкретной.

Самая большая доля желающих жить среди людей своей национальности (ответы «очень важно») среди респондентов, избравших стратегию сепарации: 39 % саха и 43 % русских. Но и среди тех, кто задекларировал себя как мультикультуралисты («интеграция»), достаточное количество предпочитающих общество своей этнической группы: каждый четвертый среди саха и русских. Фактически это доля тех, кто

Таблица 4.41

Мнение молодежи о характере межнациональных проблем, о желании жить среди людей своей национальности и аккультурационные стратегии, %

Мнение о состоянии и характере межнациональных отношений и желание жить среди людей своей национальности		Стратегия этнокультурных групп											
		Интеграция			Сепарация			Ассимиляция			Маргинализация		
		саха	русские	КМНС	саха	русские	КМНС	саха	русские	КМНС	саха	русские	КМНС
Жить среди людей своей национальности	Очень важно	26	26	17	39	43	13	14	16	16	3	5	17
	Не очень важно	59	53	56	42	30	80	49	47	44	54	38	50
	Неважно	15	21	26	19	27	7	37	37	40	43	57	33
Оценка межнациональных отношений	Стабильные, без напряжения	58	42	64	52	23	62	54	43	59	49	32	67
	Присутствует скрытое напряжение	36	48	26	39	57	31	40	50	25	40	54	33
	Чувствуется сильное напряжение	4	10	7	6	20	3	5	7	16	9	11	0
Характер межнациональных проблем	Не очень хорошо относятся к якутам	25	45	29	35	53	17	30	45	30	24	27	50
	Не очень хорошо относятся к русским	12	26	13	13	27	3	17	22	15	24	32	50
	Не очень хорошо относятся к КМНС	7	10	18	10	7	28	8	7	17	18	8	17
	Проблем нет	55	29	48	40	20	52	44	31	50	47	43	0

в каких-то ситуациях предпочитает ограничивать круг своего межкультурного общения, возможно в силу этностереотипов, а, возможно, руководствуясь нежеланием осваивать инокультурные модели поведения. Для коренных малочисленных народов Севера при всех стратегиях аккультурации характерно индифферентное отношение к этничности тех, с кем они общаются.

Мы сочли необходимым выяснить, как оценивает молодежь состояние межэтнических отношений в пункте своего проживания. Оказалось, что молодежь саха и КМНС при всех типах стратегий аккультурации оценивает межэтнические отношения скорее как стабильные, без напряжений, нежели напряженные. В то же время среди русской молодежи, особенно среди «сепаратистов» и «маргиналов» (57 и 54 % в группе), наоборот, преобладает мнение, что доминирует скрытое напряжение, а каждый пятый «сепаратист» отмечает даже, что в межэтнических отношениях «чувствуется сильное напряжение».

Что касается проблем, то характерно, что они относятся скорее к «не очень хорошему отношению к якутам», нежели к иным народам. Так отмечают представители и саха, и малочисленных народов Севера, и русских. Лишь в группе русских «маргиналов» преобладает мнение, что к русским относятся хуже, чем к саха. Самоощущение межэтнических проблем саха (якутами) иное: во всех группах почти вдвое больше доля тех, кто считает, что к представителям их этноса относятся плохо, нежели тех, кто отмечает плохое отношение к русским. При этом наиболее «чувствительными» являются саха – «сепаратисты» (каждый третий), в то время как свыше половины (53 %) русских этой группы полагают, что бывают случаи не очень хорошего отношения к якутам, и вдвое меньше (27 %) – не очень хорошего отношения к русским.

Таким образом, по оценке характера межнациональных отношений можно сделать вывод о том, что и русской молодежью, и молодежью саха ощущается скрытое напряжение в межнациональных отношениях. В большей степени – русскими респондентами, независимо от типа выбираемой стратегии аккультурации. Но в целом данные опроса не показали существования яркого противостояния между определенными этническими группами.

Необходимо отметить, что анализ избираемых стратегий был бы неполон, если бы мы остановились только на уровне декларирования выбора. Мы предположили, что теория Камиллери позволяет получить результаты только по восприятию респондентами самих себя, но для более точной диагностики доминантной стратегии аккультурации у различных этнических групп необходимо соотнести предполагаемую идентификацию с прожективным поведением индивида. Поэтому для перепроверки полученных результатов мы обратились к теории Дж. В. Берри, описывающей признаки, отличающие интеграционную стратегию, основанную на психологических посылах, среди которых – принятие культурного разнообразия, низкий уровень предубеждений, позитивное восприятие и осуществление межкультурного взаимодействия и др.

Поскольку, как отмечают Георгас и Папастилиану⁵⁸⁹, большинство людей используют так называемый смешанный тип аккультурационных стратегий, в рамках данного исследования было решено рассмотреть распределение типов избираемых стратегий русской и якутской (саха) молодежью с учетом социальной дистанции: друзья, партне-

⁵⁸⁹ См.: *Georgas J., Papastylianou D. Acculturation and ethnic identity: The remigration of ethnic Greeks to Greece // H. Grad, A. Blanco, J. Georgas (Eds.), Key issues in cross-cultural psychology. Lisse, Netherlands, 1998. P. 114–127.*

ры по работе, руководящий состав (по работе, во власти). Учитывая этническую структуру населения Республики Саха (Якутия), при анализе полученного материала основное внимание было уделено двум крупным этническим группам: саха и русским.

Для определения стратегии взаимодействия на уровне ближнего круга мы предложили респондентам ответить на вопрос о желаемой национальности друга (табл. 4.42). Полученные результаты свидетельствуют о том, что из числа респондентов, декларирующих себя как мультикультуралисты, на уровне межличностного взаимодействия (выборе друга) подтвердили (выбрали ответ «не важно») определение своей стратегии интеграции 27 % саха и 37 % русских.

Таблица 4.42

Мнение молодежи* о предпочитаемой национальности друга, партнера и руководителя по работе их аккультурационные стратегии, % в группе

Предпочтение национальности		Стратегии этнокультурных групп							
		интеграция		сепарация		ассимиляция		маргинализация	
		саха	русские	саха	русские	саха	русские	саха	русские
При выборе друга	саха	63	1	72	4	40	1	58	0
	русского	2	61	4	68	5	48	10	25
	не важно	27	37	18	25	41	51	32	75
	и русского, и саха	9	2	6	4	13	0	0	0
При выборе партнера по работе	саха	45	1	57	0	34	1	39	0
	русского	11	56	9	63	13	40	16	21
	не важно	32	41	27	37	40	59	45	79
	и русского, и саха	12	1	7	0	13	0	0	0
При выборе руководителя по работе	саха	56	0	66	4	41	1	41	0
	русского	10	67	7	64	12	51	16	21
	не важно	28	32	25	32	37	48	41	79
	и русского, и саха	6	1	1	0	10	1	3	0
При выборе сотрудников органов власти	саха	53	2	61	0	35	1	48	0
	русского	9	65	9	64	12	51	16	25
	не важно	29	32	27	36	41	48	35	75
	и русского, и саха	9	1	3	0	13	1	0	0
При выборе руководителя республики	саха	72	6	77	3	55	7	61	3
	русского	5	60	6	66	5	45	12	25
	не важно	18	32	15	31	32	47	24	72
	и русского, и саха	5	2	2	0	8	1	3	0

* От общей численности учащейся молодежи; в представленную выборку вошли 4 % старшеклассников, из которых каждый третий в момент опроса подрабатывал параллельно с учебой.

В то же время при декларировании стратегии интеграции реализуют в межличностном взаимодействии сепарационную стратегию (т. е. ограничивают выбор друга своей этнической группой) 63 % саха, 61 % русских. И небольшое количество (9 % саха, 2 % русских) используют смешанную стратегию.

Молодежь, выбравшая ассимиляционную стратегию, оказалась даже более «мультикультуралистичной» при выборе национальности друга, чем та, которая декларировала «мультикультурность». Так, 40 % саха и 48 % русских хотели бы, чтобы другом был человек их национальности (в то время как среди декларировавших «мультикультурность» – соответственно 63 и 61 %). Самая большая доля тех, кому не важна национальность друга, была в группе русских, выбравших стратегию маргинализации, – 75 %. И самая низкая (18 %) – в группе саха, выбравшей стратегию сепарации.

Следующая дистанция, на которой мы проверили соотношение декларируемой идентификации с поведенческими установками аккультурации, стал выбор партнера по работе (см. табл. 4.42).

Данную дистанцию мы не можем однозначно отнести только к социальному или только к ближнему кругу общения, поскольку для респондентов, предпочитающих выстраивать близкие, дружеские отношения на работе, данный тип взаимодействия можно отнести к личному кругу. Для индивидов, воспринимающих термин «партнер» в первую очередь как необходимость выстраивания профессиональных взаимоотношений, – к более «длинной» социальной дистанции.

Увеличение социальной дистанции сокращает численность тех респондентов, которые при декларировании стратегии интеграции все же в быту прибегают к сепарационной стратегии: 45 % из числа саха и 56 % русских респондентов при выборе коллеги по работе предпочли представителей своей национальности, в то время как при выборе друга – соответственно 63 и 61 %.

Причины несовпадения декларируемой и реализуемой стратегий, по всей вероятности, связаны не только с переходом от абстрактного восприятия ситуации к конкретным действиям в реальности, но и с ценностно-нормативной системой, которая обусловлена этносоциокультурной средой формирования индивида. По мнению Т. Парсонса, элементами, из которых складывается акт взаимодействия, являются: деятель, «другой», нормы, ценности, ситуация. При самоидентификации в воображаемой реальности респондент чаще всего исходит из норм, ценностей и социальных установок, усвоенных под влиянием социокультурной среды, воспроизводя, таким образом, формализованную модель поведения. Но в процессе опроса, где необходимо сделать выбор, т. е. совершить некое реальное действие, хотя и относительно воображаемой среды, приоритетное значение уже имеют характеристики респондента (деятеля), «другого» и ситуации.

Ответы респондентов, избравших в качестве доминантной стратегии ассимиляционную, также свидетельствуют о том, что доля тех, кто был бы склонен выбирать партнера по этническому признаку, тоже меньше, чем при выборе друга: 34 % – саха, 40 % – русские. И доля тех, кому не важна национальность партнера, значительно больше (саха – 40% и русских – 59 %). То есть выбор партнера по работе менее этноцентричен и, соответственно, более интегративен, чем выбор друга, и степень совпадения декларируемой и реальной стратегий поведения при выборе партнера выше.

Казалось бы, что выбор руководителя по работе находится на шкале социальной дистанции дальше, чем выбор партнера по работе. Однако в определенных ситуациях для людей руководитель более значим (или ближе), чем партнер, что и следует из схемы взаимодействия Т. Парсонса.

Так, при выборе руководителя 56 % молодежи саха и 67 % русской молодежи, выбравшей стратегию интеграции, предпочли бы работать под руководством человека своей национальности (см. табл. 4.42). Для молодежи саха, избравшей стратегию сепарации, этот показатель уже несколько выше – 66 и 64 % соответственно. Даже саха, избравшие стратегии ассимиляции или маргинализации, продемонстрировали в целом не совсем толерантное отношение к национальности предполагаемого руководителя.

Последний уровень социальной дистанции, на котором мы можем проследить реализацию выбираемых стратегий аккультурации, является структура власти: сотрудники органов власти и руководитель республики (см. табл. 4.42). Самым ярким противостоянием мнений стало представление респондентов о национальности руководителя Республики Саха (Якутия). Так, 77 % саха, вошедших в группу «сепаратистов», указали на то, что главой Республики должен быть саха; это же мнение высказали 72 % из числа «мультикультуралистов» – саха, 55 % – из числа выбравших стратегию ассимиляции, 61 % – «маргиналов». Предпочли русского 66 % респондентов из числа русских «сепаратистов», 60 % – из «мультикультуралистов», 45 % – из ассимилирующихся и 25 % – из «маргиналов».

Достаточно большая доля тех, кто оказался безразличен к этнической принадлежности руководителя республики: так ответили 32 % русских «мультикультуралистов», 47 % – русской ассимилирующейся молодежи и 72 % из группы маргиналов.

Данные о предпочтениях в отношении рядовых сотрудников власти свидетельствуют о несколько более либеральном, чем при выборе руководителя республики, отношении респондентов к их национальности. Так, 61 % саха и 64 % русских с доминантной стратегией «сепарации» выбрали сотрудников органов власти из своей этнической группы. Практически таким же был ответ русских «мультикультуралистов» – 65 %.

Если высокие показатели этноцентризма в группах «сепаратистов» предсказуемы, то чрезвычайно высокие (72–79 %) по сравнению с саха показатели «не важно» в группе русских «маргиналов» во всех выборах – друга, партнера, власти – озадачили. Является ли данный результат своеобразным отражением высокой степени интеграции индивидов или же это защитная реакция, связанная с ощущением невозможности собственного влияния на те социокультурные процессы, которые идут в республике? Или возможно, что данная группа включает тех, кто уже собрался мигрировать из региона... Предположений много, но однозначные ответы на них дать пока затруднительно.

Таковы аккультурационные стратегии молодежи Севера, проживающей в Республике Саха (Якутия), как самые общие модели этнокультурной адаптации к современным российским и региональным реалиям.

Как показали результаты нашего исследования, модели адаптации зависят как от объективных характеристик среды, так и от субъективных качеств адаптантов. Если, например, адаптант изначально выбирает генерализованную стратегию максимально приспособиться к происходящим в обществе трансформациям, то он выберет так на-

зываемую нормативную модель, отвечающую требованиям адаптивной нормы – «общезначимого правила адаптированности поведения, за которым стоит санкция: одобрение или порицание». При этом, «находясь в формате данной модели, адаптант более или менее полно, адекватно, экономично и оптимально отвечает на “вызов” среды, достигая тем самым адаптивной цели». Если же он выбирает промежуточный вариант – найти «социальную нишу», «переждать» социальную угрозу, – то возможна иная модель⁵⁹⁰.

В целом данные опроса не показали существования яркого противостояния между определенными этническими группами, а в рейтинге проблем, которые тревожат молодежь, на первом месте оказались, как показало исследование, финансовые затруднения, вызванные отсутствием высокооплачиваемой работы, жилья. На втором – личные проблемы и будущее страны.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1) в процессах этнокультурной адаптации молодежи Севера доминирует смешанный тип аккультурационной стратегии, независимо от этнической принадлежности респондентов;

2) все этнические группы в достаточно высокой степени расположены к межкультурному взаимодействию (интеграции, ассимиляции);

3) модели этнокультурной адаптации тем более интегративны, чем полнее этническое самосознание взаимодействующих индивидов и чем полнее передаются из поколения в поколение традиции народов;

4) чем выше степень адаптированности индивидов и групп, тем более склонны они к выбору стратегии интеграции;

5) с увеличением социальной дистанции происходит сокращение числа респондентов, реализующих стратегию интеграции;

6) причины несовпадения декларируемой и реализуемой стратегий связаны не только с переходом от абстрактного восприятия ситуации к конкретным действиям в реальности, но и с ценностно-нормативной системой, которая обусловлена этносоциокультурной средой формирования индивида;

7) результаты исследования аккультурационной стратегии на основе теории Камильери по выявлению доминантной стратегии аккультурации обуславливаются индивидуальными психологическими особенностями респондентов, что позволяет делать выводы только на уровне групповых взаимоотношений.

В следующей главе мы рассмотрим более подробно, какую роль играют такие социальные институты, как СМИ, образование и семья, в процессе социокультурной адаптации молодежи.

⁵⁹⁰ Корель Л.В. Социология адаптаций. ... 2005. С. 67, 118, 296, 372.

ГЛАВА 5

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ АДАПАТЦИЮ МОЛОДЕЖИ

§ 5.1. Информационная среда социализации и инкультурации личности

В рамках социологического подхода социокультурная адаптация включает процесс социализации и инкультурации индивида, который обуславливает освоение и творческое обогащение социального опыта, созданного предыдущими поколениями (М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис, Г.А. Андреева, И.С. Кон, Л.С. Яковлев). При культурологическом подходе социализация и инкультурация рассматриваются как процесс трансляции культуры от поколения к поколению, как общий механизм социального наследования, охватывающий и стихийные воздействия среды, и организованные – воспитание, образование (А. Бандура, У. Бронфенбреннер, У.М. Уэнтворт, М. Мид, И.С. Кон, А.И. Ковалева). Факторно-институциональный подход⁵⁹¹ определяет социализацию и инкультурацию как совокупность действия факторов, институтов и агентов социализации и инкультурации (О. Брим, Р. Линтон, Р. Мертон, Т. Парсонс, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский). Интеракционистский подход рассматривает социализацию и инкультурацию в качестве важнейшей детерминанты, определяющей межличностное взаимодействие, общение, без которого невозможны становление личности и восприятие ею картины мира (Дж. Мид, Ч.Х. Кули, Л. Колберг, Р. Хофштеттер, А. Халлер, Т. Шибутани).

Основными механизмами социализации и инкультурации молодежи являются: традиционный (через семью и микросоциальное окружение), институциональный (через образование и другие институты общества), стилизованный (через субкультуры), межличностный (через значимых лиц), рефлексивный (индивидуальное переживание и осознание).

Детерминация личности происходит через усвоение в процессе социализации системы общественных ценностей, но в динамической конкуренции с ее организатором – архетипической системой ценностей⁵⁹², представленной в культуре общества. Таким образом, личность, попадая с рождения в определенное семантическое пространство, находится постоянно под воздействием различных знаков, символов – как отражающих различные системы ценностей конкретных социальных групп, всего общества в целом, так и требующих постоянного познания, усвоения и интерпретации для коррекции и выбора наиболее рациональной модели поведения в конкретной ситуации. Человек, сопоставляя, расширяя свои представления об окружающем мире и совершенствуя процесс отображения реальности, формирует свое индивидуальное психосемантическое пространство. Это пространство является динамичным и находится под влиянием как изменяющейся картины мира самого человека, так и изменяющей системы общественных ценностей, транслируемых через различные средства

⁵⁹¹ См.: *Тесленко А.Н.* Культурная социализация молодежи в условиях транзитивного общества (на примере Республики Казахстан): Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Саратов, 2009.

⁵⁹² См.: *Языков К.Г.* Психосемантические пространства ценностей личности при нарушении психического здоровья // Вестник ТГПУ. Серия: Психология. 2006. Вып. 2 (53). С. 115–118.

массовой информации, образование и семью, которая также формирует свое индивидуальное психосемантическое пространство. В работах К. Гирца, который использовал понятие культуры в разных значениях: как «исторически устойчивый образ значений, воплощенный в символах», как «набор контрольных механизмов» – своеобразную программу для контроля за человеческим поведением, являющимся предельно пластичным, – обосновывается семиотический подход к изучению культуры. «Концепция культуры, которой я придерживаюсь, – писал К. Гирц, – является по существу семиотической. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений»⁵⁹³.

В современных условиях данная паутина создается с участием многих заинтересованных лиц, сообществ, и, конечно, регулирование данного процесса – это весьма сложная задача. В данном параграфе мы остановимся на рассмотрении влияния информационной среды и, в частности, СМИ как мезофакторе формирования адаптивного поведения молодежи. Особый интерес представляют взгляды Б. Андерсона на роль печатных СМИ в формировании наций как вообразенных политических сообществ, а также тезис П. Бурдые о том, что любое использование языка представляет собой властные отношения. Понимание языка как системы, которая не зависит от реальности, восходит к Ф. де Соссюру. Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф основывается на постструктуралистской идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений. Критический дискурс-анализ Н. Фэркло демонстрирует, что дискурс является лишь одним из множества аспектов любой социальной практики⁵⁹⁴. В рамках данного подхода мы можем сделать вывод, что на формирование психосемантической среды влияет не только язык, но и закрепляемые в сознании и подсознании модели поведения, стереотипы восприятия, которые транслирует СМИ. Так, один из механизмов, используемый рекламой для решения задачи – удивить, остановить реципиента, заставить его на время забыть о других делах, сосредоточить его внимание на рекламируемой продукции, – шок от видения неожиданных развязок знакомых сюжетов и ситуаций, прослушивание ответов на банальные вопросы. Эффективность этого механизма обуславливается разрушением стереотипов, устойчиво закрепленных моделей поведения, общественных норм. Реклама с успехом использует такие специфические социально-психологические механизмы, как внушение и подражание. Притягательность для индивида выхода за пределы наличного дискурса, выявленная психологами, содержит как потенциал для развития личности, так и опасность формирования дезадаптивной модели поведения, различных форм патологий. Однако решение данной проблемы возможно только после выявления приоритетности тех или иных каналов СМИ для различных возрастных, этнических, гендерных групп и рассмотрения содержания предоставляемой информации.

Первое, что необходимо уточнить, – это функции, которые выполняют СМИ в различные возрастные периоды развития личности. В возрасте от пяти до пятнадцати лет на ребенка, кроме семьи, все большее влияние оказывают такие факторы инкультурации, как общение со сверстниками, школа, телевидение, компьютер, контак-

⁵⁹³ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 11.

⁵⁹⁴ См.: Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России ... С. 16–17.

ты с ранее неизвестными людьми (учителя, воспитатели, врачи, руководители кружков и т. д.). У детей формируется образ мира, который в старшем возрасте превращается в картину мира. В этот возрастной период они знакомятся со знаками и символами, а позже с понятиями, овладевают абстрактным мышлением, учатся создавать абстракции и идеализации, таким образом принимая мир и идентифицируя себя в нем. СМИ в данном возрастном периоде выполняют функцию организации некоего семантического пространства, в котором формируется ребенок.

В старшем возрасте информация, предоставляемая СМИ, позволяет усложнять, подкреплять и выстраивать новые смысловые цепочки в формируемой личностью картине мира, которые обуславливаются ее этническим мировоззрением, национальным менталитетом, а ядром картины является «национальная языковая картина мира» (О.А. Корнилов). По утверждению Г.С. Батыгина, мультимедийные версии текста возвращают письменную речь к ее устным и иконографическим истокам. Письменная культура возвращается к изображениям, а аудиальная и письменная формы текста представляют собой два уровня текста как семиотической системы, функционирующие в разных контекстах⁵⁹⁵.

Анализ семантического пространства, проведенный Е.В. Улыбиной⁵⁹⁶, позволил выделить два типа семантических структур. В соответствии с одним формируются простые, гармоничные образы, а в соответствии с другим – противоречивые, сложные. Простые в большей степени связаны с ценностями группы (общества в целом), ценностями стабилизации, сохранения имеющегося положения, а сложные – с ценностями личностного развития, разрушения, преодоления сложившегося положения вещей.⁵⁹⁷ Простой, гармоничный образ мира обеспечивает сохранение ценностей стабильности, принадлежности к группе, работает на внутригрупповую интеграцию – «свои, хорошие – чужие, плохие». Противоречивый, амбивалентный образ мира в большей степени соответствует индивидуальным ценностям, занимающим окраинное, маргинальное положение по отношению к роду, в частности, ценностям индивидуального успеха. Автокоммуникация, понимаемая как механизм порождения смыслов, действует как процесс согласования образов, расположенных в семантических пространствах, различающихся по степени представленности в языке, закреплённости в дискурсе⁵⁹⁸.

Развитие психики человека происходит на границах между «чувственной тканью сознания» и «общественным значением слова» и заключается в балансировке, напряжении, в преодолении границы. Как указывает А.Г. Шмелев⁵⁹⁹, большая часть личностных прилагательных во всех языках характеризует уровень адаптивности личности, обуславливая, таким образом, стратегии поведения индивида в их идеализированной модели. Поскольку механизмами инкультурации, а как следствие, и адаптации являются имитация, идентификация, чувства стыда и вины, то анализ каналов поступающей

⁵⁹⁵ См.: Батыгин Г.С. Социология Интернет: наука и образование в виртуальном пространстве // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 176–187.

⁵⁹⁶ См.: Улыбина Е.В. Образы правильного и неправильного мира в обыденном сознании // Социально-психологические проблемы ментальности. Матер-лы 3 междунар. научн. конф-ции. Смоленск, 1993. С. 56–61.

⁵⁹⁷ См.: Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. С.138.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Шмелев А.Г. Психосемантика и психодиагностика личности: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1994. С. 16.

информации, формирующей картину мира адаптанта, следует выстраивать с учетом предлагаемых ему моделей поведения. Имитация (подражание) и идентификация в данном процессе являются позитивными механизмами, способствующими формированию определенной модели поведения. В то время как стыд и вина будут являться механизмами запрета и подавления «анормальных» действий ребенка. Определяя содержание предоставляемой СМИ визуальной вербальной и невербальной информации, мы в дальнейшем могли бы описать и проанализировать особенности формирования семантического пространства молодежи и, как следствие, выявить как адаптивные, так и дезадаптивные модели поведения, предлагаемые для усвоения различными информационными каналами. Следует учитывать также, что в работах В.А. Петровского момент преодоления адаптивности рассматривается как один из факторов развития личности в процессе проявления надситуативной активности.⁶⁰⁰

Ответы респондентов продемонстрировали явное доминирование телевидения как главного поглотителя времени и, соответственно, – ведущего информационного канала формирования семантического пространства молодежи. Более того, опрос показал, что с увеличением возраста респондентов доля предпочитающих телевизор не сокращается. На втором месте оказался компьютер. При этом с увеличением возраста наблюдается тенденция сокращения группы тех, кто работает за ним от 1 до 2 ч в день и увеличивается количество респондентов, проводящих за ним более 4 ч в сутки. Возможно, этот факт связан с компьютеризацией рабочих мест, в результате чего человек оказывается латентно связан с компьютером в течение всего дня. Самый печальный факт связан с количеством времени, которое отводится на чтение литературы (книг, журналов, газет). Стабильно на чтение отводится не более 2 ч в день всеми возрастными группами. Однако необходимо отметить и другую особенность восприятия различных информационных источников. Так, чтение, имеющее самые низкие показатели по количеству отводимого на него времени в течение дня, оказывается, имеет более высокий показатель по частотности обращений – 89 % (показатель высчитывался на основе частоты встречаемости ответов респондентов по использованию указанного источника информации). Практически такой же результат дал анализ частотности обращения к телевизору – 92 %. На втором месте оказался компьютер – 79 %.

Необходимо отметить тот факт, что с возрастом частота обращения к печатной продукции увеличивается, что не влияет, тем не менее, на увеличение времени обращения (рис 5.1). В то время как в возрасте от 17 до 24 лет частота обращения к компьютеру несколько снижается (76 % по сравнению с 91 % у старшеклассников).

Данный результат может быть обусловлен количеством студентов из сельского контингента, обучающихся в университетах и средне-специальных учебных заведениях и проживающих в этот период в общежитиях, где возможности обращения к компьютеру несколько снижены. Но необходимо отметить, что в целом показатель частоты обращения к компьютеру (и не только как источнику информации) значительно ниже по сравнению с другими источниками.

В связи с изучением влияния источников информации на степень адаптированности молодежи мы заметили, что у школьников показатели адаптированности увеличиваются с уменьшением количества времени, затраченного на просмотр

⁶⁰⁰ См.: Петровский А.В. Психология неадаптивной активности. М., 1992.

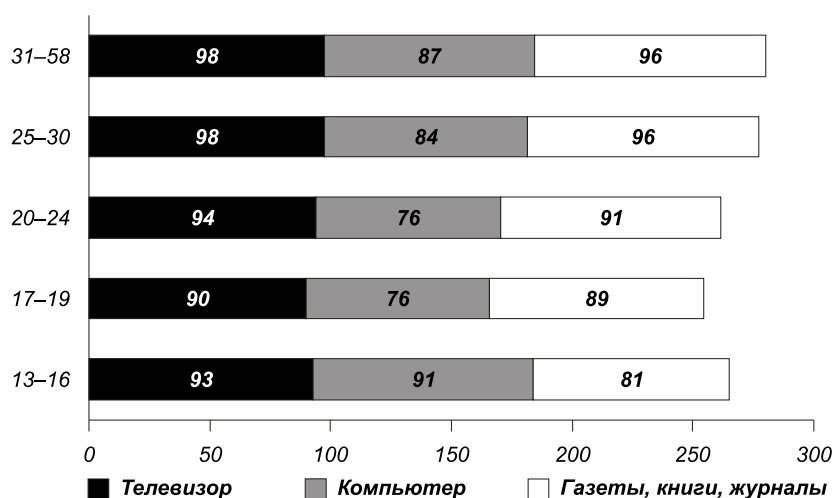

Рис. 5.1. Частотность обращения респондентов к различным источникам информации в зависимости от возраста, %.

телевизора. Так, среди вообще не смотрящих телевизор хорошо адаптированных оказалось 52 %. К 24 годам эта тенденция сохраняется. Так, например, среди не смотрящих телевизор хорошо адаптированных оказалось 48 %, а смотрящих по 4 ч в день и более – 38 %.

В отношении работы с компьютером несколько иная картина. Те школьники, которые вообще не работают с компьютером, ощущают себе некомфортно (25 % хорошо адаптированных). Даже работа менее одного часа в день увеличивает степень социокультурной адаптации (57 % хорошо адаптированных). Но с увеличением времени, проведенного за компьютером, доля хорошо адаптированных школьников начинает снижаться. Так, среди тех, кто работает по 4 ч в день и более, хорошо адаптированных – 40 %. У студентов вузов и колледжей на первых курсах в возрасте до 19 лет хуже адаптированы те, кто проводят за компьютером более 2 ч в день. Но уже на старших курсах эта ситуация изменяется, что, по всей вероятности, обусловлено увеличением количества работы – как учебной, так и профессиональной, связанной с использованием компьютера. В более старшей возрастной группе эта тенденция сохраняется, и это скорее свидетельствует о том, что люди, профессионально связанные с компьютером, в принципе лучше адаптируются в современном мире.

Что касается чтения литературы, то у школьников однозначно более адаптированными оказались те, кто читают более 4 ч в день – 59 %. Эта тенденция изменяется только к 20 годам. В этом возрасте уже лучше адаптируются те студенты, которые на чтение тратят 1–2 ч в день (43 % хорошо адаптированных и 19 % плохо адаптированных), а любители почитать, увы, чаще пополняют ряды плохо адаптированных – 41 %. С годами тенденция становится менее выраженной и уже к 30 годам количество часов, потраченных на чтение, не становится определяющим фактором адаптированности индивида.

При рассмотрении гендерных особенностей обращения к телевизору, компьютеру и чтению мы выявили, что единственным различием можно назвать чуть большую

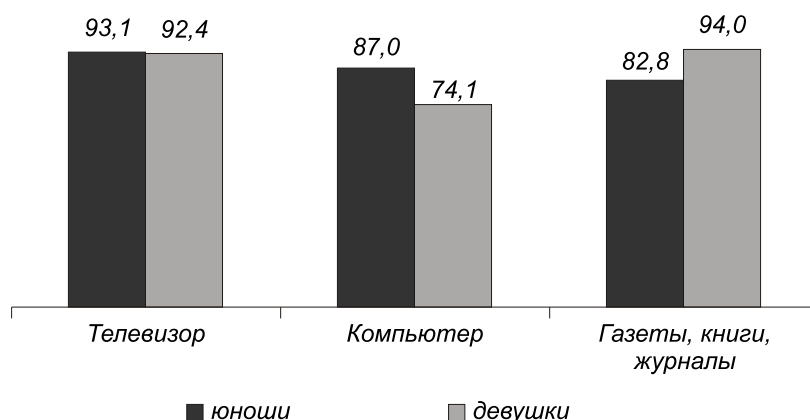

Рис. 5.2. Частота обращения молодежи к источникам информации в зависимости от пола, %.

увлеченность мужчин работой с компьютером. Так, 61 % юношей ответили, что работают с компьютером от 3 ч и более в день. В то время как среди представительниц слабого пола таких оказалось 38 %, а тех, которые вообще не работают с компьютером, – 26 %.

Читают женщины значительно больше, чем мужчины. Так, менее одного часа в день читают 48 % мужчин и 36 % женщин, от 2 ч и более часов – 35 % мужчин и 58 % женщин.

Заметных гендерных различий по временным промежуткам просмотра телепередач не выявлено. Полученные результаты также косвенно подтверждают и данные о частоте использования канала информации в зависимости от пола респондентов (рис. 5.2).

Мы предположили, что полученные результаты могут быть в какой-то мере обусловлены местом проживания наших респондентов. Среди отвечавших были не только городские, но и сельские жители, для которых, возможно, компьютер не так актуален, как для тех, кто проживает в городах. Также в сельской местности может быть вполне затруднен доступ к компьютеру. Рассмотрение распределения по месту проживания («город – село») показало, что наибольшая часть как городских, так и сельских жителей смотрят телевизор 2–4 ч в день. Не различаются также и показатели по времени чтения. Существенная разница имеется только при определении количества времени на работу за компьютером. Городские школьники и студенты все-таки больше времени проводят за компьютером.

Количество времени, затрачиваемого на чтение, в равной мере недостаточно как для сельской молодежи, так и для городской. Причем школьников, выбравших ответ, что они вообще не читают, как в городской, так и в сельской группе очень много – 18 и 24 % соответственно. С возрастом доля их уменьшается, но количество больше читающих не увеличивается.

Первичный анализ результатов исследования показал, что для городских мальчиков в возрасте от 13 до 16 лет наиболее характерна работа за компьютером в течение более чем 4 ч в день. Для городских девочек этого же возраста характерно менее длительная работа – 2–3 ч в день. Юноши из села (47 %) предпочитают работать в течение более 4 ч. В то же время 17 % сельских девочек в возрасте до 16 лет вообще не ра-

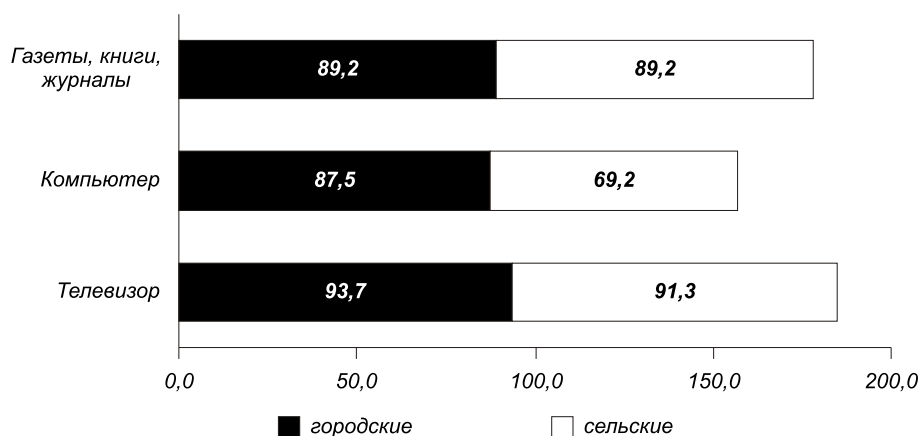

Рис. 5.3. Источники получения информации учащейся молодежью, в зависимости от места постоянного жительства, %.

ботаю с компьютером. В возрасте от 17 до 24 лет уже и для городских, и для сельских юношей становится характерным работать с компьютером более 4 ч в сутки. Однако доля сельских девушек, не работающих с компьютером, увеличивается по сравнению с предыдущей возрастной группой (41 %). В группе 25 лет и старше все респонденты из города и сельские мужчины показали явную склонность к длительной работе с компьютером. Категория же женщин – сельчанок, не работающих с компьютером, уменьшилась – 24 %.

Рассмотрение частоты обращения к различным источникам информации (рис. 5.3) также выявило значительно более редкое обращение сельской молодежи к компьютеру.

Анализ влияния количества времени, затрачиваемого на восприятие информации из определенного канала вещания, в гендерном аспекте показал, что только для мужчин, не работающих с компьютером, этот факт является одним из показателей плохой адаптированности (38 %). А для сельских женщин фактором плохой адаптации стало нежелание читать – 44 % плохо адаптированных. Во всех остальных случаях гендер, тип проживания и количество времени, затрачиваемого на тот или иной источник информации, не показали наличие взаимозависимостей.

Кроме общих и достаточно крупных группировок можно рассмотреть специфику влияния социальной среды конкретного города на формирование временных предпочтений у молодежи того или иного источника информации (табл. 5.1).

Результаты анализа показали, что телевизор в качестве поглотителя времени предпочитает больше молодежь г. Якутск, и с возрастом доля тех, кто смотрит его от 2 до 4 ч в день, возрастает. В г. Нерюнгри с возрастом резко увеличивается доля приверженцев долгого просмотра телевизора. А вот в г. Мирный с увеличением возраста респондентов эта доля уменьшается.

Удивительным оказался факт того, что практически четверть молодежи г. Якутск ответила, что вообще не работает с компьютером. В то время как в г. Мирный доля выбравших данный ответ в возрасте до 18 лет составила 8 %, а в 19–29 – 13 %. Также мы можем отметить, что в Мирном треть молодежи проводит за компьютером до 4 ч в день – как школьники, так и студенты. В г. Нерюнгри чуть меньше трети школьников и сту-

дентов в возрасте до 18 лет тратят столько же времени на работу с компьютером, а вот с 19 лет доля таких резко увеличивается до 37 %. Возможно, этот факт объясняется ситуацией с организацией досуга молодежи в этих городах, в связи с чем молодежь предпочитает общаться с друзьями в Интернете или просто не может найти себе других занятий в реальной действительности, в то время как у молодежи из г. Якутск больше возможностей для проведения свободного времени без участия компьютера.

С чтением, к сожалению, ситуация сложная во всех городах. Но наиболее интересным оказался факт того, что при меньшей доле не читающей молодежи в г. Якутске именно она гораздо хуже себя ощущает в адаптационном плане – только 38 % хорошо адаптированной и 32 % плохо адаптированной молодежи. В то время как в Нерюнгри при 16,5 % указавших, что они вообще не читают, хорошо адаптированных оказалось 43 %. В Мирном данная категория молодежи имеет большую долю плохо адаптированных – 41 %, при 33 % хорошо адаптированных. Таким образом, мы получили возможность наглядно убедиться, что степень адаптированности определяется не только реализацией или не реализацией личных потребностей индивида, но и иерархией ценностей, навязываемой ему социальной средой.

Распределение респондентов по этническому признаку выявило, что представители коренных малочисленных народов предпочитают более длительное времяпрепрово-

Таблица 5.1

Влияние социокультурной среды города на предпочтение молодежью источников информации, % в группе

Источник информации	Количество времени в день	Якутск		Нерюнгри		Мирный	
		Возрастные группы					
		13–18	19–29	13–18	19–29	13–18	19–29
Телевизор	Менее 1 ч	14	13	17	12	19	19
	1–2 ч	25	27	23	19	24	25
	2–4 ч	34	37	29	38	29	25
	Более 4 ч	17	19	20	21	21	21
	Не смотрю	9	5	12	10	7	11
Компьютер	Менее 1 ч	17	14	15	8	15	9
	1–2 ч	17	17	17	19	19	20
	2–4 ч	23	18	29	37	32	33
	Более 4 ч	19	24	24	20	26	25
	Не работаю	25	26	15	17	8	13
Газеты, книги, журналы	Менее 1 ч	42	43	36	40	39	45
	1–2 ч	29	33	27	32	25	29
	2–4 ч	13	13	15	10	12	6
	Более 4 ч	6	5	4	3	4	2
	Не читаю	9	7	19	14	19	18

вождение у экранов телевизоров, в то время как работа с компьютером и чтение литературы у них занимает такое же примерно количество времени, как и у представителей других этнических групп.

Сопоставление ответов респондентов со степенью их адаптированности выявило, что на степень адаптированности подростков саха отрицательно сказывается работа за компьютером более 4 ч в день (30 % плохо адаптированных) (табл. 5.2).

В старшем возрасте отрицательно влияет на адаптированность отсутствие работы с компьютером, что характерно как для саха, так и для русских. Но для КМНС и представителей группы «другие народы» этот вывод не верен. Так, в группе КМНС, не работающих с компьютером в возрасте от 19 до 29 лет оказалось 50 % хорошо адаптированных и 17 % плохо адаптированных, а в возрасте от 13 до 18 лет, наоборот, – 30 и 44 % соответственно. Данный факт свидетельствует о том, что трансформационные тенденции, характерные для центральных районов Якутии, еще не оказывают такого сильного влияния на территории исконного проживания КМНС, и в результате в меньшей степени актуализируют влияние компьютера на процесс адаптации моло-

Таблица 5.2

Распределение ответов респондентов о времени использования источников информации (этнические группы и степень адаптированности), % в группе

Источник информации	Количество времени в день	Этнические группы							
		саха				русские			
		13–18 лет		19–29 лет		13–18 лет		19–29 лет	
		Степень адаптированности							
		ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Телевизор	Менее 1 ч	41	21	43	26	36	28	36	19
	1–2 ч	46	20	44	22	46	25	48	23
	2–4 ч	43	22	40	20	43	22	39	24
	Более 4 ч	35	29	34	27	45	24	38	32
	Не смотрю	38	16	46	25	53	23	44	36
Компьютер	Менее 1 ч	54	19	47	17	51	26	39	30
	1–2 ч	40	18	33	22	45	22	38	26
	2–4 ч	35	20	41	20	40	27	45	27
	Более 4 ч	41	30	44	22	40	25	47	23
	Не работаю	40	23	39	30	49	20	31	27
Газеты, книги, журналы	Менее 1 ч	38	21	41	23	40	22	41	26
	1–2 ч	46	17	38	20	45	26	51	22
	2–4 ч	47	24	43	24	49	20	33	33
	Более 4 ч	45	18	46	26	52	19
	Не читаю	33	39	40	38	42	31	27	30

дежи. В отношении чтения наличие взаимосвязи – независимо от этничности респондентов – между количеством времени, затрачиваемым на чтение в день, и степенью адаптированности респондентов сохраняется: чем больше времени тратят школьники на чтение, тем они более адаптированы.

Следует отметить, что форма отражения информации, предоставляемая телевидением, а также его возможности влияния на зрительные и слуховые рецепторы респондентов во многом обуславливает доминирование данного информационного источника в создании семантического пространства молодежи. Проанализируем, какие же из телевизионных каналов имеют большую популярность у зрителей (табл. 5.3).

Предпочтения в выборе каналов телевидения респондентами значительно зависят от возраста. Так, подростки предпочитают в первую очередь «Первый канал», затем развлекательные каналы «ТНТ» и «СТС». Студенты демонстрируют как заинтересованность каналом «СТС», так и внимание к «Первому каналу». В возрасте от 25 лет и старше респонденты проявляют явную симпатию к новостным каналам «ОРТ» и «НТВ», также повышается значение для просмотра передач «РТР». Гендерный анализ выявил, что у женщин все-таки большей популярностью пользуются канал «СТС» и «ОРТ», предлагающий развлекательные передачи и сериалы. У мужчин первую позицию занимает канал «ОРТ». Территориальный анализ показал, что городские жители более склонны просматривать передачи «ОРТ», а сельские предпочитают «СТС». С точки зрения пристрастия этнических групп наиболее интересную позицию заняли КМНС, которые отдают явное предпочтение каналу «СТС».

Анализ влияния программ различных каналов телевидения на степень адаптированности молодежи (табл. 5.4) показал, что в возрасте от 13 до 18 лет у отметивших доминирование по времени при просмотре программ «НТВ» и «Культура» степень адаптированности несколько снижена. Необходимо отметить, что школьников,

Таблица 5.3

Распределение ответов респондентов о предпочитаемых каналах телевидения, % в группе

Каналы TV	Возраст					Пол		Проживание		Этнические группы			
	13–16	17–19	20–24	25–30	31–58	муж.	жен.	город	село	саха	русские	КМНС	другие народы
ОРТ	20	20	21	23	24	20	21	21	21	20	21	19	23
РТР	7	6	8	11	19	9	7	8	7	8	8	6	6
НТВ	7	8	14	20	20	14	9	12	11	13	10	7	10
СТС	16	22	19	15	10	16	21	17	22	21	16	22	16
Культура	2	2	4	6	9	3	4	4	2	4	3	2	4
MTV	15	15	11	6	1	13	12	13	13	13	12	17	12
ТНТ	18	18	15	12	7	13	18	15	17	14	18	19	17
ДТВ	3	2	2	2	2	4	1	2	2	2	2	3	2

смотрящих передачи по каналу «Культура», не очень много. И более низкая адаптированность их, как показал более детальный анализ по городам, связан, с результатами опроса молодежи из Нерюнгри, где в группе, предпочитающей канал «Культура», оказалось 48 % плохо адаптированной и только 28 % хорошо адаптированной молодежи. Необходимо отметить также, что и группа таковых в г. Нерюнгри была небольшой. У молодежи, предпочитающей канал «Культура» в г. Якутск, ситуация совершенно иная – 46 % хорошо адаптированных и 24 % плохо адаптированных, и совокупность в целом их достаточно большая. Таким образом, мы еще раз убедились, что ценности, транслируемые социальной средой, в том числе и при выборе тех или иных телевизионных каналов, имеют серьезное влияние на адаптированность индивидов.

На результаты адаптированности предпочитающих канал «НТВ» специфика социальной среды влияние не оказала, поскольку предпочтение его передачам высказало достаточно большое количество респондентов (8 % от ответов). В более зрелой возрастной группе адаптированность снижается у приверженцев «MTV», «СТС» и «ДТВ».

Если подводить итоги анализа по территориальному признаку, то в г. Якутск на первом месте по частоте обращения у молодежи оказался канал «СТС», на втором – «ОРТ» и на третьем – «ТНТ». Отличия по степени адаптированности при этом рейтинге незначительные, за исключением предпочитающих канал «Культура», у которых доля хорошо адаптированных чуть выше, чем у остальных. Поэтому в отношении столицы Республики Саха (Якутия) мы можем констатировать, что социальная среда не является тем фактором, который будет иметь серьезное влияние на предпочтение молодежью того или иного телевизионного канала.

В Нерюнгри на первом месте оказался «ТНТ», на втором – одновременно два канала: «Первый канал» («ОРТ») и «СТС». В г. Мирный на первом месте оказался «Первый канал» («ОРТ»), на втором – «MTV» и на третьем – «ТНТ».

И в г. Мирный, и в г. Нерюнгри специфика социальной среды отчасти предопределяет степень адаптированности молодежи по приоритетности тех или иных каналов, что, по-видимому, связано с доминированием определенного типа передач, представляемых ими (табл. 5.5). И, как следствие, обуславливает особенности психосемантической среды, в которой формируется молодежь.

Таблица 5.4

Влияние просмотра каналов телепередач на степень адаптированности молодежи, % по группе

Возрастные группы	Каналы TV																	
	ОРТ		РТР		НТВ		СТС		Культура		MTV		ТНТ		ДТВ		Другие	
	Степень адаптированности																	
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
13–18	44	22	44	23	38	25	42	23	36	30	46	23	45	24	51	17	43	26
19–29	42	24	42	17	42	24	39	26	48	24	38	24	43	24	35	39	45	22

**Распределение ответов респондентов о предпочитаемых программах
телевидения, % в группе**

Программы	Возраст					Пол		Проживание		Этнические группы			
	13–16	17–19	20–24	25–30	31–58	муж.	жен.	город	село	саха	русские	КМНС	другие народы
Новости	12	15	19	24	27	20	15	18	17	18	16	13	16
Художественные фильмы	15	20	23	26	24	21	20	20	21	22	19	14	18
Передачи об истории и культуре	3	5	7	11	12	6	6	7	6	7	5	6	6
Фильмы о жизни известных людей	10	9	10	11	14	6	13	10	10	10	8	13	11
Шоу	20	15	14	7	7	13	16	15	13	12	18	13	15
Документальные фильмы	15	14	12	13	11	17	11	13	14	13	14	16	14
Передачи о музыке	19	17	12	5	3	12	15	13	15	13	14	17	15
Другое	6	5	4	2	3	5	4	5	5	4	5	6	5

Результаты опроса подтвердили наше предположение. Так, школьники предпочитают шоу и передачи о музыке, студенты ССУЗов и первых курсов вузов – художественные фильмы. С возрастом увеличивается значимость новостных передач. При этом мы отметили, что степень адаптированности студентов ССУЗов и первых курсов вузов г. Якутск, указавших, что они предпочитают смотреть фильмы о биографиях известных людей, значительно выше. В городах Мирный и Нерюнгри данная ситуация характерна для школьников, а начиная с 19 лет приверженность к подобным фильмам, наоборот, снижает степень адаптированности. Данную ситуацию мы можем объяснить только особенностями городов для реализации амбиций молодежи. Если в Якутске они имеют надежды на реализацию своих жизненных планов в более старшем возрасте, то, по всей вероятности, в городах Мирный и Нерюнгри просмотры подобных фильмов только вызывают сожаления по тем возможностям, которые они имеют на местах проживания. Это отчасти показывают и данные, описывающие тенденции к миграции молодежи (см. главу 3.3). В то же время у любителей просмотра художественных фильмов и различного рода сериалов в возрасте от 19 до 29 лет в г. Мирный значительно вырастает адаптированность, что обусловлено характером данного рода телевизионной продукции, уводящей зрителя в мир иллюзий, что косвенно также подтверждает сделанное выше предположение.

При сопоставлении типов предпочтений возникает вопрос о качестве телепередач, воспринимаемых респондентами, поскольку желание, например, подростков смотреть передачи о музыке и художественные фильмы, в итоге обуславливающее доминирование канала «СТС», не является еще свидетельством формирования критического восприятия передач данного канала. Так, канал «Культура», также предоставляющий

и музыкальные передачи, и художественные фильмы, тем не менее, не имеет высокого рейтинга по ответам молодежи. Возможно, ситуация объясняется преобладанием определенных жанров фильмов и музыкальных передач. Ни для кого не секрет, что канал «Культура» знакомит зрителей в первую очередь с образцами высокого искусства, что требует от личности владения специфическим языком, а, соответственно, и определенной подготовки. Так, результаты опроса о предпочтении жанров фильмов (табл. 5.6) показали, что с возрастом у респондентов уменьшается тяга к приключениям и фэнтэзи, но усиливается к историческому и детективному жанрам.

У мужчин, безусловно, доминирует интерес к приключениям и историческим картинам, в то время как у женщин на первом месте оказались, конечно же, фильмы о любви. У сельских жителей выявлен повышенный интерес к приключенческому и мелодраматическому жанрам, что подтверждается также и этническим срезом. Так, представители народа саха и КМНС имеют явную склонность к просмотру указанных жанров, в отличие от русских и группы «другие народы».

В результате можно предположить, что, учитывая рейтинг интересов респондентов, наибольшей популярностью у них будет пользоваться тот канал, который жестко ориентирован не на разнообразие предоставляемой жанровой, смысловой, разноуровневой телепродукции, а на простоту вкуса и недостаточно высокий уровень абстрактной подачи символических средств. Все это формирует простое семантическое пространство и развивает у целевой аудитории чувство общности, фактически создавая базу идентификационных критериев для определенной группы. И даже повзрослев и обращаясь уже к более сложным и разнообразным по стилю, жанрам и содержанию передачам, молодой человек, усвоивший этот простой аудиовизуальный код, выстраивает новые смысловые цепочки на основе аудиовизуальных средств, предоставленных ему в юности.

Анализ предпочтения жанров фильмов показал, что биографические фильмы повышают адаптированность молодежи, а приверженность историческим и фильмам в сти-

Таблица 5.6

Распределение ответов респондентов о предпочитаемых жанрах фильмов, %

Жанры	Возраст					Пол		Проживание		Этнические группы			
	13–16	17–19	20–24	25–30	31–58	муж.	жен.	город	село	саха	русские	КМНС	Другие народы
Приключения	26	26	23	20	19	29	21	23	26	24	24	27	24
Детективы	9	6	7	9	15	7	8	8	7	7	9	5	6
Биографические	2	3	4	6	8	3	4	4	3	4	2	3	3
Философские	3	4	4	5	5	4	4	5	3	3	5	3	4
Фильмы о любви	18	22	23	19	19	10	29	19	24	22	19	23	19
Исторические	11	18	20	28	25	20	17	17	21	22	14	17	15
Фэнтэзи	21	14	10	8	7	19	10	15	11	11	17	13	19
Другие	10	8	8	5	3	8	8	9	6	7	10	9	9

ле фэнтэзи, наоборот, ухудшает степень адаптированности молодежи, что по всей вероятности, свидетельствует о некотором уходе из мира реальности и обуславливает и некоторые последствия для респондента в виде ощущения дезадаптированности. Этот эффект ухода из реальности в мир фантазии уже отмечают в своих исследованиях многие психологи и психиатры как новый тип наркотической зависимости⁶⁰¹.

Мы рассмотрели также вопрос содержания работы молодежи с компьютером. Анализ показал, что иерархия компьютерных видов деятельности расположилась для респондентов группы 13–16 лет следующим образом: музыка – на первом, игры – на втором, посещение Интернет-сайтов – на третьем. С поступлением в вуз приоритеты практически не меняются, лишь увеличивается доля лиц, работающих с текстовыми программами. С 20 лет иерархия программ меняется значительно: на первом месте оказываются текстовые программы, на втором остаются игры, а на третьем – Интернет. В возрасте старше 25 лет приоритеты смещаются в сторону использования текстовых программ (1 место), на втором оказывается посещение Интернет-сайтов, а на третьем – игры. При этом существует гендерная и территориальная специфика: если для мужчин более свойственно работать в программах с интерактивной средой, то для женщин – с текстовыми программами. Для городской молодежи работа с компьютером в первую очередь связана с прослушиванием музыки (25 %), во вторую – с поиском информации по сайтам (22 %), а в третью – с играми (21 %); с текстами работают 18 % респондентов. У сельской молодежи на первом месте оказались игры (26 % от количества ответов), музыка на втором (24 %), текстовые программы на третьем (21 %), просматриванием сайтов занимается только 17 % респондентов.

Мы рассмотрели, как влияет на степень адаптированности работа с теми или иными программами и выполнение определенной работы, связанной с компьютером (табл. 5.7).

Итак, мы можем заметить, что программы, связанные с музыкой (скорее всего, имеются в виду не профессиональные программы, а только программы для прослушивания), с увеличением возраста становятся фактором, неблагоприятно влияющим

Таблица 5.7

Влияние работы с компьютерными программами на степень адаптированности молодежи, % в группе

Возрастные группы	Работа за компьютером связана в основном с															
	графикой		анимацией		музыкой		играми		текстовыми программами		составлением собственных программ		Интернет		Другое	
	Степень адаптированности															
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
13–18	38	29	41	20	44	23	41	24	46	21	42	25	44	23	43	31
19–29	51	21	57	23	37	22	37	23	41	23	31	29	43	25	38	30

⁶⁰¹ См., например, *Гуманитарные исследования в Интернет* / Под ред. А.Е. Войскуновского. М., 2000; *Змановская Е.В.* Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2003; *Young K.S., Rodgers R.C.* International addiction: Personality traits associated with its development // Paper presented at the 69th annual meeting of the Eastern Psychological Association, 1998 // www.netaddiction.com/articles/personalitycorrelates.htm

на адаптацию молодежи. Отрицательно начинают влиять на адаптацию также и компьютерные игры, и, отчасти, составление собственных программ, что по всей вероятности, обуславливает снижение коммуникативных качеств респондентов. Данный факт можно отнести к негативному профессиональному влиянию.

Способствуют адаптированности программы, связанные с анимацией и графикой, что можно объяснить как профессиональными требованиями, поскольку дизайнеры должны уметь общаться с заказчиками, так и определенным творческим характером данного вида деятельности.

Выявление специфики работы со средой Интернета показало, что ее важнейшей функцией является информационная. Независимо от возраста, пола и места проживания респондентов первое место заняла деятельность по поиску информации в Интернете. Вторые и третьи места изменялись в согласии с динамикой возраста отвечавших. Если для респондентов в возрасте от 13 до 16 лет второе место заняло скачивание музыки и фильмов, то для респондентов от 25 лет и старше на второе место вышло общение в Интернете.

При определении гендерной специфики выяснилось, что общение в Интернете стоит на втором месте у женщин и на третьем у мужчин, в то время как для мужчин на втором месте все-таки остается процесс получения из Интернета фильмов и музыки. Необходимо отметить также, что рост интереса к Интернету как источнику информации становится более ярко выраженным с возрастом. В то же время потребность в общении и скачивании фильмов и музыки постепенно снижается с возрастом как у мужчин и женщин, так и у городского и сельского населения.

Радует практически единогласное предпочтение респондентов общения с реальными людьми, а не с виртуальными друзьями. В то же время, учитывая, что около половины подростков указали, что работают с компьютером более 4 ч в день, возникает некоторое сомнение, остается ли у них достаточно времени на общение в реальной жизни. Возможно, подмена типа общения происходит незаметно с переходом на систему чатов, айсыкью и других вариантов «реального» общения. В то же время необходимость общения по Интернету подчеркивают чаще всего респонденты, у которых работа связана с информационными технологиями.

Мы рассмотрели также, как связаны род деятельности в Интернете наших респондентов, их возрастная категория и степень адаптированности (табл. 5.8).

Представленные данные позволяют сделать заключение, что для возрастной группы от 20 до 24 лет стремление общаться в Интернете скорее пагубно влияет на степень их адаптированности. Поскольку это тот возрастной рубеж, когда молодые люди должны себя максимально реализовать в социуме, чтобы и состояться как профессионалы, и найти свою «вторую половинку». С возрастом же, наоборот, общение в Интернете позволяет людям лучше адаптироваться.

Среднее арифметическое время, которое наши респонденты в день тратят на общение со всеми тремя типами информационных источников, – около 7 ч. На втором месте оказались те, кто пользуется только компьютером и смотрят телевизор – суммарно 6 ч в день, и на третьем оказались респонденты, потребляющие информацию из телевизионных передач и чтения либо компьютера и чтения: 5 ч в день они тратят на ознакомление с данными каналами.

Таблица 5.8

Взаимозависимость рода деятельности в Интернет, возрастной группы и степени адаптированности молодежи, % в группе

Виды деятельности в Интернет	Возрастные группы									
	13–16		17–19		20–24		25–30		31–58	
	Степень адаптированности									
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Поиск информации	48	23	43	23	43	22	45	22	46	20
Общение	46	22	42	24	39	25	44	16	54	17
Скачивание книг	47	22	41	29
Скачивание музыки, фильмов	46	20	40	24	37	24	40	10

Следует отметить, что результаты опроса о длительности чтения оказались приблизительно одинаковыми для всех этнических групп. Нас заинтересовало, что же все-таки предпочитают читать молодые люди в те немногочисленные часы, которые они отводят для этого занятия (табл. 5.9).

С возрастом респонденты явно больше предпочитают газетную информацию. К журналам больший интерес проявляют подростки. В гендерном аспекте необходимо отметить, что у женской аудитории имеется небольшое предпочтение журнальной продукции и книг, по сравнению с мужчинами, в то время как мужчины предпочитают больше чтение газет. Также можно отметить, что интерес к книгам заметно уменьшается с возрастом. Предпочтение того или иного типа печатной продукции не связано с местом проживания. Меньшим спросом пользуются книги, а большим – газеты и журналы.

Данный факт можно объяснить существованием острой необходимости в получении свежих новостей и определенной заинтересованностью респондентов в ощущении своей причастности к событиям как внутри государства, так и за рубежом. В то же время можно высказать предположение, что содержание газет в последние годы становится все менее информативным. Увеличивается количество статей, имеющих явно рекламный характер, а также информации, которую можно отнести к разряду «желтой». Эта проблема коснулась как бумажных носителей, так и электронных сайтов газет.

Таблица 5.9

Распределение ответов респондентов о предпочитаемом типе печатной продукции, % в группе

Тип печатной продукции	Возраст					Пол		Проживание		Этнические группы			
	13–16	17–19	20–24	25–30	31–58	муж.	жен.	город	село	саха	русские	КМНС	другие народы
Газеты	18	28	40	52	55	40	29	33	35	40	26	22	29
Книги	29	31	26	20	20	23	31	29	25	25	31	32	30
Журналы	53	41	34	28	25	37	40	38	39	35	43	46	41

Увеличение числа публикаций о различных асоциальных моделях поведения людей в результате становится одним из факторов стирания границ между понятиями «социальная норма» и «аномия». Таким образом, учитывая перечисленные выше механизмы социокультурной адаптации личности, мы можем сделать вывод, что содержание прессы, а также передач телевидения и представленных в электронном виде публикаций нельзя однозначно отнести к факторам, позитивно влияющим на инкультурацию. Более того, можно предположить, учитывая шаблонность освещения событий, обуславливающую размытость норм и правил поведения и, как следствие, представлений о морали и нравственности, что СМИ формируют упрощенное семантическое пространство, а это приводит к массовизации сознания адаптанта.

Анализ этнической специфики предпочтения печатной продукции показал, что респонденты саха предпочитают газетную продукцию, в отличие от других этнических групп, отдающих предпочтение журналам. Но для более детального рассмотрения мы попытались выявить жанры тех публикаций, на которые респонденты обращают внимание (табл. 5.10).

Итак, на первом месте по значению для подростков оказалась литература художественная, второе место заняли источники сведений о биографиях известных людей, на третьем с небольшим отрывом – новости и энциклопедические издания. Респонденты возрастной группы от 17 до 19 лет также на первое место поставили художественную литературу, на второе – новости, а на третье – биографии и энциклопедии. С возрастом повышается значение новостей и профессиональной литературы. Таким образом, можно сделать вывод, что с возрастом происходит незначительная корректировка мест, но значение указанных жанров не уменьшается. Анализ информации в гендерном аспекте показал, что мужчины более склонны к изучению новостей, а женщины чуть больше склонны к чтению художественной литературы. Тем

Таблица 5.10

**Распределение ответов респондентов о предпочитаемом жанре чтения,
% в группе**

Тип печатной продукции	Возраст					Пол		Проживание		Этнические группы			
	13–16	17–19	20–24	25–30	31–58	муж.	жен.	город	село	саха	русские	КМНС	другие народы
О вкусной и здоровой пище	5	5	5	5	4	3	6	5	5	4	6	3	5
О жизни известных людей	16	15	15	11	11	10	18	14	16	16	12	21	13
Новости	15	17	21	25	23	21	17	18	20	21	17	17	16
Энциклопедии	13	15	11	8	8	15	11	12	14	13	12	13	14
Художественная	21	21	19	17	20	16	23	20	20	20	19	21	20
Документальная	11	10	7	12	9	13	7	10	8	7	11	11	11
Профессиональная	11	12	17	20	23	16	14	16	13	14	16	8	15
Другое	8	6	4	2	2	6	5	6	4	5	6	6	6

не менее, изучение новостей для них также важно. Обозначилось некоторое доминирование у сельских жителей интереса к получению информации о жизни в стране, в то время как городская молодежь чуть более склонна к чтению художественной литературы. Рассмотрение данных в этническом контексте выявило, что представители саха на первое место поставили информацию о новостях, на втором оказалась художественная литература, третье место заняли источники о жизни известных людей. У русской молодежи на первом месте оказалась художественная литература, на втором – источники информации о событиях и на третьем – книги по профессии. Интересен факт доминирования интереса к художественной литературе и изданиям о биографиях великих людей у представителей группы КМНС.

Обобщая, можно сделать вывод, что выявленное недостаточное внимание к чтению может быть обусловлено существующим прагматическим подходом к восприятию книг, газет и журналов как недостаточному источнику получения информации либо как существующей возможности на некоторое время окунуться в мир фантазии.

В заключение хотелось бы обозначить в качестве одного из результатов исследования, что и городская, и сельская молодежь Республики Саха (Якутия) имеет явное стремление к использованию всех возможностей информационных технологий в повседневной жизни. Одной из групп, частично исключенных из данного процесса, являются сельские женщины, для которых компьютер не выполняет столь важной функции как профессиональная адаптация в современном обществе. Первичный анализ качественных параметров воспринимаемой респондентами информации показал, что учащаяся молодежь склонна к прагматичному подходу в отборе предоставляемых источников, обусловленному как учебными, так и профессиональными задачами. К сожалению, необходимо признать, что одним из критериев выбора источника является не его смысловая наполненность, а яркость применяемых аудиовизуальных средств, что способствует формированию простого семантического пространства и усвоению формализованных моделей поведения, обуславливающих массовизацию сознания молодежи. Данная ситуация является в какой-то мере нейтральной для осуществления процесса адаптации личности, поскольку применение и интерпретация предлагаемых СМИ материалов во многом будет зависеть от ценностей и норм личности. Тем не менее, все же следует обратить внимание на мозаичность как характерное свойство предоставления современному человеку различными информационными каналами материала для ознакомления, а также размытость норм и представлений о морали как основе нравственного поведения личности, что, безусловно, влияет на механизмы процесса адаптации, такие как имитация, идентификация, чувство вины и стыда.

Также мы можем отметить, что увеличение времени просмотра телепередач не способствует адаптации индивида, как и увлечение виртуального общения в возрасте до 25 лет. Сокращение времени на чтение литературы, а также погружение в профессиональный мир разработчиков компьютерных программ, как показали результаты нашего исследования, негативно сказываются на адаптированности молодежи. Специфика социокультурной среды г. Мирный и г. Нерюнгри обуславливает в какой-то мере формирование иерархии источников информации, а также выбор того или иного телевизионного канала, той или иной передачи. Социальная среда г. Якутск как более сложная в семантическом аспекте предполагает формирование различных молодежных групп по интересам и образу жизни. В результате это приводит к снижению

по степени влияния фактора социальной среды города в целом, а также к дифференциации стратегий реализации амбиций личности, что обуславливает большее влияние субкультуры, в которой формируется индивид. С одной стороны, данная ситуация не позволяет оценивать адаптирующее влияние крупных факторов процесса адаптации, таких как телевидение, Интернет, образование в целом, поскольку у каждой микрогруппы есть свои приоритеты. С другой – позволяет сделать вывод, что социокультурная среда г. Якутск, имея более сложную семантическую структуру, обуславливает повышение значимости личного выбора индивида и его ответственности за процесс социокультурной адаптации.

§ 5.2. Образование как институт социокультурной адаптации личности

В философии и социологии образования проблемы адаптации интересуют исследователей в рамках конфликтологического подхода к изучению взаимовлияния общества и системы образования (К. Маннгейм, М. Мид, Ф.Т. Кумбс, Е.П. Ильин, Д.Л. Константиновский), поскольку вхождение в новую социокультурную среду сопровождается определенными процессами в самосознании человека, такими как изменение социальных стереотипов в условиях межкультурного взаимодействия, формирование новых моделей поведения (В.В. Гриценко, Л.М. Дробижина, Л.В. Ключникова, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко и др.), системы ценностей, кризис идентичности (Г.М. Андреева, И.А. Климов, Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, А.Н. Татарко). Перечисленные процессы изменения сознания личности под влиянием взаимодействия с обществом являются составляющими сложного механизма особого типа адаптации – социокультурной, которая является важным фактором устойчивого развития общества, понимаемого как диалектический процесс взаимодействия традиций и инноваций.

Использование институционального подхода в социологии позволяет рассмотреть образование как элемент системы общественных отношений, взаимодействующий с ее другими элементами, выявить его социальную и культурную функции (В.А. Дмитриенко, Г.Е. Зборовский, Д.Л. Константиновский, Н.А. Ляурья, А.М. Осипов, Ф.Р. Филиппов и др.). Это в первую очередь социализация и инкультурация членов общества, в ходе которых происходит передача от поколения к поколению моральных ценностей и норм, формирование у молодежи установок, ценностных ориентаций, трансляция устойчивых социокультурных стандартов поведения, и в итоге интеграция индивидов в социальную систему общества. Ряд ученых акцентируют внимание на том, что институциональный подход «дает возможность увидеть противоречия между элементами (звеньями, уровнями) системы образования на основе изучения отношения к ним со стороны различных категорий населения»⁶⁰².

Образование как средство социализации может быть детерминистским и либеральным. Рассматривая детерминистское образование, М.С. Кантор отмечает, что тогда образование выступает как институт, определяющий развитие личности и становление индивидуальности, что соответствует позиции Э. Дюркгейма, который отводит образованию роль «методической организации» процесса социализации, а его основная задача, по мнению ученого, заключается «в передаче ценнос-

⁶⁰² Зборовский Г.Е. Образование: от XX к XXI веку. Екатеринбург, 2000. С. 20.

тей господствующей культуры». Дюркгейм считает, что для нормальной жизни человека нужна социальная регламентация и регуляция как его внешней, так и внутренней (индивидуальной) природы. Мера общественного контроля тесно связана со степенью интегрированности социальных структур в жизнь общества. По Дюркгейму, общество органической солидарности характеризуется высокой степенью интеграции образования в социальную систему благодаря упрочению связи школы и государства⁶⁰³.

Т. Парсонс анализирует образование как государственную школу и как контролируемое семейное воспитание. Он считает, что образование призвано направить «вниз» ценности общества, внедрить их в сознание индивида. Передача общих ценностей должна соединяться с формированием групповой лояльности и таким образом обеспечивать одновременно принятие личностью места своей социальной общности в системе общества и своего личного престижа в структуре группы.⁶⁰⁴ Даже самый неграмотный в правовом отношении обыватель, по мнению Т. Парсонса, должен четко представлять, что хорошо в его стране, а что плохо. «Учеба», в парсоновском смысле, состоит в том, чтобы усвоить за время пребывания в школе иерархическое строение общества, подготовиться к проживанию в нем, приспособиться к предлагаемой им личной перспективе, смысл которой состоит в занятии предельно возможного статуса. В этой связи уместно вспомнить о такой функции образования, как воспроизводство и изменение социальной структуры в целом и ее конкретных элементов в особенности.⁶⁰⁵ М.С. Кантор отмечает, что наиболее детально скрытые механизмы социокультурного воспроизводства через систему образования разработаны П. Бурдьё в его концепции культурного капитала⁶⁰⁶. Суть ее состоит в том, что культурный капитал (как и любой другой, например, экономический) неравномерно распределен между различными классами и социальными группами. В результате дети из разных классов и слоев получают неодинаковые выгоды на образовательном рынке. Поэтому при формальном равенстве уровней обучения семьи элит или высших классов, используя социально-экономические и культурные ресурсы (капиталы), способны предоставлять своим детям более качественное образование, что позволяет им занимать более продвинутые социальные позиции.⁶⁰⁷

Данный вывод также подтверждает П.А. Сорокин, отмечая, что институты образования и воспитания, в рамках социокультурной динамики общества, какую бы форму они ни обрели, во все века были средствами «вертикальной социальной циркуляции». В XX веке, по мнению ученого, школа становится еще и тестирующим, селекционирующим и распределяющим механизмом, в связи с этим возрастает ее социальная значимость. Тестирующая, селекционирующая и дистрибутивная функции открывают для школы (и системы образования в целом) возможность «либо прино-

⁶⁰³ Цит. по: *Кантор М.С.* К проблеме социальных функций института образования // XVI Уральские социологические чтения «Социальное пространство Урала в условиях глобализации – XXI век». Челябинск, 7–8 апреля 2006 г. Челябинск, 2006. Ч. III. С. 33–36.

⁶⁰⁴ См.: *Гавриленко И.Н.* Критика структурно-функциональных концепций в буржуазном обществе. Херсон, 1986. С. 39.

⁶⁰⁵ См.: *Кантор М.С.* К проблеме социальных функций института образования... С. 33–36.

⁶⁰⁶ См.: *Социология образования: теории, исследования, проблемы...* С. 18–19.

⁶⁰⁷ См.: *Кантор М.С.* К проблеме социальных функций института образования ...

сдать общественную пользу, либо в противном случае – огромный вред».⁶⁰⁸ В последнем случае, как выделяет М.С. Кантор, П.А. Сорокин имеет в виду отсутствие одинаковой возможности, связанной с доступом к образованию, у различных социальных групп общества.⁶⁰⁹ По результатам исследования современной российской системы образования Д.Л. Константиновский обращает внимание на тот факт, что «тип и уровень образования теперь характеризует общественное положение человека не в меньшей степени, чем положение его родителей».⁶¹⁰

Выводы, сделанные исследователями в процессе реализации проекта «Анализ доступности высшего образования для социально уязвимых групп», который был осуществлен Независимым институтом социальной политики в сотрудничестве с Аналитическим центром Юрия Левады и экспертами из ведущих исследовательских центров в 2005 г., также свидетельствуют о существовании в России социальной дифференциации высшего образования по линии «массовое – элитное», т. е. дифференциации оценок качества получаемого образования и дифференциации социальных характеристик лиц, получающих разное по качеству образование.⁶¹¹ Хотя задача обеспечения доступности высшего образования как такового в настоящее время решена: практически каждый выпускник общеобразовательной школы поступает в вуз и, более того, прием в вузы превышает, и значительно, выпуск из общеобразовательных школ, все же необходимо отметить, что оценка эффективности реформ в системе образования по критериям качества, доступности и соответствия потребностям рынка труда, которые были перечислены в Президентском послании 2004 г., не может быть позитивной.⁶¹² Так, по данным Т.Л. Клячко, В.А. Мау, доступность образования в столице, в больших, средних и малых городах, а также в селах сильно различается. При этом влияние семейного капитала на доступность элитного высшего образования происходит опосредованно. Различия в социальном капитале сказываются на возможностях поступления в школы, обеспечивающие разное по качеству среднее образование, и на возможностях обеспечить дополнительную подготовку к вузу.⁶¹³

В современной социокультурной ситуации в России желание лучшего будущего своему ребенку заставляет многих родителей существенно пересматривать финансовые вливания в процесс образования, заблаговременно определять будущее учебное заведение, в котором они хотели бы обучать своих детей, и решать не только материальные проблемы, но и проблемы потенциального проживания и, как следствие, миграции из села в город, из маленьких городов в большие. «Факторами притяжения», заставляющими многих людей принимать решение о переезде в город, становятся более широкие социальные возможности, а также более благоприятные перспективы получения в будущем работы. В особой ситуации, связанной с проблемой трудоустройства, часто оказывается молодежь малых (отчасти средних) городов с монопро-

⁶⁰⁸ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 396–397.

⁶⁰⁹ См.: Кантор М.С. К проблеме социальных функций института образования, 2006. С. 36–37.

⁶¹⁰ Константиновский Д.Л. Динамика неравенства молодежи в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования. 1999. С. 48.

⁶¹¹ См.: Социальная дифференциация высшего образования. М., 2005. С. 10.

⁶¹² См.: Клячко Т.Л., Мау В.А. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 50.

⁶¹³ Там же.

фильной структурой хозяйства, особенно промышленности. Неэффективная социально-экономическая политика, результатом которой является развал производства, прекращение финансирования градообразующего предприятия (или предприятий), лишают молодежь этих мест жизненных перспектив. В то же время миграция в поисках работы затруднена вследствие падения уровня жизни родительских семей, повышения расходов на транспорт, разрушения системы рабочих и студенческих общежитий. Общая тенденция к росту неравенства возможностей социальной и территориальной мобильности молодежи, проживающей в регионах России, приобрела новые формы в условиях суверенизации этих регионов, введения платного обучения, несогласованности программ вступительных экзаменов в вузы и ССУЗы с уровнем подготовки в школах провинции, недостатка мест в общежитиях и удорожания жилья, повышения стоимости проезда⁶¹⁴.

Все это усиливается процессом урбанизации, который приводит к разрушению традиционных связей и норм поведения, что в одних условиях способствует прогрессу, а в других – вызывает отчуждение и изоляцию. В Докладе Центра исследований и инноваций в области образования ОЭСР 2008 г.⁶¹⁵ подчеркивается, что тенденция к усилению урбанизации наблюдается как в богатых, так и в бедных странах мира, и различия в ее проявлениях неуклонно исчезают в течение последних 20–30 лет. Она приводит к возникновению проблем, особенно в менее развитых странах, которые связаны с чрезмерной нагрузкой на инфраструктуры городов и скудным набором услуг в обезлюдевшей сельской местности. Очень быстрые темпы урбанизации ставят сферу услуг, включая образование, в очень тяжелые условия. Также подчеркивается, что данная тенденция уже приобретает масштабы не только внутригосударственные, но и международные. «В глобальном мире не существует герметично закрытых границ между странами богатыми и бедными, стабильными и нестабильными. То, что происходит в одном регионе, все сильнее сказывается на жизни людей в другом регионе. Например, все больше людей считают, что миграция из бедных стран в более благополучные регионы является для них самым привлекательным или даже единственно возможным решением. Образование служит причиной роста уровня благополучия, способствуя расширению базовых знаний и опыта, а также фактором обеспечения преимуществ, поскольку экономическое процветание позволяет выделять на поддержку преподавателей и материальной базы образования гораздо больше ресурсов, чем это могут себе позволить бедные страны»⁶¹⁶.

Таким образом, функции, которые стабильно призван был решать институт образования, – социализации, инкультурации личности, воспроизводства и изменения социальной структуры, интеграции общества – в современных социокультурных условиях находят новое прочтение. Как показали результаты исследований, усиливается личностная ответственность родителей за будущее образование детей. Эта часть родительских функций расценивается уже не как помощь в становлении и формировании личности, а как личностная реализация посредством организации процесса раз-

⁶¹⁴ См.: *Чердниченко Г.А.* Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути. СПб., 2004.

⁶¹⁵ *Trends Shaping Education.* 2008. Edition. Center for Educational Research and Innovation (CERI). OECD. 2009. N. 1. P. 24.

⁶¹⁶ *Ibid.* P. 25.

вития, включая образование своего потомства, как вложение средств не только в будущее своих детей, но и в свое будущее. Можно сделать вывод, что в процесс адаптации включается вся семья. И это косвенно расширяет интегративные возможности образования как социального института.

В то же время мы наблюдаем, что уже при выборе типа образовательного учреждения начинает осуществляться социокультурная селекция. Поскольку выбор типа школы, решение проблемы – отдать ли ребенка в ПТУ или подготовить к поступлению в вуз уже свидетельствуют о том вкладе родителей, который был осуществлен для социализации и адаптации ребенка.

Как показали результаты нашего исследования, степень адаптированности личности напрямую зависит от того, к какому типу учебное заведение относится, является ли оно головным или его филиалом. Критерием адаптированности было выбрано социальное самочувствие личности, фиксируемое по ответам на взаимосвязанные вопросы об удовлетворенности своей жизнью в настоящее время и об оптимистичном (пессимистическом) представлении о своем будущем. В итоге все респонденты были распределены по трем степеням адаптированности. Помимо социологической анкеты, в процессе исследования применялось тестирование по методике Ш. Шварца и по индивидуально-типологическому опроснику Л. Собчик.

Учащиеся школ и вузов оказались более адаптированными по сравнению с учащимися СПТУ, ССУЗов и колледжей (табл. 5.11). По всей вероятности, это связано с тем, что окончание данных учебных заведений не гарантирует трудоустройство будущему выпускнику.

К тому же, конечно, необходимо учитывать, что некоторая часть обучающихся в данных учреждениях – это дети из материально необеспеченных семей, где большая часть родителей не имеют высшего образования либо не смогла профинансировать хорошую подготовку ребенка к предстоящему обучению, а иногда это просто неблагополучные семьи. В этой связи необходимо напомнить, что культурные функции образования состоят в использовании личностью, социальной общностью достижений для формирования и развития творческой деятельности, совершенствования культуры. Благодаря образованию происходит воспроизводство определенных типов культуры (этнических, исторических, локальных, региональных, групповых) и их составляющих – систем ценностей, норм и способов деятельности.

Активизация социальных перемещений – все более зримая функция образования по мере того, как в социальной структуре все большее количество достижимых ста-

Таблица 5.11

**Зависимость адаптированности учащейся молодежи
от типа учебного заведения, %**

Тип учебного заведения	Адаптированность учащихся			
	ХА	СА	ПА	Всего
Школа	43	37	20	100,0
Колледж, училище	40	32	28	100,0
Вуз	42	35	23	100,0

тусов оказывается в зависимости от образовательных успехов и результатов индивидов. Так, в работе П. Бурдьё, закрепившей систему координат для интерпретации темы «образование и неравенство»,⁶¹⁷ образование представлено как инструмент символического насилия, принимающий форму классификационных конфликтов, в которых враждующие группировки пытаются навязать в качестве единственно легитимных свой взгляд на мир, свои классификационные схемы, свое представление о том, «кого (и по каким причинам) считать кем». Школы, ПТУ и университеты ретранслируют изначально неравные социально-экономические условия в различную степень одаренности; поэтому в вузы, номинально открытые для всех, попадают на самом деле только обладатели определенных габитусов, усвоившие необходимые социальные и культурные диспозиции⁶¹⁸. При этом доля расходов на обучение в вузе в бюджетах семей, выбравших платное массовое высшее образование, выше, чем в бюджетах семей, где дети учились за плату в элитных вузах. Поскольку расходы семей на поступление как в элитные, так и в обычные вузы на места с полным возмещением затрат (платное обучение) предстают как плата за снижение риска быть не принятым в вуз на бесплатные места или как плата за недостаточность вложений человеческих и финансовых ресурсов в подготовку к поступлению в вуз. Это не снижает остроту проблем процесса адаптации личности, а наоборот, косвенно их обостряет в связи с усилением давления материального фактора на учащегося и его семью. Тем не менее, шансы получить элитное образование выше у тех, кто больше вкладывает материальных и нематериальных ресурсов в решение этой задачи: больше денег, социального капитала, больше индивидуальных усилий в школьном обучении и внешкольной подготовке к поступлению в вуз. Те, чьи дети поступают в элитные вузы, тратят на подготовку больше средств и усилий, чем те, чьи дети поступают в вузы обычные, но при этом первые активнее участвуют и в процессе социализации и инкультурации своего ребенка. Государственные расходы, обеспечивающие возможность получать высшее образование без формальной оплаты обучения, в реальности не замещают расходов семей на получение этого образования. Это также свидетельствует в пользу вывода о превращении высшего образования в социальную норму. Семьи с невысоким ресурсным потенциалом готовы нести высокую нагрузку на семейный бюджет, чтобы обеспечить детям возможность учиться в вузе⁶¹⁹. Тем не менее, необходимо учитывать, что поступление ребенка в вуз в крупном российском городе или столичный республиканский вуз иногда сопряжено со стрессовой ситуацией, приводящей к дезадаптации.

По данным нашего исследования, степень адаптированности выше у молодежи, постоянно проживающей в том же населенном пункте, где она и обучается, по сравнению с временно проживающей в этом пункте. Так доля лиц хорошо адаптированных среди постоянно проживающих у школьников составляет 47 %, у учащихся ССУЗов и колледжей 42 % и у студентов 45 % против 38 % у школьников, 39 % у учащихся ССУЗов и колледжей и 39 % у студентов среди временно проживающих в этом

⁶¹⁷ См.: Bourdieu, P., Passeron, J.-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. Richard Nice (tr.). Sage Publications, London. (1977 [1970]).

⁶¹⁸ См.: Пенская Е.Н. Портрет молодежи 1960–2000-х годов в зеркале социологических исследований // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 293

⁶¹⁹ См.: Социальная дифференциация высшего образования. М., 2005.

Таблица 5.12

Влияние статуса прописки на степень адаптированности учащихся, %

Тип учебного заведения	Адаптированность учащихся							
	постоянно проживают				временно проживают			
	ХА	СА	ПА	Всего	ХА	СА	ПА	Всего
Школа	47	36	17	100	38	40	23	100
Колледж, училище	42	31	27	100	39	33	29	100
Вуз	45	33	22	100	39	37	24	100

населенном пункте. Количество плохо адаптированных учащихся также значительно выше среди тех, кто временно проживает в населенном пункте, где учится (табл. 5.12).

В то же время система филиалов вузов в малых городах, резко разросшаяся за последнее десятилетие, не только приближает вуз к месту проживания студентов, не только сохраняет важный сегодня контакт студента и семьи, снижая ее расходы на образование детей, реально способствуя закреплению образованной молодежи на районном уровне, без чего развитие страны невозможно⁶²⁰, но и позитивно влияет на степень адаптированности учащихся (табл. 5.13).

В последнее время число филиалов вузовросло: к 2005 г. на 660 государственных вузов приходилось 1376 филиалов, а на 430 негосударственных – 326 филиалов. Как заявил в своем выступлении министр образования и науки РФ А.А. Фурсенко, в 2008 г. в стране было 1,5 тысячи аккредитованных вузов и 2200 филиалов.⁶²¹ Быстрый рост негосударственного сектора ВПО и филиальной сети вузов решал весьма нетривиальную социальную задачу: в условиях резкого снижения территориальной мобильности молодежи высшее образование «пошло» к потребителю, создавая или расширяя сеть высшей школы в регионах.⁶²² Выбор между вузами, в которых обучение платное, осуществляет семья – в зависимости от престижности вуза, факультета,

Таблица 5.13

Зависимость адаптированности учащихся от типа подчиненности учебного заведения, %

Подчиненность учебных заведений	Адаптированность студентов			
	ХА	СА	ПА	Всего
Головные вузы	39	37	24	100
Филиалы вузов	46	33	21	100

⁶²⁰ См.: *Высшее образование в России: Аналитический доклад* // Логос. 2005. № 6. (51). С. 3–49.

⁶²¹ *Интервью с А.А. Фурсенко* http://news.km.ru/kolichestvo_filialov_vuzov_v_rf/_print Просмотр 31.01.2010

⁶²² См.: *Клячко Т.Л., Май В.А.* Тенденции развития высшего профессионального образования ... С. 48.

специальности и материальных возможностей семьи. Немаловажным фактором во многих случаях является минимизация затрат, связанных с проживанием ребенка в другом городе, поэтому нередко выбирается ближайший из возможных вузов или его филиал. В то же время наблюдается резкое увеличение численности студентов в сравнении с численностью профессорско-преподавательского состава, а также рост нагрузки на одного преподавателя, что становится причиной снижения качества образования. К тому же развитие сети филиалов вузов во многом сопряжено с увеличением количества платных мест обучения, а платность образования, в свою очередь, стимулирует процессы расслоения в этой сфере и ведет к снижению образовательных возможностей даже для талантливых детей из малообеспеченных семей. В последние годы усиливается обратная тенденция – сокращение числа филиалов вузов. Причин много: низкий уровень преподавания, недостаточное количество рабочих мест для выпускников. Но связь между степенью адаптированности и возможностью получения образования в населенном пункте, где респондент проживает, очевидна. Даже платная форма обучения не всегда является сдерживающим фактором.

Ответы респондентов о пользе платного образования для развития государства впечатлили своей толерантностью, которая, как показали результаты нашего исследования, обусловлена скорее материальным положением семьи. Чем выше благосостояние семьи, тем более терпимо относятся респонденты к идее платного образования. Наибольшее количество хорошо адаптированных учащихся оказалось среди ответивших, что платное образование способствует развитию образования: 47 % школьников, 46 % студентов ССУЗов и колледжей, 43 % студентов вузов (табл. 5.14).

Самые низкие показатели адаптированности среди учащихся ССУЗов и колледжей считающих, что платное образование препятствует развитию народа: у них наименьшее количество хорошо адаптированных (37 %) и наибольшее – плохо адаптированных (30 %).

В образовательных стратегиях семей наиболее значим уровень образования родителей. Так, по результатам анализа ситуации в образовании России, которые были опубликованы в Аналитическом докладе «Высшее образование в России», подчеркнуто, что у 48 % родителей учащихся ССУЗов образование не ниже среднего специального. 27 % из тех, чьи дети учатся в ПТУ, не оставили надежду дать своему ребен-

Таблица 5.14

Отношение респондентов к платному образованию, %

Тип учебного заведения	Отношение к платному образованию	Адаптированность учащихся			
		ХА	СА	ПА	Всего
Школа	Способствует развитию народа	47	34	19	100
	Препятствует развитию народа	41	39	20	100
Колледж, училище	Способствует развитию народа	46	31	23	100
	Препятствует развитию народа	37	33	30	100
Вуз	Способствует развитию народа	43	38	19	100
	Препятствует развитию народа	42	34	24	100

ку высшее образование. Большинство (62 %), судя по всему, не предполагают, что, окончив ПТУ, их сын или дочь может продолжить учебу. У 66 % родителей учащихся ПТУ образование не выше среднего (45 % – среднее общее и ниже, 21 % – ПТУ)⁶²³.

Если у родителей нет высшего образования, то желание дать его ребенку и платить за обучение определяется преимущественно уровнем дохода. У родителей с высшим образованием фактор дохода играет существенно меньшую роль – они стараются сделать все, чтобы их ребенок получил высшее образование, поскольку оно представляет, по их мнению, абсолютную ценность. Представители низкодходных групп, хотя в целом и нацелены на получение их детьми высшего образования, часто используют «косвенные» стратегии для поступления в вузы. Они предпочитают направлять детей в техникумы, где больше шансов пройти отборочный конкурс, ниже требования к обучению и, самое главное можно окончить техникум с «красным» дипломом и поступить в престижный вуз наравне с медалистами. Это делает актуальным постановку вопроса о скорейшей отмене схемы медалей и всевозможных «красных дипломов», тем более что усовершенствованная конструкция ЕГЭ делает этот устаревший институт бессмысленным. Так 46 % родителей учащихся ССУЗов рассматривают получение высшего образования в качестве основной жизненной стратегии для своего ребенка, а ССУЗ, соответственно, – как необходимую ступень на пути к поставленной цели.⁶²⁴ Отношение к образованию родителей непосредственно влияет и на расстановку приоритетов детьми при получении образования. По данным С.И. Журавлевой, одной из особенностей адаптационного процесса современной российской молодежи является то, что большая часть молодых людей хочет приспособиться к рыночным, демократическим условиям общественной жизни. Поэтому для большей уверенности она стремится получить высшее образование (51,4 %), изучить иностранный язык (30,4 %), научиться работать на компьютере (29,5 %), получить правовую подготовку (14,6 %).⁶²⁵

Необходимо учитывать, что оценка семьей своего материального положения весьма субъективна. Так, было выявлено, что у родителей учащихся ССУЗов, чье образование не ниже среднего специального, оценки уровня дохода заметно выше, чем в семьях, где ребенок не учится или учится в ПТУ, но на 30 % ниже, чем у родителей студентов вузов. У 66 % родителей учащихся ПТУ, чье образование не выше среднего, в то же время оценки уровня ежемесячного дохода на 32 % ниже, чем у родителей студентов ССУЗов, и на 49 % (!) ниже, чем в семьях, где есть дети-студенты. Авторы Аналитического доклада делают из этих данных вывод, что это обстоятельство является свидетельством того, что существует воспроизводство как потомственной бедности, так и наследуемого недоверия к возможности вырваться из нее через образование.⁶²⁶ Тем не менее, очень важен факт существования влияния родительского отношения на субъективную оценку материального положения семьи детьми, а также на степень зависимости адаптированности респондента от этого восприятия (табл. 5.15). И хотя мы рассматривали вопрос о влиянии семьи на восприятие детьми материальных ценностей в 3 главе, мы решили вернуться к данному вопросу и сопоставить отношение молодежи к финансовому благополучию семьи в зависимости от учебного заведения, в котором они обучаются.

⁶²³ См.: *Высшее образование в России...* С. 19.

⁶²⁴ Там же. С. 19.

⁶²⁵ См.: *Журавлева С.И.* Социокультурная адаптация современной российской молодежи... С. 17.

⁶²⁶ Там же. С. 19.

Таблица 5.15

Мнение учащихся о материальном положении семьи и их адаптированность, %

Тип учебного заведения	Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?	Адаптированность учащихся			
		ХА	СА	ПА	Всего
Школа	Ни в чем себе не отказываем	50	32	18	100
	Можем позволить себе больше, чем самое необходимое	46	40	14	100
	Денег хватает только на самое необходимое	37	41	22	100
	Денег не хватает даже на самое необходимое	24	24	53	100
	Затрудняюсь ответить	38	33	29	100
Колледж, училище	Ни в чем себе не отказываем	52	27	20	100
	Можем позволить себе больше, чем самое необходимое	39	37	24	100
	Денег хватает только на самое необходимое	38	32	30	100
	Денег не хватает даже на самое необходимое	33	24	42	100
	Затрудняюсь ответить	38	31	32	100
Вуз	Ни в чем себе не отказываем	56	28	17	100
	Можем позволить себе больше, чем самое необходимое	48	36	17	100
	Денег хватает только на самое необходимое	36	39	25	100
	Денег не хватает даже на самое необходимое	31	30	39	100
	Затрудняюсь ответить	39	29	32	100

Доля семей с низким материальным достатком, дети из которых ощущали бы себя как плохо адаптированные, по мере восхождения типа учебного заведения уменьшается: 53 % – школьники, 42 % – колледж и ПТУ, 39 % – вузы. В то же время количество детей, считающих, что они могут ни в чем себе не отказывать и относящихся к категории хорошо адаптированных, – увеличивается (50 % – школьники, 52 % – ПТУ, колледжи и 56 % – вузы). Возможно, данная ситуация обусловлена тем, что по мере взросления ребенок начинает участвовать в пополнении семейного бюджета, иногда подрабатывая, а иногда и частично переходя на самостоятельное обеспечение своих потребностей. Мы предложили респондентам оценить степень своей финансовой зависимости от семьи. Результаты показали, что даже среди студентов обеспечивающих себя на 75 % оказалось только 14 %, обеспечивающих на 50 % – 18 %.

Для остальных групп учащихся доля респондентов, вносящих свою лепту в пополнение семейного бюджета, и того меньше. Это свидетельствует о том, что учащиеся либо вообще не участвуют, либо явно недостаточно участвуют в решении материальных проблем семьи. Рассмотрим варианты ответов о трудоустройстве молодежи. Итак, 73 % школьников выбрали ответ «нет, не подрабатываю». Этот же ответ выбрали 59 % учащихся колледжей и ССУЗов и 53 % – вузов. Имеют постоянную работу 19 % студентов и 10 % учащихся средних образовательных учреждений. Интересная тенденция наблюдается у учащихся колледжей и ССУЗов: если стремление к подработке приводит к некоторому увеличению доли плохо адаптированных, то те, кто не работает

и не подрабатывает, оказываются лучше адаптированными. На вопрос о причинах отсутствия работы на момент опроса большинство ответило, что для них сейчас приоритет – это учеба. Для всех категорий опрошенных (за исключением школьников) характерна тенденция к снижению значимости учебы как приоритета деятельности в прямой зависимости от степени адаптированности субъекта. Так, в группе хорошо адаптированных в качестве причины, которая мешает подрабатывать, – учебу назвали 58 % учащихся ССУЗов и 60 % студентов вузов, а среди плохо адаптированных эту причину отметили уже 48 % учащихся ССУЗов и 49 % студентов вузов.

Таким образом, мы можем предположить, что материальное обеспечение семьи в Республике Саха (Якутия) играет огромную роль в получении образования ребенком, а расходы по данной статье занимают заметную долю в ее бюджете. Для многих семей выбор учебного заведения определяется доступностью цены подготовки и обучения, т. е. выбирается та школа или тот вуз, которые доступны по деньгам, а не те, где хотели бы родители обучать своих детей. Это еще один фактор «сталкивания» малоимущих семей в псевдообразование⁶²⁷.

Мы поинтересовались, а как важно для респондентов иметь хорошее образование (табл. 5.16)?

При наличии третьего ответа «не важно» (который выбрали 1–2 человека от каждой группы) самым часто встречаемым ответом было «очень важно». То есть практически более 80 % считают, что иметь хорошее образование очень важно. И такая точка зрения только позитивно отражается на степени адаптированности молодежи, независимо от типа учебного заведения, в котором она учится. Мы можем заметить, что существует этническая специфика отношения к качеству образования. Так, среди школьников большее количество хорошо адаптированных детей и ценящих качественное образование оказалось в группе «другие народы» и среди русских. В колледжах и ССУЗах хорошее образование ценят также высоко, но большая доля хорошо

Таблица 5.16

**Значимость для молодежи наличия хорошего образования
и степень адаптированности, % в группе**

Тип учебного заведения	Значимость качественного образования	Этнические группы							
		саха		русские		КМНС		другие народы	
		ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Школа	Очень важно	39	19	48	16	38	26	51	16
	Не очень важно	35	18	25	31	**	**	**	**
Колледж, училище	Очень важно	40	24	39	28	57	29	44	31
	Не очень важно	41	35	30	33	**	**	**	**
Вуз	Очень важно	42	21	46	22	37	23	46	27
	Не очень важно	23	34	47	27	**	**	**	**

⁶²⁷ См.: Кузьминов Я.И. Образование в России. Что мы можем сделать? // Вопросы образования. 2004. № 1. С. 20.

адаптированных при этом оказывается уже в группе КМНС и «другие народы». По всей вероятности, это связано как с территориальной доступностью данных типов учебного заведения для представителей КМНС и других народов, так и с использованием возможностей колледжей и ССУЗов для продвижения «наверх» чаще, чем представителями других этнических групп.

У студентов в целом картина повторяет ситуацию у школьников, но большая доля хорошо адаптированных и не очень ценящих качественное образование приходится уже на русских, что свидетельствует об отношении респондентов к дальнейшим возможностям по трудоустройству.

В данном контексте возникает закономерный вопрос, а что именно понимается под качеством образования? Как указывает О.Е. Лебедев «в “Педагогической энциклопедии”, изданной в 60-е годы прошлого века, образование рассматривается как процесс и результат усвоения знаний, умений и навыков. ... Но такое определение образования не отвечает на вопрос о том, какие новые возможности приобретают при этом учащиеся... Любая деятельность связана с решением каких-то проблем. С этой точки зрения смыслом образования является формирование у учащихся опыта решения проблем, который может быть использован за рамками образовательного процесса – в познавательной, трудовой, общественно-политической, культурно-досуговой, семейно-бытовой и других сферах деятельности. Ресурсы, которые приобретают учащиеся в процессе образовательной деятельности, заключаются в способности решать проблемы различных видов и разного уровня сложности»⁶²⁸. Мы попытались выявить зависимость готовности учащихся решать жизненные проблемы самостоятельно от степени их адаптированности (табл. 5.17).

Результаты показали, что большинство школьников предполагают, что смогут решать проблемы в будущем самостоятельно. Для хорошо адаптированных учащихся ССУЗов и колледжей более характерно самостоятельное решение проблем уже в настоящем, тогда как для средне и плохо адаптированных более характерно утверждение, что самостоятельно они смогут справиться с проблемами только в будущем. Также у чуть больше чем половины хорошо адаптированных студентов (53 %) чаще встречается ответ, что они сами справляются со своими проблемами. Но у плохо адаптированных студентов самая большая доля (17 %) тех, кто не может без посторонней помощи справиться со своими трудностями.

Таким образом, мы можем сказать, что успешность решения одной из задач системы образования, а именно усвоение социального опыта решения разного рода вопросов (познавательных, политических, нравственных и иных проблем), а также решения собственных проблем учащихся (познавательных, коммуникативных, нравственных и т. д.), неизбежно возникающих в процессе изучения социального опыта, обуславливает и степень адаптированности личности. При этом мы не можем утверждать, что степень адаптированности изменяется под влиянием длительности обучения. Так, при сравнении степени адаптированности студентов первых и последующих курсов было выявлено, что среди студентов первых курсов ССУЗов и колледжей оказалось 25 % плохо адаптированных, тогда как на четвертых их уже стало 33 %. В вузах же доля плохо адаптированных на первых курсах и на последних курсах не изменилась. Также класс обучения не имеет прямой связи со степенью адаптированности школьника.

⁶²⁸ Лебедев О.Е. Результаты школьного образования в 2020 г. // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 41–42.

Таблица 5.17

**Отношение респондентов к своей способности решения проблем
и степень адаптированности, %**

Тип учебного заведения	Оценка способности решать самостоятельно жизненные проблемы	Адаптированность учащихся			
		ХА	СА	ПА	Всего
Школа	Уже решаю проблемы самостоятельно	28	21	28	26
	Буду решать в будущем	64	66	63	64
	Мне нужна помощь других людей	8	13	9	10
	Всего	100	100	100	100
Колледж, училище	Уже решаю проблемы самостоятельно	48	41	42	44
	Буду решать в будущем	41	45	45	43
	Мне нужна помощь других людей	11	14	13	13
	Всего	100	100	100	100
Вуз	Уже решаю проблемы самостоятельно	53	42	48	48
	Буду решать в будущем	37	45	35	39
	Мне нужна помощь других людей	10	13	17	13
	Всего	100	100	100	100
Всего	Уже решаю проблемы самостоятельно	44	35	41	40
	Буду решать в будущем	46	52	45	48
	Мне нужна помощь других людей	10	13	14	12
	Всего	100	100	100	100

В последнее время с появлением инновационных элементов в учебных планах многие учебные заведения начинают функционировать как экспериментальные площадки, вводя различные элементы инновационных образовательных технологий в процесс обучения. Мы рассмотрели, насколько изменяется степень адаптированности у учащихся в зависимости от традиционности и инновационности учебных программ образовательных учреждений. Мы разделили все учебные заведения на три категории: обучающие по стандартным планам с использованием традиционных технологий, с элементами инновационных технологий и нововведений в учебных планах и особо выделили группу обучающихся по форме экстерната и получающих второе высшее образование. Результаты показали, что наиболее представлены в плане инновационных введений школы: 38,6 % учащихся обучаются по экспериментальным программам с включением современных технологий. Тем не менее, это не обеспечивает успешности решения проблемы адаптированности личности. Хотя необходимо отметить, что при рассмотрении индивидуального влияния каждого из инновационных учебных заведений на первом месте по степени адаптированности учащихся оказалась Мюрюнская юношеская гимназия им. В.В. Алексеева. В 1998–1999 учебном году по итогам четырех лет работы коллектив гимназии стал лауреатом республиканского конкурса «Школа года», в 1999–2000 гг. – опорной школой МО РС (Я) по научно-методической работе. По показателю адаптированности учащихся она

оказалась на первом месте среди 41 учебного заведения, в которых проводился опрос. С 1994 по 2004 г. школу окончили восемь ребят с золотой медалью и девять – с серебряной. Все выпускники поступили в вузы.

В ССУЗах и колледжах доля учебных заведений, использующих инновационные разработки, становится меньше, но эффект даже от той малой части нововведений имеется. Так, если при стандартном плане обучения в группу плохо адаптированных попало 28 % учащихся, то при использовании инновационных элементов – уже 23 %.

К сожалению, в вузах инновационные учебные планы представлены практически не были. В качестве образцов можно рассматривать только программы экстерната для получения второго высшего образования Академии госслужбы, которые показали большую эффективность в решении проблем адаптации личности. Хотя, конечно, нужно учитывать специфику набора студентов в данный филиал. В целом же можно сказать, что экспериментальные учебные планы, строящиеся на введении инновационных технологий, продемонстрировали конкурентоспособность и в плане решения адаптационных проблем личности. Роль инновационного образования как фактора социальной мобильности и социальной дифференциации в развитии российского общества становится все более значимой. Мы уже затрагивали вопрос о том, что важнейший мотив потенциальной миграции для молодежи – продолжение образования (см. § 3.3).

Свыше 85 % юношей и девушек республики планируют продолжить в той или иной форме образование (учеба, поступление в магистратуру, аспирантуру, переподготовка) после окончания данного учебного заведения: в Республике Саха (Якутия) – 46 % из них, в центральной России – 34 %, в крупных городах Сибири – 14 % и т. п.

Среди намеревающихся продолжить образование в высших учебных заведениях самая большая доля хорошо адаптированных и самая маленькая – плохо адаптированных (по социальному самочувствию).

В то же время среди не планирующих продолжить образование в любой форме – обратная картина (табл. 5.18).

Рассматривая более детально вопрос взаимосвязи учебного заведения, в котором обучается респондент, и его планов на продолжение обучения (табл. 5.19), мы обнаружили, что для школьников саха планы на поступление в колледжи или ССУЗы скорее являются свидетельством низкой адаптированности, в то время как планы на поступление в вуз говорят об обратном. Для русской молодежи и представителей

Таблица 5.18

Зависимость степени адаптированности молодежи от планов в отношении образования, % в группе

Планы в отношении образования	Этнические группы									В целом
	саха		русские		КМНС		другие народы			
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	
Продолжить учебу в вузе	46	21	46	18	38	15	46	38	46	21
Не планируют продолжить образование	39	27	42	26	32	37	40	28	39	27

КМНС это не является закономерностью, хотя мы можем заметить, что большая доля плохо адаптированных представителей КМНС находится среди тех, кто планирует обучение в техникумах и ССУЗах.

Для обучающихся в колледжах и ССУЗах планы на поступление в вуз скорее являются свидетельством их успешности или амбициозности. И реальность восприятия возможностей поступления молодежью, независимо от этнической принадлежности, определяет степень ее адаптированности.

В вузе критерием адаптированности становятся планы на поступление в аспирантуру. Именно среди планирующих дальнейший профессиональный рост количество хорошо адаптированных становится больше. Таким образом, мы можем сделать вывод, что отношение к образованию в целом и к его качеству в частности, планы молодежи на продолжение образования, а также выбор будущего типа учебного заведения и места его нахождения – являются яркими индикаторами социокультурной адаптированности личности.

Подводя итоги проведенному исследованию роли образования в социокультурной адаптации учащейся молодежи, мы можем выделить следующие моменты:

1. Усложнение выполнения функции адаптации молодежи в современном обществе обусловлено существующими дискомфортными условиями не только для них, но и для старшего поколения, которое в силу традиционной модели российской культуры оказывается неспособным обеспечивать принцип преемственности в передаче социокультурного опыта. В итоге усиливается интеграционная роль системы образования, которая позволяет объединить усилия родителей и детей в процессе социокультурной адаптации молодого поколения.

Таблица 5.19

Взаимовлияние типа учебного заведения, планов на продолжение образования и этничности на степень адаптированности молодежи, % в группе

Тип учебного заведения	Планы на продолжение образования	Этнические группы							
		саха		русские		КМНС		другие народы	
		Степень адаптированности							
		ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Школа	Колледж, ССУЗ	18	32	45	17	38	31
	Вуз	43	14	47	17	41	24	48	19
Колледж, училище	Вуз	40	24	38	29	53	26	42	35
	Повышение квалификации	42	25	42	29
	Не планирую	31	40	40	23
Вуз	Вуз	40	22	49	25	32	28	41	30
	Аспирантура, магистратура	47	19	48	16	53	32
	Повышение квалификации	40	21	44	15	47	24	45	31
	Не планирую	40	23	42	27	36	43	39	27

2. Личностная заинтересованность и потребность родителей в реализации потенциала детей, а также готовность к финансовой поддержке в процессах обучения и подготовке к нему, возможно, даже к осуществлению миграции из «села в город» становится одним из важнейших факторов выбора типа учебного заведения. Это в свою очередь обуславливает реализацию образованием функции воспроизводства и изменения социальной структуры в целом и ее конкретных элементов в особенности.

3. Степень социокультурной адаптированности учащейся молодежи зависит от типа выбранного образовательного учреждения, от желания трудиться и разумных финансовых ожиданий респондентов.

§ 5.3. Семья как фактор социокультурной адаптации молодежи

5.3.1. Особенности трансформации семейно-брачных отношений в современных условиях

Анализ современных тенденций в сфере семейно-брачных отношений показывает, что их причины имеют сложную природу. Они, в частности, связаны с модификацией социальных норм, ростом экономической независимости женщины и изменением ее роли в семье, распространением разнообразных средств контроля рождаемости. Эти факторы ведут к ослаблению патриархальных устоев в сфере семейно-брачных отношений.

Сохранение модели семьи, принятой в традиционной культуре, является одним из условий воспроизведения базовых ценностей российской культуры, сохранением репродуктивных возможностей общества. Однако условия современных социокультурных трансформаций российского общества подвергают серьезным испытаниям на прочность и институт семьи. В результате 1990-е годы знаменуют в России начало периода длительной депопуляции⁶²⁹. На этом фоне увеличивается количество неполных семей, детей, рожденных в незарегистрированном браке, и т. д. Конечно, необходимо признать, что данные тенденции характерны для многих стран Европы. Так, в XX веке с проблемой депопуляции столкнулись Германия, Италия, Болгария, Венгрия, Чехия, Швеция и др.⁶³⁰ Однако эти факты свидетельствуют лишь о степени проявления тенденций, связанных с изменениями в сфере семейно-брачных отношений, которые принимают глобальные масштабы.

В современных условиях глобальных социокультурных изменений семья, оставаясь главным транслятором традиций, изменяется сама: меняется ее структура, а также характер взаимоотношений между супругами, между семейными поколениями. В то же время со структурой семьи тесно связан порядок и уклад ее жизни, ее обычаи и традиции, а также ее взаимоотношения с другими семьями и со всем обществом. Трансформация традиционных семейных ценностей и отношений в семейно-брачной сфере, происходящая под действием научно-технического и социального прогресса, создает угрозу потери ценностей этнического самоопределения, разрушения

⁶²⁹ См.: *Материалы* аналитического доклада «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007. С. 85.

⁶³⁰ Там же.

традиций и нравственных устоев народов. В этих условиях сохранение в сфере семейно-брачных отношений этнокультурных традиций, направленных на поддержание авторитета и целостности семьи, обуславливает устойчивость общества.

Процессы изменения структурных характеристик семьи и появления новых форм семейной жизни сложны и недостаточно исследованы. Заслуживают внимания региональные и этнические особенности этих процессов, выражающиеся в разной степени интенсивности изменений семейно-брачных отношений и в разной степени сохранения традиций. Изменения в семейно-брачных отношениях происходят вместе с трансформацией системы семейно-брачных ценностей. В связи с этим на сегодня исследования, анализирующие воспроизведение традиционной модели семьи и брака и формирование новых форм семейно-брачных отношений, являются чрезвычайно актуальными.

Об изменениях в сфере семейно-брачных отношений косвенно свидетельствуют статистические данные, показывающие изменения в демографическом поведении населения, в частности, увеличение доли рождений вне зарегистрированного брака и доли лиц, состоящих в незарегистрированном браке.

Так, с 1994 г. по 2002 г. в общем числе лиц, состоящих в браке, произошло увеличение доли лиц, состоящих в незарегистрированном браке. В Республике Саха (Якутия) – с 7,5 до 13,1 %, а по России в целом – с 6,5 до 9,8 %⁶³¹. Темпы роста этого показателя в Республике Саха (Якутия) составляли 75 %, а по России в целом – 51 %.

Среди всей молодежи 16–29 лет значение этого показателя было в 2002 г. выше в Республике Саха (Якутия) по сравнению с Россией в целом. У мужчин доля незарегистрированных браков от всех браков составляла 21,5 %, у женщин – 21,2 %⁶³², а по России в целом – 18 и 17,4 %⁶³³.

Данные текущей статистики показывают, что браки без регистрации получают все большее распространение среди населения, о чем косвенно свидетельствует увеличение количества детей, рожденных вне брака. В Республике Саха (Якутия) доля детей, рожденных у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке (от общего числа рожденных), за период 1990 – 2009 гг. увеличилась в 2,2 раза (с 17,9 до 38,6 %), в то время как по России в целом этот показатель увеличился в 1,8 раза (с 14,6 до 26,1 %).⁶³⁴ Следует отметить, что различия значений этих показателей на начало периода составляли 2,3 %, а на конец они уже составляли 12,5 %.

В Якутии процесс увеличения количества незарегистрированных браков как у всего населения, так и в молодежной группе до 29 лет протекает более интенсивно, чем по России в целом. Это объясняется различиями в социально-экономическом положении региона и в структурных характеристиках населения (половозрастных, этнических и др.). Тенденции, описывающие изменения в демографическом поведении населения республики (начиная с 1990-х годов), относятся к периоду резких измене-

⁶³¹ См.: *Состояние в браке и рождаемость* (по данным микропереписи населения) 1994 г.: Стат. сб. М., 1995; *Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года*. Т. 2. Статистика России. М., 2004.

⁶³² Там же.

⁶³³ Там же.

⁶³⁴ *Демографический ежегодник России*: Стат. сб. М., 2010. С. 166, 171; *Демографический ежегодник России*: Стат. сб. М., 1995. С. 203, 211.

ний в социально-экономической жизни страны, которые затронули все слои населения, в том числе и молодежь.

Быстрый рост доли внебрачных детей отмечен и в других странах СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина), но в то же время очень велики и различия между ними – как в темпах этого роста, так и в величине достигнутого показателя. По-видимому, в этом сказываются различия традиционного культурного фона, на который накладывается влияние общих экономических, демографических и социальных изменений – долгосрочных эволюционных и кратковременных конъюнктурных. Но ничего особо специфического, что можно было бы однозначно связать с реформами 1990-х годов, в динамике внебрачной рождаемости в странах СНГ не наблюдается, существующая здесь картина вполне вписывается в общеевропейскую. В последние десятилетия XX века рост доли внебрачных рождений происходил во всех странах Европы, но тоже по-разному. Сейчас здесь наряду с такими странами, как Швеция, Норвегия или бывшая советская республика Эстония, где уже больше половины детей рождается вне зарегистрированного брака, есть и такие, где доля внебрачных рождений пока не очень велика (Швейцария – 12 % в 2002 г., Италия – 10 % в 2000 г., Греция – 4 % в 2001 г.)⁶³⁵.

Всегда ли речь на самом деле идет о рождениях вне брака или во многих случаях все объясняется тем, что фактически брак существует, но он не зарегистрирован? Так, в 1995 г. в России среди общего числа родившихся вне юридического брака было зарегистрировано 43 % по совместному заявлению обоих родителей⁶³⁶, а в 2004 г. – 48 % (увеличение на 5 %). В Республике Саха (Якутия)⁶³⁷ аналогичные показатели были несколько ниже, но процесс увеличения числа регистраций по совместному заявлению обоих родителей протекает более интенсивно (увеличение на 9 п.п.: в 1995 г. было зарегистрировано по совместному заявлению 32 % от общего числа родившихся вне юридического брака, а в 2004 г. – 41 %). В 2007 г. этот показатель увеличился до 44 %. Следует отметить, что эти процессы в городской местности Республики Саха (Якутия) протекают более интенсивно. Так, в 1995 г. было зарегистрировано по совместному заявлению 40 % от общего числа родившихся вне брака, а в 2007 г. – 49 %. Это может означать, что произошло либо увеличение фактических браков, либо отец чаще признает ребенка своим, что позволяет матери ребенка рассчитывать на экономическую поддержку со стороны отца. Так или иначе, но вся совокупность изменений, переживаемых семьей, показывает, что люди ищут каких-то новых форм семейной жизни, позволяющих организовывать свою частную жизнь в изменяющихся экономических, социальных и демографических условиях, очень сильно отличающихся от тех, в которых когда-то сложилась и тысячелетиями существовала традиционная семья.

Это дает основания для предположения о существовании противоречий между традиционными ценностями и современными ориентациями в сфере брачно-семейных отношений у народов России. Семья осуществляет связь поколений, транслируя

⁶³⁵ См.: Вишневский А. Демографический кризис в странах СНГ // Демоскоп WEEKLY №1 97–198 (4–17 апреля 2005) // <http://demoscope.ru/weekly/2005/0197/tema01.php>

⁶³⁶ Демографический ежегодник России: Стат. сб.: М., 2005. С. 237.

⁶³⁷ Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия) 2008. Стат. сб. Якутск, 2008. С. 76; Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия) за 2007. Стат. Сб. Якутск, 2008.

материальные формы быта, собственнические отношения, обычаи, нравы, ценности и пр., и наряду с другими институтами социального развития предписывает организационные стороны жизни, задает траекторию развития народа. Все это осуществляется через систему ценностей, через отношение к материальным и идеальным ценностям, которые передаются из поколения в поколение в семьях и обществе в целом. Индикатором этого процесса в той или иной мере у этноса может быть сохранение традиций и верований, которые распространяются на многие стороны общественной и семейной жизни. В то же время под влиянием технического прогресса происходят существенные изменения ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений у всех народов. Степень этих изменений различна.

Исторический опыт со всей очевидностью показывает, что именно семейные ценности являются наиболее устойчивой частью менталитета, который, в свою очередь, выступает некой интегративной характеристикой людей, живущих на конкретном пространстве. Более того, именно менталитет является основой национальной идентичности. Ведь он воспринимает и воспроизводит лишь те элементы, которые есть нечто ценное и значимое для народа.⁶³⁸

В современных условиях изменения в сфере семейно-брачных отношений у народов России имеют общие цивилизационные основания, при некоторых этнических различиях. Происходящие социокультурные изменения в обществе в той или иной мере отражаются как в демографическом поведении, так и в ценностных ориентациях в сфере семейно-брачных отношений у народов России, и Сибири в частности. В современных условиях радикальной политической, социально-экономической и идеологической трансформации российского общества на фоне существующего демографического кризиса сохранение традиционных семейных ценностей не только является одним из средств его преодоления, но и позволяет сохранять механизмы адаптации общества к новым реалиям.

5.3.2. Семья как механизм социализации и инкультурации личности

Успешное осуществление семьей функций первичной социализации является необходимым условием реализации адаптивных возможностей индивида. Ниже рассматриваются проблемы взаимодействия учащейся молодежи и общества, связанные с семьей. На конкретном материале исследуется влияние семьи на социокультурную адаптацию учащейся молодежи, учитываются характер взаимоотношений между родителями и детьми, тип семьи, ее полнота и однородность, а также степень адаптированности студенческих семей, этнические и гендерные различия.

1. Влияние отношений в семье на социокультурную адаптацию молодежи. Институт семьи играет важную роль в системе воспроизводства населения, в регулировании социальных отношений, социализации индивидов, их моральном и физическом самочувствии, жизненной самореализации. Брачно-семейные отношения как одна из наиболее значимых сфер в функционировании общества на протяжении веков изучались многими исследователями. Э. Дюркгейм, К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер трактовали

⁶³⁸ См.: Орлов И.Б. Специфика российской цивилизации: ценности, значение и угрозы // Национальная идентичность России и демографический кризис: Матер-лы Всерос. науч. конф. (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 122.

семью как социальную структуру, выступающую первоосновой общества.⁶³⁹ Анализ изменений семьи в Новое время в более обобщенном и целостном виде выполнил известный социолог П.А. Сорокин.⁶⁴⁰ Он рассматривал семью как организованную социальную группу, являющуюся основанием иерархии социальных структур. Им также впервые разделены функции семьи и других социальных институтов.⁶⁴¹

Исследователи более позднего поколения поставили во главу угла процесс формирования поведения индивидов, ввели в научный оборот такие понятия, как социальные нормы и ценности, ролевые статусы, социализация.⁶⁴² Ими были определены начала структурно-функционального анализа,⁶⁴³ позволяющего вести многоплановое изучение не только семейных структур, но и функциональных особенностей семьи как социальной системы, разграничить «явные» и «скрытые» функции и выявить особенности их реализации. Семья была обозначена как важнейший субъект социального контроля,⁶⁴⁴ позволяющий сочетать и социальное, и индивидуально-личностное начала своей жизнедеятельности.⁶⁴⁵

Родительским функциям посвящены исследования социального института семьи (А.И. Антонов, В.И. Гарбузов, Л.Е. Дарский, О.М. Здравомыслова, Г.Г. Филиппова). Изучение практики детского воспитания является традиционным для зарубежной этнопсихологии, берущей свое начало от школы Ф. Боаса, направления «Культура-и-Личность» и культурной антропологии. Родительство там рассматривается с точки зрения его социализирующей функции (Р. Бенедикт, А. Кардинер, М. Спиро) как механизм воспроизводства культуры⁶⁴⁶ и в качестве культурно обусловленной модели поведения.⁶⁴⁷

Д. Хонигман⁶⁴⁸ признает, что родительство обусловлено не только биологически заданной половой принадлежностью индивида, но и структурой его социально-значимой деятельности, социокультурными традициями воспитания и полоролевыми нормами общества, которые устанавливаются в соответствии с общественными потребностями и преобладающими в обществе представлениями о ценностях. Одна из важнейших функций, выполняемых семьей, – социализация и инкультурация ребенка, что происходит посредством воспитания и основывается на формировании мировоззрения и моделях поведения. При этом любая деятельность, осуществляемая как родителями, так и детьми, не может восприниматься

⁶³⁹ См.: Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост. Ю.Н. Давыдов. М., 1990.

⁶⁴⁰ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

⁶⁴¹ См.: Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования 2003. № 7. С. 92–100.

⁶⁴² См.: Парсонс Г.Л. Человек в современном мире / Пер. с англ., под ред. В.А. Кувакина. М., 1985; Система современных обществ / Пер. с англ., под ред. М.С. Ковалевой. М., 1997.

⁶⁴³ См.: Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 379–448.

⁶⁴⁴ См.: Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ., под ред. Г.С. Батыгина. М., 1996.

⁶⁴⁵ См.: Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества...

⁶⁴⁶ См.: Hershkovits M.J. Les bases de l'anthropologie culturelle. 1967.

⁶⁴⁷ См.: Honigman J.J. Culture and Personality. N.Y., 1954. P. 171; Hsu F.L.K. Psychological Anthropology. Homewood, Ill.: Dorsey Press: 1961. P. 3.

⁶⁴⁸ Ibid.

изолированно. При всем своем своеобразии деятельность человеческого индивида представляет собой систему, включенную в систему отношений общества. Вне этих отношений человеческая деятельность вообще не существует.⁶⁴⁹ Важную роль в формировании мировоззрения ребенка играет окружение: прежде всего родители и близкие люди. Их поведение, как положительное, так и отрицательное, существенно влияет на адаптацию ребенка в процессе социализации. В отличие от социализации понятие инкультурации, как подчеркивал Херсковиц в работе «Человек и его работа. Наука культурной антропологии» (1948), подразумевает обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре.

На материалах нашего исследования было проанализировано влияние родительско-детских взаимоотношений на процесс социокультурной адаптации личности в условиях преобразования современного российского общества.

Необходимо отметить, что в целом учащаяся молодежь Республики Саха (Якутия) оценивает свои отношения с родителями как хорошие (69 %); 27 % считают, что напряженные ситуации бывают редко, только 4 % – что напряженные ситуации бывают часто. Для проверки нашей гипотезы о существовании взаимосвязи между степенью адаптированности личности и качеством взаимоотношений с родителями мы предложили респондентам оценить их отношения с родителями (табл. 5.20).

Учащаяся молодежь, оценивающая свои отношения с родителями как хорошие, более адаптирована по сравнению с теми, у кого возникают конфликты. У них доля хорошо адаптированных максимальна (46 %), что на 11 и 19 п.п. выше по сравнению с теми, у которых редко или часто бывают конфликты во взаимоотношениях с родителями. В то же время в этой группе доля плохо адаптированной молодежи минимальна (19 %), что на 9 и 28 п.п. ниже по сравнению с молодежью, имеющей конфликты с родителями редко или часто. Учащаяся молодежь, имеющая частые конфликты с родителями, менее адаптирована: среди них доля плохо адаптированных максимальная (47 %). Результаты исследования подтвердили наше предположение о существовании связи между степенью адаптированности и отношениями с родителями: чем позитивнее в восприятии детей их отношения с родителями, тем лучше они адаптированы.

Таблица 5.20

Взаимосвязь между адаптированностью учащейся молодежи и ее оценкой отношений с родителями, %

Оценка отношений с родителями	Адаптированность учащейся молодежи			
	хорошо	средне	плохо	Всего
Хорошие	46	35	19	100
Редко бывают напряженные ситуации	35	37	28	100
Напряженные ситуации возникают часто	27	26	47	100
Все	42	35	23	100

⁶⁴⁹ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Как пишет А.Н. Леонтьев, для психологии исследование понятия «социализация» возможно только через выявление внутреннего содержания деятельности, т.е. через изучение мотивов и потребностей.⁶⁵⁰ Поэтому для нас представляли интерес не только субъективная оценка взаимоотношений родителей и детей, но и причины, из-за которых могут возникать конфликты. Оценка молодежью отношений с родителями, подкрепленная информацией о причинах возникновения напряженных ситуаций, в какой-то мере дает представление о том, что в большей степени влияет на качество этих отношений (табл. 5.21).

Среди молодежи, оценивающей свои отношения с родителями как хорошие, наибольшая доля (53 %) практически не имеющих напряженных ситуаций с родителями. У нее во взаимоотношениях с родителями в основном возникают проблемы, которые связаны с поведением, с невыполнением домашних обязанностей, с учебной, т.е. проблемы, направленные на организацию и улучшение деятельности, но не затрагивающие личность. Среди молодежи, редко испытывающей напряженные ситуации во взаимоотношениях с родителями, выделяются те же проблемы, что и у молодежи, оценивающей свои взаимоотношения как хорошие, но только их доля везде в два раза больше. У них добавляются такие причины, как «отсутствие взаимопонимания» (27 %) и «родители не считаются с моим мнением» (20 %), т.е. проблемы межличностные.

Таблица 5.21

Оценка отношений с родителями и причины возникновения конфликтов с родителями, % от числа ответивших

Характер взаимоотношений и причины возникновения конфликтов с родителями	Оценка отношений с родителями		
	Хорошие	Редко бывают напряженные ситуации	Напряженные ситуации возникают часто
У меня практически не бывает напряженных ситуаций с родителями	53	6	2
Причины возникновения конфликтов			
Деньги	6	13	26
Проблемы с учебной	12	21	21
Мое поведение	18	37	37
Невыполнение домашних обязанностей	14	26	24
Они не считаются с моим мнением	5	20	36
Много времени провожу у компьютера	7	8	7
Отсутствие взаимопонимания	6	27	54
Мало времени уделяю членам семьи	4	8	13
Другое	1	2	0,8

⁶⁵⁰ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. ...

У молодежи, часто конфликтующей с родителями, по сравнению с молодежью редко конфликтующей, к комплексу указанных проблем добавляются еще и проблемы экономические. Кроме того, часто конфликтующие с родителями имеют долю межличностных проблем («отсутствие взаимопонимания» и «родители не считаются с моим мнением») практически в два раза больше, чем те, кто редко конфликтует. Таким образом, мы можем предположить, что дети, растущие в условиях неприятия их личности родителями, имеют все шансы для переноса конфликта извне во внутреннее состояние. Это может в дальнейшем повлиять на выбор различных моделей поведения в обществе – от самоизоляции до полного неприятия рамок общественного поведения: происходит возвращение чувства изолированности, приобретенного ими в детстве.

В зависимости от ухудшения взаимоотношений детей и родителей расширяется круг причин возникновения напряженных ситуаций, увеличивается их интенсивность.

Как правило, в случае возникновения напряженных ситуаций с родителями указывалось несколько причин, что позволило определить их количество. Учащаяся молодежь, оценивающая свои отношения с родителями как хорошие, в среднем имеет меньшее количество причин возникновения напряженных ситуаций (0,7) по сравнению с теми, кто испытывает напряжение редко или часто (1,6 и 2,2 соответственно) (табл.5.22).

С увеличением количества причин возникновения напряженных ситуаций с родителями уменьшается доля молодежи, имеющей хорошие отношения с ними, и увеличивается доля тех, у кого напряженные ситуации редко или часто возникают. Среди имеющих одну причину для возникновения конфликтов с родителями хорошие отношения составляют 61 %, а в то время как среди имеющих 4–5 причин и более – 28 %.

На адаптированность, как и на характер взаимоотношений с родителями, оказывают влияние не только то, какие проблемы возникают, но и их количество. Хотя мы можем предположить, что существует и обратная связь – чем труднее идет процесс адаптации в обществе, тем с большим количеством проблем, в том числе и во взаимоотношениях с родителями, детям приходится сталкиваться.

Таблица 5.22

Взаимосвязь количества причин возникновения конфликтов с родителями и оценки отношений с ними, %

Количество причин возникновения напряженных ситуаций в отношениях с родителями	Оценка отношений с родителями			
	Хорошие	Редко бывают напряженные ситуации	Напряженные ситуации возникают часто	Всего
0	95	5	0	100
1	61	36	4	100
2 – 3	45	48	7	100
4 – 5 и более	28	51	20	100
Среднее количество причин	0,7	1,6	2,2	

Таблица 5.23

Взаимосвязь адаптированности и количества причин возникновения напряженных ситуаций во взаимоотношениях с родителями, %

Количество причин возникновения напряженных ситуаций в отношениях с родителями	Адаптированность учащейся молодежи			
	хорошо	средне	плохо	Всего
0	48	34	18	100
1	40	36	24	100
2–3	38	35	27	100
4 – 5 и более	30	29	41	100

Из данных табл. 5.23 видно, что увеличение количества причин возникновения напряженных ситуаций во взаимоотношениях с родителями приводит к уменьшению доли хорошо адаптированных и увеличению доли плохо адаптированных. У имеющих только одну причину возникновения напряженных ситуаций уровень адаптированности выше по сравнению с теми, кто называет 4–5 причин и более: на 10 п.п. больше хорошо адаптированных и на 17 п.п. меньше плохо адаптированных.

Исследование причин конфликтов и их влияния на адаптационный потенциал личности актуализировано изучением семейной и демографической проблематики в современном российском обществе в условиях недооценки семьи и ее проблем государством, низкой эффективности его семейно-демографической политики.

Рассмотрим связь степени адаптированности молодежи с некоторыми причинами возникновения напряженных ситуаций и типом взаимоотношений с родителями. Выбор причин обусловлен их максимальной интенсивностью проявления («из-за денег», «из-за моего поведения», «родители не считаются с моим мнением», «из-за отсутствия взаимопонимания»). Так, из табл. 5.24 видно, что наиболее характерными причинами возникновения частых напряженных ситуаций во взаимоотношениях с родителями являются: «деньги» (26 %), «мое поведение» (37 %), «родители не считаются с моим мнением» (36 %) и «из-за отсутствия взаимопонимания» (54 %).

Среди молодежи, имеющей хорошие отношения с родителями, несмотря на существование причин возникновения напряженных ситуаций, доля хорошо адаптированных значительно превышает долю плохо адаптированных по всем выделенным причинам возникновения напряженных ситуаций. Кроме того, при хороших отношениях с родителями, несмотря на существующие проблемы во взаимоотношениях, доля хорошо адаптированных везде остается максимальной по сравнению с молодежью, имеющей конфликты со своими родителями. Это позволяет сделать вывод, что дети, оценивающие свои отношения с родителями как хорошие, не воспринимают себя личностно отвергнутыми.

Уровень адаптированности молодежи, у которой часто возникают напряженные ситуации во взаимоотношениях с родителями, по всем выделенным причинам возникновения таких ситуаций низкий: у них доля плохо адаптированных в 2–3 раза превышает долю хорошо адаптированных. По мере ухудшения отношений с родителями увеличи-

Таблица 5.24

Взаимосвязь адаптированности молодежи с различным типом взаимоотношений с родителями и причинами возникновения конфликтов, %

Причины возникновения напряженных ситуаций в отношениях с родителями	Адаптированность учащейся молодежи			
	хорошо	средне	плохо	Всего
<i>Отношения хорошие</i>				
Из-за денег	43	31	26	100
Из-за моего поведения	45	34	21	100
Они не считают с моим мнением	44	36	20	100
Из-за отсутствия взаимопонимания	42	29	30	100
Среднее по группе	46	35	19	100
<i>Напряженные ситуации возникают редко</i>				
Из-за денег	31	32	36	100
Из-за моего поведения	38	36	26	100
Они не считают с моим мнением	39	31	30	100
Из-за отсутствия взаимопонимания	33	35	32	100
Среднее по группе	35	37	28	100
<i>Напряженные ситуации возникают часто</i>				
Из-за денег	19	25	56	100
Из-за моего поведения	18	38	44	100
Они не считают с моим мнением	28	16	56	100
Из-за отсутствия взаимопонимания	29	23	48	100
Среднее по группе	27	26	47	100

вается доля плохо адаптированных по всем выделенным причинам. Так, при частых конфликтах с родителями в сравнении с ситуацией, когда отношения хорошие, наблюдается максимальное увеличение доли плохо адаптированных, по причине, что родители не считают с мнением детей. Различие при этом составляет 36 п.п.

Таким образом, можно отметить, что хорошие отношения детей с родителями, во-первых, демонстрируют принятие их личности родителями, а, во-вторых, то, что неуважение личности ребенка способствует увеличению напряженности во взаимоотношениях «ребенок–взрослый» и понижает адаптационный потенциал личности.

Необходимо отметить, что по мере увеличения конфликтов в отношениях с родителями также усиливается влияние таких факторов, как деньги и отсутствие взаимопонимания как катализатора конфликтов для группы плохо адаптированных учащихся. Это может свидетельствовать о том, что финансовые вливания, ожидаемые детьми, иногда являются не первопричиной, а лишь следствием восприятия своего «Я», низко оцененного, по мнению детей, со стороны родителей. Материальные затраты могут восприниматься как форма признания личности ребенка и подтверждение заинтересованности в нем родителя. Но такое опосредованное удовлетворение значимости своего «Я» возможно только при недостаточном духовном развитии личности,

что может свидетельствовать о формировании инфантилизма. В этой связи представляется важным сопоставить результаты тестирования респондентов по методике Шварца (изучение ценностных ориентаций), а именно выявление их отношения к гедонизму и их оценивание качества взаимоотношений с родителями. Мы понимаем при этом гедонизм как этическую и поведенческую установку личности, согласно которой основным для человека является его стремление к наслаждению, а потому все ценности и ориентации деятельности подчинены или сведены к наслаждению. Результаты опросов показали, что респонденты, которые поставили гедонизм как ценность на первые места в иерархии ценностей («гедонисты»), реже оценивали отношения с родителями как хорошие (57 %), чем те, кто поставил гедонизм на последние места в иерархии ценностей («аскеты» – 77 %). Причем в этой же группе чаще, чем в группе «аскетов», встречаются те, кто подчеркивает наличие напряженности в общении с родителями (36 % против 22 % соответственно). Это дает основание предполагать, что при субъективной оценке характера взаимоотношений с родителями очень важна именно иерархия ценностей молодежи.

В связи с этим представляется важным изучение проблемы декларирования и реализации принципа гедонизма в жизни молодежи, а также влияния несоответствия реализуемого поведения и провозглашаемых ценностей на адаптированность личности и установление отношений с родителями. Так, по результатам опросов и тестирования (табл. 5.25) выявлено, что меньше всего (35 %) хорошо адаптированной и больше всего (32 %) плохо адаптированной молодежи оказалось среди группы «провокаторов», т. е. тех, кто, провозглашая принцип гедонизма, на самом деле склонен вести аскетический образ жизни.

Самая большая доля (47 %) хорошо адаптированной и самая малая доля (24 %) плохо адаптированной молодежи оказалась среди «конформистов», то есть среди тех, кто, провозглашая аскетический образ жизни, в поведении реализует совсем другой принцип – стремление к наслаждению и комфорту. Таким образом, как бы ни прискорбно это было осознавать (поскольку традиционно российская культура базировалась на тезисе уважения к богатству духа и презрения к материальным ценностям), тяготение к аскетическому образу жизни, как показали результаты нашего исследования, не способствует повышению адаптивных качеств личности в современных условиях.

Выявляя взаимосвязь степени адаптированности личности с ее субъективной оценкой отношений с родителями, мы также обнаружили, что наибольшее количество

Таблица 5.25

Взаимосвязь отношения к гедонизму и адаптированности молодежи, %

Гедонизм в иерархии ценностей	Адаптированность учащейся молодежи			
	хорошо	средне	плохо	всего
Гедонисты	43	32	25	100
Аскеты	40	33	27	100
Провокаторы	35	33	32	100
Конформисты	47	29	24	100

Таблица 5.26

**Взаимосвязь отношения к гедонизму и адаптированности молодежи
с различным типом взаимоотношений с родителями, %**

Гедонизм в иерархии ценностей	Отношения с родителями							
	хорошие				иногда напряженные			
	Адаптированность личности							
	хорошо	средне	плохо	всего	хорошо	средне	плохо	всего
Гедонисты	49	30	21	100	36	36	28	100
Аскеты	45	33	22	100	24	35	41	100
Провокаторы	42	30	28	100	19	42	39	100
Конформисты	52	26	22	100	25	44	31	100

плохо адаптированной молодежи, оценивающей взаимоотношения с родителями как напряженные, – среди группы «аскетов» (41 %) (табл. 5.26) и чуть меньшее – у «провокаторов» (39 %).

Наибольшее количество (52 %) хорошо адаптированных оказалось в группе «конформистов», оценивающих отношения с родителями как хорошие – 52 % и чуть меньшее, но также достаточно большое количество (49 %) – среди «гедонистов». Самая большая доля плохо адаптированных и оценивающих отношения с родителями как хорошие в группе «провокаторов» – 28 %. Это дает нам основания предполагать, что аскетический образ жизни, обусловленный иерархией ценностей, в какой-то мере способствует формированию более жестких требований как к себе, так и к окружающим людям, что приводит к развитию авторитарности и провоцирует конфликтность в отношениях, в том числе и с родителями. Возможно, опосредованно мы сталкиваемся с феноменом интериоризации, которая состоит в том, что родительская модель поведения, будучи усвоенной и воспроизведенной в отношении самих же родителей, является уже источником напряженности в межпоколенческих взаимоотношениях, а, как следствие, и снижения адаптивных возможностей молодежи.

2. Студенческая семья и ее социальное самочувствие (степень адаптированности). Лица, состоящие в браке, зарегистрированном или нет, имеющие детей или нет, а также разведенные и овдовевшие и имеющие детей на момент учебы, образуют студенческую семью. При этом они могут жить вместе с родителями или самостоятельно, снимать или иметь жилье, жить в общежитии. Все проблемы студенческой семьи не являются предметом нашего анализа, мы только рассматриваем ее социальное самочувствие и адаптированность в связи с браком и детьми. Исследуется также влияние совместного проживания и взаимоотношений с родителями на степень адаптированности.

В Республике Саха (Якутия) имеют свою семью около 15 % от общего числа учащейся молодежи (табл. 5.27). В Якутске эта доля несколько больше и составляет около 20 %.⁶⁵¹ Возможно, это связано с тем, что в Якутске расположена основная часть обучающих центров. Возникают более благоприятные условия обучения для семей-

⁶⁵¹ См.: Гончарова Г.С. Студенческая семья и отношение учащейся молодежи к семейным ценностям (на материалах социологического исследования молодежи Республики Саха (Якутия)) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 61–67.

ных студентов: во время учебы не нужно жить отдельно от семьи. Среди учащейся молодежи доля женщин, имеющих семью, больше чем среди мужчин (17,5 и 12,4 % соответственно). Доля мужчин с детьми меньше, чем доля женщин с детьми, – 7,8 и 11,7 % соответственно. Среди женщин больше доля лиц, состоящих в незарегистрированном браке. Следует отметить, что как у женщин, так и у мужчин при наличии детей доля лиц, состоящих в незарегистрированном браке, значительно меньше: дети способствуют регистрации брака.

Рассмотрим, каким образом структурные характеристики студенческой семьи (брачность и наличие детей) оказывают влияние на ее социальное самочувствие и, в итоге, в той или иной мере способствуют адаптированности (табл. 5.28).

Таблица 5.27

Семейное положение и наличие детей у учащейся молодежи Республики Саха (Якутия), %

Семейное положение	Мужчины		Женщины		Все	
	Наличие детей					
	Есть дети	Нет детей	Есть дети	Нет детей	Есть дети	Нет детей
Состоят в зарегистрированном браке	6,8	2,3	6,7	1,7	6,8	1,9
Состоят в незарегистрированном браке	0,6	2,3	1,8	4,1	1,3	3,3
Никогда не состояли в браке	0,0	86,1	1,6	81,5	0,9	83,5
Разведенные	0,4	0,5	1,3	0,4	1,0	0,5
Овдовевшие	0,0	1,0	0,2	0,6	0,1	0,8
Всего	7,8	92,2	11,7	88,3	10,0	90,0
Доля лиц, состоящих в незарегистрированном браке, от общего числа состоящих в браке	7,7	50,7	20,8	71,1	15,6	63,4

Таблица 5.28

Влияние семейного положения на степень адаптированности учащейся молодежи Республики Саха (Якутия), %

Семейное положение	Мужчины		Женщины		Все	
	Степень адаптированности					
	хорошо	плохо	хорошо	плохо	хорошо	плохо
Состоят в зарегистрированном браке	40	22	51	19	46	33
Состоят в незарегистрированном браке	56	11	48	18	50	34
Никогда не состояли в браке	36	25	45	22	41	36
Разведенные	43	29	39	39	40	24
Вдовы	38	19	47	24	42	36
Всего	37	24	46	22	42	35

Среди лиц, состоящих в незарегистрированном браке, доля хорошо адаптированных выше, чем среди лиц, состоящих в зарегистрированном браке (50 и 46 % соответственно). Причем мужчины значительно лучше чувствуют себя в незарегистрированном браке, а женщины несколько хуже. Доля хорошо адаптированных мужчин на 16 п.п. больше, когда брак незарегистрированный, а у женщин на 3 п.п. меньше. Следует отметить, что вступление в брак (любой) оказывает положительное влияние на социальное самочувствие. У никогда не состоявших в браке доля лиц хорошо адаптированных меньше как среди женщин, так и среди мужчин, причем у последних эти различия значительнее. Разводы в большей степени оказывают влияние на социальное самочувствие женщин. У них доля хорошо адаптированных меньше на 4 п.п., а плохо адаптированных – больше на 10 п.п. по сравнению с мужчинами: видимо, из-за того, что дети, если есть, как правило остаются с матерью, да и вступление в повторный брак для женщин всегда сложнее, чем для мужчин. Вдовство также по-разному сказывается на социальном самочувствии: мужчины переносят его тяжелее, чем женщины. Причины такого явления требуют дополнительного исследования.

Анализ влияния семейного положения с учетом наличия детей на степень адаптированности показывает, что существуют гендерные отличия. Если брак зарегистрирован, то доля хорошо адаптированных значительно меньше у мужчин с детьми, по сравнению с мужчинами, не имеющими детей (36 против 53 %), а у женщин с детьми – наоборот, она даже немного выше, когда есть дети (52 % против 49 %). Однако у женщин при наличии детей на социальное самочувствие оказывают отрицательное влияние не регистрация брака или отсутствие какого-либо брака. Среди женщин, никогда не состоявших в браке или состоящих в незарегистрированном браке и имеющих детей, доля хорошо адаптированных самая низкая (29 и 36 % соответственно).

Как видим, на уровень адаптации учащейся молодежи оказывает влияние ее семейное положение, а также наличие детей и регистрация брака или отсутствие мужа вообще. Наличие детей в незарегистрированном браке – так же, как отсутствие какого-либо брака, – значительно ухудшают социальное самочувствие.

Студенческая семья, не имея достаточных собственных средств существования (кроме сравнительно небольшой стипендии), как правило, финансово зависит от родителей и родственников. По данным нашего опроса, 9 % живут отдельно от родителей, родственников, а вместе – 6 %.

Из данных табл. 5.29 видно, что наличие семьи у учащейся молодежи способствует улучшению социального самочувствия. Так, степень адаптированности молодежи, имеющей собственную семью, выше по сравнению с теми, у кого пока ее нет: доля лиц, хорошо адаптированных, составляет 47 и 41 % соответственно.

Совместное проживание с родителями студентов, имеющих собственную семью, повышает степень их адаптированности: у них доля хорошо адаптированных выше на 6 п.п. по сравнению с теми, кто живет отдельно от родителей и родственников. Кроме того, у них, по сравнению с другими рассматриваемыми группами, максимальная доля хорошо адаптированных (50 %) при минимальной доле плохо адаптированных (18 %). Это показывает значимость совместного проживания с родительской семьей на момент учебы, особенно если есть своя семья.

Таблица 5.29

**Степень адаптированности в зависимости от наличия собственной семьи
и совместного проживания с родителями, родственниками, %**

Наличие своей семьи и проживание с родителями, родственниками	Мужчины		Женщины		Все	
	Степень адаптированности					
	хорошо	плохо	хорошо	плохо	хорошо	плохо
<i>Есть своя семья</i>	44	20	48	20	47	20
Есть своя семья, живут отдельно от родителей	37	23	48	21	44	22
Есть своя семья, живут вместе с родителями, родственниками	56	14	48	20	50	18
<i>Нет своей семьи</i>	36	25	46	22	41	23
Нет своей семьи, живут вместе с родителями, родственниками	37	23	45	22	41	22
Нет своей семьи, живут отдельно	34	31	48	22	42	26

Роль родительской семьи прослеживается также и у молодежи, не имеющей собственной семьи: при практически одинаковых значениях хорошо адаптированных доля плохо адаптированных выше (на 4 п.п.) у учащейся молодежи, живущей отдельно от родителей и родственников. Возможно, совместное проживание с родителями и родственниками на момент обучения обеспечивает не только экономическую стабильность, но и влияет на социальное самочувствие девушек и юношей, обеспечивает некоторую уверенность.

Гендерные различия состоят в том, что у мужчин при наличии собственной семьи социальное самочувствие лучше, когда они живут вместе с родителями, родственниками: у них доля хорошо адаптированных на 19 п.п. выше. Даже не имея собственной семьи, они лучше себя чувствуют, когда живут с родителями, родственниками: при небольшом превышении доли хорошо адаптированных у них доля плохо адаптированных на 7 п.п. ниже. У женщин этого практически не прослеживается: есть небольшое превышение доли хорошо адаптированных у имеющих свою семью по сравнению с не имеющими ее, а также у не имеющих семью и живущих отдельно от родителей. Если женщина стремится к самостоятельности, то мужчина при стремлении также иметь семью все же готов в меньшей степени к тому, чтобы самостоятельно решать свои демографические и бытовые проблемы одновременно. По крайней мере, во время обучения.

Родительская семья существенно влияет на степень адаптированности учащейся молодежи благодаря совместному проживанию. Играет роль и характер взаимоотношений с родителями, другими родственниками (табл. 5.30).

Как видим, совместное проживание с родителями и характер взаимоотношений с ними оказывают существенное влияние на социальное самочувствие учащихся молодых людей. Хорошие отношения с родителями способствуют увеличению степени адаптированности, особенно если есть своя семья и они живут вместе с родителями: у них самая высокая доля хорошо адаптированных (у мужчин – 69 %, у женщин – 58 %). Напряженность во взаимоотношениях с родителями в аналогичной группе резко снижает социальное самочувствие: доля хорошо адаптированных значительно ниже (у мужчин – на 40 п.п., у женщин – на 33 п.п.).

Таблица 5.30

Степень адаптированности учащейся молодежи в зависимости от наличия собственной семьи, совместного проживания с родителями, родственниками и характера взаимоотношений с ними, %

Наличие своей семьи и проживание с родителями, родственниками	Взаимоотношения с родителями							
	хорошие				бывают напряженные ситуации			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	Степень адаптированности							
	хорошо	плохо	хорошо	плохо	хорошо	плохо	хорошо	плохо
Есть своя семья, живут отдельно от родителей	38	23	47	21	36	18	52	18
Есть своя семья, живут вместе с родителями, родственниками	69	8	58	14	29	24	25	32
Нет своей семьи, живут вместе с родителями, родственниками	41	19	47	17	27	31	40	30
Нет своей семьи, живут отдельно	38	28	52	19	24	39	32	35

Напряженность во взаимоотношениях с родителями не способствует улучшению социального самочувствия даже при отсутствии своей семьи и отдельном проживании: и среди таких мужчин и женщин самая высокая доля плохо адаптированных (39 и 35 % соответственно).

При совместном проживании с родителями на степень адаптированности оказывает влияние не только характер взаимоотношений с родителями, но и полнота родительской семьи (табл. 5.31).

При наличии собственной семьи и совместном проживании с родителями степень адаптированности значительно выше в случае, когда родительская семья неполная (есть один из родителей): у мужчин доля хорошо адаптированных выше на 29 п.п., а у женщин – на 8 п.п.

Возможно, это связано с тем, что в неполной родительской семье, когда у одного из родителей (это, как правило, мать) нет супруга, возникает больше возможностей принимать участие в жизни молодой семьи.

Таблица 5.31

Влияние полноты родительской семьи и наличия собственной семьи при совместном проживании с родителями на степень адаптированности, % в группе

Совместное проживание с родителями, родственниками	Полнота родительской семьи	Мужчины			Женщины		
		Степень адаптированности					
		хорошо	средне	плохо	хорошо	средне	плохо
Есть своя семья, живут вместе с родителями, родственниками	один родитель	69	15	15	48	28	24
	оба родителя	40	45	15	40	35	25
Нет своей семьи, живут вместе с родителями родственниками	один родитель	30	46	25	39	35	26
	оба родителя	39	39	22	50	31	19

В то же время при отсутствии собственной семьи степень адаптированности значительно выше при совместном проживании в случае, когда родительская семья, наоборот, полная (есть оба родителя): у мужчин доля хорошо адаптированных выше на 9 п.п. и у женщин – на 11 п.п.

Таким образом, при совместном проживании с родителями положительное влияние полноты родительской семьи на социальное самочувствие молодежи распространяется в основном на юношей и девушек, не имеющих пока своей семьи.

3. Адаптация детей из этнически однородных и этнически смешанных семей.

Социокультурная адаптация, объединяющая социальную и культурную адаптации, по-разному протекает у молодежи из этнически однородных и этнически смешанных семей. Исследование показало, что семья существенно влияет на адаптацию юношей и девушек, не только проживающих в период учебы совместно с родителями, но и живущих вне родительской семьи: в общежитиях, в снимаемом или собственном жилье. В этнически однородных семьях усвоение детьми культурных навыков и традиций родителей протекает с меньшим напряжением, чем в семьях этнически смешанных, где дети вынуждены приспосабливаться к привычкам родителей с различающимися культурными традициями. К тому же родители в таких семьях и друг к другу адаптируются с различным успехом, что усложняет взаимоотношения. Все это влияет на психологические характеристики детей и на их адаптированность к социальной среде.

Судя по материалам проведенных нами исследований, наиболее распространены этнически смешанными семьями в Республике Саха (Якутия) сейчас являются: русско-якутские, русские с народностями Севера, саха (якуты) с народностями Севера, русско-украинские, русско-татарские. По соотношению отцов и матерей в этнически смешанных семьях можно заключить, что в браки с саха примерно втрое чаще вступали русские мужчины, чем русские женщины. Иная ситуация в браках русских с украинцами и татарами: здесь соотношение примерно 1:1. В браках саха – коренные малочисленные народы Севера преобладают мужчины-саха: их в полтора раза больше, чем женщин-саха. В смешанных же браках русских с народностями Севера русских-мужчин в 4 раза больше, чем русских-женщин, т. е. в такие браки чаще вступают русские мужчины. Возможно, гендерные различия в структуре этнически смешанных браков могут в определенной мере влиять на адаптированность молодежи.

Сводные данные об адаптированности молодежи из разного типа семей приведены в табл. 5.32.

Как видим, лучше всего адаптирована молодежь из однородных семей, особенно русских и татарских, несколько хуже – из семей украинцев. В целом дети из этнически смешанных семей адаптированы хуже. Смешанные браки по-разному влияют на адаптацию молодежи: чем больше этнокультурные различия супругов, тем ниже степень адаптированности детей. Наиболее низкие показатели адаптированности юношей и девушек из семей, где один из родителей – русский, а другой – эвен, эвенк, долган или татарин. Браки русских с саха также снижают степень адаптированности детей по сравнению с соответствующими показателями для однородных русских семей и семей саха. В то же время браки коренных малочисленных народов Севера с саха повышают степень адаптированности детей: она выше, чем у детей из однородных браков саха и КМНС. Русско-украинские браки способствуют адаптированности детей в большей мере, чем однородные украинские.

Таблица 5.32

**Степень адаптированности молодежи из этнически-однородных
и этнически-смешанных семей, %**

Этнически однородные семьи			Этнически смешанные семьи		
Тип семьи	Степень адаптированности		Тип семьи	Степень адаптированности	
	хорошо	плохо		хорошо	плохо
Русская	46	21	Русско-якутская	38	29
Саха (якутская)	41	22	Русские – КМНС	29	39
КМНС	42	22	Якуты – КМНС	44	22
Украинская	37	27	Русско-украинская	40	21
Татарская	53	18	Русско-татарская	30	24
Все	43	22	Все	40	26

Различие во влиянии отцов и матерей в смешанных семьях на степень адаптированности детей не выявлено. Так, например, среди детей, где мать – саха, а отец – представитель народностей Севера, хорошо адаптированных – 45 % (при 26 % – плохо адаптированных); где отец – саха, а мать – из народностей Севера – соответственно 43 и 19 %. Во втором случае разность показателей несколько выше, чем в первом (24 % против 19 %). Казалось бы, влияние отцов-саха на адаптированность несколько выше, чем влияние матерей-саха в таких типах семей. Но если рассматривать все смешанные семьи, где отец – саха, мать – иной национальности, то окажется, что показатели адаптированности точно такие же, как и в случае, когда мать – саха, а отец – иной национальности (40 % – хорошо адаптированных и 24 и 23 % – плохо адаптированных соответственно). Примерно такая же картина и в случае, где родители русские и из народностей Севера.

Исследование показало, что в этнически смешанных семьях дети испытывают затруднения при этнической самоидентификации, что сказывается и на степени их адаптированности.

В семьях русско-якутских примерно треть юношей и девушек одновременно определили себя и как саха, и как русские. Результаты по изучению степени адаптированности молодежи разной самоидентификации в русско-якутских семьях приведена в табл. 5.33.

При вполне определенной самоидентификации – или как саха, или как русский – степень адаптированности существенно выше, чем в случаях затруднения с выбором, т. е. при смешанной самоидентификации. Наиболее адаптированными оказались дети, выбравшие русскую, а не якутскую, национальность: почти вдвое больше (62 против 33 %) доля юношей и девушек, хорошо адаптированных и вдвое меньше (15 против 29 %) доля плохо адаптированных.

В этнически смешанных семьях саха – народности Севера две трети детей выбирают национальность народностей Севера, примерно четверть – саха, и лишь каждый десятый – смешанной самоидентификации (табл. 5.34).

Таблица 5.33

Влияние этнической самоидентификации на степень адаптированности детей из русско-якутских семей, %

Вид этнической самоидентификации	Степень адаптированности		
	хорошо	средне	плохо
Определенный (либо саха, либо русский)	45	32	23
В том числе:			
Саха	33	38	29
Русский	62	23	15
Не определенный: смешанный (и русский, и саха)	23	32	45

Таблица 5.34

Влияние этнической самоидентификации на степень адаптированности детей из семей саха – народности Севера, %

Вид этнической самоидентификации	Степень адаптированности		
	хорошо	средне	плохо
Определенный (либо саха, либо КМНС)	43	34	23
В том числе:			
Саха	53	35	12
КМНС	39	34	27
Не определенный: смешанный (и КМНС, и саха)	56	31	13

Если дети из этого типа браков выбирают национальность саха, то они лучше адаптированы, чем те, кто выбрал национальность народностей Севера. В отличие от русско-якутских семей адаптированность детей со смешанным видом самоидентификации (и саха, и КМНС) высокая и почти такая же, как и при самоидентификации себя как саха. Как уже отмечено выше, доля таковых детей небольшая, и при смешанной самоидентификации, по всей вероятности, в сознании юношей и девушек превалирует выбор национальности саха, судя по близости показателей степени адаптированности.

В смешанных браках русских с народностями Севера почти 80 % детей выбрали национальность матерей – представительниц КМНС и адаптированность их несколько ниже адаптированности детей из этнически однородных семей КМНС: хорошо адаптированных – 37 % (против 42 %), плохо адаптированных – 37 % (против 22 %) в однородных семьях.

Следует отметить, что русские не являются исключением в данном плане в смешанных браках с КМНС: дети из семей, где один из родителей – представитель КМНС, а другой – представитель иного этноса (не саха, не русский), также хуже адаптированы, чем дети из этнически однородных семей народностей Севера. Среди таких семей доля хорошо адаптированных – 27 %, плохо адаптированных – 39 %. По всей вероятности, только самая высокая степень этнокультурной близости, психологического комфорта способствует более высокой степени адаптированности выходцев из этих семей.

Таблица 5.35

**Влияние взаимоотношений детей и родителей в этнически-смешанных семьях
КМНС на адаптированность детей, %**

Тип семьи	Отношения с родителями	Степень адаптированности		
		хорошо	средне	плохо
Саха – КМНС	Хорошие	49	38	12
	Иногда бывают напряжения	31	27	42
	Довольно частые напряжения	20	40	40
Русские – КМНС	Хорошие	37	30	33
	Иногда бывают напряжения	0	43	57
	Довольно частые напряжения	0	0	100

Как следует из результатов опроса, в этнически смешанных семьях КМНС с саха и с русскими отношения родителей и детей в основном хорошие: так оценили их 66 % детей в семьях саха–КМНС и 77 % – в семьях русские–КМНС. В этих семьях «иногда бывают напряженные ситуации» отметили соответственно 30 и 18 %, и лишь 3 и 5 % считают, что напряженные ситуации возникают довольно часто. Однако при этой схожей картине взаимоотношений детей и родителей в данных смешанных семьях существенно различается влияние взаимоотношений на адаптированность молодежи (табл. 5.35).

В семьях саха–КМНС адаптированность молодежи снижается с ростом напряжения между родителями и детьми, но не так резко, как в семьях русские–КМНС, где даже отдельные напряженные ситуации сводят почти к нулю долю хорошо адаптированных детей, а частые напряжения в семье приводят к полной их дезадаптированности. И даже при хороших взаимоотношениях в этих семьях плохо адаптированных оказывается треть детей, в то время как в семьях саха–КМНС таковых лишь восьмая часть, а половина – адаптированных хорошо, и даже при частых напряженных ситуациях в этих семьях есть определенная доля хорошо и средне адаптированных. То есть в семьях, где этнокультурные различия родителей существенные, им нужно быть более деликатными как в отношениях с детьми, так и между собой, если они заботятся о психологическом самочувствии и адаптированности детей к современной жизни.

Напряженные ситуации в отношениях детей и родителей возникают, как показал опрос, по разным причинам. Юноши и девушки чаще всего давали ответ «из-за моего поведения, много гуляю, поздно прихожу домой и т. д.». Далее по частоте ответов следовали, как правило, «проблемы с учебой», «невыполнение домашних обязанностей». Интересно отметить, что причины «из-за моего поведения», «невыполнение домашних обязанностей» почти в равной мере отмечают и хорошо, и средне, и плохо адаптированные, т. е. это стандартные ответы на вопрос о напряжениях в семье, которые всегда в той или иной мере наличествуют. Они если и снижают степень адаптированности, то не очень сильно.

Другое дело – психологическая атмосфера в семье. Так, 13–15 % респондентов из разных типов семей указывают на такую причину напряженных отношений с родителями, как «отсутствие взаимопонимания, несовместимость характеров». При этом пло-

хо адаптированные респонденты отмечают эту причину почти вдвое чаще, чем адаптированные хорошо. Среди молодежи из этнически однородных семей, например, эти показатели равны соответственно: у русских – 18 и 13 %, у саха – 18 и 10 %, у коренных малочисленных народов Севера – 13 и 7 % респондентов в этнической группе.

В этнически смешанных семьях чувствительность детей на случаи отсутствия взаимопонимания с родителями проявляется более отчетливо. Так, среди детей из семей «русские – КМНС» среди хорошо адаптированных вообще нет указавших на эту причину напряженных отношений с родителями. Среди детей из семей русские–саха ее отметили 9 % хорошо адаптированных и треть (34 %) – плохо адаптированных.

Аналогичным образом, хотя и в несколько меньшей степени, влияет на адаптированность детей в этнически смешанных семьях также причина напряжения с родителями «из-за проблем с учебой». По всей вероятности, из-за объективных проблем с учебой детей последние фиксируют субъективно эту причину как «отсутствие взаимопонимания, несовместимость характеров», и это существенно влияет на их социальное самочувствие, степень адаптированности.

В этнически однородных семьях причину «проблемы с учебой» отмечают, как правило, в равной мере молодежь всех уровней адаптированности (исключение – молодежь КМНС, где ее указывают чаще адаптированные плохо). Это означает, что в этнически однородных семьях «разборки» родителей с детьми из-за проблем с учебой не вызывают у молодежи таких сильных ощущений «несовместимости характеров» и снижения социального самочувствия, как в этнически смешанных семьях, где проявляются резче этнокультурные различия в педагогических подходах к воспитанию детей.

Итак, роль семьи в процессе социализации и инкультурации личности прослеживается, с одной стороны, через структурные характеристики семьи (этническую однородность и полноту), а также через механизм взаимоотношения с родительской семьей и совместное проживание с ними, с другой – через наличие собственной семьи (наличие собственных детей и состояние в браке, зарегистрированном или нет).

Выводы:

1. На адаптированность молодежи оказывает значительное влияние характер взаимоотношений с родителями: чем лучше отношения, тем выше адаптированность. Доля молодежи, оценившей взаимоотношения с родителями как хорошие, достаточно высока. Наиболее острыми и болезненными являются конфликты, вызванные недовольством родителей своими детьми.

2. Наблюдается тенденция молодежи к индивидуализму и эгоизму, нередко принимающим гипертрофированные формы. В таких крайних случаях адаптационные способности личности снижаются. А при разумном стремлении к комфорту даже повышаются. Чрезмерная требовательность к себе и окружающим снижает возможности адаптации.

3. На уровень адаптации учащейся молодежи оказывает существенное влияние их семейное положение, особенно наличие детей и регистрация брака, полнота семьи. Наличие детей в незарегистрированном браке или отсутствие какого-либо брака значительно ухудшают социальное самочувствие.

4. Совместное проживание с родителями студентов, имеющих собственную семью, существенно повышает их степень адаптированности: доля хорошо адаптированных у них выше, чем у живущих отдельно от родителей и родственников.

Кроме того, среди живущих с родителями семейных студентов максимальная доля хорошо адаптированных при минимальной доле плохо адаптированных. Роль родительской семьи прослеживается также и у молодежи, не имеющей собственной семьи: при практически одинаковых значениях хорошо адаптированных доля плохо адаптированных выше у учащейся молодежи, живущей отдельно от родителей и родственников. Совместное проживание с родителями и родственниками во время учебы не только обеспечивает экономическую стабильность, но и влияет на социальное самочувствие, формирует и поддерживает уверенность в себе.

5. Лучше всего адаптирована молодежь из однородных семей, особенно русских и татарских, несколько хуже – из семей украинцев. Дети из этнически смешанных семей адаптированы хуже. Чем больше этнокультурные различия супругов, тем ниже степень адаптированности детей. Наиболее низкие показатели адаптированности у семей, где один из родителей – русский, а другой – эвен, эвенк, долган или татарин. Адаптированность в семьях русских с саха ниже, чем в однородных русских и однородных саха. В семьях коренных малочисленных народов Севера с саха степень адаптированности детей выше, чем у детей из однородных семей саха и КМНС. В русско-украинских семьях дети адаптированы лучше, чем в однородных украинских.

В этнически смешанных семьях дети испытывают затруднения при этнической самоидентификации, что сказывается и на степени их адаптированности. В семьях, где этнокультурные различия родителей существенные, родителям нужно быть особенно внимательными друг к другу и к детям, заботиться об их психологическом самочувствии и способствовать их адаптированности к современной жизни.

5.3.3. Ценности современной молодежи Севера в сфере семейно-брачных отношений

Изменения в сфере семейно-брачных отношений, в структурных характеристиках семьи и брака свидетельствуют о трансформации института семьи, который присущ многим странам и народам мира. В Российской Федерации изменения в семейно-брачных отношениях происходят на фоне демографического кризиса. Значительное число неполных или бездетных семей замедляют его преодоление. Снижение рождаемости и брачности, увеличение доли незарегистрированных браков и числа рождений у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, – процессы, связанные со многими причинами объективного и субъективного характера. Существенную роль в этих процессах играют ценностные ориентации населения. Анализ таких ориентаций очень важен для прогноза демографических процессов. Учитывая данное обстоятельство, мы посчитали актуальным исследовать ценностные ориентации молодежи в сфере семейно-брачных отношений. Выбор именно учащейся молодежи обусловлен тем, что, с одной стороны, – это наиболее мобильная часть молодежи, а с другой тем, что для данной возрастной категории острота вопроса создания семьи и получения качественного образования обуславливает степень адаптированности к изменяющимся условиям жизни.

По материалам нашего выборочного обследования, подавляющая часть учащейся молодежи (18–29) лет в Республике Саха (Якутия) не состояла в браке (86 % саха, 90 % русских). Такое поведение молодежи продиктовано тем, что она занята получением образования и экономически зависит от родителей. Это способствует увеличе-

нию возраста вступления в брак и сокращению репродуктивных возможностей женщин. Главной целью было изучение взглядов учащейся молодежи на проблемы, связанные с семейно-брачными отношениями: на рождение детей вне брака, на регистрацию брака, на наличие детей и их количество в семье, на мотивы вступления в брак. В связи с этим была также затронута проблема отражения в сознании учащейся молодежи модели прежнего патриархального уклада (мужчина – добытчик, женщина – хранительница очага). Исследовалось и влияние социокультурных трансформаций на либерализацию семейных отношений, различия взглядов по этому вопросу в разных этнических группах.

1. Отношение к семейным ценностям. Выбор характеристик, описывающих отношение к супружеству, детям и регистрации брака, продиктован изменениями в демографическом поведении – ростом количества рожденных вне зарегистрированного брака детей, а также увеличением браков без официальной регистрации. Важно знать не только степень распространения этих явлений, но и насколько они закрепились в сознании через ценностные ориентации.

Ориентации на важнейшие семейные ценности, так же, как и демографическое поведение у мужчин и у женщин различных народов, имеют общие и особенные черты (табл. 5.36).

Все рассматриваемые этнические группы как наибольшую ценность отметили «иметь детей», затем по значимости стоит супружество. Быть в зарегистрированном

Таблица 5.36

Отношение к семейным ценностям у молодежи Республики Саха (Якутия), %

Мнение о семейных ценностях	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины
Саха			
Очень важно иметь мужа (жену)	85	67	75
Очень важно состоять в зарегистрированном браке	67	62	64
Очень важно иметь детей	91	89	90
Русские			
Очень важно иметь мужа (жену)	70	71	71
Очень важно состоять в зарегистрированном браке	45	52	49
Очень важно иметь детей	80	82	81
Коренные малочисленные народы Севера (КМНС)			
Очень важно иметь мужа (жену)	77	68	71
Очень важно состоять в зарегистрированном браке	63	63	63
Очень важно иметь детей	87	85	86
Другие народы			
Очень важно иметь мужа (жену)	78	70	74
Очень важно состоять в зарегистрированном браке	55	59	57
Очень важно иметь детей	87	81	84

браке считается наименее важным: регистрация брака занимает последнее место среди очень значимых семейных ценностей.

Этнические различия состоят в том, что саха – мужчины в большей степени, чем русские мужчины, считают, что очень важно иметь жену (на 15 %), очень важно состоять в зарегистрированном браке (на 22 %) и очень важно иметь детей (на 11 %). В то время как женщины – саха в большей степени, чем русские женщины, ориентированы только на зарегистрированный брак (различие 10 %) и на детей (различие 7 %). В общем, этнические различия состоят в том, что у саха значения по всем трем показателям выше, чем у русских. По сравнению с КМНС у саха значения этих показателей выше только по поводу супружества и детей, а по сравнению с группой «другие народы» – только по поводу регистрации брака и детей.

Для количественного сравнения общего различия в отношениях к семейным ценностям можно использовать среднюю дифференциацию $d = \frac{1}{3} \sum_{i=1}^3 |x_i - y_i|$, где x_i, y_i – доли индивидов в сравниваемых группах, отметивших ценность с номером $i = 1, 2, 3$ как очень важную (см. табл. 5.36). Полученные результаты для этнических групп сведены в табл. 5.37.

Общая дифференциация по отношению к семейным ценностям у мужчин во всех рассматриваемых этнических группах в среднем примерно вдвое выше, чем у женщин. Самыми близкими являются саха и КМНС. Средняя дифференциация между саха и русскими втрое больше, чем средняя дифференциация между саха и КМНС: это может быть связано с более похожими этнокультурными и бытовыми характеристиками у саха и КМНС, чем у саха и русских.

Гендерные различия состоят в том, что резко различаются взгляды на важность супружества – иметь мужа (жену) – у мужчин–саха и женщин–саха: разница почти 20 п.п. У КМНС и других народов она тоже существенна: примерно 10 п.п. Русские мужчины и женщины важность супружества (иметь мужа (жену)) оценивают одинаково. Зато регистрацию брака русские женщины ценят больше, чем мужчины. Из табл. 5.37 видно, что гендерные различия состоят в том, что у саха показатели ценности супружества и регистрации брака выше у мужчин, чем у женщин, у КМНС – только супружества, а у других народов – супружества и детей. Среди русских мужчин, так же как и у мужчин группы «другие народы», наоборот, показатель ценности регистрации брака ниже, чем у женщин.

Таблица 5.37

Общие этнические различия в отношении к семейным ценностям, %

Сравниваемые этнические группы	Средняя дифференциация		
	мужчины	женщины	мужчины и женщины
Саха – русские	16,0	7,0	9,3
Саха – КМНС	5,3	2,0	3,0
Русские – КМНС	10,7	5,7	6,3
В среднем по всем группам	10,7	4,9	6,2

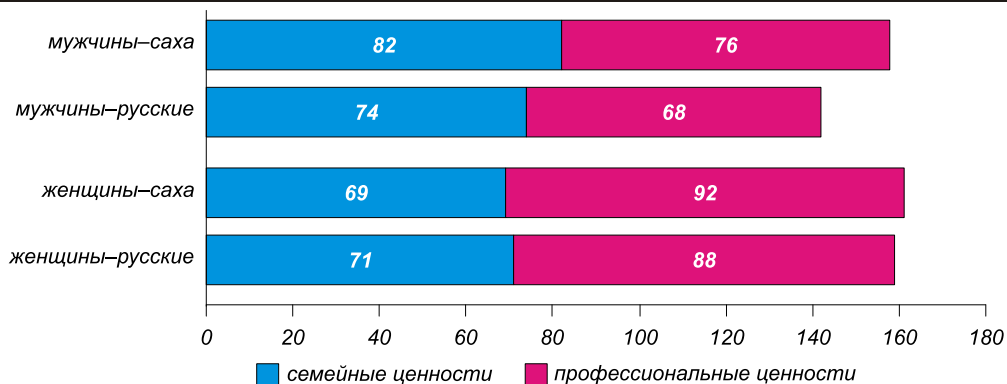

Рис. 5.4. Мнение саха и русских (мужчин и женщин) по поводу важности для современной женщины семейных и профессиональных ценностей, % от числа ответивших.

В итоге получается, что молодые мужчины–саха в большей степени ориентированы на семейные ценности как очень важные не только по сравнению с женщинами–саха, но и по сравнению с русскими, КМНС и группой «другие народы» – как мужчинами, так и женщинами.

Гендерные различия по отношению к семейным ценностям проявляются у народов не только при сравнении их друг с другом, но и при сравнении их с другими ценностями, при определении их места в общей системе ценностей.

Так, при ответе на вопрос, что очень важно для современной женщины, мужчины–саха и русские – на первое место поставили семейные ценности (иметь семью, быть женатым и иметь детей), а женщины поставили семейные ценности на второе место, после ценностей, связанных с профессиональными интересами (работой, профессией, получением хорошего образования, хорошим заработком). Это отчетливо видно на рис 5.4.

Оценивались предпочтения в среднем по каждой из двух выделенных групп ценностей (семейных и профессиональных).

Учащиеся женщины считают, что для современной женщины более значимы профессиональные ценности, чем семейные (у русских больше на 17 п.п., у саха – на 23 п.п.). Это связано с тем, что у женщин в настоящее время список значимых для их ценностей значительно расширился за счет ориентации на профессиональную деятельность. Так как далеко не все мужчины могут экономически полностью обеспечивать семью, то и многие женщины вынуждены работать. Вместе с тем, в связи с развитием социальных и демократических свобод в обществе женщины не желают ограничивать свою деятельность только домашней работой: в итоге получается, что у семейной женщины все время стоит проблема выбора между семьей и работой, которую они решают по-разному.

Об этом свидетельствуют результаты мониторинга общественного мнения, проведенного в августе 1994 г.⁶⁵² При ответе на вопрос «Что сейчас, на Ваш взгляд, важнее для большинства современных женщин – семья или работа?» мужчины и женщины ответили, что семья 36 и 37 % соответственно, семья и работа – 38 и 48 %, работа – 10 и 9 %.

По результатам нашего обследования учащейся молодежи Республики Саха (Якутия) в 2006–2009 гг., на вопрос «Как Вы считаете, что наиболее важно для современ-

⁶⁵² См.: Бодрова В.В. Работа или семья: что важнее для современной женщины? // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. М., 1995. № 1. С. 37–40.

ной женщины?» мужчины и женщины ответили, что семья, – 29 и 8 % соответственно, семья и работа – 59 и 70 %, работа – 11 и 22 %.

Несмотря на некоторые различия в формулировке вопроса, можно отметить, что у женщин за это время произошло сокращение значимости только семейных ценностей за счет увеличения ценности работы. При этом так же, как и в обследовании 1994 г., наблюдаем гендерные различия в отношении совмещения семьи и работы: женщины в большей степени, чем мужчины, считают, что для современной женщины это наиболее важно. Можно сказать, наиболее важно, потому что в наших условиях это наиболее предпочитаемая модель поведения, так как без семьи женщине труднее реализовывать основное предназначение – материнство, а без работы – экономическое обеспечение материнства.

В то же время желание заниматься только домом у части молодежи присутствует. Это следует из ответов на вопрос о важности для современной женщины воспитывать детей, не работая, будучи обеспеченной мужем (среди мужчин считают это важным 38 % саха и 57 % русских, а среди женщин соответственно – 18 и 26 %). Как видим, у мужчин сохраняются патриархальные установки, и они в большей степени хотели бы, чтобы современные женщины воспитывали детей и не работали.

Таким образом, у части мужчин и женщин в ценностных ориентациях сохранились прежние представления о занятости женщин. Однако мужчины высказывают данное мнение вдвое чаще, чем женщины, и это свидетельствует о том, что их мнение более традиционно: мужчина должен быть добытчиком, а женщина должна воспитывать детей и не работать. Как видно из табл. 5.38, большинство мужчин (90–92 %), так же, как и большинство женщин (73–84 %), считает, что мужчина должен быть добытчиком. Женщины придерживаются этого мнения несколько в меньшей степени.

Аналогичная ситуация при ответе на вопрос «Согласны ли Вы со следующим утверждением: женщина должна быть хранительницей очага?». Большинство и мужчин, и женщин ответили утвердительно на этот вопрос: соответственно 77–86 % и 55–76 %. Женщины в меньшей степени, чем мужчины, считают, что они должны быть «хранительницами очага».

Этнические различия состоят в том, что мужчины и женщины – саха в меньшей степени, чем остальные народы выступают за традиционное распределение обязанностей, связанное с тем, что «женщина должна быть хранительницей очага». Причем они также в меньшей степени считают, что современная женщина должна воспитывать детей, не работая, будучи обеспеченной мужем. То есть саха демонстрируют в меньшей степени по сравнению с остальными народами традиционное восприятие распределения гендерных обязанностей. По-видимому, это связано с наибольшей активностью женщин – саха вне семейной деятельности (производственной, общественной и т. д.).

Выделим традиционные взгляды и не традиционные в той или иной мере по отношению к семейным ценностям и рассмотрим их влияние на степень адаптированности молодежи. Одновременно ответивших, что очень важно иметь мужа (жену), детей и состоять в зарегистрированном браке будем считать имеющими традиционное представление о семейных ценностях и всех остальных – имеющих нетрадиционное в той или иной мере представление.

**Отношение к традиционным обязанностям в семье у молодежи
Республики Саха (Якутия), %**

Традиционное распределение обязанностей	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины
Саха			
Женщина должна быть хранительницей домашнего очага	77	55	64
Мужчина должен быть добытчиком	92	84	88
Одновременно согласны с обоими утверждениями	74	49	60
Русские			
Женщина должна быть хранительницей домашнего очага	84	65	74
Мужчина должен быть добытчиком	91	79	84
Одновременно согласны с обоими утверждениями	80	54	65
Коренные малочисленные народы Севера (КМНС)			
Женщина должна быть хранительницей домашнего очага	85	76	79
Мужчина должен быть добытчиком	90	81	84
Одновременно согласны с обоими утверждениями	77	67	70
Другие народы			
Женщина должна быть хранительницей домашнего очага	86	68	77
Мужчина должен быть добытчиком	90	73	81
Одновременно согласны с обоими утверждениями	80	50	65

Из табл. 5.39 видно, что наиболее традиционных взглядов на семейные ценности придерживаются мужчины саха и КМНС, а также женщины – саха и представительницы группы «другие народы». При этом мужчины саха и КМНС «традиционнее» женщин на 13 и 12 п.п. соответственно. Русские – и мужчины, и женщины, в целом менее традиционны, чем саха и КМНС. Возникновение новых представлений о семейных ценностях, связанных с воспроизводством населения, демонстрирует, с одной стороны, интенсивность изменений, происходящих в обществе, с другой – приспособляемость к изменяющимся условиям жизни, что не может не отразиться на адаптационных характеристиках и стратегиях адаптации молодежи.

Таблица 5.39

Распределение имеющих традиционное представление о семейных ценностях у разных групп молодежи Республики Саха (Якутия), %

Этнические группы	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины
Саха	65	52	58
Русские	42	45	43
КМНС	60	48	52
Другие народы	48	51	50

Таблица 5.40

Степень адаптированности в зависимости от отношения к семейным ценностям у молодежи Республики Саха (Якутия), % в группе

Этнические группы	Традиционное отношение к семейным ценностям				Нетрадиционное отношение к семейным ценностям			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	степень адаптированности							
	хорошо	плохо	хорошо	плохо	хорошо	плохо	хорошо	плохо
Саха	39	20	47	18	30	29	41	24
Русские	44	21	51	20	38	25	46	21
КМНС	29	29	51	24	30	35	40	23
Другие народы	49	28	59	16	30	33	38	35
Всего	40	21	50	19	33	28	42	24

Из данных табл. 5.40 видно, что при традиционном отношении к семейным ценностям у мужчин и женщин всех этнических групп доля хорошо адаптированных выше по сравнению с группой, в той или иной мере демонстрирующей отклонение от традиций. Исключение составляют мужчины в группе КМНС: у них доля хорошо адаптированных осталась на том же уровне. С другой стороны, при нетрадиционном отношении к семейным ценностям наблюдаем увеличение долей плохо адаптированных. Все это может свидетельствовать о том, что сохранение традиционных семейных ценностей, в целом являясь одной из фундаментальных составляющих социокультурного пространства, не может не оказывать влияния на адаптацию молодежи к трансформирующимся условиям жизни.

2. Отношение к рождению детей вне брака. Анализ отношения молодежи к рождению детей в зависимости от состояния родителей в браке особенно важен в силу того, что в регионе наблюдается увеличение рождений у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке.

Из табл. 5.41 видно, что в сознании молодежи существует зависимость между регистрацией брака и рождением детей: свыше половины мужчин и женщин

Таблица 5.41

**Мнение о рождении детей в зависимости от состояния родителей в браке,
учащаяся молодежь Республики Саха (Якутия), %**

№ п/п	Отношение к рождению детей в зависимости от состояния родителей в браке	Этнические группы					
		саха		русские		КМНС	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1	Да, брак обязательно должен быть зарегистрирован, я против внебрачных детей	64	61	58	64	75	71
2	Для рождения ребенка достаточно, чтобы родители жили вместе, а иметь «штамп в паспорте» не обязательно	21	21	29	27	15	17
3	Для рождения ребенка не обязательно быть в браке (зарегистрированном или гражданском)	15	18	12	10	10	13
2+3	Для рождения детей не обязательно быть в браке (любом) или не обязательно быть в зарегистрированном браке	36	39	42	36	25	29

(58–75 %) всех национальностей считают, что для рождения ребенка брак должен быть зарегистрирован, при некоторых гендерных и этнических различиях.

Женщины–саха и КМНС – в большей степени, чем мужчины, считают, что для рождения детей регистрация брака не нужна, а также не обязательно быть в браке. Женщины становятся самостоятельнее, возрастает их экономическая независимость. Изменяется их модель поведения: они отходят от предписанной традиционной культуры. На мировоззрение современных девушек влияет свобода – как социальная, так и моральная, которая подкрепляется либеральным отношением общества к новым формам семейно-брачных отношений.

В то же время русские женщины в меньшей степени, чем мужчины, считают, что для рождения детей регистрация брака не нужна, также как и вообще необходимость состоять в браке. Так, 36 % женщин и 42 % мужчин ответили, что для рождения детей не обязательно быть в браке (любом) или не обязательно быть в зарегистрированном браке. Следует отметить, что у русских (мужчин и женщин) выше, чем у саха и КМНС, доля считающих, что для рождения ребенка достаточно, чтобы родители жили вместе, а иметь «штамп в паспорте» не обязательно (29 и 27 % соответственно).

3. Мотивы вступления в брак. Для молодежи в иерархии мотивов вступления в брак на первом месте стоит рождение детей, на втором – супружеские забота и внимание (кроме мужчин из группы КМНС: у них в одинаковой степени важны забота и внимание со стороны супруги и сохранение традиций – «так принято»). Совпаде-

ние в расстановке приоритетов ценностных ориентаций у мужчин и женщин наблюдается только по двум указанным ценностям. В дальнейшем заметны гендерные различия. Так, если мужчины (кроме КМНС) на третье место поставили избавление от одиночества (быть вместе), то женщины – обеспечение материального благополучия. У мужчин саха, русских четвертое место заняли сохранение традиций «так принято» и пятое – обеспечение материального благополучия, в то время как у женщин четвертое и пятое места заняли избавление от одиночества и сохранение традиций (табл. 5.42). Если женщины в большей степени, чем мужчины, рассматривают вступление в брак как обеспечение материального благополучия, то мужчины – как избавление от одиночества и сохранение традиций. Мотив «забота и внимание со стороны супруга» для женщин по сравнению с мужчинами – значительно важнее (на 18–26 %). Женщины, в отличие от мужчин, при вступлении в брак в меньшей степени ожидают освобождения от чувства одиночества и восстановления душевного равновесия, но более нацелены на получение заботы со стороны супруга.

Следует особое внимание обратить на группу мужчин КМНС: у них самая большая группа считающих, что вступление в брак, с одной стороны, – это сохранение традиций («так принято»), а с другой – вступление в брак не представляет ценности (32 и 10 % соответственно). Видимо, это связано с экономическим положением этой группы народов в республике. Особенно сильно это проявляется у мужчин, что в итоге не может не отражаться на их рейтинге при выборе невесты на брачном рынке. Так,

Таблица 5.42

Мотивы вступления в брак у учащейся молодежи Республики Саха (Якутия), %

Мотивы вступления в брак	Этнические группы					
	саха		русские		КМНС	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Избавление от одиночества – счастье быть вместе	31	20	35	19	27	21
Обеспечение материального благополучия	15	23	14	23	13	32
Рождение детей	79	77	72	79	69	69
Забота и внимание со стороны супруги (а)	48	67	52	76	31	57
Решение бытовых проблем	4	3	6	5	2	4
Решение жилищного вопроса	6	7	4	3	9	4
Забота о здоровье	15	9	12	9	12	8
Так принято	23	16	19	12	32	20
Вступление в брак не составляет для меня ценности	4	7	8	5	10	7
Другое	5	5	3	5	3	6

по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., у мужчин в группе КМНС доля никогда не состоявших в браке составляет 42%, по республике в целом – 28,9 %, а у женщин – 29,9 и 23,3 % соответственно.⁶⁵³ То есть, у мужчин КМНС больше доля никогда не состоявших в браке на 13,1 п.п., у женщин – 6,6 п.п. Все это в той или иной мере формирует отношение к вступлению в брак у части мужчин, чувствующих, что у них с этим могут быть проблемы.

Таким образом, первые два места в иерархии мотивов при вступлении в брак у всех народов занимают демографические и психологические характеристики, что представляется наиболее значимым с точки зрения воспроизводства населения и психологического здоровья семьи.

Молодые люди при вступлении в брак в основном ориентированы на рождение детей, заботу и внимание со стороны супруга (супруги). Эти характеристики являются приоритетными по сравнению с другими. В то же время существующая разница в социально-экономическом положении женщин и мужчин в современном российском обществе, более низкие заработки и более высокая женская безработица вынуждают каждую третью–четвертую женщину смотреть на брак как на возможность достижения экономического благополучия.

Какими видит в перспективе семью, брак и образ желаемого супруга (и) учащаяся молодежь? Для описания образа будущего супруга были выделены характеристики, описывающие различные категории ценностей: социально-психологические, социально-экономические, нормативно-этические.

Как видно из табл. 5.43, выбирая супруга (у), учащаяся молодежь ориентирована в первую очередь на любовь, доброту и заботливость, а также образованность. Эти

Таблица 5.43

Ценностные ориентации учащейся молодежи Саха (Якутия) при выборе супруга, %

Важные характеристики личности при выборе супруга	Этнические группы					
	саха		русские		КМНС	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Доброта и заботливость	75	65	73	68	81	64
Образованность	38	51	38	34	40	56
Культура поведения	27	16	22	19	18	10
Обеспеченность	5	24	8	27	2	24
Наличие жилья	2	3	3	5	0	4
Целеустремленность	15	33	14	35	10	23
Здоровье	32	21	24	16	25	22
Отсутствие вредных привычек	26	16	21	10	19	17
Любовь	74	77	80	83	68	71
Внешняя привлекательность	31	10	44	20	21	9

⁶⁵³ См.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, М., 2004, Т. 4, кн. 2. С. 1036–1037.

характеристики по частоте выбора занимают 1–3 места. Лишь у русских на третьем месте по частоте выбора оказались внешняя привлекательность жены (44 %) и целеустремленность мужа (35 %). Гендерные различия при выборе супруга (супруги) состоят в том, что женщины – независимо от этнической принадлежности – при выборе мужа больше ценят обеспеченность и целеустремленность, а мужчины – доброту и заботливость, а также внешнюю привлекательность будущей жены. Представляется необычным, что мужчины – саха и русские – в большей степени, по сравнению с женщинами, выделили такую черту, как отсутствие вредных привычек. Видимо, это связано с увеличением курящих женщин. И не только: из данных статистики следует, что за последнее время происходит увеличение количества женщин, состоящих на учете с наркологическими расстройствами.⁶⁵⁴

4. Количество предполагаемых детей в семье. Для получения информации о количестве предполагаемых детей в семье в ходе исследования мы использовали социально-психологическую проективную методику. Перед студентами ставилась задача нарисовать на листе бумаги семью в том виде, как они ее представляют. Репрезентация образа семьи респондентами позволяет собрать информацию для проведения дальнейшего анализа характеристик семьи в целом, ее составе, разнообразии и т. п. В то же время благодаря этому оказалось возможным создать палитру образов семьи, существующих в массовом сознании учащейся молодежи. Проблема классификации рисунков, изображающих семью, представляет собой очень трудную задачу. Мы использовали только смысловое содержание образа семьи, которое смогли типологизировать по 10 группам, наиболее полно отражающих, на наш взгляд, отношение к основным семейным ценностям (табл. 5.44).

Таблица 5.44

Графическое изображение образа семьи у молодежи Республики Саха (Якутия), %

№ п/п	Тип рисунка изображения семьи	%
1	Изображение семьи (людей)	64,1
2	Изображение дома	13
3	Изображение и дома и людей (в нем или около него)	6,4
4	Изображение взаимоотношений двух человек (сердце, двое)	1,0
5	Изображение только детей (младенец, коляска)	3,2
6	Изображение семьи (детей, родителей и домашних животных)	0,6
7	Изображение неполной семьи (один из родителей)	1,8
8	Изображение огромной семьи (семейное фото, генетическая схема, подсолнух)	2,0
9	Изображение семьи в виде абстрактной фигуры (позитивные: круг, обручальные кольца, коляска, дерево, камин, печка, кролик, воздушные шары, руки и солнце, две руки, руки и алмаз, юрта и руки с солнцем, цветы, чайная пара)	7,6
10	Изображение семьи в виде абстрактной фигуры (негативные: узел, телевизор, мебель без людей, сердце и доллар, девочка у фотографии родителей, «Я», схема сокращения численности населения 4-2-1)	0,5

⁶⁵⁴ См.: *Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия) за 2006 г.* Якутск, 2007. С. 214.

Наибольшее число рисунков было сделано в традиции реализма, т. е. были изображены конкретные участники семьи: родители и дети (64,1 %). Для 13 % респондентов семья – это, прежде всего, дом. Но имеют ли мысли о доме материальный аспект или это проекция абстрактного мышления респондента, можно пока только предполагать. Вполне вероятно, что данное изображение можно было бы отнести к группе позитивных абстрактных рисунков, доля которых составляет 7,6 % от общей численности. Однако сложность содержательной интерпретации данного рисунка пока не позволила сделать этот вывод. Интересна группа рисунков, которую мы условно назвали «негативные абстрактные фигуры», поскольку появление таких ассоциаций на тему семьи, как узел, доллары и сердце, «Я», изображение телевизора или предметов мебели вместо семьи, является отражением определенной негативной эмоции респондента (ситуативной или постоянной). Также вызывает интерес появление рисунков, изображающих неполную семью (изображение одного из родителей) и семью без родителей (изображение только детей). По всей вероятности, эти бессознательно воспроизводимые ассоциации могут также свидетельствовать об определенном восприятии трансформации семейно-брачных отношений в настоящее время.

Анализ количества детей в рисунках, изображающих семью (табл. 5.45), позволил сделать предположение о существовании определенного стереотипа числа потенциальных детей, который формируется средой жизнедеятельности респондента.

Так, большинство (53,7 % саха и 57,7 % русских) изобразили семью, где есть только один ребенок. Два ребенка для семьи более свойственны русским (34,1 %). А изображение трех и более детей в семье характерно для саха – народа, сохраняющего связь с традиционной культурой в большей степени, чем другие народы Республики Саха (Якутия).

Использование социально-проективной методики позволило выявить, что среднее количество предполагаемых детей в семье саха составило 1,74, в русской семье – 1,65, что недостаточно даже для простого воспроизводства и того, и другого этноса. Для коренных малочисленных народов Севера эти цифры еще ниже.

Исходя из графически оформленных представлений молодежи об образе семьи, на основе существующих теорий о связи подсознания с реализуемой моделью поведения, можно предположить, что существующая тенденция сокращения численности населения в республике в ближайшее время вряд ли изменится.

Анализ ценностных ориентаций учащейся молодежи в сфере семейно-брачных отношений позволяет сделать вывод о существовании определенной тенденции к трансформации традиционной модели семейно-брачных отношений не только в поведении,

Таблица 5.45

Распределение количества детей в изображениях семьи учащейся молодежью Республики Саха (Якутия), %

Этнические группы	Количество детей в изображениях семьи							Среднее количество детей в семье
	1	2	3	4	5	6	7	
Саха	53,7	27,9	12,0	3,9	2,1	0,2	0,2	1,74
Русские	57,7	34,1	1,6	1,6	3,3	0	1,6	1,65

но и в сознании у всех этносов Республики Саха (Якутия), и это в большей степени свойственно женщинам. Отметим, что аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах Сибири. Так, в республиках Тыва и Хакасия женщина стремится к укреплению своего положения в обществе, развитию собственного потенциала, а мужчины продолжает традиционно видеть в женщине прежде всего хранительницу очага⁶⁵⁵.

Мужчины, потенциально воспроизводящие традиционные семейно-брачные установки (ориентированность на установление официальных брачных отношений, роль хозяина дома), при распределении функциональных обязанностей по обеспечению семьи передают, тем не менее, часть этих функций женщинам, что в принципе неприемлемо в семейно-брачных отношениях в традиционной культуре. Все это в значительной степени влияет на трансформацию традиционной модели поведения женщин в сфере семейно-брачных отношений.

5. Распределение обязанностей в семье. Изменения в сфере семейно-брачных отношений, связанные с демографическим поведением и отношением к семейным ценностям, не могли не охватить весь комплекс внутрисемейной деятельности. Нами рассматривается внутрисемейная деятельность, направленная на организацию жизнеустройства и поддержания порядка в семье (родительской и пожеланий для собственной семьи) через распределение обязанностей в семье между мужчинами и женщинами. Выбор гендерного аспекта обусловлен увеличением вовлеченности женщин в производственно-профессиональную деятельность, а также ростом их образовательного уровня. Кроме того, как было показано выше, женщины считают, что для современной женщины важнее профессиональные интересы (работа, профессия, получение хорошего образования, хороший заработок) по сравнению с семейными ценностями (иметь семью, быть замужем и иметь детей) (см. рис. 5.4).

Внутрисемейная деятельность связана с воспитанием и обучением детей, поддержанием в порядке хозяйства (дома) и материально-финансовым обеспечением.

Для анализа были выделены четыре вида внутрисемейной деятельности:

1. Воспитание детей – заботиться о детях, воспитывать и обучать детей как будущих жен и мужей.
2. Участие в обучении детей – ходить в школу на собрания, помогать делать уроки.
3. Хозяйственно-бытовая деятельность – выполнять домашнюю работу (готовить пищу, стирать, наводить порядок в доме), заниматься надворным хозяйством (если есть).
4. Финансово-хозяйственное обеспечение семьи, связанное с материальным обеспечением, хождением в магазин и принятием решений о покупке дорогостоящих вещей.

По ответам на вопросы «Как Вы можете оценить распределение “мужских” и “женских” обязанности в семье Ваших родителей?» и «Как бы Вы хотели, чтобы эти обязанности распределялись в Вашей собственной семье?» мы классифицировали семьи по типам распределения семейных ролей в родительской семье и в собственной семье (существующей или будущей) (табл. 5.46).

⁶⁵⁵ См. Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2004.

Таблица 5.46

Распределение обязанностей в семье, связанных с воспитанием детей в семье, %

Участие в воспитании детей	Распределение обязанностей					
	в родительской семье			в пожеланиях для своей семьи		
	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины	все
В основном делают женщины	80	76	78	73	64	68
В основном делают мужчины	5	2	3	5	2	3
Делают мужчины и женщины	15	22	19	22	34	29

Насколько эти типы различаются, существует ли трансляция от родителей к детям основных форм организации жизнедеятельности в семье; если есть различия, то в чем они проявляются? Для этого были выделены семьи, в которых тот или иной вид внутрисемейной деятельности осуществляется в основном женщинами, в основном мужчинами и совместно мужчинами и женщинами. Следует отметить, что по всем видам внутрисемейной деятельности в целом нет семей, представленных только деятельностью мужчин или женщин или только совместно мужчин и женщин. Рассмотрим сначала каждый вид внутрисемейной деятельности отдельно, затем объединим их для классификации по типам. При этом выделим традиционную организацию внутрисемейной деятельности и отклоняющуюся от нее в той или иной мере. Отклонение от традиционного уклада внутрисемейной деятельности, с одной стороны показывает влияние изменений, происходящих в обществе, с другой – демонстрирует возможности, связанные с адаптацией к этим изменениям. Анализ связи традиционности в организации внутрисемейной деятельности в своей семье с адаптацией может свидетельствовать о том, насколько модель сформированного внутрисемейного поведения с точки зрения ее традиционности может оказывать влияние на степень адаптированности.

6. Воспитание детей. Воспитанием детей в семьях учащейся молодежи в основном занимаются женщины. Есть семьи, в которых принимают участие в воспитании мужчины и женщины совместно, и совсем незначительная доля семей, где воспитанием детей занимаются в основном мужчины.

Из родительской семьи учащаяся молодежь усваивает участие в воспитании детей в основном женщин (при некотором совместном участии мужчин и женщин) как норму и высказывает аналогичные пожелания для своей семьи. Следует отметить, что для своей семьи они хотели бы в большей степени участия в воспитательном процессе мужчин путем увеличения совместного участия мужчин и женщин. Особенно этого хотели бы женщины: у них доля высказавших такое пожелание совместного участия мужчин и женщин в воспитании детей на 7 и 12 п.п. выше, чем у мужчин в родительской и своей семье соответственно.

7. Участие в обучении детей. В отличие от участия мужчин и женщин в воспитании детей, в процессе их обучения участвуют не только женщины, но и мужчины и женщины совместно, даже с превышением доли совместного участия мужчин и женщин – как в родительской семье, так и в пожеланиях для своей семьи. При этом для своей семьи молодежь хотела бы совместного участия мужчин и женщин в обучении детей в большей степени, чем в родительской семье: мужчины – на 6 п.п., женщины – на 15 п.п. (табл. 5.47).

Таблица 5.47

Распределение обязанностей в семье, связанных с участием в процессе обучения детей, %

Участие в процессе обучения детей	Распределение обязанностей					
	в родительской семье			в пожеланиях для своей семьи		
	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины	все
В основном делают женщины	42	45	44	32	26	32
В основном делают мужчины	8	5	6	12	9	12
Делают мужчины и женщины	50	50	50	56	65	56

Увеличение совместного участия в процессе обучения детей в пожеланиях для своей семьи сопровождается в основном сокращением участия «в основном женщин».

В пожеланиях для своей семьи необходимость участия в обучении детей фактически всем членам семьи осознается женщинами в большей степени по сравнению с мужчинами (на 9 %). Вероятно, они в большей степени осознают, что участие в процессе обучения детей не только обеспечивает реальную помощь, но и создает условия для поддержания контактов с детьми.

8. Хозяйственно-бытовая деятельность. Распределение хозяйственно-бытовых обязанностей как в родительской семье, так и в пожеланиях для своей семьи остается в основном традиционным: женщины в большинстве выполняют домашнюю работу, а мужчины занимаются надворным хозяйством (табл. 5.48), в то же время для своей семьи женщины хотели бы увеличить долю совместного участия мужчин и женщин в выполнении домашней работы (на 8 п.п.) по сравнению с тем, как это было в родительской семье. Наблюдается также сокращение доли лиц, считающих, что домашняя работа выполняется или должна выполняться в основном женщинами (на 11 п.п.).

Таблица 5.48

Распределение обязанностей в семье, связанных с хозяйственно-бытовой деятельностью, %

Участие в хозяйственно-бытовой деятельности	Распределение обязанностей					
	в родительской семье			в пожеланиях для своей семьи		
	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины	все
Выполнение домашней работы						
В основном делают женщины	82	85	84	80	74	77
В основном делают мужчины	4	2	3	4	5	5
Делают мужчины и женщины	14	13	13	16	21	18
Занятие надворным хозяйством						
В основном делают женщины	11	11	11	10	4	6
В основном делают мужчины	81	80	80	81	85	84
Делают мужчины и женщины	8	10	9	9	11	10

9. Финансово-хозяйственное обеспечение семьи. Мнение о финансово-хозяйственном обеспечении семьи в родительской семье у юношей и девушек различаются: по мнению молодых женщин, в основном этим занимаются совместно мужчины и женщины или в основном женщины, в то время как по мнению молодых мужчин – в основном мужчины или совместно мужчины и женщины (табл. 5.49). В родительской семье доля участия «в основном мужчин» в финансово-хозяйственном обеспечении семьи во мнениях мужчин и женщин различается на 20 п.п. Возможно, это связано с различиями в структурах родительской семьи у юношей и девушек или в гендерных особенностях восприятия действительности (первые акцентируют внимание на финансовом обеспечении, а вторые – на хозяйственном).

В пожеланиях для своей семьи мужчины хотели бы в меньшей степени, чтобы этот вид деятельности осуществлялся в «основном женщинами» (на 7 п.п.), чем это было в родительской семье, а женщины в большей степени хотели бы совместного участия мужчин и женщин в финансово-хозяйственном обеспечении семьи (на 16 п.п.). Мужчины в пожеланиях для своей семьи в большей степени придерживаются традиционной модели поведения («в основном делают мужчины») в финансово-хозяйственном обеспечении семьи (47 %), а женщины – за совместное участие мужчин и женщин (50 %) в этом. Женщины, участвуя наравне с мужчинами в производственной деятельности, хотели бы совместно с мужчинами также участвовать в финансово-хозяйственном обеспечении своей семьи, которое связано не только с материальным обеспечением, хождением в магазин, но и принятием решений о покупке дорогостоящих вещей.

Таким образом, в воспитании детей и в хозяйственно-бытовой деятельности наблюдаем в основном традиционное представление: женщины в основном занимаются воспитанием детей и домашним хозяйством, а мужчины – надворным хозяйством (как в родительской семье, так и в пожеланиях для своей семьи). А по двум видам внутрисемейной деятельности (участие в обучении детей и финансово-хозяйственном обеспечении семьи) в родительской семье и в пожеланиях для своей семьи наблюдаем отход от традиций. В обучении детей – приоритет совместного участия мужчин и женщин, а в финансово-хозяйственном обеспечении – мужчины считают, что приоритет за ними, а женщины – за совместное участие мужчин и женщин. В пожеланиях для своей семьи происходит увеличение совместного участия мужчин и женщин: особенно это проявляется в ответах женщин. Женщины, стремясь к более высокому социальному положению, хотели бы большего участия в финансово-хозяй-

Таблица 5.49

Распределение обязанностей, связанных с финансово-хозяйственным обеспечением семьи, %

Участие в финансово-хозяйственном обеспечении	Распределение обязанностей					
	в родительской семье			в пожеланиях для своей семьи		
	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины	все
В основном делают женщины	21	33	28	14	25	20
В основном делают мужчины	43	23	31	47	25	34
Делают мужчины и женщины	36	44	41	39	50	46

ственном обеспечении семьи, которое связано не только с материальным обеспечением, но и с контролем расходования денег.

Анализ каждого из видов внутрисемейной деятельности дает представление о преимущественном участии мужчин и женщин в жизнедеятельности семьи, но не дает общего представления об участии в жизнеустройстве той или иной семьи. Такое представление позволило бы выделить те или иные типы организации жизнедеятельности семьи и, самое важное, связать внутрисемейную деятельность с процессом адаптации. То есть посмотреть, какой тип жизнеустройства внутри семьи оказывает более благоприятное влияние на адаптированность личности.

В табл. 5.46 и 5.48 видно, что наиболее устойчивыми (традиционными) оказались ответы, что воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства занимаются в основном женщины, а занятиями надворным хозяйством – в основном мужчины. Это распределение обязанностей условно будем считать как традиционный тип ведения хозяйства. Другие варианты распределения обязанностей в семье определим как нетрадиционный тип ведения хозяйства.

В пожеланиях для своей семьи за традиционный тип ведения хозяйства высказались 57 % мужчин и 51 % женщин. Мужчины в пожеланиях для своей семьи в большей степени, по сравнению с женщинами, за традиционный тип ведения хозяйства, в то время как в родительской семье у них традиционный тип ведения хозяйства был практически в равной степени (табл. 5.50).

Распределение обязанностей при финансово-хозяйственном обеспечении семьи связано с типом ведения хозяйства. С точки зрения мужчин, в родительской семье при традиционном типе ведения хозяйства финансово-хозяйственное обеспечение семьи осуществляется в основном мужчинами (55 %), а с точки зрения женщин – в основном женщинами (39 %). Возможно, это связано с различиями структурных ха-

Таблица 5.50

Распределение обязанностей, связанных с финансово-хозяйственным обеспечением в различных типах ведения хозяйства, %

Участие в финансово-хозяйственном обеспечении	Распределение обязанностей					
	в родительской семье			в пожеланиях для своей семьи		
	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины	все
<i>Традиционный тип ведения хозяйства</i>						
В основном делают женщины	22	39	32	17	35	26
В основном делают мужчины	55	32	42	63	39	50
Делают мужчины и женщины	23	29	27	20	26	24
<i>Всего</i>	61	59	60	57	51	54
<i>Нетрадиционный тип ведения хозяйства</i>						
В основном делают женщины	19	24	22	10	15	13
В основном делают мужчины	29	13	19	28	11	18
Делают мужчины и женщины	52	63	59	62	74	69
<i>Всего</i>	39	41	40	43	49	46

рактических родительской семьи или гендерными особенностями восприятия действительности. Но в пожеланиях для своей семьи все, без различий по полу, считают, что финансово-хозяйственное обеспечение семьи должно осуществляться в основном мужчинами. В то же время при традиционном типе ведения хозяйства мужчины в большей степени, чем женщины, считают, что финансово-хозяйственное обеспечение – в основном мужская обязанность (63 % против 39 %).

Для нетрадиционного типа ведения хозяйства характерно – как в родительской семье, так и в пожеланиях для своей семьи – значительное превышение ценности совместного участия мужчин и женщин в финансово-хозяйственном обеспечении семьи (59 и 69 % ответов соответственно). Совместное участие мужчин и женщин в финансово-хозяйственном обеспечении семьи в родительской семье отметили 52 % мужчин и 63 % женщин, но в пожеланиях для своей семьи они хотели бы этого в большей степени – 62 и 74 % соответственно. То есть женщины в большей степени, чем мужчины, готовы к совместному участию в финансово-хозяйственном обеспечении в своей семье по сравнению с аналогичной ситуации в родительских семьях.

10. Тип ведения хозяйства и адаптированность. Рассмотрим, в какой мере ориентация на выбор того или иного типа ведения хозяйства для своей семьи (модель жизнеустройства) оказывает влияние на адаптированность учащейся молодежи (табл. 5.51). В целом при ориентации на нетрадиционный тип ведения хозяйства мужчины демонстрируют более высокую степень адаптации, чем при ориентации на сохранение традиционного типа (41 % хорошо адаптированных против 33 %), в то время как для женщин это оказалось не столь важным.

Хотя мужчины в большей степени высказываются за традиционное ведение хозяйства, у них доля хорошо адаптированных ниже на 13 п.п. по сравнению с женщинами такой же ориентации. В то же время при ориентации на нетрадиционный тип хозяйства эти различия меньше и составляют только 5 п.п.

Таблица 5.51

Адаптированность учащейся молодежи и предполагаемая модель жизнеустройства своей семьи, %

Участие в финансово-хозяйственном обеспечении семьи	Адаптированность учащейся молодежи			
	хорошо	плохо	хорошо	плохо
	мужчины		Женщины	
Традиционный тип ведения хозяйства				
В основном должны делать женщины	34	29	44	21
В основном должны делать мужчины	32	24	46	22
Должны делать мужчины и женщины	38	20	47	20
Всего	33	24	46	21
Нетрадиционный тип ведения хозяйства				
В основном должны делать женщины	47	24	36	31
В основном должны делать мужчины	37	31	43	27
Должны делать мужчины и женщины	41	20	49	19
Всего	41	23	46	22

Если мужчины полагают, что финансово-хозяйственное обеспечение своей семьи должно осуществляться в основном только ими, то при любой предполагаемой модели жизнеустройства – традиционном или нетрадиционном типе ведения хозяйства они имеют самую низкую долю хорошо адаптированных среди всех других групп (32 % – при традиционном и 37 % – при нетрадиционном типе ведения хозяйства). Аналогичная ситуация среди женщин «с опорой только на свои силы»: 44 и 36 % соответственно. Наиболее высокая адаптированность при обеих моделях жизнеустройства среди тех юношей и девушек, которые полагают, что в финансово-хозяйственном обеспечении должны в равной мере участвовать и мужчины, и женщины. Правда, еще лучше приспособились к нынешней жизни те юноши, которые, ориентируясь на нетрадиционный тип ведения семейного хозяйства, полагают, что все в финансово-хозяйственном обеспечении в основном должны делать в семье женщины. К счастью, таких «приживал» немного: всего 10 % в группе «нетрадиционалов».

В целом молодежь, адекватно оценивающая преимущества совместного участия мужчин и женщин в ведении домашнего хозяйства в нынешних условиях, наиболее хорошо адаптирована к ним.

Сравнение степени адаптированности в зависимости от отношения к традициям в выборе семейных ценностей показывает, что степень адаптации у мужчин и женщин выше при традиционном отношении к семейным ценностям (см. табл. 5.50). В то же время при традиционном ведении хозяйства в пожеланиях для своей семьи наблюдаем обратную картину: при сохранении традиций ведения хозяйства степень адаптированности ниже у мужчин, а у женщин остается на том же уровне (см. табл. 5.51).

Таким образом, можно сделать вывод, что традиции в сфере семейно-брачных отношений и социокультурная адаптация взаимосвязаны неоднозначно: существует прямая и обратная зависимость. Отход от традиций, затрагивающих основные семейные ценности, ведет к снижению адаптированности, в то время как сохранение традиций – к ее увеличению, отход же от традиций в *организации внутренней жизнедеятельности семьи* ведет к увеличению адаптированности, а сохранение – к ее уменьшению. Все это может свидетельствовать о различиях в степени трансформации, которые распространяются на те или иные аспекты семейно-брачных отношений в разной степени. Это может быть связано как с переменами, происходящими в обществе, так и с глубиной их отражения в сознании молодежи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе критического анализа существующих теоретико-методологических подходов к пониманию категорий «социокультурное» и «социокультурная адаптация» нами сделан вывод, что наиболее адекватно позволяет исследовать социокультурную специфику реальности концепция Питирима Сорокина о структуре социокультурного взаимодействия, резюме которой заключено в формуле «личность, общество и культура как неразрывная триада». Эта концепция развивается в российской социологии Н.И. Лапиным, Л.В. Корель, Л.Л. Шпак, М.С. Бережной и другими исследователями. Сущность социокультурной адаптации при данном подходе заключается в том, что это есть тип **процессов социокультурного взаимодействия** социальных субъектов (индивидов, групп, общностей), взятых в их социокультурной целостности («неразрывной триаде») с теми или иными социокультурными системами (обществом в целом или его подсистемами как «средой»), в результате которого достигается состояние относительного приспособления (соответствия) характеристик субъекта и среды.

В соответствии с теоретико-методологическим принципом социокультурной целостности в методике проведенного нами конкретного исследования социокультурной адаптации молодежи Севера реализован междисциплинарный подход, объединяющий социологический, социально-психологический и психологический аспекты исследования, позволивший использовать в качестве методов исследования массовый социологический опрос, социально-психологическое изучение ценностных ориентаций по методике Ш. Шварца и психологическое тестирование по изучению индивидуально-дифференциальных особенностей личности по методике Л.Н. Собчик.

Анализ результатов массовых опросов, проведенных среди учащихся старших классов общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений, студентов вузов Республики Саха (Якутия), которая, на наш взгляд, является важнейшим регионом Севера, отражающим его этническую (взаимодействие славянских, тюркских, палеоазиатских народов), хозяйственную (индустриальное и доиндустриальное производство) и культурную (современная и традиционная культура) специфику и занимающим важное место в экономической и геополитической стратегии России, позволил не только всесторонне изучить демографические, экономические, социально-политические, этнокультурные, психологические аспекты социокультурной адаптации молодежи и определяющие их основные субъективные и объективные факторы, выявить наиболее типичные модели адаптации, но и сформулировать некоторые практические предложения органам власти к Концепции молодежной политики Республики Саха (Якутия) на 2011–2015 гг., относящиеся к адаптации молодежи в условиях современных российских трансформаций.

Исследованием установлено, что социокультурное пространство Республики Саха (Якутия) в целом комфортно для адаптации молодежи различных этнических групп – русских, саха (якутов), коренных малочисленных народов Севера, других народов – к общероссийским и региональным реалиям: хорошо адаптированных – около 40 %, средне – около 35–40 % и плохо адаптированных – 20–25 %. При этом этнические различия в степени адаптированности, определяемой нами по социальному самочувствию как интегральному показателю удовлетворенности своей жизнью

в настоящее время и оптимистическому (пессимистическому) представлению о своем будущем, небольшие, хотя хуже всего адаптирована молодежь коренных малочисленных народов Севера (КМНС) из сельской местности.

Социокультурная адаптация, представляющая собой диалектическое единство процессов социализации, инкультурации и аккультурации, обусловленных социо-этно-психологическими особенностями взаимодействующих индивидов и групп, имеет свою специфику для различных этнических, территориальных, возрастных, профессиональных групп молодежи, но в целом в моделях (стратегиях) адаптации доминирует интеграционный ее тип, когда для респондентов важны и этническая, и общероссийская (гражданская) самоидентификации, т. е. склонность к межкультурному взаимодействию, мультикультурализму. При этой модели адаптации выше всего степень адаптированности молодежи всех этнических групп.

Среди субъективных факторов адаптации положительную роль (повышают степень адаптированности) играют сформированность (полнота) этнического самосознания, положительное отношение к традиционной системе ценностей и желание сохранить традиции в своей семье, положительное отношение к проводимым в стране преобразованиям, оптимистическое отношение к будущему своего народа. Важную роль в адаптации играют также психологические особенности респондентов: лучше адаптируются экстраверты, оптимистично настроенные, обладающие качествами лидера, социально-политически активные, разделяющие ценности коллективизма, имеющие реальные финансовые притязания, трудолюбивые.

Безусловно, важнейшую роль в степени адаптированности молодежи играет политическая система России и проводимый в стране и в регионах курс реформ, результаты которых в тех или иных сферах жизни людей выступают как объективные факторы социокультурной адаптации. Эти результаты по-разному преломляются в жизни респондентов, их родителей, территориальных поселений, расположенности тех или иных учебных заведений, в иных социальных институтах.

Отношение молодежи Республики Саха (Якутия) к проводимым российским рыночным реформам весьма противоречиво: в целом менее половины ее (46–48 %) считают, что реформы – «это возрождение страны», столько же не имеют четкой позиции в этом вопросе («неизвестно, куда идет страна»), а остальные 4–8 % полагают, что «это упадок и разрушение страны». Особых различий в этническом и территориальном аспектах по оценке реформ молодежью не отмечено. Зато среди «оптимистов» в полтора раза больше доля хорошо адаптированных, чем среди «пессимистов» и неопределившихся. Сельская молодежь, особенно КМНС, хуже адаптирована, чем городская.

В данном исследовании основное внимание было уделено выявлению роли таких социальных институтов, как семья, система образования, средства массовой информации, являющихся объективными факторами социокультурной адаптации.

Интеграция данных, репрезентирующих социальные, культурные и личностно-психологические аспекты адаптации, полученных комплексными социологическими, социально-психологическими и психологическими методами исследования, позволила выделить наиболее адаптированные к современным российским реалиям социокультурные типы. Это лица со сформированным этническим самосознанием, коллективисты, ориентированные на успешную, свободную деятельность.

Примерно четверть (24 %) молодежи Якутии можно отнести к социокультурному типу «неотрадиционалистов», ответивших одновременно при опросе, что «бизнес сплачивает – важнее всего коллективизм – стабильность важнее перемен»; пятая часть (21 %) – «традиционалисты», ответившие «бизнес разъединяет – коллективизм важнее – стабильность важнее перемен». Эти типы лучше адаптированы, чем «рыночники – новаторы», паттерны ценностей которых «бизнес сплачивает – важнее всего индивидуализм – важнее перемен»: их в общем массиве всего 6 %. То есть ментальные характеристики российского общества – коллективизм и стабильность – проявляются и в адаптированности молодежи, способствуя ей.

Степень адаптированности молодежи обратно пропорционально степени напряженности в межэтнических отношениях в той или иной среде проживания. Следует отметить, что межэтнические отношения в республике в целом спокойные, хотя определенная латентная напряженность во взаимоотношениях молодежи саха и русской присутствует.

Адаптированность прямо пропорциональна уровню материального положения семьи учащихся и студентов республики: среди выходцев из семей с самым высоким уровнем дохода в 1,4–1,8 раза больше хорошо адаптированных, чем среди выходцев из семей с самым низким уровнем обеспеченности.

Адаптацию молодежи снижают напряженные ситуации во взаимоотношениях с родителями, особенно из-за неприятия ребят как личностей, и особенно в этнически смешанных семьях. Адаптированность студенческой молодежи повышается при создании собственной семьи с регистрацией брака и совместном проживании с родителями, а снижается – при наличии неполной как родительской, так и студенческой семьи с детьми. Способствует адаптации молодежи также укорененность этнических традиций в семьях.

Исследование показало положительную роль филиалов вузов в малых городах в процессе адаптации молодежи, когда сохраняется контакт студента и семьи, снижаются расходы на образование детей, образованная молодежь закрепляется на региональном уровне, что особенно важно в условиях малолюдного Севера.

Разнообразие структуры профессионального образования также влияет на адаптацию молодежи. Русская молодежь, даже хорошо адаптировавшаяся ныне к условиям Якутии, предпочитает в основном продолжить образование в центральной России. По-видимому, ее не удовлетворяет имеющийся набор специальностей в вузах республики и качество образования. В то же время молодежь саха, получающая образование по инженерно-техническим специальностям в вузах Якутии, в большей мере, чем русская молодежь аналогичной профессиональной группы, ориентируется на работу в промышленности республики. То есть молодежь саха демонстрирует «догоняющую модернизацию» в отношении технических специальностей.

Степень адаптированности выше у молодежи с устойчивым профессиональным интересом, позитивно относящейся к профессии как к интересному занятию и средству самоутверждения, а не только как к источнику средств жизни, т. е. ориентированной на приоритет духовного над материальным.

И городская, и сельская молодежь Якутии стремится к использованию всех возможностей информационных технологий в повседневной жизни. Однако для сельских женщин в республике компьютер не является одним из факторов адаптации в современном обществе.

Представляемая различными каналами СМИ информация носит мозаичный характер, что при отличиях в представлениях о норме и морали как основе нравственного поведения личности не способствует формированию гармонической личности и затрудняет адаптацию. На выбор информационных каналов существенное влияние оказывают особенности социокультурного пространства, в котором проживает молодежь. В связи с этим лучше адаптированной оказывается та часть молодежи, которая менее увлечена просмотром телевизора и больше ориентирована на чтение литературы.

Можно сформулировать предложения к Концепции молодежной политики Республики Саха (Якутия) на 2011–2015 гг. С целью повышения степени адаптированности молодежи к реалиям современной жизни, закрепления ее на Севере, необходимо разработать комплекс мероприятий по:

- 1) улучшению материально-финансового положения молодых семей с детьми;
- 2) повышению педагогической грамотности родителей (особенно в этнически смешанных семьях) по вопросам взаимоотношений в сложных жизненных ситуациях, уважительного отношения к традициям народов, передачи традиций от поколения к поколению;
- 3) повышению значимости патриотического и нравственного воспитания, формирования личности с развитым этническим самосознанием и общероссийской гражданской идентичностью, политически активного гражданина России, разделяющего ценности российской цивилизации – коллективизма, трудолюбия, активности, оптимизма, духовности;
- 4) формированию устойчивых профессиональных интересов юношей и девушек в общеобразовательной школе, расширению круга профессиональных интересов коренных малочисленных народов Севера к занятиям как традиционного, так и индустриального и постиндустриального труда;
- 5) развитию различных форм самоуправления молодежи, содействию ее активному участию в политической жизни;
- 6) расширению и разнообразию системы профессионального образования – высшего и среднего – в малых городах;
- 7) повышению культурного и нравственного уровня сознания молодежи на основе использования возможностей телепередач и Интернета с целью формирования гармоничной личности мультикультурного российского общества.

Эти предложения вытекают из проведенного нами конкретного анализа факторов, обуславливающих степень социокультурной адаптированности молодежи. Они, на наш взгляд, могут быть значимы и для других регионов Севера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Абдрахманов М.Ш. Формирование трудового потенциала молодежи северного региона (социологический анализ). Автореф. дисс. ...канд. социол. наук. М., 2008.
- Абрамова М.А. Идеи гуманизма в культуре и образовании Якутии. Якутск, 2003.
- Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Морфологический и функционально-деятельностный компоненты антропополюса Республики Саха (Якутия) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 95–99.
- Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. 2009. № 3. С.108–114.
- Абрамова М.А., Костюк В.Г. Роль традиций в социокультурной адаптации молодежи // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции, Новосибирск 15–27 марта 2010 г., Новосибирск, 2010. С. 925–932.
- Абрамова С.Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 37–41.
- Аввакумов П.Д. От поэзии к роману (О творчестве П. Ламутского) // Литература народов Севера Якутии. Якутск, 1990. С. 72.
- Аврамова Е.М. Адаптация как фактор дифференциации трансформирующегося общества // Проблемы социально-психологической адаптации населения в период трансформации общества. М., 1999.
- Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Материалы всерос. науч. практ. конф. Новосибирск, 2008.
- Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003.
- Александрова Н.С. Возрождение культурно-исторического наследия в региональном обществе: проблемы и перспективы // Педагогическое образование и наука. 2002. № 2. С. 13–24.
- Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. Р-н/Д, 1997.
- Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX–начале XX в. Новосибирск, 1975.
- Анайбан З.В., Тюхтенева С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008.
- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994.
- Андреева Д.А. О понятии адаптации. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. Вып. XI–XII. М., 1973.
- Анисимова С.Г. Социальная политика в Республике Саха (Якутия) // <http://www.rusrand.ru/Doklad5/Anisimova.pdf>
- Антипин П.В. Четыре типа адаптации к рынку труда и перспективы социального расслоения в России // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 218–226.
- Антонов М.Г. Молодежная политика в России как часть социальной политики. М., 1994.
- Антонов М.Г. Молодежная политика в России. М., 1994.
- Антонов М.Ф. Ложные маяки и вечные истины. М., 1991.
- Артемьев С.Д. Социальные проблемы адаптации молодого рабочего на промышленном предприятии // Молодежь и труд. М., 1970. С. 135–136.
- Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебник для вузов. М., 1999.
- Асеев В.Г. Теоретические аспекты проблемы адаптации // Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности. Иркутск, 1986. С. 16–17.
- Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966.

- Ахутин А.В., Визгин В.П., Воронин А.А. и др. Теоретическая культурология. М.; Екатеринбург, 2005.
- Батыгин Г.С. Социология Интернет: наука и образование в виртуальном пространстве // Социологический журнал. 2001. №1. С. 176–187.
- Бахрушин С.В. Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к Русскому государству // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск, 1955. С. 49–70.
- Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии. Л., 1927.
- Безрукова О.Н. Социология молодежи: Учебно-методическое пособие. СПб., 2004.
- Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.
- Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. С. 16–17.
- Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ., под ред. Г.С. Батыгина. М., 1996.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бердяев Н. Судьба России. Национальность и человечество. М., 1998.
- Бердяев Н. Самопознание. М., 1990.
- Бердяев Н. О фанатизме, ортодоксии и истине // Философские науки. 1991. № 8. С. 121–128.
- Бережная М.С. Педагогическая система социокультурной адаптации молодежи в процессе художественно-творческой деятельности: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук. М., 2008.
- Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
- Берн Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: пер. с англ./общ. ред. М.С.Мацковского; послесл. Л.Г. Ионина и М.С. Мацковского. М., 1988.
- Богатыри и бедные в современной России. Аналитический доклад. М., 2004 // <http://www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros700.html>
- Бодрова В. В. Работа или семья: что важнее для современной женщины? // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. М., 1995. № 1. С. 37–40.
- Большая советская энциклопедия. Т.24. М., 1976.
- Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии. Новосибирск, 2001. С.16.
- Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в республике Саха (Якутия): 70–90-е гг. XX в. Новосибирск, 2005.
- Бреславская Т.С. Межгосударственные миграционные процессы на современном этапе развития общества (на материалах Республики Бурятия и Монголии): Автореф. ... дисс. канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2009.
- Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1972.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бромлей Ю.В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 16–28.
- Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. М., 1999.
- Будалина Е.Е. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде (на материале исследования удмуртского и коми-пермяцкого этносов: Дисс. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2004.
- Булгаков С. Православие: очерки учения православной церкви. М., 1991.
- Бызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002. № 1. С. 117–152.
- Васильев Я.Т. Совершенствование региональной занятости населения в условиях становления рынка труда: Дисс. ... докт. экон. наук. М., 1998.

- Васильев Я.Т. Региональная занятость и рынок труда: Основы теории, функционирования и прогнозирования. Новосибирск, 2000.
- Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост. Ю.Н. Давыдов. М., 1990.
- Вершинина Т.Н. Производственная адаптация рабочих кадров // Социально-экономические проблемы труда на промышленном предприятии. Новосибирск, 1979. С. 238–263.
- Винокурова У.А. Философия духа и развитие народов Якутии // Человек, общество, культура. Нерюнгри, 1998. С. 53.
- Вишневский А. Демографический кризис в странах СНГ. Демоскоп WEEKLY № 197–198 (4–17 апреля 2005) // <http://demoscope.ru/weekly/2005/0197/tema01.php>
- Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2. Статистика России. М., 2004.
- Волков Ю.Г., Добренъков В.И., Кадария Ф.Д., Савченко И.П., Шаповалов В.А. Социология молодежи. Р.-н/Д., 2002.
- Воробьев В.М. Психическая адаптация как проблема медицинской психологии и психиатрии // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1993. № 2. С. 33–39.
- Воробьев В.М., Коновалова Н.Л. О профилактике и терапии нарушений психической адаптации // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1993. № 1. С. 71–72.
- Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. / Под ред. Е. Шведе. М., 1948.
- Выготский Л. С. История развития высших психических функций. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1984.
- Высочил А.А., Кузнецова С.А. Жизненные перспективы представителей коренных народностей Севера //Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения: расш. тезисы докл. регион. науч. конф. «Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее». Магадан, 31 марта – 2 апреля 1998 г.: В 2 т. / Отв. ред. В.И.Гончаров. Магадан, 1998.
- Высшее образование в России: Аналитический доклад // Логос. 2005. № 6. (51). С. 3–49.
- Гавриленко И.Н. Критика структурно-функциональных концепций в буржуазном обществе. Херсон, 1986.
- Галерея западно-европейского искусства – филиал Национального художественного музея РС(Я) // <http://www.museum.sakha.ru/museum.php?id=84>
- Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989.
- Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В четырех томах. Т. 3. М., 1971.
- Георгиева И.А. Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе: Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. Л., 1985.
- Гидденс Э. Социология. М., 1999.
- Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
- Голенкова З.Т. Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества. М., 1995.
- Голенкова З.Т. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 2000.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социология в России. М., 1998. С. 104–129.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Голиусова Ю.В., Орехова И.М. Социально-профессиональный портрет российского среднего класса // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 3 (83). С. 13–27.

- Гончарова Г.С. Изменение семейно-брачных отношений и проблема устойчивости этнокультурных традиций // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции, Новосибирск 15–27 марта 2010 г., Новосибирск, 2010. С. 871–881
- Гончарова Г.С. Студенческая семья и отношение учащейся молодежи к семейным ценностям (на материалах социологического исследования молодежи Республики Саха (Якутия)) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 61–67.
- Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2004.
- Гончарова Ю. А. Ценностный мир современной российской студенческой молодежи: Дисс ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2008.
- Гончаров Ю.М. Межнациональные браки в городах Западной Сибири во второй половине XIX– начале XX в. // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 239–240.
- Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2000 гг. М., 2003.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 1. (95). 2010. С. 5–36.
- Государственный доклад «О положении молодежи в Республике Саха (Якутия) 2006 год». Якутск, 2006.
- Гофман А.Б. Традиции и инновации в постсоветской России: культурные особенности, взаимодействия, динамика // Вестник РГНФ. 2008. № 4. С.109.
- Градировский С., Щедровицкий П., Межуев Б.// Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа «ГОСУДАРСТВО И АНТРОПОТОК» Москва – ПФО 2002 г.// http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/antrostream/project-anropotok/doclad_vvedenie/
- Гриценко В.В. Теоретические основы использования социально-психологической адаптации личности / группы в новой социо- и этнокультурной среды // Проблемы социальной психологии личности: Сб. науч. ст. Саратов. 2005. №. 2 // <http://psyjournals.ru/articles/d8485.shtml>
- Гроф С. Священное и профанное // Психология религиозности и мистицизма: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. Минск; М., 2001. С. 247–292.
- Грядунов М.В. Социокультурная регуляция морально-нравственных ценностей студенческой молодежи в современной России: Автореф. дисс.... канд. социол. наук. М., 2009.
- Гуманитарные исследования в Интернет / Под ред. А.Е. Войскуновского. М., 2000.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989.
- Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. 1967. Вып. 3.
- Гуревич А.Я. История и психология // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 4. С. 3–16.
- Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М., 2005.
- Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994.
- Да скроется тьма: Французские материалисты об атеизме, религии и церкви. М., 1976.
- Даждамиров А.Ф. Диалектика национального и интернационального в сфере культуры // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 38–42.
- Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия) за 1990–2002 годы / Информационно-аналитическая записка. Якутск, 2003.
- Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. М., 2010.
- Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 2005.
- Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. М., 2002.
- Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1995.

- Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия) 2008. Стат. сб. Якутск, 2008.
- Демографический ежегодник РС (Я). Стат. сб. Якутск, 2007.
- Демографический ежегодник РС(Я). Стат. сб. Якутск, 2006.
- Демьяновская О. С. Адаптация школьной молодежи к рынку труда в контексте социальных трансформаций: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2009.
- Джеймс У. Психология. М., 1991.
- Джидарьян И.А. Проблема счастья в русском менталитете // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 34–48.
- Дмитриева З. Фольклор в духовной жизни юкагиров // ИЛИН. 2001. № 2. С. 13.
- Долганский фольклор. Л., 1937.
- Донской Ф.В. Интеграционные процессы в жизни северян: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 96–100.
- Донской Ф.С., Роббек В.А., Донской Р.И. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в первой четверти XXI века: проблемы и перспективы. Якутск, 2001.
- Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.
- Дробужева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5. С. 3–16.
- Дробужева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 9–10.
- Дробужева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.
- Дубровин Д.Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Дубровин Д.Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения // Мир психологии. 2007. № 4. С. 74.
- Дудник О.В. Жизненные стратегии северян в условиях трансформации российского общества: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2002.
- Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции 1950 г. // Одиссей. Человек в России. М., 2003.
- Дюркгейм Э. О. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
- Ермоленко Н.А. Социальная адаптация молодых советских рабочих в социалистическом производственном коллективе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Р.-н/Д., 1975.
- Железнова Г.А. Миграция в условиях экономических преобразований (на примере Республики Саха) // Социологические исследования. 1994. № 7. С.34–38.
- Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Жукова Л. Н. Языческое миропонимание – новая мораль для нового человека в новом тысячелетии // ИЛИН. 1998. № 2–3. С. 70–73.
- Жукова Л.Н. Фольклорные представления о мире у таежных юкагиров // Фольклор и современная культура. Якутск, 1991. С. 72–83.
- Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Хрестоматия. Якутск, 1989. Ч. 1, № 1.
- Журавлева С.И. Социокультурная адаптация современной российской молодежи: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2005.
- Зайдфудим П.Х. Социальная реабилитация населения в районах российского Севера // Социологические исследования. 1994. № 7. С. 19–28.

- Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Р.-/Д., 1999.
- Закон Якутской-Саха ССР от 26.02.1991 № 386-ХП «О государственном статусе Якутской – Саха Советской Социалистической Республики»
- Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри. М., 1997.
- Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М., 2002.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. М., 1991.
- Зборовский Г.Е. Образование: от XX к XXI веку. Екатеринбург, 2000.
- Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. М., 1999.
- Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–37.
- Зинченко В.П., Мунипов В.М. Введение в эргономику. М., 1979.
- Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2003;
- Золотые руки. Якутск, 1993.
- Зотова О.И., Кряжева И.К. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979.
- Зыков Е.И. Археологическое изучение Якутии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Якутск, 1973.
- Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1994. № 61.
- Иванов В.Н. Взаимодействие культур: региональные особенности // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): история и современность. Якутск, 1995.
- Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999.
- Инглехарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 249–260.
- Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
- Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–14.
- Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Нью-Йорк, 1926. Изд. 2-е (на англ. яз).
- Иохельсон В. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. 1895. Т. 5, № 2. С. 4–6.
- Калинин М.И. О литературе. М., 1949.
- Камботова Ж.В. Динамика жизненных позиций молодежи в контексте социокультурной адаптации: региональный аспект: Автореф. дисс. ...канд. социол. наук. Майкоп, 2008.
- Кантор М. С. К проблеме социальных функций института образования // XVI Уральские социологические чтения «Социальное пространство Урала в условиях глобализации – XXI век». Челябинск, 7–8 апреля 2006 г. Челябинск, 2006. Часть III. С. 33–39.
- Карамзин Н. История государства Российского. М., 1997. Т. 9.
- Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
- Карачурина Л.В. Внутрироссийские миграции: региональный аспект // Региональные исследования. 2004. № 2 (4). С.18.
- Карачурина Л.В. Региональные особенности российской демографической ситуации // Отечественные записки. 2006. № 4 // <http://demoscope.ru/weekly/2007/0273/analit05.php>
- Карпухин О.И. Молодежь России: Особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С.125.

- Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования 2003. № 7. С. 92–100.
- Кетчер А. 19 лет суверенитета. Республика Саха (Якутия) отказалась от государственного суверенитета // <http://www.lenta.ru/articles/2009/06/18/saha/>
- Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России [Электрон. ресурс.] Режим доступа: <http://kirdina.ru/public/socis2002n/index.html>.
- Клячко Т.Л., Мау В.А. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопросы образования 2007. № 3. С. 46–63.
- Кожевников Н.Н. Концепция относительных равновесий в природе. Якутск, 1995. С. 82.
- Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. 56–57.
- Комплексная оценка функциональных резервов организма / Айдаралиев А.А., Баевский Р.М., Берсенева А.П. и др. Фрунзе, 1988.
- Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
- Кон И.С. Социализация // БСЭ. 3-е изд., Т. 24. М., 1974. С. 221.
- Кон И.С. Психология старшеклассников. М., 1982.
- Кон И.С. В поисках себя. М., 1984.
- Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
- Константинов В.В. К вопросу о понятии «адаптация» // Проблемы социальной психологии личности 2005. № 2 // <http://psyjournals.ru/articles/d8489.shtml>
- Константиновский Д.Л. Динамика неравенства молодежи в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования. М., 1999.
- Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960 гг. – начало 2000 гг.). М., 2008.
- Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. Воронкова В., Освальда И. СПб., 1996.
- Кончанин Т.К. К вопросу о социальной адаптации молодежи // Коммунистическое воспитание студенчества (материалы конф.). Ч. 2. Тарту, 1971. С. 78.
- Корель Л.В. Социология адаптаций: Этюды апологии. Новосибирск, 1997.
- Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.
- Корель Л.В. Адаптация в меняющемся мире: от традиции к рациональности // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосиб. эконом.-социолог. школы. Новосибирск, 2008. С. 143–170.
- Корель Л.В. Российский модернизационный проект и адаптация // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосиб. эконом.-социолог. школы Новосибирск, 2008. С. 121–143.
- Коровушкин Д.Г. Факторы этнокультурной адаптации поздних переселенцев в русскоязычной среде Западной Сибири (на примере чувашской сельской диаспоры) // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. С. 61–71.
- Короленко Ц.П. Психофизиология человека в экстремальных условиях. Л., 1978.
- Коцюбинский А.П., Шейнина Н.С. Об адаптации психически больных // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1996. № 1–2. С. 203–212.
- Коцегулова И.Р. Деньги в системе институциональных отношений: Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. М, 2007.
- Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб., 2005.
- Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков, 2007.
- Кротов А. Автостопом по России. М., 2002.
- Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–144.

- Кряжева И.К. Социально-психологические факторы адаптированности рабочего на производстве // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. С. 203–213.
- Кузнецов И.Ю. Территориальные аспекты самоопределения жителей Северо-Востока России // Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения: расш. тезисы докл. регион. науч. конф. «Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее». Магадан, 31 марта – 2 апреля 1998 г.: В 2 т. / Отв. ред. В.И. Гончаров. Магадан, 1998.
- Кузнецов П.С. Адаптация как функция развития личности. Саратов, 1991.
- Кузнецов П.С. Концепция социальной адаптации. Саратов, 2000.
- Кузьминов Я.И. Образование в России. Что мы можем сделать? // Вопросы образования. 2004. № 1. С. 5–32.
- Культурологическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. М., 2007.
- Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
- Ламутский Платон. Сир иччитэ. Роман (Дух земли). Якутск, 1987.
- Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблемы социокультурной реформации // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 29–41.
- Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопросы философии, 1996. № 5. С. 21–31.
- Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3. С.14–24.
- Лапин Н.И. Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 3–47.
- Лапин Н.И. Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17.
- Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
- Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3.С. 32–39.
- Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.
- Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 5. С.28.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А., Наумова Н.Ф., Здравомыслов А.Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.
- Лебедева Н.М. Особенности социальной перцепции в процессе этнокультурной адаптации переселенческих групп: Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 1989.
- Лебедева Н.М. Социальная психология аккультурации этнических групп. Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.
- Лебедев О.Е. Результаты школьного образования в 2020 г. // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 40–59.
- Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000.
- Левада Ю. Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1. С. 7–15.
- Левада Ю. Двадцать лет спустя: перестройка в общественном мнении и в общественной жизни. Неюбилейные размышления // Вестник общественного мнения. 2005. № 2. С. 8–16.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Лопухина Т. Градировский С. Типологии миграционных процессов // <http://www.archipelag.ru/authors/gradirovsky/?library=1108>
- Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М, 1991.
- Лукс Г.А. Социальное инновационное проектирование в региональной молодежной политике. Самара, 2003.

- Лыткина К.П. Север как культурно-исторический тип цивилизации // Человек и Север: Исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Ч. 2. Якутск, 1992.
- Люди и деньги / Под общ. ред. В.В. Новикова, С.И.Ериной. Ярославль, 1999.
- М.М. Бахтин как философ / С.С. Аверинцев; Ю.Н. Давыдов; В.Н. Турбин и др. М., 1992.
- Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983.
- Маданес К., Маданес К. Тайное значение денег / Пер. с англ. А. Д. Иорданского. М., 1998.
- Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.
- Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): Дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.
- Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. СПб., 1984.
- Майонов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912.
- Макарчева Е.Б. Роль православной церкви в процессе межэтнического взаимодействия в Сибири на первом этапе ее освоения (XVII в.) // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 26.
- Максимов Г.Н. Родная Якутия: природа, люди, природопользование. Якутск, 2003.
- Малиновский Б. Магия, наука и религия // Магический кристалл. Сборник. М., 1992. С. 84–99.
- Маркарян Э.С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972.
- Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 81.
- Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. Ставрополь, 1995.
- Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 379–448.
- Миграция населения по РС(Я) 2005 г. Якутск, 2006.
- Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
- Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2, отд. 6. СПб., 1878.
- Милославова И.А. Роль социальной адаптации в условиях современной НТР // Философия и социальная психология: Науч. докл. Л., 1979. С. 132–136.
- Мнацаканян И.А. Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
- Мокин К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Саратов, 2007.
- Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М., 2010.
- Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. М., 2007.
- Мониторинг социально-экономического положения молодежи РС (Я) за 2003–2005 годы.
- Московичи С. Общество и теория в социальной психологии. Пер. с фр. // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.
- Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.
- Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // ЖССА. 1998. Т. 1. № 2. С. 100–111.
- Муздыбаев К. Экономическая депривация, стратегия ее преодоления и поиск социальной поддержки. СПб., 1997.
- Мыреева А.Н. Современная ситуация культурного взаимодействия: роман в литературах народов Якутии // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): История и современность. Якутск, 1995. С. 79.

- Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
- Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
- Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4, книга 1. Статистика России. М., 2004.
- Национальный состав населения, владение языками и гражданство в Дальневосточном федеральном округе. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года: Статистический сборник. Якутск, 2005.
- Немерюк Е.Е. Миграция в процессе формирования современного российского рынка труда: Автореф. дисс. ...докт. социол. наук. Саратов, 2007.
- Нечаев П. Практическое руководство для священнослужителей. СПб., 1892.
- Никитина И.Н. К вопросу о понятии социальной адаптации // Вопросы теории и методов социологических исследований (по материалам науч.-теорет. конф.). Вып. 3. М., 1980.
- Николаев М.Е. Российский Север – регион нового развития // <http://www.1sakhapresident.ru/index.php/ru/2008-11-21-09-00-12/667-2010-06-15-23-46-36>.
- Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979.
- Новиков А.Г. Русская философия и духовный мир человека постиндустриального общества // День науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: Матер-лы конф. СПб., 1996. С. 5–148.
- О перспективах развития Якутии (социологическое исследование). Якутск, 2001.
- Ольшанский Д.В. Адаптация социальная // Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
- Орлов И.Б. Специфика российской цивилизации: ценности, значение и угрозы // Национальная идентичность России и демографический кризис: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 122.
- Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие для вузов. М., 2004.
- Орлова Э.А. Методологические проблемы изучения социокультурной реальности // Личность. Культура. Общество. М. 2004. Т. VI, вып. 4.
- Орлова Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия // Личность. Культура. Общество. М. 2007. Т. IX, вып.1.
- Орлова Э.А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности // Личность. Культура. Общество. М. 2007. Том IX. Вып. 3. С. 96–112.
- Осмачко Н. В. Жизненные стратегии студенческой молодежи в социокультурном пространстве России: Социологический анализ: Дисс. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2005.
- Ощуркова Н.А. Динамика социально-психологической адаптации: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995.
- Пантин И.К. Национальный менталитет и история России // Душков Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002. С. 347–354.
- Парамонова С.П. Динамика морального сознания. Пермь, 1997.
- Парсонс Т.Л. Человек в современном мире / Пер. с англ., под ред. В.А. Кувакина. М., 1985.
- Пас О. Освящение мига: Поэзия. Философская эссеистика / Составл. и предисл. В. Резник. СПб., 2000.
- Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб, 1912. Т. 3. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и остров Сахалин.
- Педагогика высшей школы / Под ред. Ю.К. Бабанского. Ростов н/Д., 1972.
- Пенская Е.Н. Портрет молодежи 1960-2000-х годов в зеркале социологических исследований // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 293.

- Петрова Е.В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири: особенности развития в условиях трансформации современного российского общества: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Улан-Удэ, 2008.
- Петрова Т.И. Духовность народа – в его истории и культуре // Вестник Академии духовности РС(Я). 1996. № 2.
- Петрова Т.П. Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации // Сб. науч. тр. Якутск, 2004. С. 119
- Петровский А.В. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
- Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. М., 1984.
- Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 54–63.
- Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.
- Плюснин Ю.М. Личность на перекрестке культур: модели социализации в условиях межкультурного взаимодействия. Новосибирск, 1994. С. 18–20.
- Повод Н. А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX–первая четверть XX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.
- Поисеев И.И. Устойчивое развитие Севера: эколого-экономический аспект. Новосибирск, 1999.
- Положение молодежи в России. Аналитический доклад. М., 2005.
- Поляков Ю. Лезгинка на лобном месте // Литературная газета. 2011. № 4. С. 1.
- Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугужекова В.Н. Этнотипы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск, 2003.
- Попов Б.Н. Философия воспитания. М., 2000.
- Попов Н. О якутах. Их образе жизни, питании и болезнях. Якутск, 1910. С. 3.
- Попова А.Г. Молодежь Севера: этническая идентичность и особенности социальной адаптации // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 26–31.
- Попова Л.А. Демографическая политика в северных регионах России: особенности и приоритеты // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С.136–153.
- Постпредство подвело итоги 2010 года и обозначило планы на 2011-й // <http://sakha.msk.ru/archives/1486>
- Портнягин И.С. Кто он человек солнечного улуса айыы? // ИЛИН. 1999. № 1–2. С. 8–10.
- Портнягин И.С. Этнопедагог К.С. Чиряев: педагогические мысли, идеи и взгляды. Якутск, 2002.
- Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара, 1998.
- Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Ставрополь, 2008.
- Проблемы населения Дальнего Востока. Владивосток, 2004.
- Протоиерей В.Башкиров. О смешанных браках // <http://minds.by/article/20.html#sl4>
- Пятигорский А. Миграция. Диффузия. Антропоток // http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/antrostream/chto_eto/diffuziya/
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995.
- Развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года / Сост. В.А. Роббек и др.; ред. С.М. Баишева. Якутск, 2007.
- Развитие экономики Нерюнгринского района // <http://www.neruadmin.ru/devel/>
- Райкина Т.А. Оптимизация социокультурной среды как фактор формирования гуманистических ценностей студенческой молодежи: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2007.
- Рахлеева Н.Н. Этические принципы якутского олонхо // ИЛИН. 1997. № 1–2. С. 60–64.
- Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. М, 2002.
- Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 гг. / Под ред. В.С.Магуна. М., 1998.

- Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2010: Стат. сб. М., 2010.
- Рейтинг регионов России в индексе бензобака
http://rating.rbc.ru/articles/2008/10/31/32188118_tbl.shtml?2008/10/31/32188090;
<http://rating.rbc.ru/article.shtml?2008/10/31/32188118>
- Римашевская Н. Социальная стратификация и проблемы бедности // Человек и труд. 1994. № 10. С. 55–58.
- Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М.; Харьков, 2001.
- Романов В.В. Юридическая психология. М., 1999.
- Романов И.Г. Формирование русского населения Якутии (1917–1941 гг.): Историко-демографический очерк. Якутск, 1998.
- Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К.Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2005.
- Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск, 2008.
- Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 2008.
- Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 1. М., 2005.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир // С. Л. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989.
- Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. С. 12.
- Рывкина Р.В. Формирование новых экономических классов в России // Социологический журнал. 1994. № 4. С.18.
- Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М., 2001.
- Рывкина Р. В. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. Учебное пособие для вузов. М., 1994.
- Рыжова С.В. Этническая граница глазами русских в республиках и областях Российской Федерации / С.В. Рыжова // Социальная и культурная дистанция. М., 1998. С. 290–307.
- Рябцева И.А. Влияние демографических факторов на изменение национального состава населения Западной Сибири в 1920–1930-е гг. // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 247–248.
- Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа, 2001.
- Сафронов Ф.Г. Древний и средневековый Северо-Восток Азии. Якутск, 1992.
- Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII–середине XIX в. М., 1978.
- Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф. Письменность якутов. Якутск, 1992.
- Семенов И.Н., Репецкий Ю.А. Личностное самоопределение как ключевой фактор образования взрослых // Мир психологии. 1999. № 2. С. 32–38.
- Семенов М. Ю. Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
- Серкин В.П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20–23.
- Серкин В.П. К концепции регионального образа жизни // Магадан: годы, события, люди: Тез. докл. научн.-практ. конф., посвящ. 60-летию г. Магадана, Магадан, 15–16 июля 1999 г. / Гл. ред. Н.Б. Карпенко, отв. ред. В.И. Гончаров, Е.М. Кокорев. Магадан, 1999.
- Сивцева Н.С. Лирическое и эпическое в юкагирской поэзии (Г. Курилов – Улуру-Адо) // Литература народов Севера Якутии. Якутск, 1990. С.108

- Серошевский В.Л. Якуты. М., 1993.
- Система современных обществ /Пер. с англ., под ред. М.С. Ковалевой. М., 1997.
- Слепцов П.А. Якутский литературный язык: истоки. Становление норм. Новосибирск, 1986.
- Смолина Т.Л. Адаптация к инокультурной среде: анализ родственных понятий // Психология человека: интегративный подход. Сборник статей. СПб., 2007. С. 162–167.
- Смольников И. Современные легенды. М., 1975.
- Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. СПб., 2003.
- Собчик Л.Н. На основе ведущих тенденций // Школьный психолог. 2001. № 7, 9 // <http://psy.1september.ru/2001/07/7.htm>; <http://psy.1september.ru/2001/09/4.htm>
- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сорокина Н.Д. Образование в современном мире: социологический анализ. М., 2004.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.
- Сорокина Н.Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 55–60.
- Состояние в браке и рождаемость (по данным микропереписи населения) 1994 г.: Стат. сб. М., 1995.
- Социальная стратификация постсоциалистических обществ. Хрестоматия / Сост. Шкаратан О.И., Ильин В.И. М., 2004.
- Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. М., 2003.
- Социальная дифференциация высшего образования. М., 2005.
- Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская. Новосибирск, 1999.
- Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России /О.И. Шкаратан, В.А. Бондаренко, Ю.М. Крельберг, Н.В. Сергеев. М., 2003.
- Социальный атлас российских регионов / Тематические обзоры/ Результаты переписи/ Динамика численности и старение населения регионов // <http://atlas.socpol.ru/overviews/demography/index.shtml#migration>
- Социокультурные особенности отношения к деньгам http://print-money.com/page_main_0.html
- Социология молодежи: Учебное пособие / Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Р.-н/Д., 2001
- Социология молодежи: Учебник / Отв. Ред. проф. В.Т. Лисовский. СПб., 1996.
- Социология образования: теории, исследования, проблемы. М., 2004.
- Ставропольский Ю.В. Кросс-культурная адаптация и идентичность // Специализированный информационно-образовательный портал «Гуманитарные науки» в рамках Федеральной целевой программы «Развитие единой образовательной информационной среды» http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=3625&PHPSESSID=2d8b3ae471e5bbcf6b717e517a29dde0
- Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия) за 2006 г. Якутск, 2007.
- Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000.
- Строительство моста начнется через Лену начнется в 2008 г. // <http://il-tumen.sakha.ru/?id=8635&y=2005&m=11>
- Сухарев А.В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности // Психол. журн. 2009. № 3. С.118–127.

- Татарко А.Н., Козлова М.А., Лебедева Н.М. Психологические исследования социокультурной модернизации. М., 2007.
- Тесленко А. Н. Культурная социализация молодежи в условиях транзитивного общества (на примере Республики Казахстан): Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Саратов, 2009.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
- Тимофеева Е. Особенности межэтнических отношений саха и русских подростков, проживающих в одном геоисторическом пространстве (Республика Саха) / Е. Тимофеева // Развитие личности. 2000. № 3–4. С. 125–156
- Типология народного эпоса. М., 1975.
- Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.
- Токарев С.А. История зарубежной этнологии. М., 1998.
- Троев П.С. Влияние ссыльных народников на культурную жизнь Якутии – 60–90-е годы XIX века. Якутск, 1998.
- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.
- Тюгашев Е.А. Этноконфессиональная адаптация мигрантов в современной Югре // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. С. 117–126.
- Удалова И.В. Православные ценности в адаптационных процессах и межэтнических отношениях народов Евразии (на примере народов Югры) // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. С. 127–139
- Улыбина Е.В. Образы правильного и неправильного мира в обыденном сознании // Социально-психологические проблемы ментальности. Материалы 3 международной научной конференции. Смоленск, 1993. С. 56–61.
- Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М., 2001.
- Улыбина Ю. Приангарье и Якутию объединит дорога // Вестник Якутского-Саха информационного агентства // http://archive.ysia.ru/view.asp?id=210907_05
- Уткин К.Д. Культура народа Саха: этнофилософский аспект. Якутск, 1998.
- Уткин К.Д. Культура как система и как самовыбор народа. Философия самосознания: Якутская модель. Якутск, 1999.
- Уфимцева Е.И. Межэтническое взаимодействие в процессе социокультурной идентификации личности: Автореф. дисс ... канд. социол. наук. Саратов, 2004.
- Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1974.
- Ушинский К.Д. Педагогические сочинения Н.И.Пирогова // Пед. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1988.
- Фейербах Л. Сущность христианства. М., 1965.
- Федоринов Е.И. Формирование исторического сознания как фактор гуманитаризации образования // <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/fedornov1.htm>
- Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности // Д.И. Фельдштейн. Избр. труды. М., 1999.
- Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению. М., 1989.
- Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г.И. Царегородцева. М., 1975.
- Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. Пер. с англ. М., 1967.
- Фольклор народов Крайнего Севера. Якутск, 1993.
- Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М., 1989. С. 102–176.
- Фрейд З. Психология – Я и защитные механизмы. М., 1993.
- Фрейзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983.
- Хинт М. Проблема двуязычия: взгляд без розовых очков // Радуга. 1987. № 6. С. 72–78; № 7. С. 46–51.

- Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99.
- Храмова К.В. Особенности самосознания современной молодежи с различной религиозной ориентацией: Дисс. ... канд. филос. наук. Уфа, 2004.
- Чабыев И.П. Философско-психологический анализ феноменов этнического сознания и самосознания // Этнопедагогика Якутии: проблемы и поиски. Якутск, 2000. С. 29–32.
- Чавчавадзе Н. З. О ценностном аспекте понятия нация // Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980. С.111.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
- Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути. 2004. С. 27.
- Черныш М.Ф. Новая социальная группа – «информационные» работники // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 61–68.
- Черныш М.Ф. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 147–150.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2003.
- Шадриков В.Д. Философия образования и образовательная политика. М., 1993.
- Шадриков В.Д. Духовные способности. СПб., 1997.
- Шадриков В.Д. Происхождение человечности: Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. 2-е перераб. и доп. М., 2001.
- Шамяионов Р.М. Субъективное благополучие личности: этнопсихологический аспект // Проблемы социальной психологии личности. Саратов, 2005. С.297–302.
- Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
- Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М., 2004.
- Шмелев А.Г. Психосемантика и психодиагностика личности: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1994.
- Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, проблемы, направления: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Кемерово, 1991.
- Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск, 1991.
- Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, направление, механизмы реализации: Дис. ... докт. филос. наук. Кемерово, 1992.
- Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996.
- Штыров В. План по строительству автодорог должен быть выполнен // Вестник Якутского-Саха информационного агентства // http://archive.yasia.ru/view.asp?id=050808_27
- Щербаков В. П. Социокультурные механизмы становления человека: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. СПб, 2008.
- Щукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1844.
- Этнопсихологический словарь/ Под ред. В.Г. Крысько. М., 1999.
- Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.
- Юнг К. Психологические типы. М., 1996.
- Языков К.Г. Психосемантические пространства ценностей личности при нарушении психического здоровья // Вестник ТГПУ. Серия: Психология. 2006. Вып. 2 (53). С. 115–118.
- Яковчук Т.И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. М, 2006.
- Яницкий М.С. Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики. / Учебное пособие. Кемерово, 1999.

- Я верую в разум. Народники революционеры об атеизме и религии. Л., 1989.
- Al-Issa I., Tousignant M. (Eds). *Ethnicity, Immigration and Psychopathology*. N. Y., 1997.
- Alland A. *Adaptation in Cultural Evolution*. N. Y. 1970.
- Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. 1966.
- Berry J.W. *Human ecology and cognitive style: Comparative studies in cultural and psychological adaptation*. London, 1976.
- Berry J.W. *Immigration, acculturation and adaptation //Applied Psychology: An international review*. 1997. V. 46, N 1. P. 5–34.
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R. *Cross-cultural Psychology: Research and Applications*. Cambridge, 1992.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. Richard Nice (tr.). Sage Publications, London. (1977 [1970]).
- Brewer M. *The social self: On being the same and different at the same time// Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991. P. 475–482.
- Castro V. S. *Acculturation and Psychological Adaptation (International Contributions in Psychology)*. Kindle Edition, 2003.
- Erikson E. *Identity. Youth and Crisis*. N. Y. 1968.
- Furnham A., Bochner S. *Culture shock. Psychological Reactions to Unfamiliar Environments*. London; N. Y., 1986.
- Furnham A., Okamura R. *Your money or your life: behavioral and emotional predictors of money pathology // Human relations*. 1999. Vol. 52. № 9. Sept. P. 1157–1177.
- Lenski G., Lenski J. *Human Societies*. N. Y., 1982.
- Georgas J., Papastilianou D. *Acculturation and ethnic identity: The remigration of ethnic Greeks to Greece // H. Grad, A. Blanco, J. Georgas (Eds.), Key issues in cross-cultural psychology*. Lisse, Netherlands, 1998. P. 114–127.
- Gieertz C. *Agricultural Involution: The Process of Ecological Change in Indonesia*. Berkeley, 1963.
- Goldberg H., Lewis R. T. *Money madness: the psychology of saving, spending, loving, and hating money*. N. Y., 1978.
- Graves T.D. *Psychological acculturation in a tri-ethnic community // South-Western Journal of Anthropology*. 1967. V. 23. P. 337–350.
- Hartmann H. *Ego Psychology and the Problem of Adaptation*. N.Y., 1958. P. 24.
- Herskovits M.J. *Les bases de l'anthropologie culturelle*. 1967.
- Honigman J.J. *Culture and Personality*. N.Y., 1954.
- Hsu F. L. K. *Psychological Anthropology*. Homewood, III. 1961.
- Kalin R.? Berry J.W. *Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys//Canadian Ethnic Studies*, 1995. V. 27. P. 1–15.
- Kim Y.Y., Gudykunst W. B. *Cross-Cultural adaptation: Current approaches*. Newbury Park, CA: Sage, 1988.
- Morgan D.W., Edwards A.C., Faulkner L.R. *The adaptation to prison by individuals with schizophrenia // Bull. Am. Acad. Psychiatry Law*. 1993. V. 21, N 4. P. 427–433.
- Philips L. *Human Adaptation and His failures*. Academic Press, N., London, 1968.
- Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. (1936) *Memorandum for the Study of Acculturation*. *American Anthropologist*. 1936. Vol. 38, N. 1. P. 149–152.
- Sahlins M. *Culture and environment: The study of cultural ecology // Horizons of Anthropology / Tax S. (ed.). L.; Chicago, 1965*.
- Sahlins M. *Evolution: specific and general // Theory in anthropology/ Manners R., Paplan D. (eds.). Chicago, 1968*.
- Sahlins M., Service E. *Evolution and Culture*. University of Michigan Press, 1960.

Schwartz S.H. Universala in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25.

Schwartz S.H., Sagiv L. Identifying culture specifics in the content and structure of values // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1995. Vol. 26(1). P. 92–116.

Scutnall-Kangas T. *Bilingualism or not: The Education of Minorities*. L., 1984.

Schwartz S. H. Mapping and interpreting cultural differences around the world // *Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / H. Vinken, J. Soeters, & P Ester (Eds.). – Leiden, the Netherlands, 2003 (Перевод В.Н. Карандашева).

Steward J. *Theory of Cultural Change: The methodology of Multilinear Evolution*. Urbana, 1955.

Tajfel H. (Ed). *Differentiation between Social Groups*. London, 1978.

Trends Shaping Education. 2008. Edition. Center for Educational Research and Innovation (CERI). OECD. 2009. № 1.

Young K.S., Rodgers R.C. International addiction: Personality traits associated with its development // Paper presented at the 69th annual meeting of the Eastern Psychological Association, 1998. // www.netaddiction.com/articles/personalitycorrelates.htm.

Научное издание

Абрамова Мария Алексеевна
Гончарова Галина Савитовна
Костюк Всеволод Григорьевич

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
МОЛОДЕЖИ СЕВЕРА
К УСЛОВИЯМ СОВРЕМЕННЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

(на материалах исследований в Республике Саха (Якутия))

Корректор *Н.А. Лившиц*

Дизайн и верстка *Н.В. Черепановой*

Подписано к печати 20.08.2011. Формат бумаги 70×100¹/₆.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman CYR, Verdana.
Усл. печ. л. 24,00. Уч.-изд. л. 20. Тираж 300 экз. Заказ № 0820.
Отпечатано в типографии ООО «Параллель».
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98.